

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
2024 Том 15 № 1**

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС. 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Денисенко Владимир

Никифорович, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Новоспасская Наталья

Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарва-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синякин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Индексируется в РИНЦ Научной электронной библиотеки, Scopus, DOAJ, Google Scholar, WorldCat.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 05.09.08 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Электронный адрес: semioticj@rudn

Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов О.Н. Колышева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 10.03.2024. Выход в свет 25.03.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 26,60. Тираж 500 экз. Заказ № 20. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2024 VOLUME 15 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Founded in 2010

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

---

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Ju Yunsheng, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexing: Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory.

Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aim and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

English Text Editor *O.N. Kolysheva*

Computer Design: *I.A. Chernova*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University),

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕННАДИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ МЕЛЬНИКОВ: К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

- Рыбаков М.А. (Москва, Российская Федерация).** Значение и смысл падежной формы в системно-лингвистической перспективе 10
- Валентинова О.И. (Москва, Российская Федерация).** Взаимосвязь субстанции, структуры и функции в текстах высокой степени системности..... 22
- Бубнова Н.А. (Москва, Российская Федерация).** Механизмы понимания: теория мнемых Н.А. Рубакина 38

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Шестак Л.А. (Волгоград, Российская Федерация).** Образы: когнитивный механизм, поэтика, семиосфера..... 51
- Bruffaerts N.S. (Brussels, Belgium), Moskvitcheva S.A. (Moscow, Russian Federation).** Bakhtin's Philosophical Anthropology in Translation: Rhetoric Devices and Text Cohesion (Философская антропология М.М. Бахтина в переводе: риторические приемы и текстовая когезия)..... 64
- Mudrovskaya A. (Karaganda, Republic of Kazakhstan), Temirgazina Z. (Pavlodar, Republic of Kazakhstan), Aselderova R. (Makhachkala, Russian Federation).** Ugliness as a Prototype Category: Cognitive-and-Semantic Analysis (Уродство как прототипическая категория: когнитивно-семантический анализ) 78
- Strelchuk E.N., Lepkova A.S. (Moscow, Russian Federation).** Conceptualization of the Notion of FREEDOM in the Worldview of Foreign Students of Journalism (Концептуализация понятия «свобода» в картине мира иностранных студентов-журналистов)..... 92
- Токраева Л., Kuzembayeva G. (Aktobe, Republic of Kazakhstan), Spulber D. (Moscow, Russian Federation; Genoa, Italy).** A Comparative Lexical and Phraseological Analysis of Kazakh, Russian and English Children's Folklore (Сравнительный лексико-фразеологический анализ казахского, русского и английского детского фольклора)..... 107
- Труфанова И.В. (Москва, Российская Федерация).** Типы синестезии в повести Б. Пастернака «Детство Люверс»..... 126
- Асратян З.Д. (Москва, Российская Федерация).** Текст, дискурс, диктема, языковая личность как базовые понятия лингвистики текста 138
- Чичина М.О. (Москва, Российская Федерация).** Сопоставительный анализ контекстов употребления лексем *мир* / *миръ* / *мир* и их переводов на испанский язык 152

ДИСКУРСИВНЫЕ И КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Беляков М.В. (Москва, Российская Федерация), Максименко О.И. (Мытищи, Российская Федерация).** Проблема семантических сдвигов в современном русском языке: корпусное исследование на примере новостного медиадискаурса..... 174

Gorozhanov A.I., Guseynova I.A. (Moscow, Russian Federation), Stepanova D.V. (Minsk, Belarus). Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research (Обработка естественного языка и художественный текст: база для корпусного исследования).....	195
Чулкина Н.Л., Макашова В.В. (Москва, Российская Федерация). Визуальные метафоры в педагогическом дискурсе.....	211
Жунусова Ж.Н., Нугуманова А.Н. (Астана, Республика Казахстан), Волкова Я.А. (Москва, Российская Федерация). Фразеологизмы с оценочным компонентом в публичной речи современных политиков.....	232
Dugalich N.M., Han Hao (Moscow, Russian Federation). Certainty Stance Adverbs in Chinese Linguistic Academic Writing: A Corpus-based Study (Наречия с семантикой уверенности в академическом письме китайцев-лингвистов: корпусное исследование)	248
Разумовская В.А. (Красноярск, Российская Федерация). «Сверхтекст» как форма существования «сильного» художественного текста	262
Вавичкина Т.А., Степанян К.Н., Власова Ю.Е. (Москва, Российская Федерация). Морфологические способы образования дериватов отыменного происхождения при вторичном корнеобразовании в современном арабском литературном языке.....	276
Степанова Е.С. (Самара, Российская Федерация). Семантика мифа о рождении как культурный код.....	292

CONTENTS

GENNADY PROKOPIEVICH MELNIKOV: TO THE 95TH ANNIVERSARY

- Rybakov M.A. (Moscow, Russian Federation).** Meaning and Sense of the Case Form in the Systemic-Linguistic Perspective 10
- Valentinova O.I. (Moscow, Russian Federation).** The Interconnection of Substance, Structure and Function in High Systemicity Texts 22
- Bubnova N.A. (Moscow, Russian Federation).** Mechanisms of Understanding: Nikolay A. Rubakin's Mnema Theory 38

COGNITIVE STUDIES

- Shestak L.A. (Volgograd, Russian Federation).** Images: Cognitive Mechanism, Poetics, Semiosphere 51
- Bruffaerts N.S. (Brussels, Belgium), Moskvitcheva S.A. (Moscow, Russian Federation).** Bakhtin's Philosophical Anthropology in Translation: Ritoric Devices and Text Cohesion 64
- Mudrovskaya A. (Karaganda, Republic of Kazakhstan), Temirgazina Z. (Pavlodar, Republic of Kazakhstan), Aselderova R. (Makhachkala, Russian Federation).** Ugliness as a Prototype Category: Cognitive-and-Semantic Analysis 78
- Strelchuk E.N., Lepkova A.S. (Moscow, Russian Federation).** Conceptualization of the Notion of FREEDOM in the Worldview of Foreign Students of Journalism 92
- Tokpayeva L., Kuzembayeva G. (Aktobe, Republic of Kazakhstan), Spulber D. (Moscow, Russian Federation; Genoa, Italy).** A Comparative Lexical and Phraseological Analysis of Kazakh, Russian and English Children's Folklore 107
- Trufanova I.V. (Moscow, Russian Federation).** Types of Synesthesia in B. Pasternak's Story "Childhood Lovers" ("Childhood Eyelets") 126
- Asratyan Z.D. (Moscow, Russian Federation).** Text, Discourse, Dicteme, Language Personality as Basic Concepts of Text Linguistics 138
- Chichina M.O. (Moscow, Russian Federation).** Comparative Analysis of Usage Contexts of Lexemes *мир* / *миръ* / *мир* and their Translations into Spanish 152

DISCOURSE & CORPUS STUDIES

- Belyakov M.V. (Moscow, Russian Federation), Maksimenko O.I. (Mytishchi, Russian Federation).** The Problem of Semantic Shift in Modern Russian: Corpus Research on the Example of a News Media Discourse 174
- Gorozhanov A.I., Guseynova I.A. (Moscow, Russian Federation), Stepanova D.V. (Minsk, Belarus).** Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research 195
- Chulкина N.L., Makashova V.V. (Moscow, Russian Federation).** Visual Metaphors in Pedagogical Discourse 211

Zhunussova Zh.N., Nugumanova A.N. (Astana, Republic of Kazakhstan), Volkova Ya.A. (Moscow, Russian Federation). Phraseological Units with an Evaluative Component in Public Speech of Modern Politicians	232
Dugalich N.M., Han Hao (Moscow, Russian Federation). Certainty Stance Adverbs in Chinese Linguistic Academic Writing: A Corpus-based Study	248
Razumovskaya V.A. (Krasnoyarsk, Russian Federation). “Supertext” as a Form of a “Strong” Fiction Text Existence.....	262
Vavichkina T.A., Stepanyan K.N., Vlasova Yu.E. (Moscow, Russian Federation). Morphological Methods of Noun-Origin Derivatives Creation in Secondary Root Formation in the Modern Standard Arabic Language.....	276
Stepanova E.S. (Samara, Russian Federation). Semantics of the Birth Myth as a Cultural Code	292

ГЕННАДИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ МЕЛЬНИКОВ: К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

GENNADY PROKOPIEVICH MELNIKOV: TO THE 95TH ANNIVERSARY

Геннадий Прокопьевич
МЕЛЬНИКОВ
(1928–2000)

Источник: архив кафедры общего и русского языкознания РУДН

Source: archive of the General and Russian Linguistics Department, RUDN University

22 августа 2023 г. исполнилось 95 лет со дня рождения Геннадия Прокопьевича Мельникова — профессора кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, основателя восходящей к идеям В. фон Гумбольдта, И.И. Срезневского, А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртенэ современной системной лингвистики, создателя системной типологии языков, синтезирующей морфологическую и стадиальную классификации на основе представления о внутренней форме языка, определяемой внешними условиями жизни языкового коллектива. Несмотря на глобальность и глубину решаемых Г.П. Мельниковым задач, универсальность разрабатываемой им методологии, основывающейся на теории больших систем, его учение, требующее больших усилий для понимания, и сегодня остается малоизвестным для широкой научной аудитории. Между тем объяснительные возможности системной модели Г.П. Мельникова, как модели универсальной, раскрываются в самых разных сферах не только языковедения, но и филологии. Обсуждению этих возможностей посвящены статьи ученых кафедр.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-10-21

EDN: CDWGMK

УДК 81'366.54

Научная статья / Research article

Значение и смысл падежной формы в системно-лингвистической перспективе

М.А. Рыбаков

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

rybakov-ma@rudn.ru

Аннотация. Вопрос о соотношении значения и смысла неоднократно становился предметом лингвистических и философских дискуссий как по причине различия концептуальных подходов, так и в результате типичного для истории науки синонимичного употребления терминов в одних трудах и дифференцированного в других. Системная лингвистика обратила внимание на точность лингвистической терминологии и ценность именно дифференцированного использования синонимичных терминов. Актуальность предпринятого исследования определяется значимостью указанной проблемы для дальнейшего развития теории языка, семиотики и семантики. Проблема значения и смысла применительно к знаку вообще обсуждалась в трудах Г. Фреге и представителей аналитической философии XX в. (Р. Карнап, Г. Райл, У. Куайн). Вопрос о значении знака как элемента языковой (или любой иной знаковой) системы, впервые выдвинутый на первый план Ф. де Соссюром, был предметом активного обсуждения в отечественной лингвистике — в XIX в. в трудах А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, в XX в. — В.А. Звегинцева, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, В.М. Солнцева, Ю.С. Степанова. По отношению к грамматике проблема значения и смысла ставилась значительно реже, ее подробный анализ имеется в системной лингвистике Г.П. Мельникова и функциональной грамматике А.В. Бондарко. Цель данного исследования состоит в изучении возможностей использования терминов «значение» и «смысл», последовательно разграниченных в системной лингвистике относительно языкового знака, для частного случая — анализа семантики падежных форм как специфического типа грамматических знаков.

Ключевые слова: грамматическое значение, падеж, общее языкознание, семантика, системная лингвистика, смысл, языковой знак

История статьи:

Дата поступления: 15.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Рыбаков М.А. Значение и смысл падежной формы в системно-лингвистической перспективе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 10–21. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-10-21>

© Рыбаков М.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Meaning and Sense of the Case Form in the Systemic-Linguistic Perspective

Mikhail A. Rybakov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ rybakov-ma@rudn.ru

Abstract. The question of the relationship between meaning and sense has repeatedly become the subject of both — linguistic and philosophical discussions, because of the difference in conceptual approaches, and as a typical in the history of science result of the synonymous use of these terms in some works and differentiated use in others. The systemic linguistics has drawn attention to the accuracy of linguistic terminology and the value of precisely differentiated use of synonymous terms. The relevance of the undertaken study is determined by the significance of this problem for the further development of the linguistic theory, semiotics, and semantics. The problem of meaning and sense in relation to the sign was generally discussed in the works of G. Frege and representatives of the analytical philosophy of the 20th century (R. Carnap, G. Ryle, W. Quine). The issue of the meaning of a sign as an element of a linguistic (or any other semiotic) system was firstly brought to the fore by F. de Saussure. It was the subject of active discussion in Russian linguistics — in the 19th century in the works of A.A. Potebnya, I.A. Baudouin de Courtenay, in the 20th century — in the works of V.A. Zvegintsev, A.F. Losev, Ju.M. Lotman, V.M. Solntsev, Ju.S. Stepanov. In relation to grammar, the issue of meaning and sense was posed much less frequently; its detailed analysis is available in the systemic linguistics of G.P. Melnikov, and the functional grammar of A.V. Bondarko. The purpose is to study the possibilities of using the terms “meaning” and “sense”, consistently distinguished in systemic linguistics referring to the linguistic sign, for a particular case — the analysis of the semantics of case forms as a specific type of grammatical signs.

Keywords: grammatical meaning, case, general linguistics, semantics, systemic linguistics, sense, linguistic sign

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Rybakov, M.A. (2024). Meaning and Sense of the Case Form in the Systemic-Linguistic Perspective. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 10–21. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-10-21>

Введение

Проблема разграничения значения и смысла языковых единиц не была центральной для традиционной лингвистики. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие статьи «Смысл» в основных энциклопедических словарях по лингвистике — «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М., 1990) и «Русский язык. Энциклопедия» (М., 1997), при этом смысл упоминается в статьях «Понятие», «Семантика», «Сигнификат», «Функциональная грамматика», «Язык», «Языкознание». В то же время указанная проблема находилась в центре внимания системно-лингвистических теорий языка, выдвинутых В. фон Гумбольдтом, А.А. Потебнёй и Г.П. Мельниковым. Создатели названных

теорий стремились показать, что четкое разграничение указанных терминов позволит решить многие спорные вопросы, касающиеся соотношения языка и мышления, языка и речи, субстанции и структуры в семантике.

Актуальность вопроса о соотношении значения и смысла языковых знаков различных типов и уровней обусловлена потребностью современной лингвистической семантики в использовании инструментов, позволяющих адекватно представить различие между языком как виртуальной системой потенциально известных и понятных знаков и текстом как реальной системой употребляемых и понимаемых знаков. Такое разграничение должно помочь уточнить научные представления о соотношении языковой и речевой семантики и выработать методы лингвистического анализа, позволяющие выявлять условия эффективности использования речевых знаков при указании на мыслительный образ внеязыковой действительности, подлежащий трансляции в речевом акте.

Проблема соотношения значения и смысла затрагивалась в трудах по общему языкознанию С.Д. Кацнельсона [1], Ю.С. Степанова [2], работах по лексикологии и семантике В.В. Виноградова [3], В.Г. Гака [4], Н.Г. Комлева [5]. Чаще всего лексическое значение слова сопоставляется с понятием как его языковое содержание с логическим (мыслительным) содержанием, а грамматическое — с более общими понятийными категориями, такими как предметность, качество, количество, процессуальность. Широко распространенным является понимание лексического значения как продукта мыслительной деятельности человека, тесно связанного с такими ее видами, как сравнение, классификация, обобщение [6. С. 261]. Исследование проблемы значения и смысла в грамматике на основе анализа общелингвистических трудов по этому вопросу было предпринято в монографии А.В. Бондарко [7].

В философском контексте проблема смысла и значения была впервые отчетливо сформулирована в работе Г. Фреге «Über Sinn und Bedeutung» (1892) (русский перевод [8]), однако смысл в ней рассматривается как объект самой действительности, а не ментальная сущность. Указанная работа оказала значительное влияние на такие философские направления как логический позитивизм (Б. Рассел, Р. Карнап) и аналитическую философию (Л. фон Витгенштейн), хорошо известна в лингвистике и семиотике, но не является основополагающей для лингвистической семантики, так как не решает вопрос о семантической субстанции языка. Здесь можно также отметить, что выдвинутое Г. Фреге разграничение получило в лингвистической семантике иное толкование — как разграничение сигнификативного и денотативного типов значений. В целом для основных направлений европейской философской мысли характерно увязывание смысла с понятиями ценности и значимости, и сам смысл выступает не только как атрибут знаков, но также вещей и явлений. Философская теория смысла получила специальное освещение в недавно вышедшей монографии [9].

Цель данной статьи состоит в исследовании возможностей использования терминов «значение» и «смысл», последовательно разграниченных в системной лингвистике относительно языкового знака, для частного случая — анализа семантики падежных форм как специфического типа грамматических знаков. Поставленная цель требует, во-первых, обоснования уместности использования указанных терминов не только в лексикологии, но и в грамматике, а, во-вторых, специализации общих понятий грамматической семантики применительно к категории падежа. Многогранность поставленной проблемы предполагает возможность ее более детального рассмотрения как в рамках других лингвистических теорий, так и на материале других категорий языка, однако, это было бы задачей явно выходящей за рамки одной статьи.

Значение и смысл языкового знака

Хотя В. фон Гумбольдт не формулирует специально определения значения и смысла, внимательное прочтение трудов основателя научного языкознания показывает значимость этого различия для его теории языка. В этом отношении наиболее показательными представляются следующие тезисы: «слово не просто вызывает в слушателе соответствующее значение <...>, но непосредственно предстает перед слушателем в своей форме как часть бесконечного целого, языка» [10. С. 78]; «как правило, слово получает свой полный смысл только внутри сочетания, в котором оно выступает» [10. С. 168]. Тем самым ученый трактует значение как уже имеющуюся в психике слушателя и возбуждаемую в речевом акте ментальную единицу, а смысл – как контекстно обусловленное, актуальное для конкретного высказывания мыслительное представление, выражаемое говорящим. Здесь можно добавить, что В. фон Гумбольдт рассматривает слово не как знак («отпечаток») предмета самого по себе, но как его образ в мышлении человека [10. С. 80]; значение в понимании В. фон Гумбольдта не является всеобщим и неизменным, а обладает индивидуальной спецификой, характерной для внутреннего мира отдельного индивидуума, по отношению к представлению о содержании того же слова у других говорящих на этом же языке, и вместе с тем — национальной спецификой, характерной для говорящего коллектива, по отношению к похожим значениям других языков.

Разъясняя сущность акта коммуникации и опираясь на размышления В. Гумбольдта о синтетической деятельности языка, А.А. Потебня характеризует значение как смысл, общий для говорящего и слушающего, смысл, не ограниченный индивидуальным мышлением: «Слово одинаково принадлежит и говорящему, и слушающему, а потому значение его состоит не в том, что оно имеет определенный смысл для говорящего, а в том, что оно способно иметь смысл вообще» [11. С. 162]. Если у Г. Фреге рассматриваемые понятия разграничены как различные типы референции, то здесь они разграничиваются как различные степени коммуникативной общности содержания языкового знака.

И.А. Бодуэн де Куртенэ, анализируя лингвистические идеи Н.В. Крушевского, указывает на его заслугу, состоящую в подчеркивании различия генетического и индивидуального значения слова [12. С. 157], отмечает, что оно придается слову непрерывностью ассоциаций представлений [12. С. 179] и диалектически характеризует его как «элемент морфологически-семасиологический» [12. С. 182].

Опираясь на идеи указанных здесь основателей системного учения о языке, Г.П. Мельников дает следующее определение значения — «коммуникативно ориентированная абстракция, связанная с языковым знаком непосредственно и образующая вместе с этим знаком и связью монему языка» [13. С. 33], тем самым включая его в систему языка (как одну из сторон монемы) и в систему языкового мышления (как абстракцию, но не любую, а «коммуникативно ориентированную»). В этой же работе указывается на связь значения с действительностью, его структурированность и мотивированность: «значение, являясь, хотя и абстрактным, но все-таки образом объектов внешнего мира, имеет структуру, мотивированную внешним миром» [13. С. 28], а в другой публикации подчеркнуто, что значение должно быть отнесено к числу собственно языковых единиц, так как «его происхождение и использование связано только с потребностью в коммуникации с помощью знаков» [14. С. 233]. Таким образом, в [13] значение определено как один из типов означаемого языкового знака в отношении к понятию — структурной модели класса образов внешней действительности. Связь значения с отражением действительности можно представить таким образом: объект внешнего мира → его конкретный образ → класс образов → абстрактный образ (=структурная модель) класса (понятие) → понятие, непосредственно ассоциированное с означающим (значение). В [14] значение рассматривается по отношению к речи и взаимодействию коммуникантов в виде следующей динамической структуры: образ внешнего мира у говорящего = смысл передаваемого сообщения → значения как интегральная часть сознаний коммуникантов → смысл, возникающий у адресата под воздействием языковых значений. В обоих аспектах (коммуникативном и когнитивном) значение, с точки зрения системной лингвистики, оказывается собственно языковым, то есть социализированным психическим явлением, зависящим от детерминанты языка как системы, обеспечивающей коммуникативную деятельность человека.

Согласно системной теории языка и мышления «психические единицы, обеспечивающие мышление, имеют образную природу, то есть обладают многими характеристиками, аналогичными, подобными и сходными с объектами внешнего мира» [15, С. 227], то есть понятия, значения и смыслы являются психическими образами, тесно связанными друг с другом, но отличающимися по своим функциям.

По отношению к смыслу Г.П. Мельников определяет значение как ассоциированную со знаком абстракцию, «вариант, который сохраняется при

обозначении любого смысла с помощью данного знака» [16. С. 224] и абстрактный образ коммуникативно выделенного класса мыслительных единиц [16. С. 272]. При этом смысл понимается как мыслимое содержание конкретного речевого знака в определенной ситуации, как внеязыковой мыслительный образ, а значение — как узуальный, общеизвестный и закрепленный в социальной коммуникации смысл знака: оно «во всех случаях инвариантно, обязательно, узуально и, таким образом, надситуативно» [17. С. 18–19]. «Смысл знака в любом акте коммуникации — величина вариативная,okkaзиональная, нередко абсолютно уникальная, представленная лишь в единственном случае употребления данного знака в данном смысле» [17. С. 19]. Таким образом, значение выступает как «общеизвестное языковое средство намека на смысл, и поэтому у него может быть не один узуальный, т. е. общеизвестный смысл и, тем более, — не одинokkaзиональный, мотивированный лишь контекстом» [18. С. 20–21], то есть входит в язык как знаковую систему и в языковое мышление как его семантическую подсистему, а смысл характеризуется как «участок бесформенной массы» мыслей в конкретном акте речевой деятельности [19. С. 8], то есть находится уже за рамками языка как социализированной в результате многочисленных актов коммуникации системы знаков.

Об актуальности проблемы анализа коммуникации как феномена одновременно и психического, и социального, принципы которого наиболее четко сформулированы в системной теории языка, свидетельствуют современные психолингвистические и лингвопрагматические исследования в этой области: в частности, П.А. Щербо обращает внимание на то, что различным психологическим состояниям, выделяемым в рамках теории транзакционного анализа, «должен соответствовать определенный набор языковых средств, составляющих специфику идиолекта на вербальном уровне — для достижения максимального эффекта от коммуникации» [20. С. 84].

Значение и смысл грамматической формы

В лингвистике понимание грамматической формы как знака восходит к идеям Московской фортунатовской школы («звуковое выражение формального значения в слове называется его формой» [21. С. 69]) и является широко известным. Таково, например, ее определение в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «языковой знак, в котором грамматическое значение находит свое регулярное (стандартное) выражение» [22. С. 116]. Следовательно, семантической стороной грамматической формы в языке будет выступать грамматическое значение, а в речи — грамматический смысл. При этом первый термин встречается в лингвистической литературе широко, а второй — значительно реже. Предметом специального исследования данная оппозиция стала в монографии А.В. Бондарко, который рассмотрел историю вопроса о языковом содержании в отечественной грамматической традиции [7. С. 7–35], проанализировал взгляды Г.П. Мельникова на разграничение

значения и смысла относительно языка и мышления, языковой системы и речевой коммуникации на основе его системной теории языкового знака [7. С. 37–39] и сформулировал данную оппозицию через противопоставление понятийных категорий (смысл) и языковых семантических функций (значение) [7. С. 72–94].

В современной системной лингвистике грамматические значения определяются как специализированные исключительно для пояснения темной или ремной функции ономатических значений [23. С. 17–18]. При этом «грамматические значения могут выступать либо в «чистом виде», если они представлены специализированными морфемами («чисто реляционными»), либо «флексионно», если некоторая морфема представляет одновременно не только единицу грамматического значения, но и единицу «ономатического» (деривационно-реляционные морфемы)» [23, С. 18]. Как отметил А.Ф. Дремов, «Г.П. Мельников разграничивает значение (семантику морфемы) и смысл (семантику формы в контексте); иными словами, инвариантное значение морфемы, связанное с ней ассоциацией по смежности, может быть ассоциировано по сходству с единицами внеязыкового сознания, или смыслами, и обслуживать таким образом достаточно широкое поле актуальных смыслов» [24. С. 63].

Значение и смысл падежной формы

Наиболее общее значение падежной грамматической формы в системной лингвистике определяется как ее «коммуникативное ампула» [25. С. 70], в соответствии с которым эти формы делятся на «притемные» и «приремные», то есть синтаксически зависимые от темы или ремы — главных компонентов коммуникативной структуры высказывания. Выполнение различных специализированных темных и ремных функций составляет грамматическое значение падежа. В конкретных речевых контекстах одна и та же падежная форма может обладать различными смыслами, которые составляют семантическое поле — «комплекс смыслов падежной формы, ассоциированный с ее инвариантным значением, и обычно рассматриваемый сторонниками неинвариантной семантики падежной формы в качестве набора самостоятельных значений самого падежа» [24. С. 63–64]. Идеи статьи Г.П. Мельникова [25], несмотря на перспективность выдвинутого в ней подхода к анализу падежа, в отношении конкретных языков использовались крайне редко — здесь можно отметить только работы по тюркским языкам М.Э. Дубровиной [26–28] и публикации А.Ф. Дрёмова, посвященные падежу в русском языке. А.Ф. Дрёмов, в частности, показал, что различные «значения» творительного падежа — объекта (*запасаться одеждой*), инструмента (*ударить вожжами*), материала (*красить охрой*), образа действия (*наваливать грудами*), сравнения (*висели тонким кружевом*) — являются контекстными смыслами, которые объединяются общим языковым значением формы этого падежа — ‘выявитель

глагольного признака' [24. С. 62], которое служит единой внутренней формой, узуальным средством намека на все перечисленные смыслы, то есть по отношению к смыслам выступает только как знак, указывающий на второстепенную приремную роль имени в коммуникативной структуре высказывания, но не как сам по себе логический, точнее, внеязыковой смысл, падежной формы. Смысл же лежит за пределами языка и тесно связан с объективными свойствами именуемых инструментов, материалов, субъектов.

Соотношение значение и смысла можно рассмотреть не только в направлении от формы к функциям, как показано выше, но и через сопоставление различных способов языковой репрезентации одной и той же ситуации. Рассмотрим примеры, данные в статье [29. С. 65]: (1) *Мать наполняет чайник*; (2) *Вода наполняет чайник*; (3) *Мать наполняет чайник водой*. В примере (2) вода выступает в роли подлежащего, имеет форму именительного падежа и, можно предположить, что выполняет функцию субъекта-агенса. При этом лексическое значение этой словоформы, то есть наши знания о мире подсказывают, что вода не может быть сознательным инициатором действия, однако указанное понимание относится к смыслу словоформы. Что же касается значения, то именительный падеж является типичным выразителем темы в актуальном членении высказывании, и это значение темы в данном высказывании реализовано. Возникает вопрос — для чего языку нужны формы с таким широким кругом значения, какой имеется в русском языке у именительного, творительного и любого другого падежа? Системная лингвистика отвечает на этот вопрос, показывая, что естественный человеческий язык — это не жесткое логическое исчисление, основанное на однозначных символах, а коммуникативная знаковая система, которая дает возможность говорящему различным способом сфокусировать внимание адресата на различных гранях одной и той же ситуации в зависимости от целей конкретного сообщения и представить ее с различной степенью детализации. Так, в примере (3) вода представлена в типичной для нее роли средства через значение приглагольного признака. Такая гибкость позволяет языку представить как типичные, так и нетипичные ситуации, добавим такой пример: (4) *Вода сильным потоком наполняет улицы*. В этом примере вода уже выступает в качестве инициатора события, стихийной силы, самостоятельно совершающей действие, и ее выступление в роли подлежащего представляется более логичным, но и здесь возможны синтаксические трансформации: (5) *Сильный поток наполняет улицы водой*; (6) *Улицы наполняются водой*.

В результате этих трансформаций образуются вовсе не синонимы поверхностного уровня языка, отражающие один и тот же глубинный уровень языковой структуры, а различные коммуникативные структуры, выражающие один и тот же внеязыковой смысл, но для разных коммуникативных задач и при помощи узуальных смыслов, то есть смыслов, закрепленных в языке в качестве значений. Падежные формы выступают как активное средство

формирования образа ситуации. Роль образа в семантической структуре знака для всех стилей речи раскрывается в работах основоположника современной системной лингвистики [13; 14; 16; 19; 30] и его последователей [31–34].

Заключение

Разграничение значения и смысла, предлагаемое в системной лингвистике, дает возможность в четких терминах решить задачу различения мыслительных единиц, используемых как в индивидуальном познании внешнего мира, так при коммуникативном взаимодействии, и единиц языковых (семантических), функция которых как раз и состоит в обеспечении коммуникации. Указанное различие касается не только лексического значения и смысла, но в равной мере и грамматического значения и смысла (в системной лингвистике также называемого служебным), в том числе и таких абстрактных служебных категорий, к каким относится падеж. Использование идей системной лингвистики в области грамматики позволяет избежать формально-логического подхода к грамматическим категориям и показать их коммуникативную природу, необходимо присутствующую в любом языковом явлении. Системное истолкование соотношения значения и смысла падежной формы позволяет объяснить как источник сужения и расширения функций падежной формы в диахронии, так и различное количество функций, выражаемых падежной формой, имеющей одинаковое название, в разных языках.

Библиографический список

1. *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: Наука, 1965.
2. *Степанов Ю.С.* Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
3. *Виноградов В.В.* Избранные труды Т. 3. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
4. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.
5. *Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М.: КомКнига, 2006.
6. *Гак В.Г.* Лексическое значение слова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
7. *Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978.
8. *Фреге Г.* Смысл и значение // Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997.
9. *Кравец А.С.* Философская теория смысла. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022.
10. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
11. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
12. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
13. *Мельников Г.П.* Типы означаемых языкового знака и детерминанта языка // Проблемы семантики. М.: Наука, 1974. С. 25–34.
14. *Мельников Г.П.* Язык и речь с позиций системной лингвистики // Язык и речь. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 201–243.
15. *Бахтиреева У.М., Валентинова О.И.* Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>
16. *Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Советское радио, 1978.

17. Мельников Г.П., Мурашевский Т.В. Системные методы в информатике и научно-информационной деятельности // Теория и практика научно-технической информации (системные методы в информатике и информационной практике): Материалы семинара. М.: Московский дом научно-технической пропаганды, 1973. С. 3–19.
18. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. М.: РУДН, 2000.
19. Мельников Г.П. Семантика и проблемы тюркологии // Советская тюркология. 1971. № 6. С. 3–16.
20. Щербо П.А. Проектирование структуры коммуникации и идиолекта политика методом трансакций // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2023. № 48. С. 83–87.
21. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч.1. Фонетика и морфология. М.: Учпедгиз, 1945.
22. Лопатин В.В. Грамматическая форма // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 116.
23. Мельников Г.П. Природа грамматических значений с позиций системной лингвистики // Семасиология и грамматика: Краткие тезисы докладов и сообщений научной конференции языковедов Центрально-Черноземной зоны. Тамбов: ТГПИ, 1977. С. 16–18.
24. Дрёмов А.Ф. Функционально-коммуникативный подход к методике выявления падежного значения // Синтаксис и стилистика: функциональный аспект. М.: УДН, 1982. С. 44–55.
25. Мельников Г.П. К проблеме критериев разграничения литературных, разговорных и просторечных форм (на материале русских падежей) // Социально-лингвистические исследования. М.: Наука, 1976. С. 69–79.
26. Дубровина М.Э. Эволюция тюркской категории склонения в контексте системной лингвистики (на материале языка древнетюркских рунических памятников) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2013. № 1. С. 10–17.
27. Дубровина М.Э. О тюркских падежах с сопроводительной семантикой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 4. С. 166–170.
28. Дубровина М.Э. О причинах «опущения» родительного падежа в тюркских языках // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Труды и материалы международной конференции. Казань, 2016. С. 126–132.
29. Мельников Г.П., Дрёмов А.Ф. Уровни связности текста, актуальная предикация и падеж с позиций системной лингвистики // Коммуникативный синтаксис. Сб. научных трудов. М.: УДН, 1984. С. 49–70.
30. Мельников Г.П. Коммуникативный ракурс – основа семантического и грамматического своеобразия языка как изобразительной знаковой системы // Методология лингвистики и аспекты изучения языка. М.: УДН, 1988. С. 11–26.
31. Валентинова О.И. Образное мышление в науке (на материале сочинения В.О. Ключевского «История России») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 48–57. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048>
32. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов // Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: ЯСК, 2016. С. 171–301.
33. Денисенко В.Н., Красина Е.А., Лазарева О.В. Системная типология языков: анализ и синтез в науке о языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 9–18. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-1-9-18>
34. Дрёмов А.Ф. Структура семантики падежной морфемы в свете системных воззрений на природу языкового знака // Русский язык на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской конференции. 26–27 октября 2000 г. Т. 2. СПбГУ, 2001. С. 224–231.

References

1. Kacnel'son, S.D. (1965). *Word content, meaning and designation*. Moscow; Leningrad: Nauka. (In Russ.).
2. Stepanov, Ju.S. (1998). *Language and Method. Toward a Modern Philosophy of Language*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.).
3. Vinogradov, V.V. (1977). *Selected Works*. Vol. 3. *Lexicology and lexicography*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Gak, V.G. (1998). *Language Transformations*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (In Russ.).
5. Komlev, N.G. (2006). *Components of the Content Structure of the Word*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
6. Gak, V.G. (1990). Lexical Meaning of the Word. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaja enciklopedija. (In Russ.).
7. Bondarko, A.V. (1978). *Grammatical Meaning and Sense*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
8. Frege, G. (1997). Meaning and Sense. In: *Selected Works*. Moscow: Dom intellektual'noi knigi. (In Russ.).
9. Kravec, A.S. (2022). *Philosophical Theory of Meaning*. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU. (In Russ.).
10. Humboldt, W. (1984). *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
11. Potebnja, A.A. (1999). *Thought and Language*. Moscow: Labirint. (In Russ.).
12. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). *Selected works on linguistics*. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russ.).
13. Mel'nikov, G.P. (1974). Types of Signifieds of a Linguistic Sign and a Language Determinant. In: *Problems of Semantics*. Moscow: Nauka. pp. 25–34. (In Russ.).
14. Mel'nikov, G.P. (1977). Language and Speech from the Standpoint of Systemic Linguistics. In: *Language and Speech*. Tbilisi: Mecniereba. pp. 201–243. (In Russ.).
15. Bakhtikireeva, U.M. & Valentinova, O.I. "Language Thinking" from the Perspective of Systemic Linguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 26(1), 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149> (In Russ.).
16. Mel'nikov, G.P. (1978). *Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics*. Moscow: Sovetskoe radio. (In Russ.).
17. Mel'nikov, G.P. & Muranivskij, T.V. (1973). Systemic Methods in Informatics and Scientific Information Activity. In: *Theory and practice of scientific and technical information (Systemic methods in informatics and information practice)*. Moscow: Moskovskii dom nauchno-tehnicheskoi propogandy. pp. 3–19. (In Russ.).
18. Mel'nikov, G.P. (2000). *Systemic Typology of Languages: Synthesis of Morphological Classification of Languages with Stadiol*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
19. Mel'nikov, G.P. (1971). Semantics and Problems of Turkology. *Soviet Turkology*, 6, 3–16. (In Russ.).
20. Shcherbo, P.A. (2023). Designing the Structure of Communication and the Idiolect of Politics by the Method of Transactions. *Foreign languages: linguistic and methodological aspects*, 48, 83–87. (In Russ.).
21. Avanesov, R.I. & Sidorov, V.N. (1945). *Essay on the grammar of the Russian literary language. P. I. Phonetics and morphology*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
22. Lopatin, V.V. (1990). Grammatical form. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaja enciklopedija. P. 116. (In Russ.).
23. Mel'nikov, G.P. (1977). The Nature of Grammatical Meanings from the Standpoint of Systemic Linguistics. In: *Semasiology and Grammar. Brief Abstracts of reports and messages of the scientific conference of linguists of the Central Black Earth zone*. Tambov: TGPI. pp. 16–18. (In Russ.).
24. Drjomov, A.F. (1982). Functional and Communicative Approach to the Method of Revealing Case meaning. In: *Syntax and style: Functional aspect*. Moscow: UDN publ. pp. 44–55. (In Russ.).

25. Mel'nikov, G.P. (1976). On the Problem of Criteria for Distinguishing between Literary, Colloquial and Vernacular Forms (based on Russian cases). In: *Socio-linguistic research*. Moscow: Nauka. pp. 69–79. (In Russ.).
26. Dubrovina, M.E. (2013). Evolution of the Turkic Category of Declension in the Context of Systemic Linguistics (based on the language of ancient Turkic runic monuments). *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies*, 1, 10–17. (In Russ.).
27. Dubrovina, M.E. (2009). On Turkic Cases with Comitative Semantics. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 4, 166–170. (In Russ.).
28. Dubrovina, M.E. (2016). On the Reasons for the “Omission” of the Genitive Case in the Turkic languages. In: *Scientific heritage of V.A. Bogoroditsky and the modern vector of research of the Kazan Linguistic School. Proceedings of the international conference*. Kazan. pp. 126–132. (In Russ.).
29. Mel'nikov, G.P. & Drjomov, A.F. (1984). Levels of Text Coherence, Actual Predication and Case from the Point of View of Systemic Linguistics. In: *Communicative Syntax. Collection of scientific papers*. Moscow: UDN publ. pp. 49–70. (In Russ.).
30. Mel'nikov, G.P. (1988). The Communicative Perspective — the Basis of the Semantic and Grammatical Originality of the Language as Pictorial Semiotic System. In: *Methodology of Linguistics and Aspects of Language Learning*. Moscow: UDN publ. pp. 11–26. (In Russ.).
31. Valentinova, O.I. (2022). Figurative Thinking in Science (based on the work of V.O. Klyuchevsky “History of Russia”). *Philological Sciences. Scientific reports of higher education*, 4, 48–57. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048> (In Russ.).
32. Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrazhenskij, S.Ju. & Rybakov, M.A. (2016). A Systemic Approach to the Study of Text and Style: Substantiation of the Causal Typology of Texts. In: *A systemic view as the basis of philological thought*. Moscow: LRC Publ. pp. 171–301. (In Russ.).
33. Denisenko, V.N., Krasina, E.A. & Lazareva, O.V. (2019). Systemic Typology of Languages: Analysis and Synthesis in the Science of Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 9–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-1-9-18>
34. Drjomov, A.F. (2001) The structure of the semantics of the case morpheme in the light of systemic views on the nature of the linguistic sign. In: *Russian language at the turn of the millennium. Materials of the All-Russian Conference. October 26–27, 2000*. Vol. 2. Saint Petersburg. pp. 224–231. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Рыбаков Михаил Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: грамматическая семантика, история языкознания, лингвистическая типология, семиотика; *e-mail*: rybakov-ma@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9444-3889; Scopus Author ID: 57200527717; ResearcherID: D-6900-2019. SPIN-код: 6890-7000, AuthorID: 424382.

Information about the author:

Mikhail A. Rybakov, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: grammatical semantics, history of linguistics, linguistic typology, semiotics; *e-mail*: rybakov-ma@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9444-3889; Scopus Author ID: 57200527717; ResearcherID: D-6900-2019. SPIN-code: 6890-7000, AuthorID: 424382.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-22-37

EDN: CGAZWQ

УДК 81'42

Научная статья / Research article

Взаимосвязь субстанции, структуры и функции в текстах высокой степени системности

О.И. Валентинова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

valentinova-ov@rudn.ru

Аннотация. Цель исследования — установить свойства субстанции текстов, выявить особенности ее взаимосвязи со структурой в общей зависимости от функции, выполняемой текстом в надсистеме, и доказать, что исключение субстанции как важнейшего, но неочевидного для современного состояния науки аспекта системы приводит к неподдающемуся коррекции семиотическому искажению текста. Исследование проводилось на материале текстов разной этиологии, объединенных функционально обусловленной предельной или сверхвысокой степенью согласованности между собой всех уровней. Актуальность работы определяется ее значимостью в разработке системного метода исследования текстов, формировании методологических оснований системной филологии, семиотике культуры. Идеи системной лингвистики, складывавшиеся в трудах В. фон Гумбольдта, А.И. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, И.И. Срезневского, Г.П. Мельникова, и системологии, разрабатываемой философами (К.Ф. Самохваловым, Г.П. Щедровицким) и представителями естественных и точных наук (П.К. Анохиным, В.А. Энгельгардтом, Л.В. Крушинским, Р.О. Бартини) не оказали прямого влияния на системное исследование текстов. Осознание значимости субстанции в понимании высокосистемных текстов начинает формироваться в экзегетике и философии искусства. Филология, помещая в фокус своего интереса главным образом художественные тексты, вносит свой вклад в разработку системного метода с появлением и развитием представлений о доминанте текста (Ю.Н. Тынянов, Р.О. Якобсон), разнозначности его единиц (Я. Мукаржовский), открытием сверхкатегории образа автора (В.В. Виноградов), выявлением приема остраннения (В.Б. Шкловский) и универсализацией остраннения как принципа освоения действительности (В.Б. Шкловский, Л.А. Новиков, М.Л. Новикова). Лежащее в основе этого исследования сравнение свойств субстанции текстов разной природы между собой на фоне свойств субстанции языка позволяет существенно уточнить представление о все еще мало изученной субстанции текста как важнейшем аспекте системы.

Ключевые слова: система, субстанция, структура, функция, текст, системная филология

© Валентинова О.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 15.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Валентинова О.И. Взаимосвязь субстанции, структуры и функции в текстах высокой степени системности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 22–37. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-22-37>

The Interconnection of Substance, Structure and Function in High Systemicity Texts

Olga I. Valentinova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ valentinova-ov@rudn.ru

Abstract. The purpose of the study is to establish the texts substance properties, to identify the features of its relationship with text structure and function and also to prove that the exclusion of substance as the most important, but not obvious for the current state of science, aspect of the system leading to semiotic distortion which cannot be improved. The study was carried out on the material of texts of different etiologies — religious and artistic, united by a functionally determined ultra-high degree of their levels consistency. The relevance of the work is determined by its significance in the development of a systematic method, the formation of the methodological foundations of systemic philology and the semiotics of culture. The systemic linguistics ideas developed in the works of W. von Humboldt, A.A. Potebnya, I.A. Baudouin de Courtenay, I.I. Sreznevsky, G.P. Melnikov, and the systemology developed by philosophers (K.F. Samokhvalov, G.P. Shchedrovitsky) and representatives of the natural and exact sciences (P.K. Anokhin, V.A. Engelgardt, L.V. Krushinsky, R.O. Bartini) did not have a direct impact on the systematic research of texts. Awareness of the significance of substance in the understanding of highly systemic texts begins to take shape in the exegesis and philosophy of art. Philology, focusing its interest mainly on fiction texts, contributes to the development of a systematic method with the emergence and development of ideas about the text dominant (Yu.N. Tynyanov, R.O. Yakobson), the diversity of its units (Y. Mukarzhovsky), the discovery of the author's image supercategory (V.V. Vinogradov), the identification of the method of estrangement (V.B. Shklovsky) and the universalization of it as a principle of assimilation of reality (V.B. Shklovsky, L.A. Novikov, M.L. Novikova). The comparison of different nature texts substance properties — against the background of the properties of the substance of language — allows us significantly refines the text substance understanding as the extremely important system aspect.

Keywords: system, substance, structure, function, text, system philology

Article history:

Received: 15.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Valentinova, O.I. (2024). The. Interconnection of Substance, Structure and Function in High Systemicity Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 22–37. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-22-37>

Введение

Филология, обращенная к исследованию текстов, и обращенная к исследованию языка лингвистика изучают системы, представление о которых либо проясняется, либо искажается в зависимости от применения методов, соответствующих или не соответствующих свойствам изучаемого объекта. Парадоксальность же сложившегося еще в начале XX в. и сохраняющегося до настоящего времени положения дел в науке определяется едва ли не всеобщим публичным провозглашением приверженности системному подходу и малочисленностью его действительных последователей. Причину происходящего основатель современной системной лингвистики Г.П. Мельников видел в переносе в лингвистику характерного для философии физики и математики заблуждения, заключающегося в отождествлении понятий системы и структуры [1. С. 98–102]. Этот перенос осуществила структурная лингвистика, которая, исключая из поля зрения субстанцию как важнейший аспект системы, свела исследование системы языка к исследованию его структурной модели, не объясняя *причины* описываемых отношений и связей между элементами языка.

Понимание системы как совершенного целого, образуемого диалектическим единством субстанции (материи), структуры (схемы связей или отношений между элементами) и функции, в котором функция выступает как причина, лежит в основе разработанной Г.П. Мельниковым системной типологии языков — того раздела системной лингвистики, которая выявляет детерминанты, объясняя особенности каждого яруса языка и принцип согласования ярусов между собой и в четырех основных типах языков, выделенных В. фон Гумбольдтом, и в их модификациях [2. С. 125].

Это единство наиболее развернуто было верифицировано Г.П. Мельниковым на материале агглютинативных языков. Звуки, как субстанция языка, его материя, так же неслучайны, подчинены функции, выполняемой системой в надсистеме, как и все в языке. Вот небольшой фрагмент объяснения взаимодействия субстанции, структуры и функции: в классических агглютинативных языках отсутствуют согласные с напряженной артикуляцией, поскольку они могут вызвать изменение сингармонической окраски соседнего гласного. Если же согласные с напряженной артикуляцией не утрачиваются в агглютинативном языке, то они закрепляются в позиции только с теми вариантами гласных, сингармоническая окраска которых не меняется рядом с ними [2]. Создание Г.П. Мельниковым геометрической модели тюркского вокализма позволило визуализировать акустическое расстояние между гласными, различными по подъему и по ряду. Бóльшее акустическое расстояние между гласными разного подъема в сравнении с акустическим расстоянием гласных, различающихся по ряду, обусловило использование

в подавляющем большинстве агглютинативных языков различия по подъему в качестве фонематического (смыслоразличительного) признака, а по ряду — для увязывания аффиксальных морфем в одну словоформу с корневой морфемой. Сингармоническая окраска гласного выступает единственным средством увязывания морфем в одну словоформу в условиях, когда согласные в этой функции не используются. Если бы использовались в этой функции согласные, то слипание согласных на стыках морфем (фузия) помешало бы извлекать аффиксы из словоформы. А это извлечение необходимо при тенденции к экономии служебных морфем в речевой цепи, которая выступает как внутренняя детерминанта агглютинативных языков. Причиной же внутренней детерминанты выступают условия общения членов языкового коллектива. Иное, перифрастическое, именование внешней детерминанта, часто используемое Г.П. Мельниковым как лаконично раскрывающее ее смысл, — *условия общения членов языкового коллектива*. Кочевники, собираясь обычно осенью после длительного перерыва в общении, вызванного необходимостью пасти скот, узнают, как изменились свойства всем известных субъектов и объектов за это время. Поэтому служебные аффиксы употребляются только, если выражаемое ими значение не очевидно для общающихся людей.

Системный подход в изучении текстов не был экстраполирован филологией из системной лингвистики и не был прямо//непосредственно связан с развитием теории больших систем [3–6]. Он формировался независимо, в стремлении понять тексты высокой степени системности — мифологические, религиозные, художественные. Но и системное исследование семиотически сложных текстов, как и системное исследование языка, становится потенциально возможным только с осознанием особенностей их субстанции.

Прояснение свойств субстанции художественного текста, особенности их связи со структурой и функцией

К пониманию субстанции художественных текстов подводит философия искусства. Опираясь на берущее начало от Аристотеля [7] положение эстетики о том, что в основе искусства лежит подражание под действительность (см., например, [8]), мы можем определить субстанцию художественного текста как *материю, представляющую собой подражание под действительность естественного языка*. Однако обусловливаемая сущностью искусства неповторимость отдельного произведения, его единичность [9. С. 351], ставит исследователя перед необходимостью переустанавливать функцию и значение каждого иллюзорно узнаваемого элемента не только в каждом тексте даже одного и того же автора, но и в каждой точке линейного развития одного и того же текста.

Небольшой пример. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»¹ начинается со встречи трех героев — князя Мышкина, Рогожина и Лебедева — в поезде Петербургско-Варшавской железной дороги. Едва познакомившись с князем, Рогожин приглашает его поехать вместе к Настасье Филипповне и вдруг настораживается:

«— *А до женского пола вы, князь, охотник большой? Сказывайте раньше!*
— *Я, н-н-нет! Я ведь... Вы, может быть, не знаете, я ведь по прирожденной болезни моей даже совсем женщин не знаю.*
— *Ну коли так, — воскликнул Рогожин, — совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, бог любит!*
— *И таких господь бог любит, — подхватил чиновник»* (с. 14).

В этом фрагменте, состоящем из четырех реплик, формируется значение знака ю-р-о-д-и-в-ы-й — ‘девственник’ (*тот, кто совсем не знает женщин*), ‘тот, кого бог любит’. Реплика Лебедева, повторяющего слова Рогожина, закрепляет это значение, усиливая его значимость в содержательной структуре образа князя Мышкина.

Композиционная форма речи — хорошо узнаваемая, но участники диалога поменялись функциями. Семантическое развитие текста определяет на этом отрезке не спрашивающий Рогожин, а отвечающий князь. Это изменение функций обеспечивается информационным избытком, который содержится в ответе князя — *я ведь по прирожденной болезни моей даже совсем женщин не знаю*. Рогожин спрашивает князя только о том, не увлекается ли он женщинами, а князь отвечает, что он девственник. Информационный избыток не только меняет на обратные типовые функции спрашивающего и отвечающего, но и становится способом актуализации смысла «девственник». Таким образом, информационный избыток выполняет сразу две функции.

Уже этот пример показывает, что функция всегда связана с надсистемой. Наделенная ошибочной очевидностью материя выводит на образно-композиционный уровень текста, формируя ядерную область содержательной структуры образа главного героя, определяющую в конечном счете семантическую структуру всего текста как ту не высказываемую ранее и не выражаемую иначе идею, ради которой этот текст создавался.

Субстанция художественного текста, в отличие от субстанции языка, не имеет исходных характеристик. Если свойства звуков как материи языка очевидны, но неочевиден принцип их отбора, определяемый требованием обеспечить эффективное общение членов языкового коллектива в определенных условиях, то свойства субстанции художественного текста узнаваемы только иллюзорно: кажущийся знакомым знак имеет иное значение,

¹ Здесь и далее цитируется по изданию *Достоевский Ф.М. Идиот* // Полное собрание сочинений: в 30 томах. Т. 8. Л.: Наука, 1973.

в кажущейся очевидной композиционной форме речи трансформируются функции участников разговора. Получается, что свойства субстанции художественного текста необходимо каждый раз переустанавливать. Неизменно только то, что субстанция не то, чем сначала кажется. Чтобы установить ее подлинные свойства, исследователь вынужден каждый раз переустанавливать границы трансформационного контекста, который может сужаться до одной реплики, а может расширяться до объема всего текста.

В художественном тексте, представляющем собой поток сознания, возобновляется и таким образом закрепляется то, что оказывается важным для художника не только осознаваемо, но и — и это особенно значимо — бессознательно. Именно в этом смысле самую большую неожиданность художественный текст преподносит своему создателю.

Свойства того фрагмента материи, который мы уже начали рассматривать, будут закрепляться по мере дальнейшего линейного развертывания текста. Реплика Евгения Павловича Радомского, произнесенная ближе к финалу романа, возвращает к его началу, ко дню приезда князя в Петербург из Швейцарии: «*И вот, в этот же день [в день приезда — О.В.], вам передают грустную и поднимающую сердце историю об обиженной женщине, передают вам, то есть **рыцарю и девственнику**, и о женщине*» (с. 481).

Два знака — *рыцарь* и *девственник*, связанные сочинительной связью, — вступают друг с другом в отношения семантического взаимодействия. Сюжетное объяснение *девственности* главного героя его болезнью уже отсутствует. *Девственность*, соотносимая с *рыцарством* в этой реплике, *юродством* и *любовью бога* — в предыдущей, наделяется неизвестным толковым словарям символическим значением. Символическое значение знака *девственник* продолжит развиваться по мере развития значений связанных с ним знаков — *рыцарь*, *юродивый*, *любовь бога* ... — до конца линейного развертывания текста, формируя его субстанцию. В ходе развертывания текста знаки этой цепи (*девственник* — *юродивый* — *таких любит бог* — *рыцарь*) будут вовлекаться в новые цепи смыслового взаимодействия. Достоверно свойства субстанции можно будет установить, рассматривая текст как целое.

Взаимодействие элементов смысловой цепи, наблюдаемое в ограниченном контексте, облегчает ее реконструкцию, независимо от числа и объема образующихся новых цепей и соотношения числа образующихся новых цепей и числа обрывов. Каждый элемент этой цепи предстает своего рода связующим звеном между как минимум двумя другими элементами: *девственность* свяжется в первом контексте с *юродством* и *любовью бога*, во втором контексте — соотнесется с *рыцарством*, так — через *девственность* — *рыцарство* начнет семантически взаимодействовать с *юродством* и *любовью бога* и далее... Нити смысловых взаимодействий будут тянуться и поверх контактных границ, и между группами. В конечном счете сетью смысловой связи окажутся объединенными все элементы цепи, преобразованные в сложное

смысловое множество, соотносимое либо с героем как знаком идеи, либо с группой героев, либо с мыслью, не опирающейся на образ композиционного уровня.

Много сложнее соотнести некоторый знак со смысловым множеством в ситуации, когда этот знак не вступает в линейное взаимодействие ни с одним из образующих смысловое множество элементов: *«И будет каяться! — закричал Рогожин, — будешь стыдиться, Ганька, что такую... овцу (он не мог приискать другого слова) оскорбил! Князь, душа ты моя, брось их; плюнь им, поедем! Узнаешь, как любит Рогожин!»* (с. 99).

Эта реплика Рогожина звучит в первый день романного действия, в доме генерала Иволгина, после пощечины, которую Ганя Иволгин дал князю, не позволившему ему ударить сестру. Многоточие, обозначающее глубокую паузу после незначительного повышения интонации (*такую*∧ ... *овцу*), и оформленное вводным предложением уточнение рассказчика — *он не мог приискать другого слова*, задерживающие внимание читателя на предшествующем знаке *овца*, выступают как способы его актуализации в тексте, намекают на его *не-случайность*, но не раскрывают его содержания. Возможность соотнесения этого знака с символическим именем Богочеловека — Агнца Божия, обозначающим искупительную жертву Христа, может быть достигнута только на завершающем этапе реконструкции семантической структуры текста, когда будет вскрыт общий вектор смыслового преобразования его элементов, находящихся в эпицентре категории эстетически значимого. Эти обстоятельства позволяют нам прояснить еще одно существенное различие свойств субстанции языка и субстанции художественного текста.

Субстанция художественного текста, в отличие от субстанции языка, *иерархична* по своей природе. И знак о-в-ца, и средства актуализации этого знака образуют субстанцию текста, но не равноправную и не гомогенную. Пауза и прерывающая прямую речь героя вводная реплика рассказчика, усложняющая интонационный рисунок этого фрагмента текста, являются *средствами* выделения элемента *овца*, который становится для них *целью*. А неочевидное значение этого элемента, то есть свойство этого элемента субстанции, обладающее значимостью в содержательной структуре образа главного героя, а значит, и в семантической структуре текста, являясь *фактом этой структуры*, не является *средством ее формирования*. Напротив, содержательная структура образа, образуемая сетью отношений между многократно закрепленными в тексте элементами, значение которых проясняется в относительно обозримых контекстах большего или меньшего объема, «втягивает» в себя, трансформируя их значение, единичные элементы, которые тем или иным способом актуализируются в ближайшем контексте. Но изменение значения определяется не этим контекстом, а общим направлением смыслопреобразовательной деятельности текста, его детерминантой. Если детерминанта языкового типа

отбирает субстанцию (звуки с необходимыми характеристиками), то детерминанта художественного текста субстанцию *формирует*. И формирование субстанции текста, то есть наделение значением ее элементов, не всегда предшествует формированию его структуры, а может оказаться ее производной.

Другой пример. В Павловске Ипполит читает свое «объяснение» собравшимся на даче у Лебедева и князя гостям: «...самоубийство есть единственное дело, которое я еще могу успеть начать и окончить по собственной воле моей» (с. 344). Объявленное Ипполитом намерение застрелиться здесь же с восходом солнца вызывает бурную реакцию собравшихся: **«Поднялся шум; Лебедев горячился и выходил уже из меры; Фердыщенко приготовлялся идти в полицию; Ганя неистово настаивал на том, что никто не застрелится. Евгений Павлович молчал»** (с. 347).

Чтобы прояснить особенности этого фрагмента субстанции, попробуем перевести его на кинематографический язык. Передать сумбур происходящего возможно только общим планом. Молчание ироничного Евгения Павловича может быть подчеркнуто композиционным решением сцены. Но происходящее далее требует крупного плана:

«— Князь, слетали вы когда-нибудь с колокольни? — прошептал ему вдруг Ипполит. Н-нет... — наивно ответил князь» (с. 347).

Резкая смена плана — от общего к крупному, неожиданный (*вдруг*) переход с крика на шепот, не связанный с репликами других героев краткий диалог Ипполита и князя, который не слышат другие. А далее снова внезапное усиление звука, возвращение к общему плану: **«Довольно! — закричал он [Ипполит] вдруг на всю публику»** (с. 347).

Кратковременное изменение плана изображения и акустических характеристик сцены станут средством актуализации вопроса Ипполита, то есть одновременно и средством выделения того смысла, который обладает повышенной значимостью в содержательной структуре текста, и средством формирования его повышенной значимости. Но сам смысл не раскрывается в этом фрагменте.

Любопытно, что Ж.-М. Гюйо в своей эстетике анализирует особенности восприятия произведения искусства на примере именно акустического образа, обращаясь к музыке: «... если *maximum forte* был взят именно с первого удара, то напрасен будет весь дальнейший шум, — единственное средство поразить внимание, это взять *pianissimo*» [10. С. 360]. Чтение про себя, как и механическое чтение вслух, часто не позволяют уловить акустический способ выделения значимого смысла, даже если есть прямые, лексические, показатели этого выделения (громко — тихо — громко). Графическое выражение заминки — *н-нет* — и обозначающее паузу многоточие в ответной реплике князя как знаки обдуманности ответа тем более могут остаться

незамеченными. Не лежат на поверхности и такие предполагающие зрительное восприятие способы выделения значимого смысла, как, например, смена ракурса изображения. Но все же сложность определения свойств субстанции некоторого текста определяется не столько *неисчислимостью* способов выделения значимого смысла и их комбинаторных возможностей, как установлением самого смысла. Смысл же может быть многократно выделен в том или ином контексте, как мы это наблюдаем в разбираемом фрагменте, но... не прояснен в нем.

Отсутствие безусловного совмещения способов актуализации смысла и его прояснения в некоторой общей точке линейного развертывания текста — существенное универсальное свойство субстанции художественного текста. Установленное исследователем общее направление смыслового преобразования актуализированных элементов текста разного объема, его детерминанта, позволит ретроспективно раскрыть содержание не расшифровываемых линейно эстетических знаков. Соотнести вопрос Ипполита со вторым искушением Христа — «Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: „Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею“» (От Матфея Гл.4. Ст. 5) — невозможно, не опираясь на уже выведенное направление детерминантной деятельности текста. Равно как невозможно вне этой опоры интерпретировать ответ князя как отказ от чуда как насильственного доказательства божественного происхождения. Заметим отдельно, что соотнесение не означает отождествления: ракурс отклонения от известных в истории культуры смыслов совпадет с направлением детерминантной деятельности текста.

Прямое значение выражения *слететь с колокольни* используется в этой же сцене объяснения Ипполита в речи рассказчика: «*Есть в крайних случаях та степень последней цинической откровенности, когда нервный человек, раздраженный и выведенный из себя, не боится уже ничего и готов хоть на всякий скандал, даже рад ему; бросается на людей, сам имея при этом не ясную, но твердую цель непременно минутой спустя слететь с колокольни и тем разом разрешить все недоумения, если таковые при этом окажутся*» (с. 345).

Однако вполне определённо и указание в тексте на символическое значение диалога Ипполита с князем: слова автора — *наивно ответил князь* — обнаруживают зазор между прямым значением выражения *слететь с колокольни* и тем значением, которое подразумевается князем и на которое, не раскрывая его, намекает рассказчик.

Так мы подходим еще к одному существенному для системного исследования художественных текстов выводу: субстанция художественного (поэтического) текста — категория содержательная.

Прояснение свойств субстанции религиозных текстов и особенностей их взаимодействия со структурой и функцией

Понимание свойств субстанции религиозных текстов как необходимого условия их системного исследования складывалось первоначально в экзегетике как части богословия и в философии. Выделяя типы выражений, А.Ф. Лосев опирался на исчислимые варианты возможного соотношения формы и содержания: внешнее важнее внутреннего (такова аллегория), внутреннее важнее внешнего (такова схема), внешнее и внутреннее равнозначимы [11]. Равнозначимость формы и содержания образует символ — общий для мифологических, религиозных и поэтических текстов тип выражения. Однако совершенная степень равнозначимости формы и содержания, или, другими словами, предельная символичность текстов, являясь безусловной для мифологических текстов, не обнаруживается во всем объеме религиозных и художественных произведений. В них степень символичности может повышаться или снижаться. Символичность достигает исключительно высокой меры в боговдохновенных текстах и религиозных текстах, движущей силой которых, с позиций богословия, будет благодать — особая действенная сила Бога, а не ораторское искусство как проявление личной воли человека. К таким текстам можно отнести образцы литургийной проповеди.

Сверхвысокая символичность, нарушающая законы восприятия, согласно которым автор бессознательно учитывает необходимость дать читателю и слушателю возможность расслабиться после каждой напряженной траты энергии внимания и воображения, обнаруживается и в художественной литературе. Например, в орнаментальной прозе. Но вернемся к текстам религиозным. Предельная смысловая плотность боговдохновенных текстов лаконично раскрывается П.А. Флоренским [12. С. 200] в толковании обращенной к Христу мольбы благоразумного разбойника «Помяни меня — $\mu\eta\sigma\theta\eta\tau\iota\ \mu\omicron\upsilon$, — Господи, когда придешь во Царствии Твоем»: слова разбойника содержательно приравниваются к ответу Христа «Истинно говорю тебе, днешь со мною будешь в раю» (От Луки Гл. 23, Ст. 42–43). То, в чем профанное восприятие видит отсутствие связи, сознание богословское обнаруживает смысловую тождественность. Предельная степень символичности таких текстов приводит к семантизации всех уровней формы: грамматических категорий, фонетических вариантов и др. Поэтому так часто обсуждаемая сегодня возможность перевода богослужения с церковнославянского на современный русский язык повлечет за собой каскадное обрушение символических значений, свидетельствующих о действительности невидимого мира, и породит иллюзию понимания, деструктивная сила которой многократно превышает риски непонимания.

Увидеть место неканонического религиозного текста в системе более высокого уровня, определить его функцию, прояснить исходный материал,

из которого он формировался, понять принцип его организации поможет уточнение жанра, сохраняющего в этой сфере человеческого бытия высокую меру устойчивости. Анализ текста вне связи с надсистемой, в которой он функционирует, приводит к цепи семиотических ошибок. Основанное на ложных посылах дальнейшее логическое построение, как бы строго оно ни было выдержано, оказывается недостоверным. Так, в рассуждениях Д.С. Лихачева текст раннего русского Средневековья — литургийная проповедь будущего Киевского митрополита Илариона, известная под именем «Слово о законе и благодати», — рассматривается вне связи с литургией — той надсистемой, сущностью которой задаются свойства функционирующих в ней подсистем. Причину структурного решения «Слова» Д.С. Лихачев устанавливает *по смежности*, объясняя темой и расположением росписей Киевской Софии, в которой — с высокой степенью вероятности — Иларион читал эту проповедь: «Фрески и мозаики Софии воплощали в себе весь божественный план мира, всю мировую историю человеческого рода. Эта история человечества обычно давалась в средние века как история Ветхого и Нового Заветов. Противопоставление Ветхого и Нового Заветов — основная тема росписей Софии. Оно же — исходная тема и «Слова» Илариона. Следовательно, произнося свою проповедь, Иларион непосредственно исходил из темы окружающих изображений. Фрески и мозаики Киевской Софии могли наглядно иллюстрировать проповедь Илариона. Росписи хоров представляют собой в этом отношении особенное удобство. Именно здесь на хорах были те сцены Ветхого Завета, персонажи которых подавали наибольший повод для размышлений Илариона: «встреча Авраамом трех странников», «гостеприимство Авраама», а также «жертвоприношение Исаака». Своими словами «яко человек иде на брак Кана Галилеи, и яко бог воду в вино преложи» Иларион мог прямо указать два противостоящих друг другу изображения, символически поясняющих чудо на браке, — претворение воды в вино и рядом вечерю Христа с учениками» [13. С. 32].

Вне поля зрения ученого остается богословское представление о благодати как о движущей силе литургийной проповеди и всего литургийного действия. Исключить свою волю как источник искажения Истины составитель проповеди мог, опираясь на установления, данные в боговдохновенных текстах. В послании апостола Павла евреям определяется, что после дня Пятидесятницы церковь находится под властью Нового Завета, а не Ветхого. Так соотнесение Ветхого и Нового Заветов, а не противопоставление, о котором пишет Д.С. Лихачев, становится онтологически заданным принципом понимания боговдохновенных книг. Боговдохновенные тексты оказываются, таким образом, не только целью, но и средством понимания. Опора на ветхозаветные образы Агари и Сарры, для прояснения соотношения Ветхого и Нового Заветов, не своеволие Илариона. Она задается в послании апостола Павла к галатам (Гал. 4: 21–31). Равно как и само соотнесение Ветхого

и Нового Заветов как закона и благодати установлено в Новом Завете (Гал. 2: 19–21). Иларион, как и все древнерусские книжники, был хорошо знаком с одной из самых распространенных книг средневековой Киевской Руси — Апостолом, включавшем Деяния и апостольские Послания. Приуроченные ко дням церковного годового круга, послания оглашались в каждой церкви. В высокой степени достоверности Иларион владел древнегреческим языком и знал древнегреческие источники, когда на славянский еще не были переведены все книги Ветхого Завета.

Даже с поправкой на время, в которое была написана работа Д.С. Лихачева, и личную судьбу ученого, прошедшего через Соловецкий лагерь, исходить из безусловной вынужденности такого подхода было бы неверно, поскольку и в изменившихся исторических обстоятельствах Д.С. Лихачев придерживался прежних методологических установок. И дело, конечно, не в исследовательской позиции отдельного, пусть и очень талантливого, ученого, а в устойчивой воспроизводимости подобного подхода в работе с религиозными текстами. Далек Д.С. Лихачев и от понимания символической природы этого текста, а значит, и от понимания высокой степени его системности. Поэтому одна из 18 параллельных конструкций, в которых — в соответствии с ходом событий Нового Завета от рождения до воскрешения Спасителя — развивается мысль о богочеловеческой природе Христа, рассматривается как своего рода внешняя случайность: «...Иларион мог прямо указать два противостоящих друг другу изображения, символически поясняющих чудо на браке, — претворение воды в вино и рядом вечером Христа с учениками». Сложно сказать, что подразумевал Д.С. Лихачев под «символическим пояснением чуда на браке» с помощью изображений и может ли в принципе пояснение быть символическим.

В исследовании таких текстов, как литургийная проповедь, необходимо исходить из того, что их конструктивное решение — на всех уровнях формы — обусловлено онтологически: проповедь, составленная после жизни отцов церкви будет трехсложной (с событиями Ветхого и Нового Заветов соотносятся события более поздние), соотношение Ветхого и Нового Заветов будет развиваться в параллельных конструкциях так же, как и рассуждения о богочеловеческой природе Спасителя, полностью Бога и полностью человека.

Сопоставленные в параллельных конструкциях фрагменты Ветхого и Нового Заветов выводят я составителя, как источник искажения, из текста. Смысловое соотношение конструктивно подобных высказываний только наметит вектор развития символического смысла, но сам смысл останется неназванным. Посмотрим, как это происходит:

Послуша Авраамъ рѣчи Саррины и видѣ къ рабѣ еѣ Агарѣ
Послуша же и Богъ яже отъ благодѣти словесъ и съниде на Финан.

В этой четвертой из десяти параллельных конструкций, в которых хронологически последовательные события истории об Аврааме, жене его Сарре и их рабыни Агари соотносятся с хронологически последовательными событиями Ветхого и Нового Заветов, соитие Авраама с рабыней сопоставляется с явлением Бога Моисею на Синае. В результате этот сюжетный шаг, как и все остальные шаги повествования об Аврааме, получит в проповеди символическое значение, но не названное, а только намекаемое: соитие Авраама с рабыней будет символизировать явление Бога Моисею на Синае. Параллельная конструкция выступит *способом возбуждения* (не выражения!) символических Смыслов.

Таким образом, субстанцией подобных литургийной проповеди текстов следует полагать тексты Ветхого и Нового Заветов. Их соотношение определит содержательную структуру проповеди, которая усложнится до трехчастной в послеапостольские времена. Конструктивное решение соотношения позволит составителю самоустранить свою волю. Эти устойчивые свойства литургийной проповеди предельно далеки от случайности. Они обусловлены функцией проповеди как системы, которая, в конечном счете, сводится к поддержанию устойчивости ее надобъекта. Ослабление этих свойств следует расценивать не только как ослабление степени системности проповеди и литургии в целом, но и как искажение их сущности.

Понимание системы как направленного взаимодействия субстанции, структуры и функции и в современной лингвистике поддерживается достаточно узким кругом ученых [14–24]. Для русской филологической школы с самого ее становления вопрос о соответствии метода исследования сущности изучаемого объекта был вопросом субстанциональным. Синтез филологии и философии искусства, обостряющий проблемы методологии, стал движущей силой русской филологической мысли, обусловившей ее выход на уровень, соотносимый с достижениями русской литературы. Становление отечественной филологической школы в конце XIX — первой трети XX века было и ее расцветом. «Эстетические фрагменты» Г.Г. Шпета, статьи А. Белого, открытие Н.А. Рубакина, высказанное им в книге «Психология читателя и книги», работы лидеров русского «формализма» формировали напряженное интеллектуальное пространство, в котором вырабатывались универсальные принципы понимания сущности художественного текста. Прояснение особенностей субстанции не только художественных, но и религиозных текстов в их сопоставлении друг с другом и субстанцией языка уточняет представление о тексте как системе, совершенствует системный метод исследования и приемы его практического применения.

Заключение

Субстанция художественных текстов и субстанция текстов религиозных — не пересекающиеся в своих свойствах сущности. Субстанция художественного текста — в отличие от субстанции религиозных текстов

и субстанции языка не имеет исходных характеристик. Ее узнавание всегда иллюзорно. Неповторимость произведения искусства не допускает совпадения свойств субстанции разных художественных текстов. Поэтому универсализация ее свойств может опираться только на представление о том, что речь идет о материи, являющейся подражанием под действительность естественного языка, а конкретизация потребует — при исследовании каждого текста в каждой точке его развития — установления объема формирующих ее элементов и границ трансформационного контекста.

Напротив, универсальное свойство субстанции религиозных текстов — заданность. Чем меньше текст религиозной этиологии подвержен влиянию воли своего составителя как источника искажения онтологических смыслов, тем устойчивее его материя — тексты Ветхого и Нового Заветов. Структура религиозного текста, в основе которой лежит соположение событий и образов Ветхого и Нового Заветов, тоже задана. Задано и герменевтическое неравноправие частей соположения: объясняющая сила закрепляется за событиями Нового Завета. Композиционная организация религиозного текста — во избежание искажения символических Смыслов — выступает способом их возбуждения, а не выражения. Таким образом, детерминанта языкового типа *отбирает* субстанцию, детерминанта религиозного текста субстанцию задает *априорно*, детерминанта художественного текста субстанцию *формирует*.

Кроме того, формирование субстанции художественного текста, то есть наделение значением ее элементов, не обязательно предшествует формированию его структуры. Соотношение субстанции и структуры как средства и последствия может меняться в художественном тексте. Это еще одна существеннейшая особенность взаимодействия субстанции, структуры и, в конечном счете, функции художественного текста в отличие от взаимодействия этих трех аспектов системы в языке и в религиозных текстах. Несмотря на различие свойств и проявлений субстанции художественного текста и субстанции религиозного текста, и одна, и другая представляют собой прежде всего содержательные сущности.

Библиографический список

1. Мельников Г.П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной // Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов (Бухарест, 27.VIII—2.IX.1967). М.: Наука, 1967. С. 98–102.
2. Мельников Г.П. Системная типология языков: принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003.
3. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М.: АН СССР, 1971.
4. Энгельгардт В.А. Познание явлений жизни. М.: Наука, 1984.
5. Мир Бартини: Сб. статей по физике и философии / Сост. А.Н. Маслов. М.: Самообразование, 2009.
6. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Радио, 1978.
7. Аристотель Поэтика / перевод, введение и примечания Н.И. Новосадского. Л.: Academia, 1927.
8. Лапшин И.И. Эстетика Достоевского. Берлин: Обелиск, 1923.

9. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Г.Г. Шпет Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 345–474.
10. Гюйо Ж.-М. Искусство с социологической точки зрения. СПб.: Знание, 1900.
11. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 5–216.
12. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи в 12 письмах М.: Лепта, 2002.
13. Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI — XVII вв. / Отв. редактор акад. А.М. Деборин. М.-Л.: АН СССР, 1945.
14. Дрёмов А.Ф. Системная теория падежей и ее место в эволюции взглядов на падеж в лингвистике XX века // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2001. С. 164–165.
15. Киров Е.Ф. Теоретические проблемы моделирования языка. Казань: Изд-во КГУ, 1989.
16. Киров Е.Ф. Фонология языка. Ульяновск: изд-во филиала МГУ, 1997.
17. Киров Е.Ф. Фонология И.А. Бодуэна де Куртенэ как основа теории значения // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы. Казань: Казанский федеральный ун-т, 2017. С. 109–112.
18. Липатова Т.В. К вопросу о планах языковой деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 32–36.
19. Лутин С.А. Истоки и суть детерминантного подхода к языку как системе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2006. № 2(8). С. 13–21
20. Новикова М.Л. Онтология искусства поэтического слова и остраннение. М.: Экон-Информ, 2020.
21. Рыбаков М.А., Трубеева Е.В. Категория падежа в трудах Е.Д. Поливанова // XI Поливановские чтения. Смоленск: СмолГУ, 2016. С. 214–217.
22. Рыбаков М.А., Трубеева Е.В. Семантический потенциал грамматических способов оформления падежа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3(45). Часть 3. С. 151–153.
23. Рыбаков М.А. Грамматическая категория падежа как объект типологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 3. С. 36–41.
24. Федосюк М. Ю. Концепция Г. П. Мельникова и дискуссия о русской языковой картине мира // Политическая лингвистика. 2012. № 2(40). С. 11–12.

References

1. Mel'nikov, G.P. (1967). System Linguistics and Its Relationship to Structural Linguistics. In: *Problems of Linguistics. Reports and reports of Soviet scientists at the 10-th International Congress of Linguists* (Bucharest, August 27 — September 2, 1967). Moscow: Nauka. pp. 98–102. (In Russ.).
2. Mel'nikov, G.P. (2003). *System typology of languages: principles, methods, models*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Anokhin, P.K. (1971). *Fundamental questions of the general theory of functional systems*. Moscow. (In Russ.).
4. Engel'gardt, V.A. (1984). *Knowledge of the phenomena of life*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Bartini, R.L. (2009). *World of Bartini: Collection of articles on physics and philosophy*, A.N. Maslov (Ed.). Moscow: Self-education. (In Russ.).
6. Mel'nikov, G.P. (1978). *Systemology and linguistic aspects of cybernetics*. Moscow: Radio. (In Russ.).
7. Aristotle (1927). *Poetics*. Translation, introduction and notes by N.I. Novosadsky. Leningrad: Academia. (In Russ.).
8. Lapshin, I.I. (1923). *Aesthetics of Dostoevsky*. Berlin: Obelisk. (In Russ.).
9. Shpet, G.G. (1989). Aesthetic fragments. In: *G.G. Shpet. Compositions*. Moscow: Pravda. pp. 345–474. (In Russ.).

10. Guyot, J.-M. (1900). *Art from a sociological point of view*. St. Petersburg: Znanie. (In Russ.).
11. Losev, A.F. (1994). Dialectic of myth. In: A.F. Losev. *Myth. Number. Essence*. Moscow: Mysl'. pp. 5–216. (In Russ.).
12. Florensky, P.A. (2002). *The Pillar and Statement of Truth: An Experience of Orthodox Theodicy in 12 Letters*. Moscow: Lepta. (In Russ.).
13. Likhachev, D.S. (1945). *National Self-Consciousness of Ancient Rus': Essays on Russian Literature in the 11th—17th Centuries*, A.M. Deborin (Ed.). Moscow—Leningrad. (In Russ.).
14. Dremov, A.F. (2001). Systemic theory of cases and its place in the evolution of views on case in linguistics of the XX century. In: *Russian language: historical fate and modernity. International congress*. Moscow: Moscow State University publ. pp. 164–165. (In Russ.).
15. Kirov, E.F. (1997). *Theoretical problems of language modeling*. Kazan: Kazan State University. (In Russ.).
16. Kirov, E.F. (1997). *The phonology of the language*. Ulyanovsk. (In Russ.).
17. Kirov, E.F. (2017). *Phonology of I.A. Baudouin de Courtenay as the basis of the theory of meaning*. In: I.A. Baudouin de Courtenay and world linguistics. Proceedings and materials. Kazan: Kazan Federal University publ. pp. 109–112. (In Russ.).
18. Lipatova, T.V. (2015). *To the question of the plans of language activity*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 32–36. (In Russ.).
19. Lutin, S.A. (2006). *The origins and essence of the determinant approach to language as a system*. *Russian Language Studies*, 2(8), 13–21. (In Russ.).
20. Novikova, M.L. (2020). *Ontology of the art of the poetic word and estrangement*. Moscow: Ekon-Inform. (In Russ.).
21. Rybakov, M.A. & Trubeeva, E.V. (2016). *The category of case in the works of E.D. Polivanov*. In: XI Polivanov Readings. Smolensk, SmolGU. pp. 214–217. (In Russ.).
22. Rybakov, M.A. & Trubeeva, E.V. (2015). Semantic potential of grammatical ways of case registration. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 3(45), 151–153. (In Russ.).
23. Rybakov, M.A. (2012). The grammatical category of case as an object of typological. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 6–41. (In Russ.).
24. Fedosyuk, M.Yu. (2012). G.P. Melnikov's concept and discussion about the Russian language picture of the world. *Political Linguistics*, 2(40), 11–12. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Валентинова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: филологическая герменевтика, история и теория поэтики, история русского литературного языка, системная лингвистика; *e-mail*: valentinova-ov@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-8510-8701; Scopus Author ID: 57193140621; ResearcherID: X-8826-2019. SPIN-код: 6986-9081, AuthorID: 499720.

Information about the author:

Olga I. Valentinova, Dr.Sc. in Philology, Full Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: philological hermeneutics, history and theory of poetics, Russian literary language history, systemic linguistics; *e-mail*: valentinova-ov@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-8510-8701; Scopus Author ID: 57193140621; ResearcherID: X-8826-2019. SPIN-code: 6986-9081, AuthorID: 499720.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50

EDN: DBKNGO

УДК 81'42:159.953

Научная статья / Research article

Механизмы понимания: теория мнемы Н.А. Рубакина

Н.А. Бубнова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ bubnova-na@rudn.ru

Аннотация. Представлен краткий обзор библиопсихологической теории русского книговеда, библиографа, популяризатора науки, писателя Николая Александровича Рубакина — теории мнемы, базирующейся на достижениях физиологии и эволюционной биологии и позволяющей последовательно и доказательно раскрыть устройство человеческой психики, показать механизм понимания в общем и понимания слова и текста в частности. Теория мнемы, представленная научной общественности еще в начале XX в., тем не менее и через сто лет является остро актуальной, получающей все новые и новые доказательства правдивости и достоверности своих положений со стороны современных естественных и гуманитарных наук. Теория мнемы Н.А. Рубакина, сформулированная в виде трех законов библиопсихологии: закона Земона, закона Гумбольдта-Потемби и закона Тэна, показывает устройство человеческой психики в виде мнемы — системы записей, полученных от внешних раздражителей. Согласно теории Н.А. Рубакина, мнема представляет собой сложную открытую систему, находящуюся в постоянном становлении, дополнении и изменении. Сложный состав мнемы читателя обуславливает восприятие и интерпретацию текста, который также понимается как внешний раздражитель, порождающий совокупность энграмм и их последующих экфорий, а также проекций, принимаемых читателем за понимание текста. Достоверность теории мнемы Н.А. Рубакина подтверждена психофизиологическими экспериментами, направленными на измерение смысловой близости слов (эксперименты А.Р. Лурии и О.С. Виноградовой), психологическими и психолингвистическими экспериментами (например, тестами Роршаха, разного рода ассоциативными экспериментами), а также достижениями собственно филологической науки, связанной с изучением пространства художественного и нехудожественного текста, образом автора и особенностями интерпретации текста читателями и учеными-исследователями.

Ключевые слова: теория мнемы, библиопсихология, механизмы понимания, текст, ассоциативные исследования

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

© Бубнова Н.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Бубнова Н.А. Механизмы понимания: теория мнемы Н.А. Рубакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 38–50. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50>

Mechanisms of Understanding: Nikolay A. Rubakin's Mnema Theory

Natalia A. Bubnova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 bubnova-na@rudn.ru

Abstract. The study provides a brief overview of the Mnema Theory, a bibliopsychological theory based on the achievements in physiology and evolutionary biology formulated by Russian bibliographer, book critic, popularizer of science and writer Nikolai Alexandrovich Rubakin (Nicholas Rubakin), and the one which allows consistently and vividly reveal the structure of the human psyche, and show the mechanisms associated with understanding in general and understanding words and text, in particular. The Theory of Mnema, although presented to the scientific community at the beginning of the 20th century, is nevertheless highly relevant after a hundred years, and there continues to be more and more evidence pointing to the veracity and credibility of its provisions from modern humanitarian and natural sciences. Nikolay A. Rubakin's Theory of Mnema is formulated on the basis of three laws of bibliopsychology: Zemon's Law, Humboldt-Potebnya's Law and Teng's Law, and shows the structure of the human psyche in the form of mnema, which is a system of records received from external stimuli. According to Nikolay A. Rubakin's theory, the mnema are a complex open system that is in a state of permanent development, and is always being added to and is continually changing. The complex composition of the reader's mnema determines the perception and interpretation of a text, which is also understood as the external stimulus that generates a set of engrams and their activation leading to their subsequent ecphorias, as well as the projections that a reader receives when understanding texts. The validity of Nikolay A. Rubakin's Theory of Mnema is confirmed by psychophysiological experiments aimed at measuring the semantic proximity of words (experiments of A.R. Luria and O.S. Vinogradova), psychological and psycholinguistic experiments (for example, Rorschach tests and various kinds of associative experiments), as well as the achievements of the philological science itself with regard to the study of the space of artistic and non-artistic text, the actual images of the author and the characteristics of the interpretations of the text by readers and researchers.

Keywords: mnema theory, bibliopsychology, mechanisms of understanding, text, associative research

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Bubnova, N.A. (2024). Mechanisms of Understanding: Nikolay A. Rubakin's Mnema Theory. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 38–50. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50>

*...Наше знание есть незнание
наше понимание есть непонимание,
изучение реальности есть искажение ее.*
Н.А. Рубакин

Введение

Проблема человеческого понимания давно беспокоила и беспокоит по сей день ученых самых разных направлений: философов, логиков, филологов, физиологов, психологов, культурологов. К постановке такой фундаментальной проблемы и ее решению подходили с разных сторон, пытаясь выделить характерные черты понимания, описать его механизмы, дать классификации, определить критерии и степени понимания и пр. Но громоздкие дефиниции так и не давали стройное и непротиворечивое представление о сущности этого человеческого феномена, не позволяли доступно и доказательно объяснить случаи понимания и связанного с ним непонимания.

На наш взгляд, наиболее удачной попыткой раскрыть природу понимания является теория мнемы **Николая Александровича Рубакина**, русского книговеда, библиографа, популяризатора науки, писателя и создателя особого раздела науки — **библиопсихологии**. Библиопсихология в общем — наука о психологии книжного дела в процессе его развития и упадка, в связи с условиями окружающей социальной среды [1. С. 16]. Но как и ее сестра — психология — она изучает живых людей по внешним, объективным проявлениям субъективных переживаний, по реакциям на те или иные раздражения, делая выводы о процессах, протекающих в психике человека-читателя под воздействием читаемого им текста [1. С. 21], и позволяет прийти к решению проблемы понимания через человека — читателя.

О Николае Александровиче Рубакине

Николай Александрович Рубакин родился в 1862 г. в Ораниенбауме, пригороде Санкт-Петербурга, в купеческой семье, переехавшей из Псковской губернии. Отец Николая Александровича, Александр Иосифович, долгое время был городским головой, мать, Лидия Терентьевна, была из крестьянской старообрядческой семьи, занималась домом, много читала, интересовалась общественной жизнью, была умным и передовым человеком. В 1873 г. семья переехала в Санкт-Петербург, где мать Н.А. Рубакина открыла небольшую публичную библиотеку, привив тем самым сыну интерес к книге и библиотечному делу, чтению, популяризации образования и самообразованию. И при содействии Н.А. Рубакина небольшая библиотека его матери стала со временем самым большим и самым качественным собранием книг в Санкт-Петербурге, ориентированным на воспитание у широкой публики хорошего и серьезного чтения [2–5].

В 1887 г. Н.А. Рубакин блестяще окончил обучение сразу на трех факультетах Императорского Санкт-Петербургского университета: естественном,

историко-филологическом и юридическом. По окончании университета Н.А. Рубакин четыре года работал на фабрике отца, где постоянно общался с рабочими, беседовал с ними и вскоре убедился, что они как будто разговаривают на разных языках [6]. Н.А. Рубакин пришел к выводу, что для успешного народного просвещения нужно изучить язык, психологию и интересы тех, кому он так стремился посвятить свой талант. Решая эту задачу, Н.А. Рубакин полностью посвятил себя издательско-библиотечной и просветительской деятельности: был членом Санкт-Петербургского комитета грамотности и учредителем особого отдела для самообразования при педагогическом музее, был редактором журнала и руководителем нескольких издательских фирм.

Рис. 1. Николай Александрович Рубакин в 1912 г. Лозанна¹
Fig. 1. Nikolai Alexandrovich Rubakin in 1912. Lausanne

Литературную деятельность Н.А. Рубакин начал еще в юном возрасте, с 13-ти лет он публиковал научно-популярные статьи и сатирические стихи. И позже, уже в зрелом возрасте, Н.А. Рубакин публиковал не только научные и публицистические труды, но и (пусть и немногочисленные) художественные произведения. Но большую часть времени, конечно же, Н.А. Рубакин тратил на изучение потребностей читающей публики и популяризацию самообразования, например, составил программу по исследованию литературы для народа (1889), вступил в обширную переписку с десятками тысяч читателей, отзывавшихся на эту программу, что дало богатый материал для научных докладов и статей, изданных отдельной книгой под заглавием «Этюды о русской читающей публике» [7], а также для обширного книжного указателя по всем областям знаний «Среди книг» (1906) [8]. В 1920-х гг. в СССР были переизданы 23 книги Н.А. Рубакина, в том числе и книги по библиологической психологии: «Библиологическая психология», «Психология читателя и книги», в которой и излагается подробно теория о понимании — теория мнемы [9; 1].

Н.А. Рубакин всегда поддерживал передовые взгляды, был сторонником студенческого движения, участником событий русской революции 1905–1907 гг., что послужило основанием для высылки Н.А. Рубакина

¹ Режим доступа: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/> (дата обращения: 23.02.2023).

в 1907 г. из Российской империи без права возвращения. Н.А. Рубакин уехал в Швейцарию, где и прожил до конца своей жизни (до 1946 г.). За свою жизнь Н.А. Рубакин собрал две великолепных библиотеки. Первую, которую основала его мать, объемом около 130 тысяч томов, он перед эмиграцией в 1907 г. подарил Петербургскому отделу Всероссийской лиги образования, а вторую, собранную уже за границей, объемом около 100 тысяч томов, он завещал Государственной библиотеке им. В.И. Ленина (сейчас Российская государственная библиотека) в Москве. После окончания войны сын Н.А. Рубакина, Александр Николаевич Рубакин, по завещанию отца перевез библиотеку в Москву, где собрание книг заняло полэтажа хранилища и значится теперь под литерами «Фонд Рб», а также перевез урну с прахом, которая теперь погребена на Новодевичьем кладбище, у Стены старых большевиков [10].

Теория мнемы и основные законы библиопсихологии

Наиболее последовательно и подробно теория мнемы изложена Н.А. Рубакиным в книге «Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию (первое издание в 1928 г. на французском языке, перевод на русский язык — 1929) [1]. В этой книге глубокая научная и доказательная идея изложена интересно, простым и доходчивым языком, раскрывающим основной подход ученого: книга, написанная языком своего читателя, может понятно и доходчиво изложить любую научную мысль. В основу своей теории мнемы Н.А. Рубакин положил материалистические и естественнонаучные идеи физиологов А.П. Павлова и И.М. Сеченова, невролога В.М. Бехтерева, биолога Р. Земона (Richard Wolfgang Semon), лингвистов В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни.

Теория сформулирована в виде трех законов: 1) первый закон — закон Земона; 2) второй закон — закон Гумбольдта-Потебни; 3) третий закон — закон Тэна, фактически являющийся продолжением второго закона.

Первый закон основывается на учении немецкого биолога-дарвиниста **Рихарда Земона**, который первый ввел в науку понятие *мнемы*. В этом случае мнемой понимаются процессы получения, сохранения и оживления *раздражений*, полученных от контакта организма с внешней средой. Эти в целом психофизические процессы имеют свой психический коррелят — *возбуждение*.

При воздействии любого раздражителя из внешней среды (имеющего физическую или иную природу, как, например, слово или текст) организм, находящийся в первичном индифферентном состоянии, отвечает на раздражение определенным возбуждением. После того, как раздражитель перестает действовать, возбуждение прекращается, но при этом организм оказывается **измененным**: он сохраняет **след** от пережитого возбуждения и с этого момента становится более предрасположенным к такому же или похожему раздражению [1. С. 48–49]. Такой след от пережитого возбуждения Земон назвал *энграммой* (от греч. «запись»). Записывается, или энграфируется, психикой абсолютно

любое раздражение, полученное организмом на протяжении всего срока своего существования, причем чаще в зоне бессознательного, чем в зоне собственно сознания. Так как зачастую раздражители действуют одновременно и беспрерывно, накладываясь друг на друга и усложняясь друг другом, то и энграммы, порождаемые такими раздражителями, бывают сложными, комплексными, вступающими между собой в сложные отношения ассоциативного характера. Н.А. Рубакин иллюстрирует это положение примером с болью от укуса пчелы, когда комплекс одновременно образуют энграммы ощущений от боли, образа пчелы, энграммы чувств и эмоций, возникших в результате этого события [1: 49–50]. Систему всех энграмм, полученных психикой организма, Р. Земон назвал *мнемой*. На основании этого формулируется первый закон библиопсихологии, или закон Земона: *все одновременные раздражения в пределах одного и того же организма образуют связанный симультанный комплекс возбуждений, который как таковой обуславливает энграфирование, т. е. оставляет после себя взаимно связанный и постольку же единый комплекс энграмм* [1. С. 50]. Укус пчелы — это очень яркий и запоминающийся раздражитель и сильная энграмма (комплекс энграмм), но большая часть энграмм попадает в подсознание, где находится в латентном, скрытом состоянии. Есть вероятность, что эти энграммы так и останутся латентными, возможно, даже угаснут со временем, но есть вероятность, что эти энграммы будут «оживлены» и выведены в зону сознания и получать определенную рефлексию (осознаваться). Р. Земон назвал такой процесс *экфорией* (от греч. «вынесение»). Механизм экфории запускается, если организм сталкивается с таким же или похожим раздражителем или даже с частью первоначального раздражителя: так один вид или жужжание пчелы экфоризирует комплекс энграмм от полученного укуса, вызывая ощущение боли, страха и пр. При этом процессе энграфирования может быть подвергнут и сама экфория, которая в свою очередь вызывает так называемые *мнематические* энграммы, поскольку они не являются результатом непосредственного влияния внешнего раздражителя. Мнематические энграммы в свою очередь так же могут экфорироваться, а их экфория может энграфироваться, в результате чего получается ряд мнематических явлений, все более и более отодвигающихся от реальности, которые мы, в силу привычки считаем за *реально существующее в действительности* [1. С. 54].

Мнематические энграммы играют ключевую роль в процессе чтения и восприятия чужой речи, так как представляют собой очень сложный психический процесс «воспроизведения реальности под влиянием раздражений, идущих к нам от букв и звуковой речи, от слов и фраз и вообще от текста» [1. С. 51]. Однако в процессе эволюции языка слово, как в цепочке мнематических энграмм, все более удаляется от реальности и вместо смысла, соответствующего реальности, получает смысл *мнематического* происхождения [1. С. 54]. В результате мы называем реалии не теми словами, которые их наиболее точно обозначают, а теми, к каким мы *привыкли*. Таким образом

возникает *проекция*, заменяющая и подменяющая собой реальность. Отказ от проекции и возвращение к реальности, собственно, и является основной задачей библиопсихологии.

Как конкретно работает *проекция*: поскольку раздражителем может стать и слово, фраза, текст, то они, естественно, при чтении вызывают в психике читателя соответствующую реакцию, возбуждая или экфорирруя целый комплекс энграмм, связанных с определенным психическим опытом, переживаниями. Если когда-то нас кусала пчела, то читая об укусе пчелы мы мнематически воспроизводим, экфорирруем энграммы нашего прошлого опыта [1. С. 53]. В результате этого процесса переживания от прочитанного совмещаются с нашими собственными переживаниями, и возникает то, что мы называем «пониманием книги». Но это «понимание» — реальность не внешнего мира, а исключительно **внутреннего** мира, обусловленного качественным и количественным составом нашей собственной мнемы. Мы отбрасываем на текст проекцию нашей мнемы и то, что *кажется*, принимаем за реальное содержание текста. И каждый читатель видит в тексте только *проекцию* своей мнемы, в результате чего возникают множественные проекции одного и того же текста.

Похожий механизм проекции задействуется в популярном тесте Роршаха, когда испытуемому предлагается интерпретация абстрактного чернильного пятна [11]: разные люди, глядя на одну и ту же картинку, видят, понимают и чувствуют в ней разное, потому что каждый **приписывает** ей разные элементы своей мнемы.

На этом основании Н.А. Рубакин делает следующий вывод: «*Мы знаем не книги и не чужие речи, и не их содержания, — мы знаем наши собственные проекции их, и только то содержание, какое в них мы сами вкладываем, а не то, какое вложил автор или оратор*» [1. С. 59]. Сколько у книги читателей, столько и «содержаний», а сходство или различие в «содержаниях» обуславливаются сходством и различием читательских мнем, и даже изменения в одной и той же мнеме влечет и изменения в «содержании», то есть в проекции.

Рис. 2. Карточка с чернильным пятном из теста Роршаха²
Fig. 2. A card with an ink stain from the Rorschach test

² Режим доступа: https://yandex.ru/images/search?img_url=https%3A%2F%2Fimg.net%2Fh%2Fi968.photobucket.com%2Falbums%2Fae166%2Fzerodrame%2F38174-Rorschach1.png&lr=213&nomisspell=1&noreask=1&pos=20&relev=new_family_filter_disable%3D1&rpt=simage&snip=exps%3Dimg_exp_text_ranker%3Ddummy_passage_ranker&source=qa&srscskip=IMAGESQUICK&srscskip=IMAGESULTRA&text=тест%20роршаха (дата обращения: 23.02.2023).

Естественным продолжением этого вывода является **второй закон библиопсихологии — закон Гумбольдта-Потебни**. Как справедливо замечает Н.А. Рубакин, мы с самого детства привыкли думать, что у слова (текста) есть определенное содержание, и это содержание в слово *вложено* его автором, говорящим или пишущим. Но теория мнемы разрушает это представление: *«слово, которое мы читаем или слышим, не имеет никакого содержания, кроме того, которое мы в него вкладываем в процессе чтения или слушания»* [1. С. 60]. Безусловно, при составлении текста автор пытается *вложить* в свой текст некоторое содержание, но, по теории мнемы, *получить* из текста то же самое, что вложил автор, невозможно, так как любой чужой текст мы знаем только как проекцию элементов нашей собственной мнемы. Можно ли из этого тезиса сделать вывод, что, если мы так ограничены рамками своей мнемы, то понимание текста вообще невозможно?

Если элементы мнемы читателя сходны или даже тождественны элементам мнемы автора текста в момент его составления, то можно предположить большую степень «понимания» такого текста читателем. Соответственно, чем больше тождественных элементов, тем выше степень возможного «понимания». Что, однако, не отрицает изначального принципа работы мнемы: любое раздражение вызывает в мнеме внутренние, субъективные возбуждения, так что *«раздражитель не есть передатчик, а лишь возбудитель переживания»* [1. С. 60]. Поскольку к подобным выводам разными путями и в разное время пришли Вильгельм фон Гумбольдт и А.А. Потебня, Н.А. Рубакин формулирует второй закон библиопсихологии как закон Гумбольдта-Потебни: *«Человеческая речь, как и все элементы ее, вплоть до отдельного слова и даже звука или буквы, суть орудия только возбуждения психических переживаний, в соответствии с особенностями той мнемы, в какой они возбуждаются, а не орудия переноса или передачи этих переживаний. <...> Слово, фраза, книга суть не передатчики, а возбудители психических переживаний в каждой индивидуальной мнемее»* [1. С. 61]. Это значит: что бы ни вложил автор в свой текст, читатель не может это получить, а только сам создать это содержание из элементов собственной мнемы в большей или меньшей степени приближения к недоступному пределу — содержанию, изначально вложенному автором. И такое *«передумывание своих собственных дум над чужой речью»* [1. С. 65] не следует смешивать с переживанием автора и с содержанием его произведения.

Третий основной закон библиопсихологии Н.А. Рубакин назвал законом И. Тэна в честь французского философа, теоретика искусства и литературы, психолога и историка Ипполита Тэна (Hippolyte Adolphe Taine). Третий закон библиопсихологии продолжает второй закон, закон Гумбольдта-Потебни, и описывает процессы накопления энграмм и пополнения мнемы. Н.А. Рубакин формулировал закон Тэна следующим образом: энграммы, непрерывно притекающие в мнемю и обуславливающие собою качественную

и количественную сторону экфорий, всегда находятся в функциональной зависимости, во-первых, с расой, во-вторых, с окружающей средой и, в-третьих, с моментом. В этом случае под особенностями расы понимались наследственные, врожденные явления (естественные рефлексy, темперамент и пр.), под особенностями среды — ненаследственные, внешние, социальные; под особенностями момента — индивидуальные. По мнению Н.А. Рубакина, важнейшими являются именно социальные явления, социальная мнema, так как именно ей «мы обязаны тем, что человек понимает человека, слушающий говорящего, а читающий пишущего. Обоюдное понимание есть явление социальное и результат не иначе как социальных же явлений. Значит, и то содержание, какое каждый из нас приписывает речи, представляет собой тоже социальное явление» [1. С. 76], а также [12–15].

Экспериментальные доказательства теории мнемы Н.А. Рубакина

Достоверная экспериментальная верификация положений теории мнемы Н.А. Рубакина произошла много позже ее публикации и из области сугубо биологических наук и медицины — нейропсихологии и физиологии мозга. Конечно, исследователи-экспериментаторы в этом случае не ставили перед собой задачу доказать именно теорию мнемы, но результаты экспериментов, проведенных нейропсихологами Александром Романовичем Лурией и Ольгой Сергеевной Виноградовой в 1971 г. [16–19], показали объективную психофизиологическую реальность энграмм-ассоциаций, составляющих систему мнемы.

Эксперимент по выявлению и измерению смысловой близости слов А.Р. Лурии и О.С. Виноградовой основывается на сосудистых рефлексах человека. Объективность данных эксперимента обеспечивает то, что инструментально зафиксированные сосудистые рефлексy, полученные на внешние раздражители, невозможно подделать или симулировать. Именно на этом основывается работа известного полиграфа, или «детектора лжи».

Согласно данным физиологии, реакции сосудов пальцев рук и головного мозга можно разделить на три типа: нейтральная, ориентировочная, защитная.

При **нейтральной** реакции на раздражитель-стимул сосуды рук и головного мозга находятся в обычном, нормальном для организма состоянии и не демонстрируют никаких изменений. При **ориентировочной** реакции, когда человек активно реагирует на внешний раздражитель-стимул, но без мобилизации организма, сосуды пальцев сжимаются, а сосуды головы расширяются, активно питая мозг кровью и настраивая на усиленную ориентацию в ситуации. При **защитной** реакции, когда человек также активно реагирует на внешний раздражитель-стимул, но при этом мобилизует силы организма на сопротивление внешнему воздействию, сосуды пальцев и головного мозга сжимаются. Специальные датчики, размещенные на теле испытуемого, фиксируют каждую реакцию организма.

В качестве раздражителя-стимула экспериментаторы выбрали комплексное воздействие: испытуемому предъявляли слово-стимул «скрипка» и одновременно наносили несильный, но чувствительный и неприятный удар током. В результате воздействия у испытуемого вырабатывалась стойкая защитная реакция, которая сохранялась даже тогда, когда человек слышал слово-стимул «скрипка», но удара током не было.

На следующем этапе эксперимента испытуемому предъявляли ряд других слов-стимулов, однокоренных с исходным стимулом «скрипка» или тесно связанных с ним по смыслу (например, «скрипач», «смычок», «струна» и пр.). В ответ на эти стимулы испытуемый также демонстрировал защитную реакцию [16]. Когда испытуемому предъявляли стимулы — названия неструнных музыкальных инструментов (например, «барабан», «труба») или названия, связанные с музыкой вообще (например, названия музыкальных сочинений, особенности исполнения и пр.), или слова, фонетически близкие к исходному стимулу «скрипка» (например, «скрепка», «скрипеть»), то испытуемый демонстрировал ориентировочную, более слабую, сосудистую реакцию. На третью группу стимулов, вообще не связанных с исходным ни семантически, ни фонетически (например, «облако», «шкаф»), сосудистая реакция была нейтральной.

Этот эксперимент А.Р. Лурии и О.С. Виноградовой показывает и убедительно доказывает именно то самое устройство мнемы как сложной системы ассоциативных связей между записями-энграммами, полученными в результате возбуждения организма в ответ на внешний раздражитель, описанное Н.А. Рубакиным. Конечно, в случае мнемы устройство будет более сложное, чем то, что демонстрирует эксперимент, так как реакции-энграммы могут быть получены от любого раздражителя физического или нефизического характера, а также от экфорий предыдущих энграмм. Но даже этот эксперимент, показавший лишь часть сложного устройства мнемы доказывает основные положения теории Н.А. Рубакина: характер энграмм как записей воздействия внешнего стимула, ассоциативную связь разной силы между энграммами, системное устройство мнемы и ее нелинейный и диссипативный (рассеянный) характер. Эти выводы подтверждаются и данными лингвистической науки: многочисленными ассоциативными экспериментами, материалом ассоциативных словарей и тезаурусов [20].

Заключение

Теория мнемы описывая процессы в человеческой психике при контакте с окружающей действительностью и со словом как одним из элементов этой окружающей действительности непременно должна составить методологический фундамент филологических и других гуманитарных наук. Экспликация процессов, формирующих мнему и создающих проекции при восприятии и переживании текста, не позволит ученому совершить серьезную

методологическую ошибку: принять собственную проекцию за содержание текста, собственные мысли и переживания за мысли и переживания автора в момент составления текста. Практическое применение теории позволяет углубить представления о сверхкатегории образа автора (как художественного, так и публицистического, научного текста) как сложного организующего начала, придающего тексту внутреннее единство, вводящего и закрепляющего смыслы, обуславливающего содержательную направленность, что хоть несколько позволит раскрыть идею текста, т. е. именно те переживания, что возникали у автора в момент его творчества.

Теория мнемы позволит обозначить и глубже описать образ и образное мышление в науке как способ экономно выражать сложную мысль и особый способ познания через переживания (возбуждения соответствующих энграмм, экфорирования), а также механизмы и особенности ассоциирования.

Системный подход, представленный в теории мнемы, дает богатый материал для размышления не только ученым, занимающимся исследованием текста, но и языковедам-теоретикам, типологам. Теория позволяет усилить объяснительный потенциал системной лингвистики Г.П. Мельникова как естественное продолжение и развитие идей В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни.

Н.А. Рубакин замечал, что под *использованием* библиопсихологических ценностей следует понимать *превращение их в жизнь*. Теория мнемы обязательно должна быть *использована* и не только в научном, но и в социальном, психологическом и самом широком поле. Если мы знаем, как рождается непонимание, мы скорее можем достичь его альтер эго — понимания.

Библиографический список

1. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию. М.: Книга, 1977.
2. Бородина В.А. Библиопсихология в культуре текстовой деятельности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 3(36). С. 137–141.
3. Бородина В.А. Современная библиопсихология в контексте наследия Н.А. Рубакина // Сфера культуры. 2022. № 2(8). С. 91–100. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2022_8_91
4. Леонтьев А.А. О Н.А. Рубакине // Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию. М.: Книга, 1977. С. 3–5.
5. Сорокин Ю.А. Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина // Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию. М.: Книга, 1977. С. 6–15.
6. Крук Т.К. Николай Александрович Рубакин // Рубакин Н.А. Как заниматься самообразованием. М.: Советская Россия, 1962. С. 3–28.
7. Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике // Избранное: в 2 томах. Т. 1. М.: Книга, 1975. С. 33–104.
8. Рубакин Н.А. Среди книг // Рубакин Н.А. Избранное: в 2 томах. Т. 1. М.: Книга, 1975. С. 107–211.
9. Рубакин Н.А. Библиологическая психология. М.: Академический проект; Триеста, 2006.
10. Рубакин А.Н. Рубакин (Лощман книжного моря). М.: Молодая гвардия, 1967.

11. *Роршах Г.* Психодиагностика: Методика и результаты диагностического эксперимента по исследованию восприятия (истолкование случайных образов) / Пер. с немецк. В.И. Николаева. М.: Когито-Центр, 2003.
12. *Валентинова О.И., Никитин О.В.* Когнитивная картина мира в идеологическом ракурсе статей лингвистического словаря (на материале первого издания энциклопедии «Русский язык») // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 119–128. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-119-128>
13. *Валентинова О.И.* Образное мышление в науке (на материале сочинения В.О. Ключевского «История России») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 48–57. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048>
14. *Валентинова О.И., Ван Лэлэ.* Проявление категории образа автора в характеристике правления Петра Великого (на материале сочинения В.О. Ключевского «Русская история») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 775–789. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-775-789>
15. *Бахтикуреева У.М., Валентинова О.И.* Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 1. С. 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>
16. *Лурия А.Р., Виноградова О.С.* Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 27–63.
17. *Виноградова О.С., Эйслер Н.А.* Выявление системы словесных связей при регистрации сосудистых реакций // Вопросы психологии. 1959. № 2. С. 101–117.
18. *Леонтьев А.А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 7–19.
19. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Московского университета, 1979.
20. *Арутюнян В.Г.* Ассоциативно-семантический сетевой принцип организации ментального тезауруса человека // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 11. С. 128–134.

References

1. Rubakin, N.A. (1977). *Psychology of the Reader and Books: a Brief Introduction into Bibliological Psychology*. Moscow: Kniga. (In Russ.).
2. Borodina, V.A. (2018). Bibliopsychology in Culture of Textual Activity. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 3(36), 137–141. (In Russ.).
3. Borodina, V.A. (2022). Today's Library Psychology in the Context of N.A. Rubakin's Legacy. *Sphere of Culture*, 2(8), 91–100. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2022_8_91 (In Russ.).
4. Leont'ev, A.A. (1977). About N.A. Rubakin. In: *Rubakin N.A. The Psychology of the Reader and Books: a Brief Introduction to Bibliological Psychology*. Moscow: Kniga. pp. 3–5. (In Russ.).
5. Sorokin, Yu.A. (1977). The Bibliopsychological Theory of N.A. Rubakin. In: *Rubakin N.A. Psychology of the Reader and Books: a Brief Introduction to Bibliological Psychology*. Moscow: Kniga. pp. 6–15. (In Russ.).
6. Kruk, T.K. (1962). Nikolay Aleksandrovich Rubakin. In: *Rubakin N.A. How to Engage in Self-Education*. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. pp. 3–28. (In Russ.).
7. Rubakin, N.A. (1975). Studies About the Russian Reading Public. In: *Rubakin N.A. Favorites: in 2 vols*. Vol. 1. Moscow: Kniga. pp. 33–104. (In Russ.).
8. Rubakin, N.A. (1975). Among the Books. In: *Rubakin N.A. Favorites: in 2 vols*. Vol. 1. Moscow: Kniga. pp. 107–211. (In Russ.).
9. Rubakin, N.A. (2006). *Bibliological Psychology*. Moscow: the Trikssta Academic Project. (In Russ.).
10. Rubakin, N.A., (1967). *Rubakin (Guide of the Sea of Books)*. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russ.).

11. Rorschach, G. (2003). *Psychodiagnostics: Methodology and Results of a Diagnostic Experiment to Study Perception (Interpretation of Random Images)*, V.I. Nikolaev (Tr.), Moscow: Kogito-Center. (In Russ.).
12. Valentinova, O.I. & Nikitin, O.V. (2022). Cognitive World View from Ideological Perspective of Linguistic Dictionary Entries (based on Material from Encyclopaedia “Russian Language”, first edition). *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 119–128. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-119-128> (In Russ.).
13. Valentinova, O.I. (2022). Imaginative Thinking in Science (Based on the Material of V.O. Klyuchevsky’s Essay “The History of Russia”). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 4, 48–57. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048> (In Russ.).
14. Valentinova, O.I. & Van, Lele (2020). Manifestation of the Author’s Image Category in the Characteristics of the Reign of Peter the Great (Based on the Material of V.O. Klyuchevsky “Russian History”). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 775–789. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-775-789>. (In Russ.).
15. Bakhtikireeva, U.M. & Valentinova, O.I. (2022). “Language Thinking” from the Perspective of System Linguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 26(1), 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149> (In Russ.).
16. Luria, A.R. & Vinogradova, O.S. (1971). Objective Study of the Dynamics of Semantic Systems. In: *Semantic Structure of the Word, Psycholinguistic Studies*. Moscow. pp. 27–63. (In Russ.).
17. Vinogradova, O.S. & Eisler, N.A. (1959). Identification of the System of Verbal Connections in the Registration of Vascular Reactions. *Voprosy Psichologii*, 2, 101–117. (In Russ.).
18. Leontiev, A.A. (1971). Psychological Structure of Meaning. In: *Semantic Structure of the Word, Psycholinguistic Research*. Moscow. pp. 7–19. (In Russ.).
19. Luria, A.R. (1979). *Language and Consciousness*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.).
20. Arutyunyan, V.G. (2013). Associative-Semantic Network Principle of Human Mental Thesaurus Organization. *Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University: Philology, Pedagogy, and Psychology*, 11, 128–134. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Бубнова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *научные интересы*: семиотика, семантика, системология, герменевтика, семантическая типология текстов; *e-mail*: bubnova-na@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-8293-1399. ResearcherID: AAA-1513-2019. SPIN-код: 9065-7172, AuthorID: 187596.

Information about the author:

Natalia A. Bubnova, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: semiotics, semantics, systemology, hermeneutics, semantic typology of texts; *e-mail*: bubnova-na@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-8293-1399. ResearcherID: AAA-1513-2019. SPIN-code: 9065-7172, AuthorID: 187596.

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-51-63

EDN: EWFLKE

УДК 81'42:82-1:159.9

Научная статья / Research article

Образы: когнитивный механизм, поэтика, семиосфера

Л.А. Шестак Волгоградский государственный социально-педагогический университет, *Волгоград,*
Российская Федерация✉ l_shestak@mail.ru

Аннотация. Исследуется феномен образа как понятия многих гуманитарных наук. Рассматривается когнитивный механизм создания языкового и текстового образа (апперцепция, аппликация фреймов совпадающим слотом, базовая категоризация мира). Приводится типология языковых образов: акустический образ как второй канал смысла, наряду с лексико-семантическим; средства образной деривации; образная внутренняя форма слова вторичной прямой номинации (*осточертеть, накостылять*); лексическая образность и синтагматика прямых и образных значений монокодового (метафоры одной тематической зоны) и поликодового (метафоры разных тематических зон) типа. Делается вывод, что семантическая синтагматика образных средств языка демонстрирует действие закона семантического согласования на уровне как эксплицитных, так и имплицитных языковых средств. Рассматриваются виды текстовой образности (образная деталь, образ-персонаж, соотношение образной структуры текстов с понятиями языка и стиля). Исследуется культурологическая образность именований-характеристик культурных парадигм Европы — античности, Средневековья, Ренессанса, Нового времени; эволюция цивилизационных смыслов прежних эпох и превращение их в образы современного языка (*египетский труд, высокие амфоры ног, площадная брань, макиавеллизм*). Делается вывод о функции образа как систематизатора, параметра онтологии. Метафора при этом — магический кристалл фокусировки пространства, времени и мысли, языковой способ соединения одновременности и непрерывности движения культуры. Научная новизна исследования заключается в выявлении механизма семантической синтагматики прямых и образных значений лексем (итеративность денотативных, коннотативных и потенциальных сем; системность семантики — сочетаемость тематических зон «антропоморфная метафора — артефактная метафора, антропоморфная метафора — натурморфная метафора, фитоморфная метафора — зооморфная метафора» и т.п.), а также в установлении семиотической эволюции цивилизационных смыслов культурных парадигм — исторической трансформации, в силу утраты денотатов и референтов, имен денотатов в характеристики широкого спектра объектов: *патрицианский профиль А. Ахматовой* (М. Цветаева) 'римский', 'с горделивой посадкой головы'; *мари-*

© Шестак Л.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

онетка 'несамостоятельный субъект', 'государство под внешним управлением', *барочный торт* (Л. Улицкая) 'излишне декорированный'. Предлагается алгоритм анализа полиметафорического поэтического текста.

Ключевые слова: образ, семантическая монокодовая, поликодовая синтагматика, цивилизационные смыслы

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Шестак Л.А. Образы: когнитивный механизм, поэтика, семиосфера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 51–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-51-63>

Images: Cognitive Mechanism, Poetics, Semiosphere

Larisa A. Shestak

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

✉ l_shestak@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the phenomenon of the image as a concept of many humanities. The cognitive mechanism for creating a linguistic and textual image (apperception, application of frames with a matching slot, basic categorization of the world) is under consideration. A typology of linguistic images is given: an acoustic image as a second channel of meaning, along with a lexical-and-semantic one; the means of figurative derivation; a figurative internal form of a word of a secondary direct nomination (*осточертеть, накостылять*); lexical figurativeness and syntagmatics of direct and figurative meanings of a monocode (metaphors of one thematic zone) and polycode (metaphors of different thematic areas) kind. It is concluded that the semantic syntagmatics of figurative language means demonstrates the operation of the law of semantic agreement at the level of both explicit and implicit language means. The types of text figurativeness (figurative detail, image-character, correlation of the figurative structure of texts with the concepts of language and style) are considered. The cultural imagery of naming-characteristics of the cultural paradigms of Europe — Antiquity, Middle Ages, Renaissance, Modern times; the evolution of civilizational meanings of previous epochs and their transformation into images of modern language (*египетский труд, высокие амфоры ног, площадная брань, макиавеллизм*) is under the studies. The conclusions are made about the function of an image as a systematizer, an ontology parameter. At the same time, metaphor is a magic crystal of focusing space, time and thought, a linguistic way of connecting simultaneity and continuity of the development of culture. The scientific novelty of the study lies in the identification of the mechanism of semantic syntagmatics of direct and figurative meanings of lexemes (iteration of denotative, connotative and potential senses; semantic consistency — compatibility of thematic zones “anthropomorphic metaphor — artifact metaphor, anthropomorphic metaphor — naturalomorphic metaphor, phytomorphic metaphor — zoomorphic metaphor”, etc.), as well as in establishing the semiotic evolution of the civilizational meanings of cultural paradigms — the historical transformation, due to the loss of denotations and referents, of the names of denotations into the characteristics of a wide range of objects: *патрицианский профиль А.Ахматовой* (М. Tsvetaeva) as ‘Roman’, ‘with a proud landing of the head’; *марionетка* ‘non-independent subject’, ‘state under external control’, *барочный торт* (L. Ulitskaya) ‘overly decorated’. The article proposes an algorithm for the analysis of a polymetaphorical poetic text.

Keywords: image, semantic monocode, polycode syntagmatics, civilizational meanings

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Shestak, L.A. (2024). Images: Cognitive Mechanism, Poetics, Semiosphere. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 51–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-51-63>

Введение. Методология

Образ — термин гуманитарных наук: психологии, лингвистики, литературоведения, культурологии. Онтологически образ является когнитивным усилием фиксации континуального (*течение мысли*), «абрисного» восприятия неизвестного (контуры объектов дают возможность заменять один концепт на другой [1. С. 9–13], акцентирования главного (*Но еловая готика русских равнин поглощает ответ...; Только груды белых тарелок выглядит на плите, как упавшая пагода в профиль*, И. Бродский).

Лингвистический механизм создания языкового образа и типология языковой, текстовой и культурологической образности исследовались методами когнитивной лингвистики (понятия фрейма и слота), психологии (апперцепция, абрисное восприятие, сопоставление объектов как предпосылка метафоризации), компонентного анализа (семантические сужение, расширение, сдвиг, перенос, синтагматика), теории текста (метатекстовые знаки, сильные позиции текста), семиотики (типология знаков, эволюция знака в тексте), культурной эволюции (исторические траектории цивилизационных смыслов предыдущих эпох).

Результаты исследования

Когнитивный механизм образа

Когнитивным механизмом образа являются апперцепция, аппликация фреймов совпадающим слотом, базовая категоризация мира. Апперцепцией является воздействие предыдущего опыта человека на его восприятие предметов и явлений¹, познание нового предмета сквозь призму уже известного и возможность переноса на новый предмет сходных с его внешним видом, функциональным назначением, характеристиками черт уже известного предмета. Примерами совпадающих слотов разных фреймов является слот ‘трудность’ фреймов ‘дорога’ и ‘подъем в гору’, являющийся основой образов *ухабы судьбы*, *Умный в гору не пойдет*, *Дорогу осилит идущий*. Осмысление слота дает разнонаправленные метафоры: мост как преодоление препятствий, как средство достижения цели, как связь идей или событий и пр. [2. С. 122–126].

¹ Философия: энциклопедический словарь / под редакцией А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 30.

Языковая картина мира как исторически вербализованный тезаурус оформляется преимущественно базовой лексикой [3] (видовое обозначение стереотипного предмета — *солнце, лиса, дерево, дом* в противовес родовому *светило, млекопитающее, растение, строение* или подвиду *колибри, баобаб, коттедж*). Именно базовая лексика подвергается метафоризации, оставляя род и подвид профессиональному дискурсу.

Типология языковых образов

В языке образ сопровождает многие единицы: акустический образ эха как повтора лабиализованных (*На всякий звук свОй Отклик в Воздухе пУстОм родишь ты вдрУг*, А. Пушкин), звуков скрипки в стихотворении О. Мандельштама «За Паганини длиннопалым» (*ДевЧонка, выскоЧка, гордЯЧка, Чей звук широк, как Енисей, — Утешь меня игрой своей: На голове твоей, поляЧка, Марины Мнишек холМ кудрей, СМычок твой Мнителен, скрипаЧка*), чавкающей грязи и скрипа веревки виселицы в стихотворении Бориса Чичибабина «Когда трава дождем сечется» (*Когда трава дождем сеЧется и у берез стволы соЧатся, одна судьба у пугаЧевца — на виселице покаЧаться. И мы каЧаемся, босые, в полях обшмыганных и Черных. О нас неЧалится Россия оЧами синими девЧонок...*), стрекотания южных насекомых (*Там у синего моря Цветы на камнях розовели и дремалось Цветам под языческий Цокот Цикад — Б. Чичибабин*); ощущения запыленности опустевшей мастерской художника в стихотворении Новеллы Матвеевой «Рембрандт» (*Пылится Палитра. Паук на рембрандтовской раме в Пыли Паутины расПластан. На кладбище нищих в старинном седом Амстердаме лежит император контрастов*). Образ в форме коннотативных сем служебных морфем создает оценочность деривата (*старушениця* ‘ирон. фам. старая женщина, старуха’, *огрести* ‘неодобр. получить, захватить в большом количестве’. Что касается лексической номинации, образом является внутренняя форма многих слов вторичной прямой номинации (*осточертеть, крохобор, накостьлять, съежиться, окаянный*) и перенос по сходству (метафора) вторичной косвенной номинации, как общеязыковая (замена архисемы при сохранении дифференциатора — *ветка* ‘боковой побег дерева’ > *ветка* ‘железнодорожная линия’ или актуализация потенциальных сем, стандартных ассоциаций — *талмуд* ‘священная книга иудаизма’ > *талмуд* ‘объемное, сложное для восприятия сочинение’ [4. С. 60, 64]), так и авторская, актуализирующая индивидуальный ассоциативный ореол лексемы (*С поднятых весел стекала лиловая ртуть*, К. Паустовский; *А белый стих похож на белый сад, В котором отпорхавшие колибри — Опавшие созвучья не летят, А на ледок прудов они налипли* (Л. Мартынов)). Индивидуальные ассоциации, тем не менее, могут иметь национальную окраску, ср. *кривое ястребиное перо* как орудие поэта или *курганная луна* как элемент родного для поэта пейзажа [5. С. 252, 254].

При переносе же метонимическом (появление новой архисемы при сдвиге старой на положение дифференциатора (*вентиляция* ‘проветривание помещений’ > *вентиляция* ‘устройство для проветривания помещений’ [2. С. 60, 64]), образность присутствует далеко не всегда. В случаях метонимии, действительно, имеет место мена архисемы, что указывает на переносное значение, а не на семантическое расширение семемы (*палец*), сужение семемы (*платье*) или семантический сдвиг (*бор*) [6]. Но естественная метонимия таксономических рядов создает безобразные наименования «процесс — предмет для этого процесса, материал — изделие из него» и проч. Хотя синекдоха как подвид метонимии все-таки создает гештальт — смазанный, редуцированный образ [7. С. 190] в силу несоответствия функций или свойств части и целого: *Гитары, скрипка и саксофон, прежде чем начать играть, выпивают по стакану пива. Протирая круглые очки, саксофон делится со скрипкой городскими новостями*, В. Инбер; *Лучшие ноги страны съехались в Москву на совещание, чтобы поговорить о низкой результативности игры в футбол, «Крокодил»; Подолгу наблюдали мы закат, соседей наших клавиши сердили, к старинному роялю музыкант склонял свои печальные седины*, Б. Ахмадулина. В последнем случае метонимия двойная: *клавиши* — часть рояля, *рояль* — инструмент, продуцирующий звуки; *седины* — седая часть волос, *волосы* — часть головы.

Семантическая синтагматика образных средств языка

В отличие от синтагматики прямых значений слов, базирующейся на итеративности [8. С. 13] денотативных сем (*Трубы передовой колонны играют мари*), синтагматика образных значений обеспечивается итеративностью прежде всего факультативных и потенциальных сем — ассоциаций.

Графически номинативную формулу сочетания прямых и переносных значений в речи можно обозначить как D — денотативное (прямое) и O — образное (метафорическое или метонимическое) значение. Тогда чередование прямых и переносных значений в тексте схематично будет выглядеть, как D O O D D... Приведем примеры сочетаемости лексем в прямом значении с лексемами однотипной и разнотипных тематических зон (монокодовой и поликодовой метафоризации, термин наш [9. С. 111–116]).

В строке *Мертвецкая мгла, И с тумбами вровень В каналах — тела Утопленниц-кровель* (Б. Пастернак) лексема *мертвецкая* употреблена в переносном значении ‘сильная’ и/или ‘страшная’ (‘вызывающая страх’), лексема *мгла* — в прямом денотативном значении ‘туман’, лексемы *тумбы*, *вровень*, *каналы* — в прямом денотативном значении, лексема *тела* — в переносном значении ‘отражения’, лексема *утопленницы* — в переносном значении ‘находящиеся в воде’, лексема *кровли* — в переносном (метонимическом) обозначении целого по части: ‘здания’. Для художественного описания ситуации Б. Пастернак использует сравнения преимущественно

одной тематической области — вида мертвых тел. Из четырех образных употреблений три являются антропоморфными метафорами, базирующимися на сравнении с человеком, четвертое образное употребление — метонимией целого по части. Графически такую аранжировку смысла можно обозначить цифровыми маркерами как $O_1 D D D D O_1 O_1 O_2$. Таким образом, синтагматика прямых значений и переносных значений одной тематической зоны сравнения также представляет собой повтор сем, но для одних лексем эти повторяющиеся семы являются облигаторными, входящими в семему, дифференцирующими ('вода' для лексем *канал*, 'место' / 'поверхность' для лексем *канал* и *утопленницы* 'находящиеся в воде'), а для других лексем — потенциальными ('страх' для лексем *мертвецкая* и *мгла*, 'рефракция' для лексем *тела* 'отражения').

В поэтической миниатюре *В больничном саду воскресник. На липы и на дубы Халатики, встав на лесенки, Накладывают бинты. Халатики отлетели! Но снятся дубам с тех пор Ментоловые метели Взволнованных медсестер* (А. Вознесенский) синтагматика обеспечивается денотативными семами d_1 'растение' для лексем *липы, дубы, сад*; d_2 'медицина' для лексем *больничный, бинты, ментоловый, медсестры*; d_3 'чистота', d_4 'порядок' для лексем *воскресник, накладывают бинты* 'белят деревья'; коннотативными семами k_1 'уменьшительно-ласкательная оценка' для лексем *халатики, лесенки*, а также потенциальными семами p_1 'белый' для лексем *халатики* (медицинские), *ментоловых, метели*; p_2 'свежесть' для лексем *халатики, ментоловых, метели*; p_3 'радость' для лексем *воскресник, халатики, дубы*; p_4 'надежды' для лексем *воскресник, взволнованных*; p_5 'легкость' для лексем *халатики, отлетели*.

Синтагматика отрывка поэмы Е.А. Евтушенко «Фуку» *Бардак в любой стране грозит обвалом хотя бы тем, что в чреве бардака порой и мягкотелым либералам с приятцей снится сильная рука. Потом, как будто мыслящую кильку, за мягкотелость отблагодаря, она берет их, тепленьких, за шкурку и набивает ими лагеря* обеспечивается сочетаемостью метафор 6 тематических зон: антропоморфной (*грозит, снится, сильная рука, отблагодаря, берет*), натурморфной (*обвалом*), зооморфной (*мягкотелость, за шкурку*), гастрономической (*кильку*), артефактной (*набивает*). Синтагматика обеспечивается денотативными семами d_1 'анархия/безвластие' (лексем *бардак, обвал*); d_2 'диктатура' (ФЕ *сильная рука*); d_3 'репрессии' (*берет за шкурку, набивает лагеря*); коннотативными семами k_1 'горечь'; k_2 'сарказм' (*как будто мыслящую кильку, за мягкотелость отблагодаря*) и потенциальными семами p_1 'ночной'; p_2 'арест' (*берет их, тепленьких,...*); p_3 'массовость' репрессий (*набивает*); p_4 'стадион' в p_5 'Сантьяго де Чили', где p_6 'был расстрелян', p_7 'Виктор Хара'. Семантическая синтагматика образных средств языка демонстрирует действие закона семантического согласования на уровне как эксплицитных, так и имплицитных языковых средств. Текстовая функция сквозных сем заключается не только в обеспечении дистантной семантической

связности, но и в создании эмоциональной тональности отрывка: атмосферы восторженности, тревожности и т.п.

Тематические зоны сочетающихся метафор также демонстрируют системную связь на смысловом «микроуровне»: антропоморфная метафора — артефактная метафора, антропоморфная метафора — натурморфная метафора, фитоморфная метафора — зооморфная метафора и т.п. Приведем примеры поликодового выражения смыслов из поэзии Б. Пастернака: *Вокзал, несгораемый ящик Разлук моих, встреч и разлук, испытанный друг и указчик, Начать — не исчислить заслуг...* — артефактная и антропоморфная метафоры; *За окнами давка, толпится листва, И палое небо с дорог не подобрано* — антропометафора и фитометафора; *Накрапывало, — но не гнулись И травы В грозовом мешке. Лишь пыль глотала дождь в пилюлях, железо в тихом порошке* — антропоморфная (глотала) и три артефактных (в мешке, в пилюлях, в порошке) метафоры; *И с ними, выгнувшись трубою, здороваются горизонт* — зоометафора, артефактная и антропометафора; *Коптивший рассвет был снотворным. Не иначе: Он им был подсыпан — заводам и горам — Лесным печником, злыязычным Горынычем, как опий попутчику опытным вором.* — натурметафора (коптивший), медицинские метафоры (снотворным, подсыпан) и сравнение (опий), антропометафора (подсыпан), зооморфно-мифологическая метафора (Горынычем), социоморфная метафора (печником) и два социоморфных сравнения (попутчику; опытным вором).

Векторами изменения синтагматики поэтического текста (XIX — начало XXI в.) являются увеличение метафорических зон текста (экономическая, техническая, политическая, компьютерная метафоры); их таксономически не смежный характер (гастрометафора и политическая метафора, медицинская метафора и натурметафора); стилистическая диффузность текста, позволяющая вводить в него элементы иных лексических зон (термины, архаическая лексика, просторечие, жаргон, заимствования, официально-деловая лексика); увеличение вследствие этого количества сем, обеспечивающих когерентность текста посредством сквозных сем текстовой синтагматики преимущественно факультативного (тональность текста, оценки) и потенциально го (ассоциации, фоновое и энциклопедическое знание) характера.

Стилистическая палитра образных средств

Палитрой образности являются средства выразительности языка — тропы и фигуры. Образными являются многие тропы (эпитет — *А волны моря с печальным ревом о камень бились..;* *Между тучами и морем гордо реет Буревестник..*, М. Горький; *Мороз-воевода дозором обходит владенья свои*, Н. Некрасов; олицетворение — *Утешится безмолвная печаль, и резвая задумается радость...* А. Пушкин), трансформируемые и в фигуры — синтаксические сравнения (*...Чичиков все еще стоял неподвижно на одном и том же месте, как человек, который весело вышел на улицу с тем, чтобы прогуляться,*

с глазами, расположенными глядеть на все, и вдруг неподвижно остановился, вспомнив, что он позабыл что-то, и уж тогда глупее ничего не может быть такого человека: миг беззаботное выражение слетает с лица его; он силится припомнить, что позабыл он, не платок ли, но платок в кармане, не деньги, но деньги тоже в кармане; все, кажется, при нем, а между тем какой-то неведомый дух шепчет ему в уши, что он позабыл что-то, Н. Гоголь).

Текстовая образность

Наконец, образными семиотическими объектами являются тексты, персонажи (Гамлет), детали (породистый завиток на шее Анны Карениной), ключевые слова-символы, представляющие трансформацию знака иконического в индексальный и символический: *футляр* ‘чехол из серой замши’ — ‘предметы, защищающие от внешних воздействий’ (*пальто на вате, верх пролетки извозчика*), — ‘охранительство, боязнь новизны’, А. Чехов. Знак вводится в текст как икона (высокий, лохматый, неразговорчивый Базаров), затем становится индексом, а по прочтении романа воспринимается как символ — символ разночинца, представителя «новых людей» в России [10. С. 30–31].

В литературоведении образами считаются маркеры языка и стиля писателя (*тургеневская девушка* — «душа, фея усадьбы» [11. С. 51], «кроткие» у Достоевского, психологизм и гуманизм его романов), ключевые типы эпохи (*лишние люди* и *новые люди* XIX в., строители «голубых городов» XX в. и т.п.). Терминологически закреплен *образ автора* — «образ изобразителя, отраженный в изображенном» [12. С. 569].

Образы культуры

Наконец, в искусствоведении и истории образами именуют идеологию эпохи (*барокко* как выражение пессимизма и гедонизма) [13. С. 219–225; 14. С. 208], временные промежутки (*Средние века*), их характерные черты (*И в сфере звезд, и в облаке планет На атомы Вселенная крошится, Все связи рвутся, все в куски дробится, Основы расшатались, и сейчас Все стало относительным для нас. Дж. Донн; «башни стрельчатой рост», О. Мандельштам; «век суетных маркиз», В. Брюсов). И здесь образ выступает в функции систематизатора, параметра онтологии.*

Образ есть эстетика идеологии — стиль эпохи, принципы оформления, языковые предпочтения: *Священная римская империя*, воссоздающая покоренную античность; подчеркнуто «вещное», филигранное, вычурное *барокко*, отразившее фрустрацию религиозного сознания эпохи материалистических атомно-молекулярных открытий и разрыв вековых крестьянских традиций существования «всем миром» периода формирования мануфактурного производства и миграции рабочих рук; *ампир* периода наполеоновских завоеваний как сублимация государственного величия, надличностных целей и смыслов, наднациональных («супернациональных») форм. Являясь целью

рассмотрения, предметом тщательных штудий иных дисциплин (истории, культурологии, эстетики), образ как стиль не только оформляется языком (*античность русского слова* — С. Аверинцев, «Арабески» Н. Гоголя), но служит деривационным фоном номинации (*в темпе вальса; акварельная красота Катрин Денев; У меня прическа — «Яйцо Фаберже»* — Устная речь), диктует «языковой вкус эпохи» — В. Костомаров.

Культурная эволюция цивилизационных смыслов

Термин «цивилизационные смыслы» был предложен нами для обозначения понятий, выработанных Древними Царствами, античностью, Средневековьем, Ренессансом и Новым временем [9. С. 244–261]. Понятие цивилизации при этом используется не в понимании О. Шпенглера, где цивилизация, в отличие от культуры, — мертвые материальные остатки (развалины римского Форума) [15], а в трактовке Л.Н. Гумилева — как наследство предыдущих эпох, которым активно пользуются потомки [16]. Под цивилизационными смыслами нами понимаются понятия, ассоциации, реминисценции, связанные с определенной культурной парадигмой (Древние Царства, античность, Средневековье, Ренессанс, Новое время), используемые потомками.

Значительная часть цивилизационных смыслов дошла до нас в неизменном виде: термины (*география*), названия предметов (*акведук*). Но большая часть понятий гуманитарной сферы эволюционировала: новые средства производства меняли социальные отношения. Именно в сфере обозначения социума заметны эволюционные смысловые сдвиги.

Именованная социальной стратификации, «путешествуя» по историческим траекториям, многократно меняли свои значения и функции. Путь развития понятийного наследия в форме полисемии сохранили толковые словари: *Плебей* [лат. plebejus] 1. ‘В Древнем Риме: представитель низшего сословия, лично свободный, но лишенный возможности пользоваться политическими и гражданскими правами и не владеющий общинной землей (в противоположность патрицию)’. 2. ‘В Западной Европе в средние века: представитель городской бедноты’. 3. ‘Человек недворянского происхождения, выходец из низших сословий (именовавшийся так в дворянских кругах)’. 4. ‘Разг. О человеке невежественном, с грубыми, вульгарными манерами’². Принадлежность лексемы к наследию древних цивилизаций оформляется компонентным составом слова — коннотативными семантиками исторического и культурологического характера: Симпозиум [лат. symposium — ‘пиршество’ из греч.]. Собрание, конференция (обычно с участием представителей разных стран) по какому-л. специальному (научному) вопросу: Симпозиум по вопросам генетики³.

² Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 840.

³ Там же. С. 1186.

Цивилизационные смыслы великих парадигм развития человечества являются безусловной принадлежностью дискурса современной русской языковой личности. Это такие понятия Античности, как *гражданин, государство, демократия, патриций, долг, гармония, идеал, кентавр, одиссея*; понятия Средневековья *грех, вина, покаяние, иезуит, инквизиция, индульгенция, миссионер, шут, балаган, марионетка, фарс, схоластика* и пр.; выработанные Ренессансом понятия *личности, индивидуального, тривиального, путешествия, утопии, эссе, донкихотства*, введенные Новым временем понятия *атома*, в том числе социального, *механики, вакуума, гравитации, аскетизма, пира во время чумы, профессионализма, природы как Книги мира и мира как Театра*.

Цивилизационные смыслы предыдущих эпох в движении по своей исторической траектории, будь то зигзаги истории или плавная эволюция [11. С. 48–50], теряют референциальную отнесенность и исторические сигнификаты, приобретают оценочность, актуализируют культурный ореол. Вектором эволюции цивилизационных смыслов является их расширение и переосмысление как механизм приспособления к новым эпохам, перехода из имен экономики и политики в метафоры, средство поэтики, стилевые эмблемы. Эволюционной траекторией развития цивилизационных смыслов является выводное или пояснительное знание: *патрицианский* — а поэтому ‘держатся с достоинством’; *шут* — поэтому ‘смешной’; *марионетка* — поэтому ‘несамостоятельная’; *развилка* — поэтому ‘выбор’; *кентавр* — т.е. ‘гибрид’; *утопия* — т.е. ‘несерьезное’. Лингвистически выводное и пояснительное знание оформляется как метафора (*кентавр, шут, иезуит*), переосмысление символического значения — эмблема (*фортуна* — богиня судьбы в виде женщины, стоящей с повязкой на глазах на колесе или шаре), метонимия (*пенаты*), расширение (*тривиальный*) и сужение (*эпикурец*) значения, синтагматическая цепь (*брат Ромула*), калькирующий перифраз (*trivium* — *перекресток трех дорог*), лексикализация (*парабеллум* от лат. *para bellum* ‘готовься к войне’), прецедентный текст (*Тут, как бывает во сне, и возникла истина: не когито эрго сум, а люблю эрго сум* — Ю. Трифонов; **Так проходит слава мира** (*Sic transit gloria mundi* «*Так проходит земная слава*» [17. С. 641]). *Мартина Хингис потерпела поражение от Елены Дементьевой* — НТВ. 23.12.07; *Почему китайский лидер, презентуя «городу и миру» проект новой международной общности, настолько занизил его реальный экономический потенциал?* — *Завтра*. 2018. № 37. С. 4; *Крит можно назвать аналогом нашего Иванова. Подсмотреть за жизнью Пенелоп отправился наш корреспондент* — НТВ. 22.06.07; *Российские олигархи Толик и Андрей за ужином в ресторане решили купить всю итальянскую недвижимость, но отравились фуагра. Так во второй раз в истории Гуси спасли Рим* — ОРТ. 19.08.07).

Образы Древних Царств (*Мчались, звезды. В море мылись мысы. Слепла соль. И слезы высохали. Были темны спальни. Мчались мысли. И прислушивался сфинкс к Сахаре.* — Б. Пастернак); античности (*Страшно было*

за высокие **амфоры** ее ног, наполненные золотом виноградного сока... (Б. Ахмадулина); Средних веков (*И за это за все — как казнят чернокнижники — Привезу тебя к утреннему крыльцу, Погляжу в дорогие глаза злоумышленницы, на прощанье губами перекрещу...*, А. Вознесенский); Нового времени (*Они сгрудились над кухонным столом и, опережая неторопливое застолье взрослых, ели принесенный кем-то из гостей многоярусный торт в кремовых оборках, барочный и приторный*, Л. Улицкая) являются частью дискурса современной русской языковой личности, образуя причудливые синтагматические «узоры» веков и цивилизаций: *Пусть колокола — подводные — звонят, пусть бьются била у побережий новых атлантид, над Китежем, вздымающим стропила, где хриплый петушок еще кричит...*, О. Чухонцев; *Кто-то ходит в ночи и бренчит золотыми ключами, и кричи-не кричи — смотрит Аргус сухими очами на тебя, на меня, на развалины мира и Рима, и, прищипорив коня, наше время пронесется мимо. Что же делать — бежать или ждать у причала Харона, или желтую воду ударить жезлом Аарона, или, вымолив ад, вдруг опомниться ночью бессонной, и, вернувшись назад, умереть от болезни кессонной...*, С. Кекова.

Лев Алексеевич Новиков писал о деривации текста: «Кванты текста взаимодействуют друг с другом в процессе линейного, «горизонтального» развертывания текста, его сюжета, образов, идейного содержания. Это функционально-динамическая структура художественного текста. Линейное взаимодействие компонентов текста обеспечивает развитие его идейно-образного содержания благодаря обогащению образов новой информацией, новыми коннотациями и осмыслениями...» [18. С. 19]. В случае использования образов разных культурных парадигм взаимодействие образных компонентов текста многократно усиливается: создаются своеобразные историко-художественные «голограммы» веков, идей и стилей, «эхо времени», создающее смысловой резонанс [19. С. 72]. Семантическое пересечение их содержания дает смысловой взрыв [20. С. 26] — новый индивидуальный смысл, предлагаемый человечеству.

Заключение

Образ в языке и мышлении выступает не только в декоративной функции, но и в функции систематизатора и параметра онтологии. Метафора при этом — магический кристалл фокусировки пространства, времени и мысли, языковой способ соединения одновременности и непрерывности движения культуры.

Библиографический список

1. Лангаккер Р.У. Когнитивная грамматика. М.: ИНИОН, 1992
2. Карасик В.И., Милованова М.С. МОСТ как лингвокультурный символ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 121–136. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-121-136>
3. Rosh E. Basic objects in natural categories // Cognitive psychology. 1976. № 7. P. 573–605.

4. Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982.
5. Темиргазина З.К. Поэтема как инструмент анализа лирического текста в концепции Л.А. Новикова языка как искусства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 249–261. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261>
6. Лапина М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1974.
9. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: Монография. Волгоград: Перемена, 2003.
10. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Ось-89, 1999.
11. Степанов Ю.С. Очерки хаотической эволюции. М.: Языки славянской культуры, 2004.
12. Ван Н., Кобылко Я. Метод текстового семантического поля как возможность системного подхода к изучению художественного текста: на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 3. С. 560–571. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-560-571>
13. Очерки по истории мировой культуры / Под ред. Т.Ф. Кузнецовой. М.: Языки русской культуры, 1997.
14. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999.
15. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность: Пер. с нем. М.: Мысль, 1998.
16. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Под ред. В.С. Жекулина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.
17. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СБГУ; Межкаф. Словарный каб. им. Б.А. Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
18. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М: Издательство ЛКИ, 2007.
19. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и саморазвития сложных систем. М.: Наука, 1994.
20. Лотман Ю.И. Семиосфера. С-Пб: Искусство — СПб, 2000.

References

1. Langacker, R.U. (1992). *Cognitive Grammar*. Moscow: INION. (In Russ.).
2. Karasik, V.I. & Milovanova, M.S. (2021). BRIDGE as a Linguistic and Cultural Symbol. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 121–136. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-121-136> (In Russ.).
3. Rosh, E. (1976). Basic Objets in Natural Categories. *Cognitive psychology*, 7, 573–605.
4. Methods of Nomination in the Modern Russian Language (1982). Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Temirgazina, Z.K. (2022). A Poeteme as a Tool for the Analysis of a Lyrical Text in L.A. Novikov's Concept of Language as Art. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 249–261. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261> (In Russ.).
6. Lapshina, M.N. (1996). *Semantic Derivation in the Cognitive Aspect (Based on the Material of the English Language)* [dissertation]. St. Petersburg. (In Russ.).
7. Teliya, V.N. (1996). *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguoculturological Aspects*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.).
8. Apresyan, Yu.D. (1974). *Lexical Semantics. Synonymous Means of Language*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.).

9. Shestak, L.A. (2003). *Russian Linguistic Personality: Thesaurus Figurative Verbalization Codes*: Monograph. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
10. Lukin, V.A. (1999). *Literary Text: Fundamentals of Linguistic Theory and Elements of Analysis*. Moscow: Axis-89. (In Russ.).
11. Stepanov, Yu.S. (2004). *Essays on Chaotic Evolution*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
12. Van, N. & Kobylko, Ya. (2020). Text Semantic Field Method as a Possibility of Systemic Approach to the Study of Literary Text: on the Material of the Novel “Home of the Gentry” by I.S. Turgenev. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(3), 560–571. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-560-571> (In Russ.).
13. *Essays on the History of World Culture* (1997). T.F. Kuznetsova (Ed.). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.).
14. Rudnev, V.P. (1999). *Dictionary of Culture of the Twentieth Century. Key concepts and texts*. Moscow: Agraf. (In Russ.).
15. Spengler, O. (1998). *Decline of Europe: Essays on the morphology of world history*. Vol. 1. Gestalt and reality: Per. with him. Moscow: Mysl'. (In Russ.).
16. Gumilyov, L.N. (1989). *Ethnogenesis and biosphere of the Earth*, V.S. Zhekulina (Ed). Leningrad: Leningrad University Publ. (In Russ.).
17. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2007). *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary*. Moscow: Astrel: AST: Khranitel. (In Russ.).
18. Novikov, L.A. (2007). *Artistic Text and its Analysis*. Moscow: LKI Publ. (In Russ.).
19. Knyazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (1994). *Laws of evolution and self-development of complex systems*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
20. Lotman, Yu.I. (2000). *Semiosphere*. St. Petersburg: Art — St. Petersburg. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Шестак Лариса Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Института русского языка и словесности, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (400005, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27); *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, семантика и семиотика, теория текста, юрислингвистика; *e-mail*: rusyaz@vgpu.ru
ORCID: 0000-0002-1961-8914; ResearcherID ABC-6846-2021; SPIN-код: 9232-5333, AuthorID: 480791.

Information about the author:

Larisa A. Shestak, Dr.Sc. in Philology, Full Professor, Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching it, Institute of Russian Language and Literature of VGSPU, Volgograd State Socio-Pedagogical University (27, V.I. Lenin Ave., Volgograd, Russian Federation, 400005); *Research interests*: cognitive linguistics, semantics and semiotics, text theory, legal linguistics; *e-mail*: rusyaz@vgpu.ru
ORCID: 0000-0002-1961-8914; ResearcherID ABC-6846-2021; SPIN-code: 9232-5333, AuthorID: 480791.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-64-77

EDN: DRFFQX

UDC [811.161.1:811.133.1:811.111]:255:808

Research article / Научная статья

Bakhtin's Philosophical Anthropology in Translation: Rhetoric Devices and Text Cohesion

Natalia Bruffaerts¹ ✉, Svetlana A. Moskvitcheva²

¹University of Saint-Louis-Brussels, *Brussels, Belgium*

²RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ natalia.bruffaerts@usaintlouis.be

Abstract. The concepts developed by Mikhail Mikhailovich Bakhtin, a Russian theoretician of the 20th century, have had an important impact on the evolution of paradigms in humanities. However, his later works on literary theory continue to be far better known than his early essays on philosophical anthropology despite their key role in shaping Bakhtin's thought. Published achronologically and imbued with innovative terms, Bakhtin's works were sometimes translated by those who were unfamiliar with his concepts. The purpose of this study is to examine one of the earliest Bakhtin's essays, *Author and Hero in Aesthetic Activity*, through a comparative perspective. The analysis is based on its French (1984) and English (1990) translations. It aims at revealing how the mechanisms of text cohesion and rhetoric are rendered in translation in order to convey the author's ideas. The analysis has shown that the strategies chosen by the translators into French and English do not coincide and vary from ellipsis in French to amplification in English. The choice of coreferential models turns out to play a crucial role in structuring ideas in the target texts.

Keywords: Bakhtin, translation, rhetorical devices, text cohesion, Russian, French, English

Conflict of interests:

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution:

N. Bruffaerts — the concept of the study, research methodology, collection and processing of material, writing part of the text; S. Moskvitcheva — design of the study, analysis of the data obtained, writing part of the text.

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Bruffaerts, N.S., & Moskvitcheva, S.A. (2024). Bakhtin's Philosophical Anthropology in Translation: Rhetoric Devices and Text Cohesion. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 64–77. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-64-77>

© Bruffaerts N.S., Moskvitcheva S.A., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Философская антропология М.М. Бахтина в переводе: риторические приемы и текстовая когезия

Н.С. Бруффартс¹ , С.А. Москвичева²

¹Университет Сен-Луи — Брюссель, г. Брюссель, Бельгия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 natalia.bruffaerts@usaintlouis.be

Аннотация. Идеи Михаила Михайловича Бахтина оказали значительное влияние на развитие парадигм гуманитарного знания. Тем не менее, его более поздние труды по литературоведению по-прежнему имеют гораздо более широкую известность, чем его ранние работы по философской антропологии, хотя именно последние сыграли ключевую роль в формировании бахтинской мысли. Труды ученого увидели свет не в хронологическом порядке и насыщены новаторской терминологией; кроме того, их переводчики не всегда были достаточно знакомы с бахтинскими концепциями. Цель исследования состоит в сопоставительном анализе одной из самых ранних работ М.М. Бахтина — «Автор и герой в эстетической деятельности» — и ее переводов на французский (1984) и английский (1990) языки. Исследование направлено на то, чтобы выявить, как механизмы текстовой когезии и риторические приемы передаются в переводе и насколько оригинальные идеи автора оказываются отражены в нем. Проведенный анализ показал, что стратегии, выбранные переводчиками на французский и английский языки, не совпадают и варьируются от эллипсиса во французском до лексического добавления в английском. Выявлена ключевая роль выбора разновидностей текстовой прогрессии при структурировании текстов переводов.

Ключевые слова: Бахтин, перевод, риторические приемы, текстовая когезия, русский, французский, английский

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов:

Бруффартс Н.С. — концепция исследования, методика исследования, сбор и обработка материала, написание части текста; Москвичева С.А. — разработка исследования, анализ полученных данных, написание части текста.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Bruffaerts N.S., Moskvitcheva S.A. Bakhtin's Philosophical Anthropology in Translation: Rhetoric Devices and Text Cohesion // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 64–77. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-64-77>

Introduction

Mikhail Mikhailovich Bakhtin, a Russian thinker of the first half of the 20th century, is well known across various fields of the humanities comprising, inter alia, philosophy, literary studies, linguistics and translation studies, which have appropriated and developed a number of his key concepts. According to Natalia Bonetskaya, this extraordinary malleability of the Bakhtin's theory is explained

by the fact that it forms a “special humanities discipline”, which is not restricted to dealing with specific aspects of philosophy or literary studies but always “raises and solves the problem of *man’s being*” [1. P. 68]. Bakhtin’s works have been translated into all major world languages; however, his terminology consisting of coinages, calques (mainly German) and borrowings from other fields of knowledge constitutes a real challenge for translators. In his preface to *The Dialogical Principle*, Tzvetan Todorov states that “[T]ranslations do exist, but I am not sure we should derive any solace from that fact” [2. P. XII]. He argues that Bakhtin’s works were often translated by people who knew little of his thought or did not understand it. Another difficulty involved in reading Bakhtin in translation is connected with the peculiar story of his publication in Russian [3. P. 158]. His early works dating back to the beginning of 1920s were published only posthumously in 1979, while his later book *The Problems of Dostoyevsky’s Creative Art (Poetics)* in the revised edition of 1963, was published in 1929. Translations into French and English were also published achronologically [3. P. 158].

The English and French versions of Bakhtin’s works have already been analyzed, and this research has revealed how mistranslation of Bakhtin’s key terms contributed to the inappropriate rendition of his thought for foreign readers [4. P. 78]. However, these studies cover translations of Bakhtin’s later (and also more well-known) works, such as *Problems of Dostoyevsky’s Poetics*, *Discourse in the Novel* or *Rabelais and His World* (see, for instance, [3–7]). On the contrary, translations of Bakhtin’s earlier works, which lay the foundation of the concepts discussed in his later writings, have not yet become the object of a comparative study. This article aims at filling this lacuna, at least partially, by comparing the translations of Bakhtin’s early treatise on aesthetics *Avtor i geroy v jesteticheskoy dejatel’nosti (Author and Hero in Aesthetic Activity)* (hereinafter, ‘Author and Hero’) (ca. 1920–1923, published in 1979) [8] into French (1984) [9] and English (1990) [10].

In *The Dialogical Principle*, Tzvetan Todorov admits that, although the chapter on Bakhtin’s early works on philosophical anthropology concludes his book, they are the most valuable for him (*ont pour moi le plus de prix*) as they offer a key to the whole oeuvre of the Russian thinker (*la clé de son œuvre toute entière*) [11. P. 145]. *Author and Hero*, Bakhtin’s “aesthetic gospel” [12. P. 37], explains the basis of his anthropology, where the principal modes of human existence, “I” and “the other”, are determined through aesthetic categories of “author” and “hero”. This early text is a vivid illustration of perichoresis inherent in Bakhtin’s thinking, where “the ethical is construed through the aesthetical, and the aesthetical through the ethical” [1. P. 70]. Katerina Clark and Michael Holquist summarize the key points of *Author and Hero* as follows: “...Bakhtin’s thought is a philosophy of creation, a meditation on the mysteries inherent in God’s making people and people’s making selves, with the activity of people creating other people in literary authorship as a paradigm for thinking at all levels of creating” [13. P. 80].

Both translations translations of *Author and Hero* into French and English are based on the appropriate chapter from the Russian collection of essays *Estetika Slovesnogo Tvorchestva* released in Moscow by the Iskusstvo Publishing House in 1979. According to the preface to the volume, the majority of articles comprised in the volume were not published during Bakhtin's life. The purpose of the volume is "to give the overview of how the author's thought developed throughout the decades, allowing the readers to feel the coherence and continuity of Bakhtin's philosophical and scientific work" [14. P. 5–6]. Which is why the volume is organized chronologically, although the exact years in which the essays were written are not mentioned.

The translation into French is entitled *L'Auteur et le Héros*. The translation was made by Alfreda Acouturier and published in 1984 by Editions Gallimard. The text is preceded by the preface by Tzvetan Todorov. The essay is followed by the translations of *Roman vospitanija i ego znachenie v istorii realizma* (*Le roman d'apprentissage dans l'histoire du réalisme*), *Problema rechevyh zhanrov* (*Les genres du discours*), *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah* (*Le problème du texte*), *Otvet na vopros redakcii «Novogo mira»* (*Les études littéraires aujourd'hui*), *Iz zapisej 1970–1971 godov* (*Les carnets 1970–1971*), *K metodologii gumanitarnyh nauk* (*Remarques sur l'épistémologie des sciences humaines*). The other texts contained in the original volume are only mentioned at the end of the preface. Like in the original version, the years are not indicated. A closer look at the translation of the titles evidences the translator's penchant for ellipsis. Thus, the title of the essay analyzed in this paper is truncated to *L'Auteur et le Héros* (*Author and Hero*), totally omitting the "aesthetic activity", which is mentioned only in the note giving the details of the source text — *Titre de l'édition originale: L'auteur et le héros dans le processus esthétique* (Title of the original edition: Author and Hero in Aesthetic Activity). *The Problem of Text in Linguistics, Philology and Other Humanities* becomes just *Problem of the Text*. *The Problem of Speech Genres* is translated as *Speech Genres*, despite the fact that Todorov, who authored the preface to the translation, laments that the word *problema* (problem, or rather *issue*) has unfortunately disappeared in many French translations of Bakhtin's works (*a malencontreusement disparu dans plusieurs traductions françaises*) [11. P. 9]. The French version contains four translator's notes, explaining mainly the etymology of Bakhtin's neologisms.

The translation into English was made by Vadim Liapunov, a Bakhtin's researcher, and published in 1990 by the University of Texas Press under the title of *Art and Answerability. Early Philosophical Essays by M.M. Bakhtin*. Caryl Emerson, a renowned Bakhtinian scholar, highly praised Liapunov's translation calling it "superb" [15. P. 126]. The English version starts with a dedication in Russian: "In loving memory of Mikhail Mikhailovich Bakhtin." The introduction by Michael Holquist [16], the co-author of Bakhtin's most comprehensive biography, contains a subtitle — *Architectonics of Answerability*, which refers directly to the original title of Bakhtin's unfinished volume (this fact discovered by Holquist is also mentioned

in Todorov's preface with reference to him, but not highlighted as in the English version). *Author and Hero in Aesthetic Activity* (ca. 1920–1923) is preceded by *Art and Answerability* (1919) and followed by *The Problem of Content, Material, and Form in Verbal Art* (1924) in the form of a supplement. The years of creation are given in brackets, which makes the chronology clear for the reader. The text of *Author and Hero* comprises 234 endnotes explaining in detail the etymology of Bakhtin's concepts as well as dwelling on intertextual elements such as names of Russian poets, quotations not known by foreign readers, biblical allusions etc. Liapunov identifies the lineage of Bakhtin's numerous coinages as calques from German and quotes the sources, of their origin. This appears even more important in the light of the confession made by Emerson and Holquist, researchers and first translators of Bakhtin's works into English, about certain unfortunate choices of terms because of their inability to identify the philosophical concept at the origin of Bakhtin's ideas [3. P. 160]. The translator's notes are completed by the notes from the Russian edition.

The original text is divided into five sections: *The Problem of the Author's Relationship to the Hero*, *The Spatial Form of the Hero* (comprising seven numbered points), *The Temporal Whole of the Hero* (having *The Problem of the Inner Man — the Soul* as subtitle and comprising four numbered points), *The Whole of the Hero as a Whole of Meaning* (comprising six numbered points), *The Problem of the Author* (comprising four numbered points).

The French translation consists of five sections as well, although their translation is sometimes, yet again, somewhat elliptical: *The Problem of the Author's Relationship to the Hero* becomes *Le problème du héros (The Problem of the Hero)*. Like the original version, the sections are divided into points, each of them bearing a title.

In the English version, all sections which consist of various points bear their own subtitles given in square brackets. *The Spatial Form of the Hero* consists of seven numbered and titled points, the last three of them being, in their turn, subdivided into subsections, each bearing its own title. *The Temporal Whole of the Hero* comprises three numbered and named points, contrary to four in the source text.

In this article, we shall firstly discuss some stylistic features of the original text and their reflection in the translation. We shall then dwell on the rhetorical devices, thematic progressions and coreferential relations in order to compare the original and the translations. For this purpose, we are going to recur to the methods of continuous sampling and comparative analysis.

Language and Style of *Author and Hero*

Bakhtin's style is characterized by cumbersome syntax and repetitions, which complicate the translator's task.

Example 1

Original: В божьем мире, на божьей земле и под божьим небом, где протекает житие, авантюрная ценность тоже, конечно, невозможна [8. P. 147].

French: Dans la vie terrestre (dans l'ici-bas, sous le regard du ciel) où se déroule l'existence, les valeurs de l'aventure sont également impossibles [9. P. 165].

English: Adventure-value is also impossible, of course, in God's world, on God's earth, and under God's sky, where a saint's life is accomplished [10. P. 159].

Example 1, the adjective *bozhiy* (pertaining to God) is repeated three times: God's world, God's earth, God's sky. The example contains another word from the religious discourse — *zhitie*, which is used when speaking about a saint's vita, contrary to *zhizn*, a human life. In English, the repetition of the adjective is rendered with the help of the noun 'God'. *Zhitie* is translated through amplification — a saint's life. The French version preserves the syntactic structure of the original. However, the first expression is translated as *dans la vie terrestre* (In earthly life), which is followed by two other expressions given in brackets: *dans l'ici-bas* (down here) and *sous le regard du ciel* (under heaven).

Bakhtin, a profound connoisseur of the Russian language, pays particular attention to the choice of linguistic means, which contribute to a clearer expression of his ideas. Prefixes constitute one of these means.

Example 2

Original: Это отношение **изъе**млет героя из единого и единственного **объе**мляющего его и автора-человека открытого события бытия... [8. P. 18].

French: Ce rapport de l'auteur va **soustraire** le héros à l'événement, seul et unique qu'est l'existence, et qui **englobe** le héros et l'auteur-homme... [9. P. 36].

English: Such a relationship of the author to the hero **removes** the hero from the open unitary and unique event of being which **encompasses** both him and the author-as-person... [10. P. 14–15].

The original sentence of Example 2 comprises two verbs of the same root, but different prefixes: *iz'emlet'* (remove) and *ob'emlet'* (encompass, embrace). This feature is not preserved either in French or in English.

On the contrary, the English translation of Example 3 renders the specifics of the original based on the opposition between prefixes *iz-* (out of) and *vo-* (into). This is done through the use of the verbs with the same root: "to image" and "to imagine". The translator highlights this feature by using italics. In the French text, this trait is lost.

Example 3

Original: Что же общего у игры с искусством?

Только чисто отрицательный момент, что и тут и там имеет место не действительная жизнь, а лишь ее изображение; но и этого сказать нельзя, ибо только в искусстве она **изображается**, в игре — **воображается**, как мы это и ранее отметили... [8. P. 73].

French: Qu'y a-t-il, tout compte fait, de commun entre le jeu et l'art ?

Il n'y a que l'aspect négatif: dans l'un et l'autre cas, on a une vie représentée et non la vie réelle, encore qu'elle ne soit, à proprement parler, **représentée** que dans l'art, tandis que dans le jeu elle est **imaginée**... [9. P. 90].

English: What, then, does play have in common with art?

No more than a negative feature: what occurs in play as well as in art is not actual life, but only an imaging of life. And even that is saying too much, for it is only in art that life is *imaged forth*, whereas in play it is *imagined*, as we noted earlier... [10. P. 75].

As all of Bakhtin's works, *Author and Hero* contains quite a few neologisms. One of them is *vnenakhodimost'*, a derivative from the expression *nakhodit'sja vne* (to be situated or located outside the bounds of someone or something) meaning "the state of being situated outside the bounds of" [10. P. 235].

Example 4

Original: Отсюда непосредственно вытекает и общая формула основного эстетически продуктивного отношения автора к герою — отношения напряженной **внеаходимости** автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной и смысловой **внеаходимости**... [8. P. 17–18].

French: Il en découle directement la formule générale du principe qui marque le rapport créateur, esthétiquement productif, de l'auteur au héros, un rapport empreint de la tension propre à **une exotopie** — dans l'espace, dans le temps, dans les valeurs... [9. P. 36].

English: The general formula for the author's fundamental, aesthetically productive relationship to the hero follows directly from what has been said. It is a relationship in which the author occupies an intently maintained **position outside** the hero with respect to every constituent feature of the hero — a **position outside** the hero with respect to space, time, value, and meaning. [10. P. 14].

Acouturier follows Todorov, who translates *vnenakhodimost'* into French as *exotopie* using the Greek root [9. P. 153]. The sentence is reformulated in order to avoid the repetition of the term. Liapunov translates the term as "outsideness" or uses other expressions containing the adverb "outside", which is given in italics. He explains the etymology in an endnote, where he mentions as well that other translators have preferred to render *vnenakhodimost'* as "extopy" or "extra-location" [10. P. 235]. The original syntax is also changed as the sentence is divided in two. It should also be noted that the French translation omits *moment*, one of the terms frequently occurring in the essay, which is translated into English as "constituent feature". Consequently, the text in French, contrary to the English version, does not underscore that the outsideness of the author takes place "with respect to every constituent feature of the hero".

The English translation renders the nuances of Bakhtin's language to the maximum extent. To achieve this, the translator often recurs to amplification. The French text is in many cases more succinct and contains less repetitions, which is more conventional for the target audience, but glosses over the specifics inherent in the original text.

Rhetoric devices and text organization: original and translation

In order to illustrate how rhetorical devices and text cohesion mechanisms function in the source and target texts, I am going to dwell on four of the key concepts of the essay: *avtor* (author), *zadannost'* (positedness), *dannost'* (givenness) and *pokajanie* (penitence).

The concept of the author is the cornerstone of Bakhtin's aesthetics. According to Bakhtin, the author possesses a "surplus of vision", i.e. he knows more about the hero than the hero himself. The hero as a whole is known only to the author as the latter "finalizes" the former in space [8. P. 25]. "I can see you, but I cannot see what is behind my own head; from your position you can see me, but only in your own way... any image of anyone requires, as a minimum, two concrete consciousnesses at work", explains Caryl Emerson [15. P. 116].

Bakhtin compares the surplus of the author's vision with a bud, where the form slumbers and whence it unfolds like a flower.

Example 5

Original: Избыток видения — почка, где дремлет форма и откуда она и разворачивается, как цветок. Но чтобы эта почка действительно развернулась цветком завершающей формы, необходимо, чтобы избыток моего видения восполнял кругозор созерцаемого другого человека, не теряя его своеобразия [8. P. 27].

French: Le surplus de ma vision contient en germe la forme achevée de l'autre, dont l'éclosion exige que je complète son horizon sans lui enlever son originalité [9. P. 46].

English: The excess of my seeing is the bud in which slumbers form, and whence form unfolds like a blossom.

But in order that this bud should really unfold into the blossom of consummating form, the excess of my seeing must "fill in" the horizon of the other human being who is being contemplated, must render his horizon complete, without at the same time forfeiting his distinctiveness [10. P. 24–25].

This metaphor of the "blossom of consummating form" vividly pictures how the hero's horizon gradually opens up while being completed by the author. The cohesion between two sentences is ensured by a simple linear progression in the original, where the rheme of the previous sentence becomes the theme of the following [17. P. 118]. The French text preserves only the first part of the metaphor ("the bud" is translated as *le germe* — the germ), but omits the second as two sentences are merged into one. The English translation reproduces the same thematic progression as the original, and the metaphor is fully rendered in it. Moreover, the translator begins a new paragraph with the second sentence.

Example 6 contains Bakhtin's definition of the author.

Example 6

Original: Автор — носитель напряженно-активного единства завершеного целого (Rh), целого героя (Rh') и целого произведения (Rh''), трансгредиентного каждому отдельному моменту его [8. P. 16].

French: L'auteur est le dépositaire de la tension qu'exerce l'unité d'un tout achevé (Rh), le tout d'un héros (Rh') et le tout d'une œuvre (Rh''), un tout transcendant à chacun de ses constituants pris isolément [9. P. 34].

English: The author is the bearer and sustainer of the intently active unity of a consummated whole (Rh) (the whole of a hero (Rh') and the whole of a work (Rh'')) which is transgredient to each and every one of its particular moments or constituent features [10. P. 12].

The original text contains a split rheme (a consummated whole), which is doubled (“the whole of a hero” and “the whole of a work”) [17. P. 120]. This structure is preserved in both translations and is made even more evident in the English version due to the use of brackets. The definition of the author is based on anaphoric encapsulation in all three texts [18]. However, in each translation the anaphor is presented differently in each translation. The French version describes the author as a depository of tension, which is exercised by a unity of an accomplished whole, while in the original text the author constitutes a depository of a unity of a consummated whole, which is tense and active. The focus in the original text and in the English translation is made on the unity, while in the French version it is shifted to tension. Besides, Liapunov recurs to amplification and positions the author not only as the receptacle but also as the custodian of the whole of the hero and the whole of the work.

What us draws our attention further in this passage is the translation of the two of Bakhtin’s preferred terms, frequently occurring in *Author and Hero: transgredientny* (transgredient) and *moment* (moment, or constituent feature).

Todorov notes that Bakhtin borrows “transgredient” from German aesthetics, namely from Jonas Cohen, and uses it to name the elements of consciousness, which are exterior to it but which are nevertheless indispensable for its completion [11. P. 146]. The term “transgredient” is accompanied by notes both in French and English texts. Like Todorov, Acouturier notes that the term “transgredient” is borrowed by Bakhtin from German aesthetics. She explains further her choice of *transcendant* (literally, “transcendent”) in order to avoid terminological ambiguity [9. P. 31]. Liapunov refers to the works of Jonas Cohn, Wilhelm Windelband and Johannes Volkelt. He also quotes Cohn’s remark that the use of “transcendent” in lieu of “transgredient” would be misleading, as in the Kantian tradition the term means “beyond the limits of possible experience” [10. P. 233]. Therefore, Liapunov’s choice appears to be more justified from the terminological point of view.

The term *moment* is not accompanied by any note in the French translation. Acouturier renders it mainly as *constituant*, *composant* (constituent), or simply omits it. Liapunov renders *moment* as “constituent”, “constituent feature”, or “moment” and makes a note referring to Edmund Husserl’s theory of moments as the fundamental constituents of *phenomenal* reality [10. P. 233, 19]. Liapunov’s comment as well as his choice of the lexeme “moment” in translation wherever it is possible seems pertinent and enlightening in terms of establishing links between Bakhtin’s work and German philosophy, which is hardly possible to grasp in Acouturier’s translation.

The relationship between *self* and *other* is rendered in *Author and Hero* through the parallel of their respective states of *zadannost’* (that which is incomplete, in the process of becoming), and *dannost’* (that which is given, fully present, completed) [12. P. 42]. Bakhtin argues that a person’s unity always lies ahead of him. The person can grasp his actual being only from the “to-be-achieved” perspective,

otherwise his givenness falls apart. The concept of *zadannost'* is related to that of penitence: in one's moral self-reflex inner givenness can only be apprehended in penitent tones [12. P. 46].

Example 7

Original: (1) Все положительное (Th1) в этом единстве (Rh1) — только в заданности, в данности же — только отрицательное, оно (Th2) дано мне только тогда, когда всякая ценность мне задана. <...> (2) Над своею наличностью я могу замедлить только в покаянных тонах, ибо это промедление совершается в свете заданности. (3) Но как только я выпускаю из ценностного поля своего видения свою заданность и перестаю напряженно быть с собою в будущем, моя данность теряет свое предстоящее единство для меня, распадается, расслаивается в тупо-наличные фрагменты бытия [8. P. 117–118].

French: (1) Tout ce qui est positif dans cette unité vient du pré-donné, ce qui est négatif en constituant le donné; cette unité ne m'est donnée qu'au moment où toute valeur m'est pré-donnée. <...> (3) Il suffit que ce pré-donné se perde de vue dans le champ de mes valeurs pour que la tension retombe qui me faisait être avec moi-même dans le futur, pour que mon donné perde son unité à-venir et qu'il se défasse, s'écaille en fragments obtusément actuels d'existence [9. P. 134].

English: (1) Everything positive in this unity (Rh1) belongs solely to that which is set as a task, whereas that which is already given comprises everything negative. It is a unity (Th2) which is given to me only when any value confronts me as a task — as a value to *be* achieved. <...> (2) I can linger over my factually given being, but I can do so only in penitent tones, inasmuch as such lingering takes place in the light of what is yet-to-be-achieved. (3) But as soon as I release myself as the one-who-is-yet-to-be-achieved from the axiological field of my vision and stop being intensely with myself in the future, my own givenness loses its yet-to-be unity for me and disintegrates into factually existent, senseless fragments of being [10. P. 126].

The first two clauses of sentence 1 contain two antitheses. The one embraces the opening and closing elements of the clause: *polozhitel'noe* (positive) — *otricatel'noe* (negative). The second one stays in-between: *zadannost'* (positedness) — *dannost'* (givenness). The second antithesis could be also be construed as a polyptoton comprised of the words having the same root (*zadannost'* — *dannost'*). The French translation does not conserve the syntactic structure of the original. Moreover, the French translator completely omits sentence 2, which deals with the penitent tones of lingering over one's given being, although penitence plays an important role in *Author and Hero*, as we are going to see later. The English version renders both stylistic figures of the original. The translator preserves the linear progression, with *edinstvo* (unity), the rheme of the first clause, becoming the theme of the second. In fact, “unity” is a predicated theme in the English translation [20. P. 95], and thus it becomes even more highlighted than in the original text. Besides, the figure of amplification occurs twice in the English translation of sentence 1, which is divided in two (“It is a unity...”; “as a value to *be* achieved”, note again the italics added by the translator). Contrary to other cases, the translator renders *zadanny* as “set as a task”, which justifies the use of amplification: it establishes a link with the other translation of this term (“to-be-achieved”), which occurs in the following sentence and prevails throughout the passage.

Sentence 3 in the source text comprises two clauses, the subject of the subordinate clause being “I”, and that of the principal clause — “my givenness”. This emphasizes the pro-active role of the person in maintaining the yet-to-be unity of his givenness and personifies the givenness, which loses its unity, falls apart and disintegrates. In French, the sentence begins with *il suffit que* (it suffices that), with the subordinate clause opening with *ce pré-donné* (this positedness). This subordinate is, in its turn, followed by two other subordinates having *la tension* (tension) and *mon donné* (my givenness) as subjects, each of them being preceded by *pour que*. Contrary to the original, all three subjects represented by Abstract concepts are personified. It is therefore not the person (“I”), who is the actor, but the positedness, which vanishes out of the axiological field of the person’s vision. According to the original text, stopping intensely being with oneself results in the collapse of one’s givenness. However, the French translator transforms the adverb *naprjashenno* (intensely) into the noun (*tension*), making thereof the subject of the subordinate: it is now tension that makes the person be with himself in the future, but not the person himself. The French text speaks about “my axiological field” (*champ de mes valeurs*), while in the original we note the “axiological field of my vision”. This restricts the sense of the Bakhtinian idea of fixating oneself axiologically through vision. The English translation meticulously renders all syntactic and lexical features of the original.

Penitence, one of the most persistent motifs in *Author and Hero* [12. P. 46], is discussed in the passage containing the definition of the “introspection-confession”.

Example 8

Original: Там, где является попытка зафиксировать себя самого в покаянных тонах в свете нравственного долженствования, возникает первая существенная форма словесной объективации жизни и личности (личной жизни, то есть без отвлечения от ее носителя) — самоотчет-исповедь [8. P. 131–132].

French: C’est là qu’on voit apparaître la tentative qui vise à fixer un moi dans une tonalité repentante, dans une optique de devoir moral, c’est là qu’on voit apparaître la forme initiale d’une objectivation verbale de la vie et de la personne (de la vie personnelle au sens où elle ne fait pas Abstraction du sujet de la vie), c’est là qu’on voit apparaître l’introspection-confession [9. P. 149].

English: Wherever there is an attempt to fixate oneself in repentant tones in the light of the ethical ought-to-be, the first essential form of verbal objectification of life and personality (a verbal objectification of *personal* life, that is, without Abstraction from the *bearer* of that life) arises: confession as an accounting rendered to oneself for one’s own life [10. P. 141].

According to Bakhtin, the “introspection-confession” as the first essential form of verbal objectification of life and personality appears, when the person tries to fixate himself in penitent tones. The original definition is based on a cataphoric reference — a forward reference to the following term. This form of reference, which the defined term by placing it at the end of the sentence, is in the English translation through the use of a semi-column. The French translation is structured around the anaphoric repetition of *c’est là qu’on voit apparaître* (it is here that we see appear). The anaphora introduces three accusative objects: *la tentative qui*

visé à fixer un moi dans une tonalité repentante, dans une optique de devoir moral (an attempt to fixate oneself in repentant tones, in the light of the ethical ought-to-be), *la forme initiale d'une objectivation verbale de la vie et de la personne* (the first essential form of verbal objectification of life and personality) and *l'introspection-confession* (the introspection-confession). This type of reference glosses the definition over by making the defined term a part of enumeration of coordinate clauses in a compound sentence.

The Russian text demonstrates that self-fixation in penitent tones occurs “in the light of the ethical ought-to-be”. However, the French text contains repetition of the preposition *dans* (in) preceded by a comma, resulting in an enumeration, making the reader believe that these two elements are not complementary but equivalent.

We should also notice that the term “introspection-confession” is rendered through amplification in English: confession as an accounting rendered to oneself for one's own life, while the French text contains a calque (*l'introspection-confession*).

Varying from one translation to the other, the mechanisms of text organization shift the emphases and focusses inherent in the original. The choice of thematic progressions and the means of coreference, such as anaphora and cataphora, by the translators pre-determines the readers' perception of original concepts.

Conclusions

The comparative analysis of translations has demonstrated that the translators into English and French follow different, sometimes even opposite, strategies. Alfreda Acouturier, the translator into French often recurs to ellipsis. This technique has been implemented both in translation of the titles and the main body of the text. The translator omits repetitions, typical for Bakhtin's style, but uncommon for French readership. She also omits certain concepts and terms, which make an integral part of the Bakhtin's philosophy. On the contrary, Vadim Liapunov, the translator into English, makes use of amplification in order to render the maximum of the specific features typical for Bakhtin's writings. He often divides compound sentences into several simple ones with the view of avoiding cumbersome syntactic structures, which hinder the understanding of the original text. Liapunov frequently uses visual elements such as italics to attract the readers' attention.

The English translation is also remarkable for its extensive comments tracing back the origins of Bakhtin's terms as well as explaining literary and biblical allusions. French readers are deprived of the opportunity to deepen their understanding of Bakhtin's ideas as the French translation contains hardly any notes to this effect.

The mechanisms of text cohesion such as thematic progression and coreferential relation play a primordial role in rendering the emphases of the source text in translations. Differences were revealed even in the cases, where both translations are based on the same coreferential models, as they use discrepant nominal components (e.g., distinct anaphors in anaphoric references). The choice of syntactic structure combined with the use rhetorical devices such as personification changes

the performer of the action from a person to an Abstract notion. Discrepancies between anaphoric and cataphoric references result in glossing over term definitions and turning complementary phrase components into equivalent ones.

References / Библиографический список

1. Bonetskaya, N.K. (2022). S Bakhtin as a philosopher. Action, dialogue, carnival. Saint Petersburg: Aleteiya publ. (In Russ.).
Бонецкая Н.К. Бахтин как философ. Поступок, диалог, карнавал. СПб.: Алетея, 2022.
2. Todorov, T. (1984). *Mikhail Bakhtin: The Dialogical Principle*, W. Godzich (trans.). Minneapolis and London: University of Minnesota Press.
3. Zbinden, K. (2006). The Bakhtin Circle and Translation. *The Yearbook of English Studies*, 36(1), 157–167.
4. Zbinden, K. (2006). *Bakhtin Between East and West: Cross-cultural Transmission*. Leeds: Maney Publ.
5. Zbinden, K. (1999). Traducing Bakhtin and Missing Heteroglossia. *Dialogism*, 2, 41–59.
6. Nowakowska, A. (2005). Dialogisme, polyphonie: des textes russes de M. Bakhtine à la linguistique contemporaine. In: *Dialogisme et polyphonie: Approches linguistiques*. J. Bres, P.P. Haillet, S. Mellet, H. Nølke, L. Rosier (eds.). Louvain-la-Neuve: De Boeck. pp. 19–32.
7. Suchet, M. (2009). *Outils pour une traduction postcoloniale: littératures hétérolingues*. Paris: Editions des Archives Contemporaines.
8. Bakhtin, M.M. (1979). Avtor i geroj v jesteticheskoj dejatel'nosti. In: *Jestetika slovesnogo tvorcestva*. S.G. Bocharov (ed.). Moscow: Iskusstvo publ.. pp. 9–191. (In Russ.).
Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство. 1979. С. 9–191.
9. Bakhtine, M. (1984). L'Auteur et le Héros. In: *Esthétique de la création verbale*. A. Acoururier (trans.). Paris: Gallimard. pp. 25–210.
10. Bakhtin, M. (1990). Author and Hero in Aesthetic Activity. In: *Art and Answerability: Early Philosophical Essays*. V. Liapunov (trans.). Austin: University of Texas Press. pp. 4–256.
11. Todorov, T. (1981). *Mikhail Bakhtine: Le Principe Dialogique suivi de Écrits du Cercle de Bakhtine*. Paris: Seuil.
12. Coates, R. (2005). *Christianity in Bakhtin: God and the Exiled Author*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Clark, K. & Holquist, M. (1984). *Mikhail Bakhtin*. Cambridge, Mass. and London: Belknap Press.
14. Bocharov, S.G. (1979). Ot sostavitelja. In: *Jestetika slovesnogo tvorcestva*. M.M. Bakhtin. S. Bocharov (Ed.). Moscow: Iskusstvo publ. pp. 5–6. (In Russ.).
Бочаров С.Г. От составителя // Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. С. 5–6.
15. Emerson, C. (1990). Russian Orthodoxy and the Early Bakhtin. *Religion & Literature*, 22 (2/3), 109–131.
16. Holquist, M. (1990). Introduction: The Architectonics of Answerability. In: *Art and Answerability: Early Philosophical Essays*. V. Liapunov (trans.). Austin: University of Texas Press. pp. ix–iii.
17. Daneš, F. (1974). Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text. In: *Papers on Functional Sentence Perspective*. F. Daneš (Ed.). Prague: Academia. pp. 106–128.
18. Conte, M.-E. (1996). Anaphoric Encapsulation. *Belgian Journal of Linguistics*, 10(1), 1–10.
19. Maurin, A.-S. (2018). Tropes. In: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. E.N. Zalta (ed.). <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/tropes/>
20. Halliday, M. & Matthiessen, Ch. (1985). *An Introduction to Functional Grammar*. London: Hodder Arnold.

Information about the authors:

Natalia Bruffaerts, D.Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language of the Marie Haps' Translation Faculty, University of Saint-Louis-Brussels (5, d'Arlon str., Brussels, Belgium, 1050Ixel); *Research interests*: rhetoric, translation, discourse analysis; *e-mail*: natalia.bruffaerts@usaintlouis.be

ORCID: 0000-0003-1621-9413; Scopus Author ID: 57190029574. SPIN-code: 7356-9314, AuthorID: 392487

Svetlana A. Moskvitcheva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: semantics, translation, sociolinguistics, linguistic ideology, linguistic discourse analysis; *e-mail*: moskvitcheva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8047-7030; Scopus Author ID: 57222667811. SPIN-code: 9596-7692, AuthorID: 388517

Сведения об авторах:

Бруффартс Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка переводческого факультета им. Мари Хапс Университета Сен-Луи — Брюссель, Бельгия (1050 Иксель, Бельгия, Брюссель, ул. д'Арлон, 5). *Сфера научных интересов*: риторика, перевод, анализ дискурса; *e-mail*: natalia.bruffaerts@usaintlouis.be

ORCID: 0000-0003-1621-9413; Scopus Author ID: 57190029574. SPIN-код: 7356-9314, AuthorID: 392487

Москвичева Светлана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *Сфера научных интересов*: семантика, переводоведение, социолингвистика, языковые идеологии, анализ дискурса; *e-mail*: moskvitcheva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8047-7030; Scopus Author ID: 57222667811. SPIN-код: 9596-7692, AuthorID: 388517.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-78-91

EDN: DGSBER

UDC 811.161.1'37

Research article / Научная статья

Ugliness as a Prototype Category: Cognitive-and-Semantic Analysis

Anastasia M. Mudrovskaya¹ , Zifa K. Temirgazina² ,
Rumaniyat O. Aselderova³

¹Karaganda University n.a. Buketov, *Karaganda, the Republic of Kazakhstan*

²Pavlodar Pedagogical University, *Pavlodar, the Republic of Kazakhstan*

³Dagestanskiy State Pedagogical Universit, *Makhachkala, Russian Federation*

 zifakakbaevna@mail.ru

Abstract. The study proposes a cognitive-and-semantic approach to the study of the category ‘urodstvo’ (‘ugliness’). This approach allowed, using a component analysis of the meanings of words — denote main lexical representatives of the category of ugliness in the Russian language, and establish a set of features of the category relevant to the basic level. Several prototypical features of ugliness have been identified: ‘the carrier of the feature is a living organism (human, animal, plant)’; ‘abnormality in the structure’; ‘innate abnormality’; ‘its physical (anatomical) character’. An exemplary representative of a category has all the prototypical features in contrast to non-exemplary representatives. Blurring of prototypical features in non-ideal representatives of the category is carried out in the process of development and expansion of the semantics of the words *urodstvo* (‘ugliness’), *bezobraziye* (‘deformity’), *nekrassivost’* (‘unattractiveness’) in Russian.

Keywords: ugliness, prototype, component analysis, categorization, deformity, unattractiveness

Authors’ participation:

The authors declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Mudrovskaya, A.M., Temirgazina, Z.K. & Aselderova, R.O. (2024). Ugliness as a Prototype Category: Cognitive-and-Semantic Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 78–91. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-78-91>

© Mudrovskaya A.M., Temirgazina Z.K., Aselderova R.O., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Уродство как прототипическая категория: когнитивно-семантический анализ

А.М. Мудровская¹ , З.К. Темиргазина² , Р.О. Асельдерова³

¹Карагандинский университет имени Букетова, Караганда, Республика Казахстан

²Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Республика Казахстан

³Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала,
Российская Федерация

 zifakakbaevna@mail.ru

Аннотация. Предложен когнитивно-семантический подход к исследованию категории *уродство*. Этот подход позволил, используя компонентный анализ значений слов — основных лексических репрезентантов категории уродства в русском языке, установить комплекс релевантных для базисного уровня признаков категории. Прототипических признаков *уродства* выявлено несколько: ‘носитель признака — это живой организм (человек, животное, растение)’; ‘аномальность в строении’; ‘врожденность аномалии’; ‘физический (анатомический) характер уродства’. Идеальный представитель категории обладает всеми прототипическими признаками, в отличие от необразцовых, неидеальных представителей. Размывание прототипических признаков у неидеальных представителей категории осуществляется в процессе развития и расширения семантики слов *уродство*, *безобразие*, *некрасивость* в русском языке.

Ключевые слова: уродство, прототип, компонентный анализ, категоризация, безобразие, некрасивость

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликте интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Mudrovskaya A.M., Temirgazina Z.K., Aselderova R.O. Ugliness as a Prototype Category: Cognitive-and-Semantic Analysis // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 78–91. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-78-91>

Introduction

Anthropologists, philosophers, linguists, literary critics, writers and theologians have been long interested in the issue of ugliness. However, there are few works devoted to the study of this phenomenon. This is what the Italian culturologist Umberto Eco says, “While in almost every century philosophers and artists recorded their ideas about beauty, important texts about the concept of ugliness make up only a handful, one of which is the book by Karl Rosenkrantz (1853) “Aesthetics of Disgrace”” [1]. And then he points to the permanence of the antithesis of two concepts — ugliness and beauty: “Ugliness has always been a backdrop for

beauty — “Beauty and the Beast” took many forms. This means that once you’ve established a beauty criterion, the corresponding ugliness criterion always seems to occur automatically” [1].

Linguists face the problem of verbalizing the concept of ugliness in the minds of speakers of a particular culture, identifying its universal and culturally specific features. The concept of beauty in Russian and other languages belongs to many studies that relate to the cognitive-and-semantic aspect of this phenomenon. So, the concept of ‘*krasota*’ (‘beauty’) in Russian, English, and German is studied in dissertations by Yu.V. Meshcheryakova [2]; N.V. Letunovskaya [3]; Yu.V. Klintsova [4]; I.O. Okuneva [5]; etc., in articles by V.Z. Demyankov [6]; M.L. Kovshova [7]; O.N. Tarasenko [8], etc. In several works, the concept of ‘*krasota*’ (‘beauty’) is considered in relation to the concept of ‘*bezobraziye*’ (‘deformity’) [9; 10]. M. Akosheva, K. Rakhimzhanov study the standards of beauty and ugliness fixed in the Russian language picture of the world [11]. In 2004, the research group “Logical Analysis of Language” published a collection of articles edited by N.D. Arutyunova, which analyzed the conceptual fields of the beautiful and the ugly [12]. There are very few special works dealing with the problem of reflecting ugliness/deformity in language. We’d like to name the work by N.V. Popova, which considers *bezobraziye* (‘deformity’), as a lexical-semantic field consisting of microfields [13]. Thus, until now, from a linguistic point of view the concept of ugliness remains practically undeveloped.

The article sets out the task of cognitive-and-semantic study of the category ‘*urodstvo*’ (‘ugliness’) in Russian based on the theory of prototypes. In cognitive terms, ‘*urodstvo*’ is a significant part of the conceptual picture of the world, reflected in language. In axiological terms, the concept ‘ugliness’ belongs to negative assessment categories and enters into the opposition with a positive assessment concept ‘*krasota*’ (‘beauty’).

While characterizing the aesthetic assessment, T.V. Pisanova says that “as a rule, aesthetic assessment is turned to a norm that has an anthropological justification, i.e., it is explained by the ancestral nature of man, his psycho-physiological characteristics. The discrepancy of innate and social standard characteristics of the person with norm is marked by negative esthetic assessment: the aberration is semantically designated as something ugly, deformative, unattractive” [14. P. 108]. So the author defines ugliness, deformity as a deviation from the norm, and beauty is the norm. N.V. Popova speaks of the dialectical relationship of these phenomena, “As a dialectical contradiction, the concepts of beauty and ugliness reveal the opposite sides that are in eternal struggle” [10. P. 61].

From a cognitive point of view, in prototype theory categorization occurs at several levels. In search of a prototype E. Rosch, C.B. Mervis, W.D. Gray, D.M. Johnson, and P. Boyes-Braem noted that “three levels of Abstraction are needed: a basic level [such as hammer], a superordinate [such as tool], and subordinates into which the basic level can be further subdivided [such as claw

hammer and ball-peen hammer]” [15. P. 389]. The ancestral categories ‘animal’, ‘fruit’ and ‘bird’ belong to the highest level; species categories ‘dog’, ‘apple’ and ‘sparrow’ — to the base level; ‘dachshund’, ‘aport’ and ‘field sparrow’ — to the subordinate ones. The prototype, that is, the exemplary representative of the category is a categorical relation to common properties, so it is important to determine the degree of generalization that these properties receive in the prototype and what prototype should be in the ideal representation. The category is built hierarchically according to the gradation of common characteristics that some studied complex of objects possesses by definition. In the pyramid of concepts constructed in this way, placement under the category is accomplished by increasing Abstraction. At the top of the pyramid, the concept is extremely generalized, and instead of the initially tangible complex, we get a scheme, that is, an Abstract concept.

Which is why the most important level of categorization is the basic one, at which the category still has a visual diagram with a mental correlate in the form of a representation: “In general, the basic level of Abstraction in a taxonomy is the level at which categories carry the most information, possess the highest cue validity, and are, thus, the most differentiated from one another” [15. P. 383]. This level corresponds to the level of sensory experience, at which a person forms basic knowledge about things around him. J. Lakoff emphasizes the maximum concentration at the basic level of human-relevant properties of things denoted by words, “It is at this level of experience that we clearly distinguish tigers from elephants, chairs from tables, roses from daffodils, asparagus from broccoli, copper from zinc, etc. One level down and things get much more difficult. It is much more difficult to distinguish one species of giraffe from another than it is to distinguish a giraffe from an elephant. Our gestalt perception capacity at a basic level is not easily — equipped to make sharp distinctions at such lower levels” [16. P. 351].

Thus, we will try to present the category of ugliness at the base level as a set of human-relevant features, build a prototype of ugliness as an exemplary representative of the category and identify less exemplary representatives of the category with fewer relevant properties.

Research methods

In our work we use a componential analysis of the dictionary definitions of the main lexical units expressing the concept ‘urodstvo’ (‘ugliness’) in the dictionaries of the Russian language edited by D.N. Ushakov¹, edited by A.P. Evgenieva² and

¹ Ushakov, D.N. (1935–1940). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Soviet Encyclopedia, OGIZ. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/default.asp?feb/ushakov/us0.html> (accessed: 04/12/2023). (In Russ.).

² Evgenieva, A.P. (Ed.) (1999). *Dictionary of the Russian language*. In 4 volumes. Moscow: Russian language; Polygraphic resources. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas> (accessed: 04/12/2023). (In Russ.).

in the dictionary by T.F. Efremova³. Using this method, we will identify the main prototypical features of ugliness recorded in the consciousness of native speakers of the Russian language. The componential analysis method was first applied to vocabulary, which includes the kinship terms in different tribes [see: 17; 18]. I.V. Arnold proposes to use the componential analysis of form lexical groups, based on dictionary definitions which will be shown next [19. P. 51]. In our analysis, we rely on D. Bolinger's seme classification, identifying categorical semes, semantic markers, and distinguishers [20. P. 200–234]. Categorical semes contain an indication of generalized properties, semantic markers indicate the features common to a class of lexical units, and distinguishes, individualizes a denotatum. The largest components of the meaning are categorical semes — substantivity for nouns, indication features for adjectives, etc. In addition to the mandatory hierarchical set of semes, optional semes are revealed in the lexical meaning: potential, connotative [19]. Additional implicit meanings, superimposed on explicit meanings, are capable to convey large amounts of information. Implications materialize in comparisons, metaphors, idioms, certain types of syntactic constructions. The meanings of a polysemantic word do not remain unchanged. The appearance of a new meaning in one word inevitably entails changes in other words associated with it, since everything is interconnected in the lexico-semantic system [21]. As a result, the relationship between the meanings of the word changes: the primary meanings of some words are replaced by figurative ones; the meanings of individual words, which are currently perceived as figurative, may turn out to be primary from a historical point of view.

The hierarchy of semes in the meaning of words corresponds to the level, hierarchical principle of the formation of language categories in the theory of prototypes, which we spoke about above. It was this prototypical approach that N.N. Boldyrev spoke about when he formulated the leading principle of the formation of language categories as the principle of relative similarity [22. P. 89–91]. With it, words are combined as members of one grouping on the basis of relative similarity that is, differing only in the degree of possession of prototypical properties. Therefore, definitional analysis makes it possible to compare the meanings of the main verbal representatives of the category of ugliness, to identify its core and peripheral features, and to determine the prototypical properties of ugliness. Peripheral features are manifested in metaphorical and metonymic usage, in idioms, in context [23]. In other words, this approach will make it possible to carry out a comprehensive cognitive-and-semantic analysis of the category under consideration and, based on the data of the component analysis of words representing the concept of ugliness, to identify representatives of the category — exemplary and non-exemplary.

---

³ Efremova, T.F. (2006). *Modern explanatory dictionary of the Russian language*. In 3 vols. Moscow: AST. URL: <https://www.efremova.info> (accessed: 04/16/2023). (In Russ.).

Results and discussion

In Russian the main verbal representatives of the category of ugliness are the words *urodstvo* ('ugliness'), *bezobraziye* ('deformity'), *nekrassivost'* ('unattractiveness').

The noun *urodstvo* ('ugliness') is derived from the verb *urodit'sya* ('to be born') in the Russian language. "In Russian, the verb *urodit'sya* does not have a negative characteristic. In cultural tradition, ugliness, as well as beauty, receives a sacred sanction. In some West Slavic languages, *uroda* means 'beauty.' Both — beauty and ugliness are "God's gifts and God's punishment" [24. P. 209–230]. In the minds of the Slavs, the unity of the sacred and the ordinary which is manifested in the semantics of language units, is emphasized by T.E. Vladimirova, "<...> borrowing Indo-European origins, the Slavs did not inherit the division of the language into ordinary and sacred, thereby contributing to a holistic worldview and closer interaction" [25. P. 299]. In Orthodox Christian traditions, physical inferiority is not condemned, but on the contrary, it is believed that an ugly person is marked by God, is closer to him, and, accordingly, he should be respected.

In the Russian culture, there is a concept 'yurodivyi' ('whacky') which is etymologically connected with words *urodlivyi* ('ugly'), *urodstvo* ('ugliness'), *urodit'sya* ('to be born'). It has an archaic meaning: "a blessed, ascetic madman or who has taken pretended to be a madman, who, according to religious people, has the gift of divination. *Since the fifteenth year, he has become known as whacky who walks barefoot in winter and summer, visits monasteries, gives images to those whom he loves, and speaks mysterious words that taken as predictions.* L. Tolstoy, *Childhood*"⁴.

The sacrality of ugliness as a physical damage is noted in the "Historical and Etymological Dictionary" which refers to the etymological relationship of the words *kaleka* (meaning 'cripple') and *kalika* (meaning 'wanderer, pilgrim, tramp')⁵.

The definitional analysis of the word *urodstvo* ('ugliness') indicates its ambiguity. It has 3 meanings, i.e. three lexico-semantic variants (hereinafter LSV). The componential analysis of the meanings of the word *urodstvo* ('ugliness') as the main lexical representative of the category is shown in table 1.

Another common lexical means of expressing the category *urodstvo* ('ugliness') in Russian is noun *bezobraziye* ('deformity'). It is also ambiguous; and again it has 3 meanings. Dictionaries often define it through the word *ugliness*. Etymologically, the word *bez-obraz-iyе* ('deformity') goes back to the word *obraz* in the meaning "face, cheek, look, picture, icon", the prefix *bez-* means absent. Thus, the word means "absence of a face, look, image" [13. P. 46], in other words, the absence of an appearance corresponding to generally accepted ideas and norms.

⁴ Evgenieva, A.P. (Ed.) (1999). *Dictionary of the Russian language*. In 4 vols. Moscow: Russian language; Polygraphic resources. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas> (accessed: 04/12/2023). (In Russ.).

⁵ Chernykh, P.Ya. (2002). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language*. In 2 vols. Moscow: Russian language. (In Russ.).

Table 1

The Componential analysis of the polysemic word *urodstvo* ('ugliness')

LSV	Meaning/Semes	Categorical seme	Marker	Distinguisher
1	Congenital physical deficiency, abnormality in the structure of the body	1. objectness 2. living organism [human, animal, plant]	3. congenital 4. physical	5. abnormality, disturbance in the structure 6. differing from others of the same type
2	Deformity, ugliness, ugly appearance	1. objectness 2. human/ animal	3. physical 4. external, visually perceived	5. violating norms/standards of ordinary appearance
3	Something ridiculous, disgusting, repulsive, abnormal	1. objectness	2. thing 3. concept	4. abnormal look 5. evoking feeling of disgust

Source: authors' study

A componential analysis of the polysemic word *bezobraziye* ('deformity') is presented in table 2 below.

Table 2

Componential analysis of the polysemic word *bezobraziye* ('deformity')

LSV	Meaning / Semes	Categorical seme	Marker	Distinguisher
1	Extremely ugly appearance; ugliness	1. objectness	2. appearance	3. violating norms/standards of ordinary appearance 4. at extreme degree
2	Outrageous, disgusting phenomenon	1. objectness	2. phenomenon / act	3. violating accepted norms 4. causing disturbance, indignation / disgust
3	Exclamation expressing indignation ugly act	1. objectness	2. emotion 3. extreme degree	4. disturbance, indignation / disgust

Source: authors' study

The word *nekrasivost'* ('unattractiveness') is in synonymous relations with the word *urodstvo* ('ugliness'). In dictionaries, this noun is defined as a property by the adjective *nekrasivyi* ('ugly'), which has several meanings: "1. Characterized by incorrect outlines, lack of harmony of paints, tones, lines, etc., unattractive in appearance. 2. Dishonest, unscrupulous, reprehensible"⁶. In addition, another meaning takes place in the dictionary by D.N. Ushakov: "making an unpleasant impression"⁷.

⁶ Evgenieva, A.P. (Ed.) (1999). *Dictionary of the Russian language*. In 4 vols. Moscow: Russian language; Polygraphic resources. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas> (accessed: 04/12/2023). (In Russ.).

⁷ Ushakov, D.N. (1935–1940). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Soviet Encyclopedia, OGIZ. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/default.asp?/feb/ushakov/us0.html> (accessed: 04/12/2023). (In Russ.).

Thus, the word *nekrasivost'* ('unattractiveness') also refers to polysemantic ones and has three LSVs. Its componential analysis is shown in table 3.

Table 3

Componential analysis of the polysemic word *nekrasivost'* ('unattractiveness')

LSV	Meaning / Semes	Categorical seme	Marker	Distinguisher
1.	Characterized by incorrect outlines, lack of harmony of paints, tones, lines, etc., unattractive in appearance	1. objectness	2. appearance	3. misalignment of outlines 4. absence of paint / line harmony
2.	Producing an unpleasant impression	1. objectness	2. emotional impression	3. evocative dislike/ unpleasant feeling
3.	Dishonesty, reprehension	1. objectness	2. ethical concept	3. violation of generally accepted ethical standards

Source: authors' study

The categorical seme 'substantivity' in the meaning of the words *urodstvo* ('ugliness'), *bezobraziye* ('deformity'), *nekrassivost'* ('unattractiveness') means attribution to the class of noun names. Markers and distinguishers are more essential for determining semantic features of ugliness. The semantic properties of the category of ugliness, their hierarchy and interdependence can be presented in table 4.

Table 4

Semantic properties of the words *urodstvo* ('ugliness'), *bezobraziye* ('deformity'), *nekrassivost'* ('unattractiveness')

Violation of norms, deviation from the stereotype (congenital/acquired)					
Man is the subject of emotions	Appearance			Inner / mental world	
	Man as an object	Animal, plant	Artifacts	Man as an object	
				Concepts	Behavior

Source: authors' study

Table 4 shows that the main differentiating property of the concept of ugliness is 'violation of norms, deviation from the stereotype'. It was revealed as a result of a component analysis of lexemes *urodstvo* ('ugliness'), *bezobraziye* ('deformity'), *nekrassivost'* ('unattractiveness'). Next in terms of importance are the markers 'man as a subject', 'appearance' and 'inner world'. Further, semes characterize the object — the carrier of ugliness: 'human', 'animal / plant', 'artifacts', 'mental concepts' and 'behavior'. The seme 'man', as is shown in the diagram, can act as an object — a carrier of features of ugliness and a subject experiencing negative emotions when

perceiving ugly objects, phenomena [26. P. 140–141]. The seme ‘person-subject of emotional perception’ is singled out in the lexical-semantic variants of all words *urodstvo* (‘ugliness’), *bezobraziye* (‘deformity’), *nekrassivost’* (‘unattractiveness’) that express native speakers’ idea of ugliness. The prototype of ugliness has the following properties: it refers to living beings — man, animals, and plants; anomaly, or a violation in the structure of the body; congenital abnormality; the physical nature of the deviation from the norm.

We can say that an exemplary representative, or prototype of deformity, is a person with a congenital physical defect of the structure, for example, with a hump, with a shortened leg, with abnormally low or, conversely, abnormally high height, with a large birthmark in a prominent place, with ‘*volch’ya past’*’ (‘cleft palate’), ‘*zayach’ya guba*’ (‘cleft lip’), etc. [see: 27]. Thus, the prototype has the following properties relevant for the category ‘ugliness’:

- 1) a living organism — a person;
- 2) an anomaly in the structure of the body;
- 3) congenital anomaly;
- 4) the physical [anatomical] nature of the anomaly.

When choosing a prototype, such representatives of the category have the advantage, which have categorical properties to the highest degree. For example, in Russian they are verbalized in the following lexemes: *gorbun* (‘hunchback’), *gorbatyi* (‘humpbacked’), *karlik* (‘dwarf’), *liliput* (‘lilliputian’), *velikan* (‘giant’), *khromonozhka* (‘lame’), *khromec* (‘lame’), *khromoi* (‘lame’), *kosobokii* (‘lopsided’). Sometimes a congenital anomaly is specified in a descriptive expression: *chelovek s zayach’ei guboi / s volch’ei past’yu / s rodimym pyatnom* (‘a person with a cleft lip / with a cleft palate / with a birthmark’), etc. It is important to emphasize that these deviations must be accessible to visual perception, for example, a mole, birthmark or wart must be large enough and be visible — on the face, for example. The ideal representatives of the prototype of deformity also include a functional anomaly, for example, impaired hearing, speech, and vision. Hence the following representatives of the prototype appear: *gluhoi* (‘deaf’), *nemoi* (‘mute’), *gluhonemoi* (‘deaf-mute’), *slepoi* (‘blind’), *slepec* (‘blind’), *kosoglazyi* (‘cross-eyed’), *kosoi* (‘cross-eyed’).

A less ideal representative of the category is a person or animal that has received an anomaly in appearance as a result of illness, injury or other circumstances, since they lack a prototypical sign — innateness. They are verbalized in lexemes *odnogij* (‘one-legged’), *beznogij* (‘legless’), *odnorukii* (‘one-armed’), *bezrukii* (‘armless’), *odnoglazyi* (‘one-eyed’), *odnouhii* (‘one-eared’), *bezuhi* (‘earless’), *bespalyi* (‘fingerless’), *trekhpalyi* (‘three-fingered’). Some of them are formed using the numeral *odin* (‘one, single’) if the anatomical norm is pairing in the structure of the body, for example, a person should have two legs, two arms, two eyes, two ears (*odn-onogii* ‘one-legged’, *odn-orukii* ‘one-armed’, *odn-oglazy* ‘one-eyed’, *odn-ouhii* ‘one-eared’). The other part of the representatives is formed using the prefix *bez-*, meaning an anomaly — the complete absence of anatomical organs (*bez-nogii*

‘legless’, *bez-rukii* ‘armless’, *bez-uhii* ‘earless’, *bes-palyi* ‘fingerless’). Regarding the number of fingers on the hand or foot, it can be stated that the absence of one, two, three or more fingers refers to the signs of non-exemplary representatives of the prototype of deformity, since it does not have the property of innateness.

At the same time, an extra finger on the hand — the sixth (*shestipalyi* ‘six-fingered’) is a typical exemplary case of the prototype of deformity, since it has a sign of innateness. In the profane consciousness of native speakers of the Russian language, the six-fingered hand or foot of a child is considered a sign of connection with evil spirits. “Six-fingeredness in traditional culture is a marker — along with other signs — an indicator of belonging to the world of the supernatural and / or the ability to make contact with this world” [28. P. 41]. E.E. Levkievskaya also writes about this: “Mythological characters often have an abnormal number of fingers” [29. P. 616].

Even further from the prototype of ugliness as an ideal representative of the category are artifacts that do not correspond to normative ideas and are characterized by a person as ugly or unattractive, for example: *urodlivyi dom* (‘ugly house’), *bezobraznoe kreslo* (‘ugly chair’), *nekrasivoe plat’e* (‘ugly dress’). They lack several basic prototypical properties: they are not a living organism; the anomaly is not congenital. Ugly or unattractive social phenomena, human actions can also be defined as non-ideal representatives of the category, since they refer to mental objects that have non-physical innate disorders: *nekrasivyi postupok* (‘ugly act’), *bezobraznoe povedenie* (‘ugly behavior’), *urodlivoe social’noe yavlenie* (‘ugly social phenomenon’). The appearance of non-exemplary representatives of the category of ugliness is associated with the historical development of social consciousness, changes in social norms, which are reflected in linguistic categorization and blurring of prototypical properties.

In particular, the metaphorical or metonymic expansion of the meanings of words, the emergence of new meanings in them contribute to a change in the category by including in it various non-exemplary representatives that differ from the prototype. So, ugliness characterizes not only living organisms, but also artifacts, mental representations, human behavior. Deformity has ceased to be only a physical, anatomical external character, accessible to visual perception, but has become mental, spiritual, moral. It is no longer necessarily congenital, but may be acquired as a result of diseases, injuries, etc. Only such a prototypical sign as an anomaly, or a violation of norms and stereotypes, remains unchanged.

Conclusions

The category of ugliness in Russian culture is sacred, conveying Orthodox Christian ideas about the connection between ugliness and divine destiny. The result of our study is a cognitive-and-semantic representation of the category of ugliness in the Russian language as a prototype, i.e., a set of the most important properties

that are relevant to native speakers. To solve this problem, a set of methods was applied: a component analysis of the lexical representatives of the category in the Russian language — the words *urodstvo* ('ugliness'), *bezobraziye* ('deformity'), *nekrassivost'* ('unattractiveness') based on their dictionary definitions; comparative analysis of the results of component analysis; construction of a prototype of ugliness as a bundle of the most important primary features; establishment of a sample category and its non-exemplary representatives based on the concept of E. Roche's prototypes.

Non-ideal representatives of the concept of ugliness were formed in the minds of native speakers of language and culture in the process of development and changes in social norms and stereotypes. These changes were reflected in the language: in the expansion of the meanings of words expressing the concept of ugliness, towards an increase in the types of object of ugliness, the spread of anomaly to the mental sphere, etc. In other words, in metaphorical, metonymic changes in the meanings of the words *urodstvo*, *bezobraziye*, *nekrassivost'*, fixed in dictionaries, there was a tendency to destroy the original ideal model — the prototype of ugliness.

References

1. Eco, U. (2007). *Storia della bruttezza*. Milan: Bompiani. URL: <https://ru.bjk-1903.net/umberto-eco-elusive-concept-ugliness-5295> (accessed: 05/05/2023).
2. Meshcheryakova, Yu.V. (2004). *The concept of "beauty" in English and Russian linguistic cultures* [dissertation]. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University Publ. (In Russ.).
3. Letunovskaya, N.V. (2004). *Lexico-semantic representation of the concept "beauty" in German and Russian* [dissertation]. Tambov. (In Russ.).
4. Klintsova, Yu.V. (2007). *Lexico-semantic and cognitive-derivational aspects of the "Beauty" hyperconcept: based on the material of English and Russian languages* [dissertation]. Krasnodar. (In Russ.).
5. Okuneva, I.O. (2009). *The concept of "beauty" in Russian and English* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
6. Demyankov, V.Z. (2004). The meaning and use of lexemes of the beauty class. In: *Secret meanings: Word. Text. Culture*. Moscow: Languages of Slavic Culture. pp. 601–609. (In Russ.).
7. Kovshova, M.L. (2004). The concept of beauty in Russian phraseology and folklore: External qualities and internal properties of a person. In: *Logical analysis of language. Languages of aesthetics: Conceptual fields of beauty and ugliness*. Moscow: Indrik. pp. 613–620. (In Russ.).
8. Tarasenko, O.N. (2011). To the semantic representation of the concept BEAUTY in the lexical system of the English language. *Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin*, 7(1), 105–114. (In Russ.).
9. Shardanova, M.A. (2006). *Aesthetic binary opposition "beautiful/ugly" in languages of different systems: Based on the material of English, Russian and Kabardino-Circassian languages* [dissertation]. Nalchik, Kabardino-Balkarian State University. (In Russ.).
10. Popova, N.V. (2010). Dialectical approach to the study of lexico-semantic fields of beauty and ugliness. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 56–62. (In Russ.).
11. Akosheva, M.K., Rakhimzhanov, K.Kh. & Temirgazina, Z.K. (2022). To whom do we compare ugly people? Standards of ugliness in Russian. *Slavia Centralis*, 15(1), 138–154. (In Russ.).
12. Arutyunova, N.D. (Ed.) (2004). *Logical analysis of language. Languages of aesthetics: Conceptual fields of beauty and ugliness*. Moscow: Indrik. pp. 169–209. (In Russ.).

13. Popova, N.V. (2009). The concept of “disgrace” in the Russian language as a violation of aesthetic and ethical norms. *Bulletin of the Vyatka State University*, 1, 46–50. (In Russ.).
14. Pisanova, T.V. (1997). *National-cultural aspects of evaluative semantics*. Moscow: Ikar. (In Russ.).
15. Rosch, E., Mervis, C.B., Gray, W.D., Johnson, D.M., & Boyes-Braem, P. (1976). Basic Objects in Natural Categories. *Cognitive Psychology*, 8, 382–436.
16. Lakoff, J. (2004). *Women, fire and dangerous things. What the categories of language tell us about thinking*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
17. Goodenough, W.H. (1956). Componential analysis and the study of meaning. *Language*, 32, 195–216.
18. Lounsbury, F.G. (1956). A semantic analysis of Pawnee kinship terminology. *Language*, 32, 158–94.
19. Arnold, I.W. (1991). *Fundamentals of scientific research in linguistics*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
20. Bolinger, D. (1981). Atomization of meaning. In: *New in foreign linguistics, 10. Linguistic semantics*. Moscow: Progress. pp. 200–234. (In Russ.).
21. Temirgazina, Z., Albekova, A. & Kurmanova, Z. (2021). One More Time about the Heart: Naive Anatomy in the Kazakh Language in Comparison with Russian and English. *Przeglad Wschodnioeuropejski.*, XII (2), 459—475. <https://doi.org/10.31648/pw.6876>
22. Boldyrev, N.N. (2009). *Functional categorization of the English verb*. Moscow: Librokom. (In Russ.).
23. Abzuldinova, G.K. (2013). Metaphorization of the cognitive domain of study. *Middle East Journal of Scientific Research*, 14(13), 1648–1653.
24. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2004). Aesthetic dimension in the Russian language picture of the world: everyday life, vulgarity, lies. In: *Logical analysis of language. Languages of aesthetics*. Moscow: Indrik. pp. 209–230. (In Russ.).
25. Vladimirova, T.E. (2022). Semantic Potential of the Word: by The Material of the Mythologem of the Holy Marriage of Heaven and Earth. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 294–306. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-294-306> (In Russ.).
26. Temirgazina, Z.K. & Zhakupova, G.K. (2021). Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 137–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152> (In Russ.).
27. Temirgazina, Z., Nikolaenko, S., Akosheva, M., Luczyk, M. & Khamitova, G. (2020). “Naive anatomy” in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian. *XLinguae*, 13(2), 3–16. <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.02.01>
28. Arkhipova, A.S. (2012). Horns and Hooves of the Generalissimo: The Demonization of Stalin in the Soviet and Post-Soviet Tradition. In: *In Umbra: Demonology as a Semiotic System. Almanac. Issue 1*. D.I. Antonov, O.B. Khristoforova (eds). Moscow: RGGU. pp. 38–54. (In Russ.).
29. Levkieskaya, E.E. (2007). Finger. In: *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. N.I. Tolstoy (Ed.). Vol. 3. Moscow: International relations. pp. 616–618. (In Russ.).

Библиографический список

1. *Eco U. Storia della bruttezza*. Milan: Bompiani, 2007. Режим доступа: <https://ru.bjk-1903.net/umberto-eco-elusive-concept-ugliness-5295> (дата обращения: 05/05/2023).
2. *Мецгерякова Ю.В.* Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2004.

3. *Летуновская Н.В.* Лексико-семантическая репрезентация концепта «красота» в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
4. *Клинцова Ю.В.* Лексико-семантические и когнитивно-деривационные аспекты гиперконцепта «Красота»: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.
5. *Окунева И.О.* Концепт «красота» в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
6. *Демьянков В.З.* Значение и употребление лексем класса красота // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура*. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 601–609.
7. *Ковшова М.Л.* Понятие красоты в русской фразеологии и фольклоре: Внешние качества и внутренние свойства человека // *Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного*. М.: Индрик, 2004. С. 613–620.
8. *Тарасенко О.Н.* К семантическому представлению концепта КРАСОТА в лексической системе английского языка // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2011. Т. 7. № 1. С. 105–114.
9. *Шарданова М.А.* Эстетическая бинарная оппозиция «прекрасное/ безобразное» в разнотипных языках: на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2006.
10. *Попова Н.В.* Диалектический подход к исследованию лексико-семантических полей красоты и безобразия // *Russian Journal of Linguistics*. 2010. № 1. С. 56–62.
11. *Акошева М.К., Рахимжанов, К.Х., Темиргазина З.К.* С кем мы сравниваем уродливых людей? Эталоны уродства в русском языке // *Slavia Centralis*. 2022. № 15(1). С. 138–154.
12. *Арутюнова Н.Д.* (ред.). *Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного*. М.: Индрик, 2004. С. 169–209.
13. *Попова Н.В.* Понятие “безобразия” в русском языке как нарушение эстетических и этических норм // *Вестник Вятского государственного университета*. 2009. № 1. С. 46–50.
14. *Писанова Т.В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики. М.: Икар, 1997.
15. *Rosch E., Mervis C.B., Gray W.D., Johnson D.M., Boyes-Braem P.* Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1976. № 8. P. 382–436.
16. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.
17. *Goodenough W.H.* Componential analysis and the study of meaning // *Language*. 1956. № 32. P. 195–216.
18. *Lounsbury F.G.* A semantic analysis of Pawnee kinship terminology // *Language*. 1956. № 32. P. 158–94.
19. *Арнольд И.В.* Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высшая школа, 1991.
20. *Болинджер Д.* Атомизация значения // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып.10. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 200–234.
21. *ATemirgazina Z., Albekova A., Kurmanova Z.* One More Time about the Heart: Naive Anatomy in the Kazakh Language in Comparison with Russian and English // *Przeglad Wschodnioeuropejski*. 2021. № XII (2). P. 459–475. <https://doi.org/10.31648/pw.6876>
22. *Болдырев Н.Н.* Функциональная категоризация английского глагола. М.: Либроком, 2009.
23. *Abzuldinova G.K.* Metaphorization of the cognitive domain of study // *Middle East Journal of Scientific Research*. 2013. № 14(13). P. 1648–1653.
24. *Зализняк А.А., Шмелев А.Д.* Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: быт, пошлость, вранье // *Логический анализ языка. Языки эстетики*. М.: Индрик, 2004. С. 209–230.
25. *Владимирова Т.Е.* Семантический потенциал слова: на материале мифологемы священного брака Неба и Земли // *Вестник Российского университета дружбы народов*.

- Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 294–306. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-294-306>
26. *Темиргазина З.К., Жакупова Г.К.* Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 137–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152>
27. *Temirgazina Z., Nikolaenko S., Akosheva M., Luczyk M., Khamitova G.* “Naive anatomy” in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian // *XLinguae*. 2020. № 13(2). P. 3–16. <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.02.01>
28. *Архипова А.С.* Рога и копыта генералиссимуса: демонизация Сталина в советской и постсоветской традиции // В Умбре: Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 1. / Ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2012. С. 38–54.
29. *Левкиевская Е.Е.* Палец // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под об. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2007. С. 616–618.

Information about the authors:

Anastasia M. Mudrovskaya, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philology, Karaganda University named after Buketov (28, Universitetskaya Str., Karaganda, Republic of Kazakhstan, 100024); *e-mail*: miss_nastena@list.ru
ORCID: 0000-0002-5412-9243. SPIN-code: 1177-1874, AuthorID: 1042963.

Zifa K. Temirgazina, D.Sc. (Philology), Full Professor, Higher School of Humanities, Pavlodar Pedagogical University (60, Mira st., Pavlodar, Republic of Kazakhstan, 140003); *e-mail*: zifakakbaevna@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3399-7364. SPIN-code: 5217-4225, AuthorID: 449512.

Rumaniyat O. Aselderova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of General Linguistics, Faculty of Philology, Dagestan State Pedagogical University (57, Yaragskogo St., Makhachkala, Russian Federation, 367003); *e-mail*: rumomarovna@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4261-6703; Scopus Author ID: 57813347200. AuthorID: 263370.

Сведения об авторах:

Мудровская Анастасия Михайловна, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы филологического факультета, Карагандинский университет имени Букетова (100024, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28); *e-mail*: miss_nastena@list.ru
ORCID: 0000-0002-5412-9243. SPIN-код: 1177-1874, AuthorID: 1042963.

Темиргазина Зифа Какбаевна, профессор, доктор филологических наук, Высшая школа гуманитарных наук, Павлодарский педагогический университет (140003, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Мира, 60); *e-mail*: zifakakbaevna@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3399-7364. SPIN-код: 5217-4225, AuthorID: 449512.

Асельдерова Руманият Омаровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания филологического факультета, Дагестанский государственный педагогический университет (367003, Российская Федерация, г. Махачкала, ул. Ярагского, 57); *e-mail*: rumomarovna@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4261-6703; Scopus Author ID: 57813347200. AuthorID: 263370.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-92-106

EDN: DBABDU

UDC 811.161.1'37-057.87-054.68:070

Research article / Научная статья

Conceptualization of the Notion of FREEDOM in the Worldview of Foreign Students of Journalism

Elena N. Strelchuk¹ , Alina S. Lepkova^{1,2}

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

 1042210131@rudn.ru

Abstract. The study presents the results of a study of the fragments of the journalistic conceptual worldview. This phenomenon is gradually emerging in the minds of future journalists in course of their studies at Russian universities. The key position in the work is occupied by the concept of FREEDOM. This concept was analyzed for its structural and semantic content. The relevance of the study is due to the continuously ongoing transformations in the world and the media. Such changes inevitably affect the worldview of future specialists and their ideas about the basic value for this profession — *freedom*. The purpose of the work is to determine the linguistic content of the concept under consideration by highlighting and analyzing its elements of the nuclear, near-nuclear and peripheral zones. The study is based on an associative experiment using a cinquain technique. The associative questionnaire made it possible to select and analyze from the point of view of semantic content the most frequent representing the concept of FREEDOM in the journalistic worldview of foreign students. The experiment was attended by the 3rd-4th year foreign students-journalists studying in RUDN University. As a result, it was concluded that the concept in question appears in the minds of foreign students studying journalism at Russian universities, primarily as a basic value associated with life and happiness, and not as a professional term fixed in dictionaries.

Keywords: conceptual worldview, education of journalists, journalistic worldview, concept of FREEDOM, Russian as a foreign language

Authors' contribution:

The authors declare no conflict of interest.

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Strelchuk, E.N. & Lepkova, A.S. (2024). Conceptualization of the Notion of FREEDOM in the Worldview of Foreign Students of Journalism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 92–106. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-92-106>

© Strelchuk E.N., Lepkova A.S., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Концептуализация понятия «свобода» в картине мира иностранных студентов-журналистов

Е.Н. Стрельчук¹ , А.С. Лепкова^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

 1042210131@rudn.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования концептуальной картины мира, формирующейся в сознании иностранных студентов-журналистов во время обучения в российских вузах. Центральное место в системе занимает концепт СВОБОДА, рассмотренный с точки зрения его структурно-смыслового наполнения. Актуальность исследования обусловлена трансформациями в мире в целом и в журналистике в частности, что неизбежно отражается на мировосприятии будущих специалистов и их представлениях о базовой ценности — свободе. Цель данного исследования — определить языковое наполнение рассматриваемого концепта, проанализировав элементы его ядерной, приядерной и периферийной зоны. Исследование было проведено на базе ассоциативного эксперимента с применением синквейна, одной из технологий критического мышления. Разработанное авторами ассоциативное анкетирование позволило отобрать и проанализировать с точки зрения семантического наполнения наиболее частотные лексемы, репрезентующие концепт СВОБОДА в картине мира иностранных студентов-журналистов. В эксперименте приняли участие иностранные студенты-журналисты, обучающиеся на 3–4 курсе РУДН. В результате были сделаны выводы о том, что рассматриваемый концепт предстает в сознании инофонон, обучающихся журналистике в российских университетах, в первую очередь как базовая ценность, ассоциирующаяся с жизнью и счастьем. Результаты настоящей работы могут быть использованы для дальнейшего изучения журналистской картины мира как социо-культурной реальности, создаваемой СМИ.

Ключевые слова: концептуальная картина мира, образование журналистов, журналистская картина мира, концепт свобода, русский язык

Вклад авторов:

Авторы сделали равноценный вклад в подготовку данной статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Strelchuk E.N., Lepkova A.S. Conceptualization of the Notion of FREEDOM in the Worldview of Foreign Students of Journalism // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 92–106. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-92-106>

Introduction

Modern epoch is characterized with its own specifics determined both by the peculiarities of a society on the whole and the vector of developing various professional communities. In his study M.V. Shkondin emphasizes that the so-

called “informational module of the world’s mobility and mutation” presents the significant constituent of the worldview in the general intellectual cognitive space [1. P. 179]. The accelerating pace of life, the perception of informational streams and the globalization trend have determined substantial cognitive and mental transformations changing journalistic conscience, “the image of journalistic creative work itself and education” [2. P. 59].

Anyhow, journalism depending on the public conscience and at the same time imposing on it, is gradually changing, embracing modern themes and tools of influence. Besides there are created new types of mass-media information, and those already existing are being improved. The concept of mass-media pluralism is actively developing and could be interpreted in two ways: both as the highlighting of a certain situation from various aspects, the providing diversified information for the benefit of social interests, and also “demonstrating cultural and geographical variety” [3. P. 2]. While self-forming applied means to elaborate social and culturally marked information, journalism creates its own conceptual sphere serving as the basis to specify its professional worldview. The term “worldview” is multifaceted being reflected in different fields of academic knowledge such as philosophy, linguistics, pedagogy, cultural studies, psychology, philology or literary texts studies, etc. As “a global image of the social realm” worldview makes up a complex system consisting of a number of subsystems, among those the significant position is occupied by linguistic and scientific-research worldviews” [4. P. 111]. The latter one includes professional worldviews which, according to V.D. Mansurova, are naturally integrated in the paradigm of “the categories of modern knowledge” [5. P. 5] and consist of concepts presenting themselves as “linguo-mental formations” [6. P. 243]. On the one hand, a concept is being treated as a unifying link in the public conscience of a nation which represents in itself not just a system of notions, but also “sensual-and-emotional evidence” [7. P. 12]. We share the point of view of L.G. Babenko according to which one can imagine “the structural organization of a concept as “a nucleus”, “near-nucleus” and “peripheral” zones [8. P. 183], comprising both notional and “emotional evaluative elements” [9. P. 17]. It’s a large multidimensional system which also involves sub-concepts representing “the whole of knowledge concerning the concept given, and its associations...” [10. P. 22].

From our point of view, journalism as a field of academic knowledge is characterized by the inevitable formation of the two different worldview types. Primarily, in the conscience of the audience, it is aimed at constructing a definite conceptual worldview which is defined by a number of scholars as a media-picture (media-view), on the one hand, it is understood as “a specific type of reality — “media-reality”, while on the other hand, it’s “a model of “media-reality” in the individual conscience of a person [11. P. 10]. M.V. Shkondin describes this phenomenon to be the worldview forming in the individual conscience of a person

of a definite socio-cultural group “by means of media-system” [12. P. 65]. “Media worldview” bases itself on the interaction of “language, mentality and reality in the sphere of media-communication” [11. P. 7]. On the other hand, while studying cognitive and linguistic peculiarities of the journalistic activity one has to take into consideration the worldview being instantly created in the conscience of already working or just would-be professionals. Following the opinion of V.D. Mansurova and just to avoid the terminological misunderstanding, let’s define the latter as the journalistic worldview (In other words, a professional worldview of journalists) making itself to be “a multi-structural self-regulating system” [5. P. 7]). The point of view set in linguistics to treat the journalistic worldview points out its dynamism, constantly ongoing modernization determined by the emergence of new resources and the improvement of those exiting ones disposed at “meeting the informational demands of the participants of public practices” [13. P. 32].

According to M. Deuze and T. Witschge, the significant component to form the journalistic worldview, is the self-perception based not only on professional standards and ideology, but to a greater extent, on “the cultural constituent” [14. P. 166]. Still, in the course of studying the professional journalistic worldview the important role is attributed to the ethno-cultural issues. Developing in parallel with globalization norms and laws the modern society “most deeply inherits the elements of various world cultures” [15. P.134]. However, such transparency and the multilevel cross-cultural interchange doesn’t provide for the unification of national worldviews and cultural convergence, as well. One and the same phenomenon transferring from some cultural environment into the other ones would manifest non-similar significance for the representatives of different “acquiring” groups and would differently build in the systems of their world perception. The basic demand of the mass-media auditorium concerns not the receiving of new information, but rather “the comparing of a personal experience with the experience of the other ones” and the possible detection of the opinion consensus [16. P. 837]. In the situations when the conceptual worldview of journalists is substantially discording the world view of the recipients’ group there are quite possible communicative failures. To evade such situations, one should pay special attention to the formation of the worldview of the would-be journalists studying in the Russian Federation higher educational institutions.

At present a substantial proportion of students are represented by foreign students from various countries of the world. Their developing professional worldview could overlap the already existing worldview in the consciousness of students speaking another language. It could be explained by the fact that as a rule, such students possess some definite ideas about their future profession correlating with the national model of journalism of their countries. In this situation, it’s important not only to form the professional worldview, but also to direct the would-be journalists

to perceiving another, foreign to them worldview, which possibly might be broader and rather ambiguous consisting of closely interrelating “conceptual, linguistic and scientific worldviews” [17. P. 24].

This process couldn't be discussed separately and without considering the learning of the Russian language as a foreign (here and on — RLF). Any language is a rich source of cultural and cross-cultural information. In course of acquiring language and culture special role is given to mastering complex Abstract categories which are conceptually significant for the representatives of journalism. FREEDOM is one of such concepts which also makes one of the value orientations and is represented heterogeneously in the cognitive space of foreign students.

The phenomenon under discussion is rather “unstable”, dynamic, could “change with time” and occupy different positions within various conceptual worldviews [18. P. 238] depending on the conditions of extremely rapidly changing journalistic reality. Thus, in the context of journalistic creative work it “is ‘overgrown’ with such actively translated sub-concepts like “freedom of speech”, “freedom of mass-media information”, “freedom of information” [19. P. 337], “freedom of the press”, “freedom of thought” [20. P. 109], “freedom of journalistic creative work” [21. P. 527] and so on.

Among the issues of studying the journalistic worldview, the concept of FREEDOM is of special academic interest because in public conscience it rather often reveals itself as a dichotomous phenomenon; on the one hand, among the Russian native-speakers one can observe somehow determined by liberal democratic influence the tend to overemphasize the concept of FREEDOM involving in it the sub-concept of “freedom of speech”, a dominant for the Russian conscience [22. P. 181]. On the other hand, it seems quite impossible to draw a well-defined conclusions that the Russian journalism has taken the Western ply as in Russia together with the influence of globalization in the post-Soviet period there gains momentum the “anti-liberal” discourse where the concept of “false or fake freedom” appears more and more often, and the freedom of speech is observed as a manipulative means and a rather doubtful value [23. P. 696]. These factors could make a cause of overlapping of the worldviews over one another and producing a “conflict” of already existing ideas in the conscience of would-be journalists who are being educated in Russian in the Russian Federation.

The purpose of this study is the analysis of the content of the concept FREEDOM within the worldview of the foreign students of journalism who are getting education in the Russian higher educational institutions.

Materials and research methods

In the frames of the present study there were used such research methods as questionnaire surveys, associative experiment, description, and comparison.

We have elaborated an associative questionnaire using a cinquain — of the technological means to develop critical thinking [24. P. 128]. A cinquain

is “a powerful tool of reflection” aimed to develop cognitive skills [25. P. 240] which are typical and necessary for journalistic studies. This means possesses a certain sequence of its elements and the requirements mentioned beforehand which vary depending on the set aims to carry out some definite experiments. The purpose of a cinquain is in creating a certain number of associations.

The questionnaire survey was carried out in December 2022 on the basis of the RUDN Philological faculty. Respondents were given the lexeme “freedom” as the main word, or the “word-stimulus” [25. P. 240]. The respondents were given 10 minutes, during which they had to write down associations.

51 foreign students-journalists took part in this experiment. The respondents were the 3rd — 4th –year RUDN students and they know Russian to a degree facilitating them to communicate in learning, professional and everyday spheres in the Russian-speaking environment.

Among the respondents there were students from such countries as China (25 students) < Vietnam (16 students), Chad (3 students), Guinea-Bissau (2 students), Nigeria (1 student), Syria (3 students), and India (2 students). Due to the fact that 80,4 % of the participants of the questionnaire survey represented their native Chinese and Vietnamese cultures, in course of this study we can rightfully focus the attention on the Eastern and South-Eastern Asia, which in course of the analysis allows orientate to “the lexical background with a national cultural specifics” [27. P. 56] so that to sum up and interpret the obtained results considering the social-and-mental peculiarities of the native speakers of the area.

Data processing was carried out by means of “the cloud of words” technology, which on the basis of the loading the special data program “allows present visually the list of key notions” [28. P. 209]. The volume of a lexeme in the cloud depends on the use frequency. Accordingly, the capital script marks just the key associations which are mentioned in the questionnaire surveys of the participants and also those possessing the maximum value within the frames of the research, because they reflect the content of the collective but not personal, individual worldview of the students of journalism. To interpret the collected linguistic units from the point of view of their semantic volume we used the descriptive method together with comparison allowing validate the equivalence of some phenomena existing in both the Russian and other languages’ worldviews.

The content filling of the FREEDOM concept in the journalistic worldview

The associative experiment as a kind of questionnaire survey involving cinquain provided an opportunity to evaluate the modern filling of the FREEDOM concept in the journalistic worldview. The applied technology of “cloud of words” allowed determining the structure of the FREEDOM concept in the conscience

of participants speaking other but Russian languages. Besides, we managed to trace some discrepancy with the dominant perception existing in the journalistic environment which could influence the process to form the professional worldview of the foreign students of the Russian universities.

The results of the study are shown in the cloud of words (Fig.).

The results of the associative survey: the content of the concept of FREEDOM
Source: authors' study.

The very core of the nucleus of the concept under the study contains the most vivid and frequent images associatively connected with the word-stimulus. The near-nucleus zone demonstrates the units characterized by the recurrence but having a smaller usage or lower frequency. It's worth highlighting that there are similar in meaning lexemes and the same root words belonging to different parts of speech. The periphery traditionally reflects less evident units among which one might see emotionally-marked lexemes. The linguistic filling of the FREEDOM concept revealed in the course of the carried out experiment — associative survey is described in the Table.

The content of the concept of “Freedom” in the worldview of foreign student of journalism

The concept zone	Lexemes, or Words
The concept's nucleus zone	<i>свобода, свободный, жизнь, жить, счастье, счастливый, мечта</i>
The concept's near-nucleus zone	<i>демократический, освобождение, освобождать, независимость, выбирать, выбор, летать, быть, состояние, веселый, воля, ценный, ценность</i>
The concept's peripheral zone	<i>право, неограниченный, искать, бегать, получить, спокойный, комфортный, действовать, обсуждать, желанный, идеологический, ограниченный, общество, государство, защищать, ограничивать, играть, птица, полет, крылья, делать</i>

Source: authors' study

Semantic interpretation of the FREEDOM concept in the foreign students' journalistic worldview

Discussing the journalistic self-identification which at most determines the formation of the professional worldview in the conscience of such experts one can't completely neglect the emotional constituent comprising the so-called personal attitude towards a profession. Apart from the proper terminological system which naturally in-builds in the professional cognitive concept sphere it contains subjective perception, associative images inevitably reflected in the journalistic creative work. The thesis mentioned above is confirmed by the results of the carried out associative survey. So, in the course of studying the results obtained with the help of the "cloud of words" technology the conclusions were made concerning the meaningful content of all reviewed concept's FREEDOM zones.

The nucleus zone. On the one hand, FREEDOM presented in the worldview of foreign students is understood as the life itself (Russian lexemes *жизнь* and *жить*) — an integral element of human existence, while, on the other hand, it's *мечта* 'dream' as some idealistic start which a person strives to reach. And in this opposition the second image is dominant. At that, one of the most widely-spread association marked in the questionnaires, are the Russian lexemes *счастье* and *счастливый* 'happiness', 'happy'. The steady, firm conceptual connection between the notions of *свобода* and *счастье* 'freedom', 'happiness' is also evident due to clearly expressed in the peripheral zone the sub-concept «Полет» 'flight' together with the lexemes of *крылья* 'wings', *летать* 'fly', *птица* 'bird', *небо* 'sky' which in different types of culture could be associated with the state of joy, spiritual accent, the feeling of open space and independence. For example, such phenomenon is observed in the Chinese [29. P. 3602], French [29. P. 3602], Egyptian, Persian and other linguo-cultures [31. P. 526].

The near-nucleus zone. On the one hand, *freedom* is understood as a certain *status, condition* (Russian lexemes *состояние, быть*), and a man forms the active source and the willpower of an individual, to whom freedom means an opportunity to *make a choice* of his own free choice, the repeatedly used Russian lexemes *выбирать, выбор, воля* give the evidence of it.

In a few different questionnaires they mentioned that Russian words *освобождение, освобождать, независимость* meaning the process of gaining or granting *freedom* by somebody which allows conclude that the status of *freedom* isn't available for anyone of everyone. For many people it is a *value* (Russian lexemes *ценность* and *ценный*) it means already mentioned lexemes *мечта* 'dream', and also *демократия* 'democracy'. Together with a few times repeated lexeme *демократический* 'democratic' in a single meaningful tandem there are also sporadically used words and word collocations like: *либеральная свобода* 'liberal freedom', *Америка* 'America', *Статуя Свободы* 'the Statue of Liberty' which emphasize the developing Western influence on some Asian countries — China and Vietnam.

Besides, the respondents' associative field revealed the adjective *веселый* 'joyful' with the semantics characterizing joy, positive emotions connected with the feeling of *freedom*. This lexeme belonging to the near-nucleus zone is additional to some nucleus zone units like *счастливый* 'happy', *счастье* 'happiness', *мечта* 'dream'.

The near-nucleus zone also contains the mentioned above verb *летать* 'fly'. Different from the other elements of the sub-concept «Поле́т» 'a flight' those are mainly represented by nouns which rather belong to the peripheral zone, and the given lexeme expresses movement which allows conclude the priority of the activity origin meaning.

The peripheral zone. This zone is formed by rarely used words, but nevertheless, they are thematically interconnected among themselves and make a meaningful block:

- *птица, полет, крылья* / *bird, flight, wings*;
- *делать, действовать* / *make, act*;
- *право, государство, общество, идеологический* / *law, state, society, ideological*.

There might be seen some meaningful oppositions as well, e.g., *неограниченный, ограниченный, ограничивать* (In Russian) which allow make conclusions of some possible differences in perceiving the notion under discussion.

Respondents also specified some specific lexemes, and among those were mainly verbs and adjectives characterizing *freedom* as something *желанное* 'desirable', *комфортное* 'comfortable', *спокойное* 'calm' which has to be *искать* 'seek', *получить* 'gain' и *защищать* 'protect', 'defend'. At that, among a few respondents, the associations refer to such lexemes like: *бегать* 'run', *обсуждать* 'discuss', *играть* 'play'.

It's worth mentioning that the notion of "freedom" is fixed in the dictionary of journalistic terms and interpreted as "an opportunity to act in any domain without any restrictions" [32. P. 227]. Some lexemes mentioned in the questionnaires of foreign students of journalism intersect with the definition given above but still belong to the concept's peripheral zone (*делать* / *make, неограниченный* / *unlimited*) which could signalize of non-terminological students' perception of the notion itself and already coined other systems of dominant ideas in this sphere. We have discovered that the most frequent and significant elements of the concept are the lexemes connected with emotional situations, value orientation, and acute social issues that trouble would-be journalists. And their attention doesn't focus on the professional terminological system.

Besides, the dictionary by B.N. Lozovskiy contains such mentioned in the article notions as "freedom of mass information" [32. P. 227], "freedom of the press" [32. P. 229], "freedom of speech" [32. P. 232], "freedom of creative work" [32. P. 233] which in the questionnaires were either omitted or used in the obscure version (*свобода слова* / *freedom of speech*). It's worth highlighting that

in course of analyzing the foreign students' questionnaires there was detected untypically small for the modern Russian language media-sphere amount of using "freedom of speech" item. Remarkably, that the rare elements which could be included in this sub-concept are represented by "*свобода обсуждать / freedom of discussion*", i.e., not just directly translate any definite idea, but have a chance to discuss, to exchange opinions. The dictionary of journalistic terms, *freedom of speech* is determined as "an opportunity to express opinions, evaluations, judgements without restrictions or any obstacles [32. P. 232], that is, the stress is put not on the bilateral exchange, but on the linear direction of translation.

Thus, in the journalistic worldview the FREEDOM concept, on the one hand, presents itself as an active fundamental basis having great significance for the society and life on the whole, and on the other hand, it makes a figurative, emotionally marked construction. Such conceptualization quite exactly characterizes the role, position and value orientation of a modern journalist who has to bring advantage to the society, to undertake action for its *freedom* and let it achieve happiness while at that being free himself and happy in his activity and self-esteem.

The concept under discussion occupies a specific place in the journalistic worldview. It's one of the basic values for representatives of this profession, while their main tasks are to collect, elaborate and translate the information for the auditorium obligatory considering cultural, social and other factors. It's necessary to emphasize the fact that any concept is dynamic and flexible which is why in time as a result of any unexpected disturbances and shocks there occur small or substantial shifts of nucleus, near-nucleus and peripheral zones. Besides, touching upon the disturbances of the kind the important role belongs to the specifics of the cohesive group itself. The 3rd-4th-year foreign students whose professional worldview can still undergo significant transformations and as a rule, be in the phase of development, the system of basic categories has been already formed. However, it's going to change even more and enlarge in the process of further studies which could be programmed under the consideration of the obtained data on the professional conceptual worldview content of the would-be experts.

Conclusions

The carried out study allowed us make conclusions that the conceptualization of the notion of FREEDOM in the worldview of foreign students of journalism is taking place regarding the basic vital values correlating with such core notions as life itself, happiness and dream. For a great many of respondents *freedom* is an active force which helps make a choice and action. At that, there's traced a motive of *non-freedom* which together with the former conclusion gives evidence that many people could have lived differently if they had really felt *freedom*. The notion under discussion for the representatives of professional journalism being

a term fixed in the proper dictionaries doesn't make a term yet for foreign students of journalism. One could suppose that such results characterize not in as much the professional sphere but the basic human values. However, we'd mention that for experts referring to the multifaceted and ambiguous notion it is one of the key items in their activity, and they can emphasize not the understandable and stable terminological meaning, but the complex and equivocal status of *freedom* including the feeling of its deficiency at all. Just for this reason it's crucial to continue investigating the professional mental space taking into account the already formed ideas of the would-be journalists in the course of their studies.

In the prospect, one could mark carrying out the research treating other basic concepts which form the professional worldview. As to the students of the senior courses, fragmentary studies of the professional worldview seem absolutely necessary in the sphere of journalistic education not only from theoretical, by also from practical, applied point of view. Such approach would allow obtain much more vast knowledge of the cognitive space specifics and world perception among those experts which in the future could lay the background for scientific research in the fields of linguistics, journalism and pedagogy.

Библиографический список

1. Шкондин М.В. Журналистика как интеллектуальная система: аспекты целостности // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. №2. С. 175–182. [https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26\(2\).175-182](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26(2).175-182)
2. Юй Я. Глобальная журналистика и ее основные аспекты концептуализации // Актуальные исследования. 2023. № 8(138). С. 58–61.
3. Brogi E. The Media pluralism monitor: Conceptualizing media pluralism for the online environment // Profesional de la información. 2020. Vol. 29. № 5. P. 1–7.
4. Сухарева Ю.В. Взаимообусловленность картины мира и языковой картины мира // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 2(261). С. 110–114.
5. Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как тип социокультурной реальности: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. Барнаул, 2003.
6. Пивовар Е.С. Ключевой концепт как структурирующее начало языковой картины мира у белорусов и русских // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 243–254. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-243-254>
7. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: 2001. С. 989.
8. Бабенко Л.Г. Концепт и концептосфера в аспекте моделирования // Модели в современной науке: единство и многообразие: сборник научн. тр. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2010. С. 180–188.
9. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2010.
10. Семенов А.Е. Вербализация концепта ЗЕМЛЯ средствами русской фразеологии и лексикологии: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009.
11. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дисс. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2003.
12. Шкондин М.В. Журналистика как фактор освоения мира социумом // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С. 62–73.

13. *Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Шкондин М.В.* Журналистика как медийная целостность: структурные аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8. С. 24–40.
14. *Deuze M., Witchge T.* Beyond Journalism: Theorizing the Transformation of Journalism // Journalism. 2018. Vol. 19. № 2. P. 165–181.
15. *Антропянская Л.Н.* Перспективы трансформации российского менталитета в постиндустриальную эпоху // Известия ТПУ. 2011. № 6. С. 131–135.
16. *Meijer I.C., Bijleveld H.P.* Valuable Journalism. Measuring News Quality from a User's Perspective // Journalism Studies. 2016. Vol. 17. № 7. P. 827–839.
17. *Стрельчук Е.Н.* Формирование русской речевой культуры иностранных бакалавров негуманитарных специальностей в вузах РФ: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2016.
18. *Семенова Е.М.* Концепт Свобода в языковой картине мира американского и русского народов // Научное обеспечение развития АПК в условиях реформирования: Сб. науч. трудов по материалам международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава. Пушкин: СПБГАУ, 2014. С. 463–465.
19. *Тульнев М.А.* Наднациональные гарантии свободы средств массовой информации: опыт постсоветских интеграций // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 2. С. 336–344. <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-44-2-336-344>
20. *Дегтерев А.А.* Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов: проблемы объекта, потерпевшего и предмета преступления // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10(107). С. 109–121. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.107.10.109-121>
21. *Ахмадиев Ф.В.* Свобода слова и ответственность журналиста // Вестник Башкирского ун-та. 2011. № 2(16). С. 527–530.
22. *Ерофеева И.В.* Свобода слова как концепт современного медиатекста // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2013. № 2(49). С. 181–187.
23. *Шмелев А.Д.* Еще раз о русских словах свобода и воля // Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 3. С. 675–700. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-3-675-700>
24. *Малиева З.К.* Применение современных образовательных технологий в профилактике морального отчуждения студентов // Высшее образование в России. 2015. № 10. С. 126–132.
25. *Ашим У.М.* Синквейн как средство развития творческих способностей учащихся // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2015. № 5. С. 237–241.
26. *Дударева Я.А.* Синонимическое гнездо слов как полевая организация (на материале ассоциативного эксперимента) // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 187–191.
27. *Лонская А.Ю.* «Культурная революция» в Китае в языке советских СМИ // Молодой ученый. 2016. № 13.2 (117.2). С. 54–56.
28. *Толстова Н.Н.* Опыт применения технологии эдьютейнмент в обучении языку специальности абитуриентов из стран СНГ на подготовительном факультете // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5. Ч. 1. С. 208–212. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.44>
29. *Цуй Л.* Символика птицы в русской и китайской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 11. С. 3600–3605. <https://doi.org/10.30853/phil210552>
30. *Кургузенкова Ж.В.* Лингвистические особенности реализации бинарной оппозиции «Счастье / несчастье» во французской фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2(80). Ч. 1. С. 96–99.
31. *Кафтан И.И.* Символические признаки концепта счастье: лингвокультурологический анализ // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 4. С. 520–532. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-4-520-532>
32. *Лозовский Б.Н.* Журналистика и средства массовой информации: крат. словарь. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2007.

References

1. Shkondin, M.V. (2016). Journalism as an Intelligent System: Integrity Aspects. *Bulletin of Baikal State University*, 26(2), 175–182. [https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26\(2\).175-182](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26(2).175-182) (In Russ.).
2. Yu, Ya. (2023). Global journalism and its main aspects of conceptualization. *Aktual'nye issledovaniya*, 8(138), 58–61. (In Russ.).
3. Brogi, E. (2020). The Media pluralism monitor: Conceptualizing media pluralism for the online environment. *Profesional de la información*, 29(5), 1–7.
4. Sukhareva, Yu.V. (2012). Interdependence of the picture of the world and the linguistic picture of the world. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2(261), 110–114. (In Russ.).
5. Mansurova, V.D. (2003). *Journalistic picture of the world as a type of sociocultural reality* [dissertation]. Barnaul. (In Russ.).
6. Pivovarov, Y.S. (2019). The key concept as a structuring base of Russian and Belarusian linguistic worldview. *Russian Language Studies*, 17(2), 243–254. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-243-254> (In Russ.).
7. Stepanov, Yu.S. (2001). *Constants: a dictionary of Russian culture*. Moscow. (In Russ.).
8. Babenko, L.G. (2010). Concept and concept sphere in the aspect of modeling. In: *Models in modern science: unity and diversity: collection of scientific works*. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. pp. 180–188. (In Russ.).
9. Alefirenko, N.F. (2010). *Linguoculturology. The value-semantic space of language*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
10. Semenov, A.E. (2009). *Verbalization of the concept EARTH by means of Russian phraseology and lexicology: linguocultural aspect* [dissertation]. Chelyabinsk. (In Russ.).
11. Rogozina, I.V. (2003). *Media picture of the world: cognitive-semiotic aspect* [dissertation]. Barnaul. (In Russ.).
12. Shkondin, M.V. (2013). Journalism as a Factor of World Exploration by Society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 62–73. (In Russ.).
13. Svitich, L.G., Smirnova, O.V. & Shkondin, M.V. (2018). Journalism as Media Integrity: Structural Aspects. *Social and humanitarian knowledge*, 8, 24–40. (In Russ.).
14. Deuze, M. & Witchge, T. (2018). Beyond Journalism: Theorizing the Transformation of Journalism. *Journalism*, 19(20), 165–181.
15. Antropyanskaya, L.N. (2011). Perspektivy transformatsii rossiyskogo mentaliteta v postindustrial'nyuyu epokhu [Prospects for the transformation of the Russian mentality in the post-industrial era]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 6, 131–135. (In Russ.).
16. Meijer, I.C. & Bijleveld, H.P. (2016). Valuable Journalism. Measuring News Quality from a User's Perspective. *Journalism Studies*, 17(7), 827–839.
17. Strelchuk, E.N. (2016). Formation of Russian speech culture of foreign bachelors of non-humanitarian specialties in universities of the Russian Federation [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
18. Semenova, E.M. (2014). The concept of Freedom in the linguistic picture of the world of the American and Russian peoples. In: *Scientific support for the development of the agro-industrial complex in the conditions of reform*, proceedings. Pushkin: SPbGAU. pp. 463–465. (In Russ.).
19. Tulnev, M.A. (2020). Supranational Guarantees of Media Freedom Information: Experience of Post-Soviet Integrations. *NOMOTHIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 45(2), 336–344. <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-44-2-336-344> (In Russ.).
20. Degterev, A.A. (2019). Obstruction of the Legitimate Professional Activities of Journalists: Object, Victim and Subject of the Crime Issues. *Actual Problems of Russian Law*, 10(107), 109–121. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.107.10.109-121> (In Russ.).

21. Akhmadiev, F.V. (2011). Freedom of speech and responsibility of a journalist. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 2(16), 527–530. (In Russ.).
22. Erofeeva, I.V. (2013). Freedom of speech as a concept of modern media text. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*, 2(49), 181–187. (In Russ.).
23. Shmelev, A.D. (2018). Russian Words for ‘FREEDOM’ Revisited. *Russian Journal of Linguistics*, 22(30), 675–700. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-3-675-700> (In Russ.).
24. Malieva, Z.K. (2015). Application of Modern Educational Technology in the Process of Prevention and Overcoming of Students’ Moral Alienation. *Higher Education in Russia*, 10, 126–132. (In Russ.).
25. Ashim, U.M. (2015). Cinquain as a Method of Developing Students’ Creative Abilities. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 5, 237–241. (In Russ.).
26. Dudareva, Y.A. (2011). Synonymous nest of words as a field organization (on the material of an associative experiment). *Siberian Journal of Philology*, 4, 187–191. (In Russ.).
27. Lonskaya, A.Yu. (2016). «Kul’turnaya revolyutsiya» v Kitae v yazyke sovetskikh SMI [“Cultural revolution” in China in the language of Soviet media]. *Molodoy uchenyy*, 13.2 (117.2), 54–56. (In Russ.).
28. Tolstova, N.N. (2018). Attempt of Edutainment Technology Application in Teaching the Language of Specialty to Students from the CIS Countries at the Preparatory Faculty. *Philology. Theory & Practice*, 5(1), 208–212. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.44> (In Russ.).
29. Cui, L. (2021). Bird Symbolism in the Russian and Chinese Linguistic Worldview. *Philology. Theory & Practice*, 14(11), 3600–3605. <https://doi.org/10.30853/phil210552> (In Russ.).
30. Kurguzenkova, Zh.V. (2018). Linguistic Peculiarities of Realization of the Binary Opposition “Happiness / Unhappiness” in the French Phraseology. *Philology. Theory & Practice*, 2 (80–1), 96–99. (In Russ.).
31. Kaftan, I.I. (2021). Symbolic Signs of the Happiness Concept: Linguocultural Analysis. *Modern Studies of Social Issues*, 13(4), 52. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-4-520-532> (In Russ.).
32. Lozovsky, B.N. (2007). *Journalism and mass media: brief. dictionary*. Ekaterinburg: Ural State University publ. (In Russ.).

Information about the authors:

Elena N. Strelchuk, Dr.Sc. in Pedagogy, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: methods of teaching Russian as a foreign language, culture of Russian speech, applied cultural linguistics; *e-mail*: strelchuk-en@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-2161-3722; Scopus Author ID: 57207941083; ResearcherID: E-1202-2019; eLIBRARY SPIN: 3397–3210

Alina S. Lepkova, PhD student of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); Teacher of Additional Education of the Preparatory Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2, Leningradsky Ave., Moscow, Russian Federation, 125167); *Research interests*: methods of teaching Russian as a foreign language, conceptual worldview, cultural linguistics; *e-mail*: 1042210131@rudn.ru
ORCID: 0009-0006-0229-7516; eLIBRARY SPIN: 5543–1796

Сведения об авторах:

Стрельчук Елена Николаевна, доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: методика преподавания русского языка как иностранного, культура русской речи, прикладная лингвокультурология; *e-mail*: srelchuk-en@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-2161-3722; Scopus Author ID: 57207941083; ResearcherID: E-1202-2019; eLIBRARY SPIN-код: 3397-3210

Лепкова Алина Сергеевна, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); педагог дополнительного образования подготовительного факультета, Финансовый университет при Правительстве РФ (125167, Российская Федерация, г. Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2); *сфера научных интересов*: методика преподавания русского языка как иностранного, концептуальная картина мира, лингвокультурология; *e-mail*: 1042210131@rudn.ru
ORCID: 0009-0006-0229-7516; eLIBRARY SPIN-код: 5543-1796

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-107-125

EDN: CVJMOR

UDC [811.512.122:811.161.1:811.111]373-053.4:398

Research article / Научная статья

A Comparative Lexical Analysis of Kazakh, Russian and English Children's Folklore

Lyazzat Tokpayeva¹ , Gulzhana Kuzembayeva¹ , Diana Spulber^{2,3} ¹K. Zhubanov Aktobe Regional University, *Aktobe, Republic of Kazakhstan*²RUDN University, *Moscow, Russian Federation*³University of Genoa, *Genoa, Italy* kuzembayeva@mail.ru

Abstract. Occupying a special position in the oral folk art of any nation, children's folklore is a complex field, which interrelates two areas: folklore for children and folklore created by children, learned from adults, and passed on from some children to other children. Human world and values are reflected in folklore – thus the ethnographic study of children's folklore contributes to the understanding of the specifics of various cultures, and children's participation in them. The purpose of the study is to describe children's folklore in the Kazakh, Russian, and English languages from the linguistic and cultural comparative perspectives. The importance of identifying the lexical and phraseological features of different genres of children's folklore and describing their common and culturally marked characteristics lies in the fact that despite the availability of ethnographic studies of children's folklore in some cultures, there doesn't exist a single research on cross-cultural comparative perspectives of various genres of children's folklore. The study employed analytical descriptive, and comparative methods. The research data were collected through the online sociolinguistic surveys parallelly conducted in the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation. Texts of children's folklore in English were taken from the collections *Nursery Rhymes* and *Mother Goose's Songs*. The amount of research data made nearly 2000 Kazakh, Russian and English children's folklore texts. The study revealed that the genre variety of children's folklore leaves an imprint on the language of each genre. The lexical and phraseological analysis of various genres of children's folklore demonstrated an active use of neologisms, transrational language and personal names. Children's folklore is characterized not only by genre and intragenre dynamics, but also by historical changes.

Keywords: children's folklore, lexical analysis, Kazakh, Russian, English, cradle songs, shouts, sayings, teasers, counting-out rhymes

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

© Tokpayeva L., Kuzembayeva G., Spulber D., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Tokpayeva, L., Kuzembayeva, G. & Spulber, D. (2024). A Comparative Lexical Analysis of Kazakh, Russian and English Children's Folklore. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 107–125. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-107-125>

Authors' contribution:

The authors declare no conflict of interest.

Сравнительный анализ лексических средств казахского, русского и английского детского фольклора

Л.С. Токпаева¹ , Г.А. Кузембаева¹ , Д.П. Спұлбер^{2,3}

¹Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, Актөбе, Республика Казахстан

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

³Университет Генуи, Генуя, Италия

 kuzembayeva@mail.ru

Аннотация. Детский фольклор занимает особое место в устном народном творчестве любого народа и представляет собой сложную сферу, в которой взаимосвязаны две области: фольклор для детей и фольклор, созданный детьми, усвоенный от взрослых и передаваемый от ребенка к другим детям. Картина мира и ценности народа отражены в фольклоре, поэтому этнографическое изучение детского фольклора способствует пониманию специфики различных культур и участия детей в них. Цель исследования — описание детского фольклора на казахском, русском и английском языках в межкультурном и этнографическом сравнительном аспекте. Важность выявления лексических особенностей разных жанров детского фольклора и описания их общих и культурных особенностей заключается в том, что, несмотря на наличие этнографических исследований детского фольклора в некоторых культурах, единых исследований по межкультурным проблемам не существует. сравнительный взгляд на различные жанры детского фольклора. В исследовании использовались аналитический описательный и сравнительный методы. Данные исследования были собраны посредством онлайн-социолингвистических опросов, параллельно проводимых в Республике Казахстан и Российской Федерации. Тексты детского фольклора на английском языке взяты из сборников *Nursery Rhymes* «Потешки» и *Mother Goose's Songs* «Песни Матушки Гусыни». Объем исследования составил около 2000 казахских, русских и английских детских фольклорных текстов. В результате исследования выявлено, что жанровое разнообразие детского фольклора накладывает отпечаток на язык каждого жанра. Наиболее специфическими жанрами детского фольклора являются считалки и игровые стишки, дразнилки, крики и поговорки. Лексический анализ различных жанров детского фольклора продемонстрировал активное использование неологизмов и личных имен. Детскому фольклору свойственна не только жанровая и внутрижанровая динамика, но и исторические изменения.

Ключевые слова: детский фольклор, лексико-фразеологический анализ, казахский, русский, английский языки, колыбельные песни, крики, поговорки, дразнилки, считалки

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Tokpayeva L., Kuzembayeva G., Spulber D. A Comparative Lexical Analysis of Kazakh, Russian and English Children's Folklore // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 107–125. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-107-125>

Вклад авторов:

Авторы сделали равноценный вклад в подготовку данной статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Introduction

Children start to create and participate in peer cultures already in preschool, although peer cultures, being a stable set of activities or routines, artefacts, values, and concerns that people produce and share in interaction are often associated with adolescents [1]. A peer group represents an important context in which children learn language and culture through playing and interacting with each other [2. P. 36]. Folklore is often part of children's play and serves an important function in the context of language and culture acquisition [3].

Children's folklore occupies a special position in the oral folk art of any nation. Comprising lullabies, or cradle songs, nursery rhymes, barker songs, teasers, and counting rhymes, children's folklore refers to the kind of creativity of people, and becomes a part of their life. These genres of children's folklore accompany a person in childhood, entertain and provide the first knowledge about the world, develop creativity and imagination. Children's folklore is based both on the universal and nation's cultural traditions, plays a special role in education of the younger generation and formation of spiritual values.

Children's folklore is a more complex subject area than most might suspect, as it deals with two separate and yet interrelated areas — folklore for children (presented to children), and folklore of children (created by children, learned from adults, and passed on from children to other children) [4. P. 11]. As the communities' ways of life are reflected in folklore [5. P. 9], so the peoples' world and values are reflected in children's plays. Children watch adults, and modifying individual elements, lend them their own meanings and interpretations. Ethnographic study of children's folklore contributes to the understanding of the specifics of various cultures and children's participation in them.

The study is aimed at the cultural investigation of children's folklore in the Kazakh, Russian, and English languages. The importance of identifying the lexical features of different genres of children's folklore and describing their common and culturally marked characteristics lies in the fact that despite the availability of ethnographic studies of children's folklore in some cultures, there is no single research on cross-cultural comparative perspectives of various genres of children's folklore.

Literature Review

Folklore is a universal subject, which consists of all kinds of knowledge transmitted through traditions [6. P. 3] and forms the traditional culture developing in close connection with people for many centuries [7]. Folklore (1) is an oral art, passed from person to person and generation to generation, (2) is of traditional form and style, fixed or standardized and shared within or among a particular or set

group, (3) exists in different versions, though, is usually recognizable as a variation of the set to which it belongs, (4) has no known author or place of origin, though specific versions or variations are attributed to a particular performer, (5) is formularized and repetitive in the inclusion of a set phrase, refrain, pattern in form, design or decoration of a material object [4].

The children's folklore is a vast, original and multifaceted area of the folk art that unites the world of children and the world adults including a whole system of poetic and musical-poetic genres [8]. Children's folklore encompasses the rhymes, riddles, jokes, sayings and other play traditions of childhood, which have been passed down through the generations, mostly through oral transmission and largely without any adult involvement [9]. Contemporary children's folklore is interesting and dynamic as it covers both traditional and new genres and reflects present-day realia as well as younger children's and adolescents' psychological world [10].

Play language is considered to be “the lingo of a particular peer group in a specific community. A child, to fit in, be one of the group successfully, must speak the language” [11]. Thanks to folklore, a child more easily enters the world around him, more fully feels the charm of nature, assimilates the people's ideas about beauty and morality, gets acquainted with customs and rituals, along with aesthetic pleasure he absorbs the nation's spiritual heritage, without which the formation of a full-fledged personality is impossible [12. P. 188].

Folklore is of great educational importance, since it spiritually educates children and builds the fundamentals of moral education [13]. The folklore plays are characterized by their emotional saturation and by their functional load; “they enrich the thought processes and are means for the development of physical skills, fostering creative thinking and a number of moral-volitional qualities — mutual help, friendly relations, honesty, responsibility, strong will, etc.” [14. P. 31]. For, as Lunacharsky stated, “any game is serious for a child, for by playing a child lives. He lives, he exercises, he grows his soul and body only when he plays” [15. P. 31].

Counting-out rhymes use transrational language primarily applied to numerals. The distorted forms of counting in counting-out rhymes, as reported by Anikin (1957), include the modification of the verbal form of numerals *раз* ‘one’ — *ази, анзы, ранцы, разум, разин, азики* / *azi, anzy, knapsacks, mind, razin, aziki*; *два* ‘two’ — *двази, дванцы, дванчик* / *dvazi, dvantsy, dvanchik*; *первый* ‘first’ — *первички, первенцы, первенцики* / *pervichki, pervintsy, pervetsiki*; *другой* ‘other’ — *другичники, другенцы, другенцыки* / *drugichniki, drugentsy, drugentsyki*. Teasers, rhymes from two words to full-fledged teasing verses, are “a training in wit, a verbal duel, the development of a sense of humor, and helps in correcting the speech of young children” [12. P. 191].

Nursery rhymes, investigated in the Karakalpak folklore, present rhyming questions and answers, since the events in them are built on short plots they resemble fairy tales [16]. The study of the Romanian songs-patterns revealed that they have survived in the repertoire of children's folklore to present day, although,

losing their initial function, and they have become simply a “cause for children’s games and entertainment” [17. P. 167]. The investigation of the Bulgarian children’s folklore plays indicated that they remain a part of the cultural national heritage and wealth, and become an active part of the children’s lives contributing to not only motor skills but also mental constructs in a psychological-pedagogical aspect [14]. The participant observation and video ethnography of preschool children’s use of counting-out rhymes, faecal humour, and word play in Slovenia [2] demonstrated the importance of social participation in peer groups from an early age and the alliances, conflicts, and power hierarchies involved.

Methods and Materials

The research design comprised a comparative linguistic and cultural study of children’s folklore in the Kazakh, Russian, and English languages. Ethnography states the unique and distinctive features of a particular culture, whereas cross-cultural comparison indicates general notions, true for different human cultures [18–20].

The study manipulated descriptive and analytical and comparative methods [21]. The research data were collected through the online sociolinguistic surveys parallelly conducted in the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation and comprised folklore for children and created by children. To involve a large number of respondents into the study: 200 000 persons from Kazakhstan and 12000 persons from Russia. Texts of children’s folklore in English were taken from the collections and *Mother Goose Nursery Rhymes I* (Laptime Songs). The amount of research data made nearly 2000 Kazakh, Russian and English children’s folklore texts.

Results and Discussion

The Lexical Analysis of Folklore for Children Features of Cradle Songs

The lexical structure of the text is formed by lexical units in their combination and interconnection. The study of lexical content of words involves the study of means that are a reflection of the internal structure of the content and its external expression [22. P. 56]. The lexical features of cradle songs include the words of the thematic group “Sleep”, such as *to sleep, sleep, bed, баиньки / bainki, баю-бай / bayu-bai*. The composition of cradle songs is built in accordance with their main purpose to calm the child and help him fall asleep. In lullabies, special refraining onomatopoeic words are used: *алди-алди / aldi-aldi, алюнай-ай алюнай / alupai-ai alupai* (In Kazakh), *баю-бай / bayu-bai, баю-баю-баюшки / bayu-bayu-bayushki, люли-люли / lyuli-lyuli* (In Russian), *lullabye, hush-a-bye, croon-croon, O ho-ro ee-ree-ree* (In English) (Tabl. 1).

¹ Laptime Songs. Mother Goose Nursery Rhymes. The Ultimate List. URL: <https://laptimesongs.com/alphabetical/mother-goose-nursery-rhymes/> (accessed: 21.09.2023).

Samples of Russian, Kazakh and English Cradle Songs

Kazakh	Russian	English
Әлди, әлди, ақ бөпем, Ақ бесікке жат, бөпем... / Aldi, aldi, my white baby, lie in the white cradle...	Баю-баюшки-баю, Не ложися на краю... / Вayu-bayushki-bayu, Don't lie on the edge...	Hush-a-bye, baby, on the tree top, When the wind blows the cradle will rock;

Source: authors' study

The analysis of figurative and expressive means of cradle songs shows the abundance of epithets: *маленький* / *small*, *милый* / *cute*, *сладкий* / *sweet*, *родной* / *native* (In Russian), *ақ-бөпем* / *white baby*, *ақ балам* / *my white child*, *бал бөпем* / *my honey child* (In Kazakh); *little baby* (In English); an affectionate appeal to the child: *дитя* / *child*, *деточка* / *baby*, *радость* / *joy*, *кроха* / *baby*, *крошка* / *baby* (In Russian); *бөпем* / *my baby*, *бөпешім* / *my baby*, *балақай* / *child*, *балашым* / *my child*, *жаным* / *my soul*, *көкешім* / *my dear*, *құлыным* / *my foal*, *қошақан* / *my lamb* (In Kazakh); *baby*, *honey*, *my treasure*, *little star* (In English). In the texts of Russian cradle songs, diminutive names of animals are often used when referring to a child (*зайнышка* / *hare*), addressing by name is also used in a diminutive form (*Олеженька* / *Olezhenka*, *Наташечка* / *Natashechka*). This contributes to the awareness of one's name, awareness of oneself as a person, personality.

The analysis of cradle songs that are known to most parents and which they sing to their children allows us to state that at present they perform only excerpts of the most common lullabies in various versions: «Әлди- әлди ақ бөпем, ақ бесікке жат бөпем...» / «Aldi-Aldi ak bopem, ak besikke zhat bopem...», «Aldi, aldi balashym. Sen darasyn, danasyn / «Әлди, әлди балашым. Сен дарасың, данасың» (In Kazakh); «Не ложися на краю» / «Don't lie down on the edge», «Колотушек надаю» / «I'll give beaters», «Купим сыну валенки» / «Let's buy felt boots for our son», etc. (In Russian). The study also revealed the widespread use of author's lullabies and other songs by modern parents.

The analysis of the age categories of lullaby performers shows that traditional lullaby performers are most often representatives of the older generation — grandmothers, nannies, aunts. Young mothers seldom sing lullabies for newborns and almost never use their traditional versions, managing at best with a melody without words, and more often with just a physical swaying rhythm. Children are sung lullabies written by professional poets and composers. Replenishment of the genre is due to borrowing. As a rule, songs are borrowed from the popular TV programme «Спокойной ночи, малыши» / «Good night, kids»: «Спят усталые игрушки, книжки спят...» / «Tired toys are sleeping, books are sleeping ...»², «Ложкой снег мешая, ночь идет большая...» / «Spooning the snow, the big night is coming ...»³.

² Petrova, Z.A. (2010). *Tired toys are sleeping*. Moscow: Pro-Press. (In Russ.).

³ Yakovleva, Yu. & Krylatov, E. (1969). *Kolybel'naja medvedicy. Iz mul'fil'ma «Umka»* [Bear's lullaby. From the cartoon «Umka»]. URL: <http://a-pesni.org/baby/kol-medv.php> (accessed: 21.09.2023) (In Russ.).

As a result of the survey, 67 respondents aged 30–40 sing to their children the song about a small Christmas tree in Russian as a lullaby: *Маленькой елочке холодно зимой, Из лесу елочку взяли мы домой... / It's cold for a small Christmas tree in winter, We took the Christmas tree home from the forest...*⁴. This New Year's children's song turned out to be so popular in Soviet times that it is perceived as a folk song, and few people know its authors. Perhaps this is due to the fact that the respondents who sing this song to their children belong to the Soviet generation that grew up with it. An important factor, in our opinion, is that the song is performed in a calm, monotonous rhythm, allowing children to relax and fall asleep.

In the texts of Russian lullabies, there are often references to animals (кот / cat, собака / dog, волчок / wolf), as well as to mythical creatures (Сон / Sleep, Дрема / Nap, Угомон / Calmer, Бука / Bug), which do not occur in the lullaby texts of the Kazakh and English languages. Lyrics of English lullabies are stable and unchanged.

In the texts of lullabies in Kazakh, Russian and English, such stylistic figures as comparison, anaphora, inversion, personification are frequently used, syntactic parallelism is observed.

Features of Children's Shouts, Sayings and Teasers

Small works, beginning with an expressive double appeal to the mouse (*Мышка, мышка, на тебе зуб плохой... / Mouse, mouse, you have a bad tooth ...*), snail (*Улитка, улитка, высуни рожки ... / Snail, snail, stick out your horns ...*), rain (*Rain, rain, stop...*), rainbow (*Радуга-дуга, Не давай дождя... / Rainbow-arc, / Don't let it rain...*), sun, ladybug butterfly, etc., despite their simplicity, play a very important role. They demonstrate to children a poetic form of communication with the natural world, birds, insects. The common to Kazakh, Russian and English languages are shouts and sayings containing appeals to a ladybug (Tabl. 2).

Table 2

Appeals in Russian, Kazakh and English Children's Shouts and Sayings

Kazakh	Russian	English
<i>Хан қызы, хан қызы, ханның үйіне бар, Ұш, ханның үйіне бар, Ұш! / King's daughter, King's daughter, go fly to the king's house!</i>	<i>Божья коровка, полети на небо, Там твои детки кушают конфетки. Всем по одной, а тебе ни одной. / Ladybug, fly to the sky, there your children eat sweets. One for everyone, and none for you.</i>	<i>Ladybug, ladybug, fly away home, Your house is on fire And your children are gone, All except one. And her name is Ann, And she hid under the baking pan.</i>

Source: authors' study

⁴ Krasev, M. & Aleksandrova, Z. (1939). *Pesnja pro malen'kuju elochku* [Song about a small Christmas tree]. URL: <http://a-pesni.org/baby/elotchka.php> (accessed: 21.09.2023) (In Russ.).

In the course of the analysis, we came to the conclusion that the language of folklore depends not only on the culture of the people, but also on their worldview. For instance, the beetle, which is often found in children's folklore, in the three linguistic cultures under study has the following names: *ladybird* in Britain, — bird, it is called *ladybug* and rarely *lady cow* in the USA, *божья коровка* / *God's cow* in Russian, *қызыл қоңыз* / *red beetle* and *хан қызы* / *King's daughter* in Kazakh. The name of the beetle in different languages includes different components: bird in British English, bug (beetle) in American English, cow in American English and Russian, beetle and daughter in Kazakh. In all three linguistic cultures, the belonging of this beetle to a deity is emphasized (the component *божья* / *God's* in Russian). There is also a belief that the ladybug is the messenger of the Virgin Mary. In the English and Kazakh languages, there is an appeal to the beetle as an exclusively female individual: 'lady', 'қыз / girl, daughter'.

Some shouts and callouts have alternatives directly opposite in meaning. The predominance of references to rain in various variants of children's shouts and sayings is probably due to the climatic features of a region.

Children's sayings (*prigovorki* in Russian) also have specific features. In children's folklore, if a tooth falls out, then they need to throw it into the fire (into the furnace). When they begin to throw a (fallen out) tooth into the fire (into the oven), they have say: *Огонь-Бабушка, я тебе хороший зуб дам, а ты мне плохой зуб дай.* / Fire-Grandma, I will give you a **good tooth**, and you give me a **bad tooth**. Then a mouse will give the child a good tooth for the old tooth (a good tooth will grow). Children believe if they say otherwise: *Огонь-Бабушка, я тебе плохой зуб дам, а ты мне хороший зуб дай.* / Fire-Grandma, I'll give you a **bad tooth**, and you give me a **good tooth**, then a bad tooth will grow [23. P. 33] (Tabl. 3).

Table 3

Differences in Russian, Kazakh and English Children's Shouts on Climatic Features

Kazakh	Russian	English
<i>Жау-жау, жаңбыр, жау, жаңбыр, Жауған жаңбыр — жауған нұр. Жердің шаңы басылсын, Гүлдің аузы ашылсын, Еккен егін көктесін, Бізге нанды көп берсін Жау, жау! Гүлденсін бау! / Pour-pour, rain, pour, rain, The rain is the light. Let the dust settle, Let the flower open, May the harvest grow, Give us plenty of bread Pour, pour! Let the garden bloom!</i>	<i>Дождик лей, лей, лей На меня и на людей! На людей — по крошке, На меня — по ложке. / Rain pour, pour, pour On me and people! On people — crumbs, On me — a spoonful; Дождик, лей, не желей Хоть ведром полей! Дождик, лей, не желей, Чтобы было веселей! / Rain, pour, don't spare, Pore a bucket! Rain, pour, don't spare, To make it more fun!</i>	<i>Rain, rain, go away. Come again another day. All the family wants to play. Rain, rain, go away.</i>

Source: authors' study

In Russian culture, there are children’s sayings with an appeal to a mouse asking to replace a lost milk tooth with a new one, since the mouse is a rodent and has strong teeth. The appeal to the mouse to replace an old tooth with a new one is present not only in Russian culture, but also in the cultures of other peoples: Spaniards (Pérez), French (La Petite Souris / A little mouse), Vietnamese. In English culture, the Tooth Fairy replaces the mouse. There is no definite saying in Kazakh culture, but when a baby tooth fell out, the Kazakhs wrapped the tooth in paper and put it in the gap of the floor. At the moment, among children living in Russia and Kazakhstan, there is an increase in the popularity of the tooth fairy, which gives a gift for a fallen tooth, in contrast to the mouse. The development of information technology has led to the borrowing of the cultural traditions of other countries, thanks to which new characters, such as the tooth fairy, are found in the texts of children’s folklore.

At present, the use of shouts and sayings by modern children is declining. There are practically no new texts of this genre, which also allows us to state the regression of the genre.

The teaser is the result of creativity exclusively of the children themselves. This genre is very popular. One of the specific features of the teaser genre is rhyme. Teasers are addressed to a specific person with the aim of making fun of him, offending and hurting him, therefore, teasers contain proper names. Texts of teasers reflect any physical defect and peculiarity of the child’s appearance, bad qualities such as greed, cowardice, sneakiness (Tabl. 4).

Table 4

Russian, Kazakh and English Children’s Teasers

Kazakh	Russian	English
<i>Айдос жынды, есекке мінді... / Aidos stupid, climbed on a donkey... Төрт көз, соқыр — көртышқан! / Four eyes, blind — mole! С Сары, сары, піскен тары! / Yellow, yellow, ripe millet!</i>	<i>Борис-кипарис / Boris is a cypress; Андрей — воробей / Andrey is a sparrow; Аслан — баклажан / Aslan is an eggplant У кого четыре глаза, тот похож на дикобраза. / Whoever has four eyes looks like a porcupine. Борис-кипарис / Boris is a cypress; Андрей — воробей / Andrey is a sparrow; Аслан — баклажан / Aslan is an eggplant</i>	<i>Georgie-Porgie, Peter-Pumpkin-Eater</i>
	<i>У кого четыре глаза, тот похож на дикобраза. / Whoever has four eyes looks like a porcupine.</i>	<i>English Four eyes, goggle eyes. Don't forget to wash your eyes.</i>
<i>Сары, сары, піскен тары! / Yellow, yellow, ripe millet!</i>	<i>Рыжий, рыжий конопатый! / Red, freckled red!</i>	<i>Ginger minger!</i>
<i>Қорқақ, қорқақ, бұтына тышқақ! / Coward, coward, pissed in pants!</i>	<i>Трус, трус, беларус! / Coward, coward, Belarusian!</i>	<i>Cowardy, cowardy custard, eats his mother's mustard.</i>

Source: authors’ study

The responses to this kind of teasing are comebacks: *Говоришь на меня, переводишь на себя!* / *You speak to me; you translate to yourself!* (In Russian), *I'm rubber, and you're glue. Whatever you say bounces off of me and sticks to you* (In English).

Features of Counting-out Rhymes

A strict sequence of events is inherent in the texts of fairy tales, though the real time of action in fairy tales cannot be guessed. Most of the folk tales in Russian, Kazakh and English begin with the words *Once upon a time*: *Жили-были, Давным-давно* / *Once upon a time* (In Russian), folk tales start with *Ерте, ерте, ертеде* / *Once upon a time* (In Kazakh), *Once upon a time* (In English). The timeless nature of folklore is observed in the tales of three different cultures.

Vocabulary in the texts of counting-out rhymes (*считалки* (schitalki) in Russian / *санамак* (sanamaq) in Kazakh) performs a special function indicating their origin, and includes words associated with direct or veiled counting. None of the genres of children's folklore is so replete with counting and its distorted forms as a counting-out rhyme [24. P. 5]. In counting-out rhymes, simple, often monosyllabic words, images understandable to children are used. Children easily understand the content of the rhyme, have a desire to repeat the rhyme after adults, which develops the children's speech. The dynamics and repetition of the text correspond to the emotional state of the child, who is still unable to describe the transmitted event in detail.

Any appeal to stylistically marked words must be motivated, but if they are used inappropriately, they give the speech a comic sound: *За черемя, за беремя, за старого, за Петра Петровича, Егорыча, труса.* / *For the crust, for the armful, for the old, for Pyotr Petrovich, Yegorych, the coward.* Counting-out rhymes include such phrases as *пляшущая посуда* / *dancing dishes*, *доктор, едущий на свинье с балалайкой на спине* / *a doctor riding a pig with a balalaika on his back*, *баба, поехавшая на клюке к старику* / *a woman riding a stick to an old man*, *заяц, ищущий работу* / *a hare looking for a job.*

Most counting-out rhymes are based on the count, meaningless words and consonances (Tabl. 5).

The content of counting-out rhymes was made up of counting words, the plot appeared afterwards. The genre of counting-out rhymes as a genre of children's folklore is characterized by its predisposition to meaningless in semantics, but rhythmic and phonetically expressive words — *zaum* meaning “beyond mind” [25] or *tranrational language* [26]. According to M.P. Cherednikova, the attraction to *zaum* is associated with the stage of children's autonomous speech, when the word has only situational semantics, and the child easily uses them in his speech due to the rhythmic organization of syllabic combinations [27. P. 54]. *Zaum* performs a communicative and aesthetic function. The counting-out rhyme is aimed at creating an atmosphere of an outdoor game, being

an introductory part of the game, which, on the one hand, goes back to the actual language game-experiment, “the first semantically significant words”, “rudimentary speech”, and on the other hand, it plays the role of a draw, a toss-up. (*жеребьёвка* in Russian).

Table 5

Russian, Kazakh and English Counting-out Rhymes

Kazakh	Russian	English
<i>Бір, екі, үш, Ал, кәнеки, ұш. Төрт, бес, алты, жеті... / One, two, three, come on, take off. Four five six ...</i>	<i>Раз, два, три, четыре, пять! Вышел зайчик погулять... / One two three four five! The bunny went out for a walk...</i>	<i>One, two, three, four, five, I caught a fish alive. Six, seven, eight, nine, ten, I let him go again. O — U — T spells out goes you!</i>
<i>Алма кетті домалап, Көше бойын жағалап, Кім алманы алады / табады. Сол ойыннан шығады. / An apple rolled through the streets, whoever picks up / finds an apple will leave the game.</i>	<i>Катилось яблоко, мимо сада, Мимо сада, мимо града! Кто поднимет, тот и выйдет! / An apple rolled past the garden, past the garden, past the hail! Whoever picks it up will get out!</i>	<i>FIVE little apples so red and bright Were dancing about on a tree one night. The wind came rustling through the town One little apple came tumbling down. FOUR... THREE... TWO... ONE...</i>

Source: authors' study

Most of the draws are pronounced in rhyme:

*Конь вороной или барабан заводной?
 Бочку с салом или казака с кинжалом?
 Шар тесать или по воде плясать?
 Шар катить или воду лить?
 Коней кормить или печи топить?
 С неба стрельца или с земли молодца?
 Дома быть или по морю плыть?
 Соловья или воробья?
 Шапки или фуражки?*

/ A black horse or a clockwork drum? A barrel of bacon or a Cossack with a dagger? To hew a ball or dance on water? Roll the ball or pour water? Feed the horses or heat the stoves? Archer from the sky or a young man from the earth? To be at home or to sail on the sea? Nightingale or sparrow? Hats or caps? (In Russian).

According to V.P. Anikin [28. P. 4], zaum represents ancient formulas of the secret account. The connection of rhymes with ancient magic in function brings it closer to incantations, which were often chanted by ancient tribes in their

conventional language. The transrational language of counting-out rhymes can be an imitation of foreign speech in the sound as it is perceived by the child. At the same time, counting-out rhymes convey emotional content through phonetic organization and rhythm. meaningless sound combinations are repeated in transrational counting-out rhymes (Tabl. 6).

Table 6

Zaum in Russian, Kazakh and English Counting-out Rhymes

Kazakh	Russian	English
<i>Арбадам, бербадам, екі ара дорба дам. Батс-бағли, оғол-шогол, вон ты пошел! / Arbadam, berbadam, I'll give two bags of lady bees. Bats-bugley, ogol-shogol, there you go!</i>	<i>Эна деу рики факи, Торба, орба, онба, смаки, Деу-деу, косметеу, Смаки бакас! / Ena deu riki faki, Torba, orba, onba, smaki, Deu-deu, kosmeteu, Smaki bakas!</i>	<i>Inter mitzy titzy tool, Ira dira dominu, oker poker dominoker, out goes you.</i>

Source: authors' study

The counting-out rhymes are maximally adapted for children's perception. The texts of the counting-out rhymes can contain only a few words can be understood and the meaning of which is explainable. The etymology of remaining words is incomprehensible, but pronunciation of the words fosters emotionality and uplift, speed, required by the game situation, and the dynamism of actions: *Авсень — наусень, Алтата, эра, раки, даки, шинь — пень. Торбу, орбу, раки, шлаки, ширварвень. Деус, деус, космодеус, авсень — наусень, Балус! Дзинь! / Avsen — nausen, Altata, era, crayfish, duki, shin — stump. Torbu, orbu, crayfish, slag, shirvarven. Deus, deus, cosmodeus, avsen — nausen, Balus! Ding!*

Counting-out rhymes can consist entirely or partially of zaum words, which may look like a distorted account, but are perceived as transrational words that do not have a lexical meaning. Foreign words can be used as part of counting-out rhymes: *Тук-тук-туманэ, абы-хабы-куманэ, Чики-брики-дамасики, ин-блин-спрячь один. / Knock-knock-tumane, aby-haby-kumane, Chiki-briki-damasiki, in-pancake-hide one; Цук-цук-цумоне. Абуль-фабуль-дамоне. Ихти-ники-граматики. Ин-блин, спрячь один. / Tsuk-tsuk-tsumone. Abul-fabul-damone. Ihi-spik-grammars. In-pancake, hide one; Дон-дон дэри, а дэри-дэри дон-дон, айдана бейби, Айдана вису-вису, а жу-жу жу, а си-си си о пепси! / Don-don dary, a dary-dary don-don, Aidana baby, aidana visu-visu, a zhu-zhu zhu, a si-si si oh Pepsi!; Со-си-со, а ден-ден джони, джони-джони драйв май бейби, драйв май пепси-кола два прикола, джими-джими акабака, джони-джони уа, айрон бейби, айран чиз, бумсики бумсики бумсики Бяка! / So-si-so, a Den-Den Johny, Johny-Johny drive my baby, drive my pepsi-cola two jokes, Jimmy-Jimmy akabaka, Johny-Johny ua, iron baby, airan cheese, bumsiki bumsiki*

bumsiki Byaka!; *Том и Джери, джери, джери, беспантери-тери, тери. I love you, you, you, I love see, see, see. I love you, I love see, ooo pepsi!* / Tom and Jerry, Jerry, Jerry, bespanteri-teri, тери. I love you, you, you, I love see, see, see. I love you, I love see, ooo pepsi!

Counting-out rhymes describe the visible objective world. Children’s counting-out rhymes, in addition to zaum, include vocabulary with specific subject semantics — nouns and a small number of adjectives: *Белка прыгала, скакала, и на елку не попала, а попала в царский дом. Там сидели за столом, царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой?* / Squirrel jumped, galloped, and didn’t get on the Christmas party, but ended up in the royal house. There they sat at the table, the tsar, the tsar’s sone, the king, the prince, the shoemaker, the tailor, who will you be?; *Солнце и луна, ветер и волна, вода и огонь, теплая ладонь. К замку прикоснется, Замок отомкнется, Раздастся звон. Ты выйдешь вон!* / Sun and moon, wind and wave, water and fire, warm palm. One will touch the castle, The castle will open, The ringing will sound. You will get out!; verbs: *Шел баран, по крутым горам. Вырвал травку, положил на лавку. Кто ее возьмет, тот и вон пойдет.* / There was a ram, on steep mountains. Pulled out the grass, put it on the bench. Whoever takes it, he will go out.; interjections: *Ахи, ахи, ахи, ох, Маша сеяла горох. Уродился он густой, Мы помчимся, ты постой.* / **Ahi, ahi, ahi, oh**, Masha sowed peas. He was born thick, We will rush, you wait.

The use of numerals and quantitative words in counting-out rhymes, according to M.P. Cherednikova [27], has its cognitive functions, a child learns to count in the “ideal conditions” of a rhymed text. It is necessary to bring up a child’s steady interest in mathematics, the ability to use mathematical knowledge and the desire to independently acquire it. Counting is the main content of any of the counting-out rhymes, which have their own rhythmic structure contributing to memorization of numerals and their sequence. In addition to cardinal numbers in counting-out rhymes ordinal numbers are used: *Раз, два, три, четыре, пять, Шесть, семь, восемь, девять, десять, Выплыл ясный круглый месяц, А за месяцем луна, Мальчик девочке слуга. Ты, слуга, подай метлу, А я в карете подмету.* / **One, two, three, four, five, Six, seven, eight, nine, ten**, A clear round moon emerged, And after a month the moon, A boy is a servant to a girl. You, servant, give me a broom, And I will sweep in the carriage; *Куба-куба-кубака, Больно ямка глубока. Там мышки сидят, Все на солнышко глядят И считают: раз, два, три. В этот счет выходишь ты!* / Kuba-kuba-kubaka, The hole is very deep. The mice are sitting there, Everyone is looking at the sun And they count: one, two, three. You go out on this account!; *Первые — горелые! Вторые — золотые! Третьи — серебряные! Четвертые — простые!* / **The first** ones are burnt! **The second** ones are golden! **The third** ones are silver! **The fourth** ones are simple!; *Раз, два — голова; Три, четыре — прицепили; Пять, шесть —*

сено везть; Семь, восемь — сено косим. / One, two — head; Three, four — attached; Five, six — carry hay; Seven, eight — we mow hay.

Counting-out rhymes can be constructed of opposite concepts — antonyms: *Раз — один денёк прошёл. Два — другой денёк пришёл. Остальные не спешили, Три, четыре — дни решили: В обгонялки не играть, Друг за дружкою шагать. Пять, шесть, семь — они успели Путь пройти к концу недели. / One — one day has passed. Two — the other day has come. The rest were in no hurry, Three, four — days they decided: Do not play overtaking, Follow each other. Five, six, seven — they managed the way to go by the end of the week.*

The creation of rhymes in counting-out rhymes is subject to certain artistic patterns. To convey rhythm, expression and expressiveness, lexical repetitions are used in counting-out rhymes: *По селу идет Иван, потерял он свой кафтан.*

*А кафтан на улице, его склевали курицы,
Курицы — соседки, добрые соседки.
Дон, дон, дон, дон, начинай играть свой кон!*

/Ivan is walking through the village, he lost his caftan. And the caftan is on the street, it was pecked by hens, Hens, hens, good neighbors. Don, don, don, don, start playing!;

*Заяц белый, лыко драл.
Куда бегал, куда клал?*

/The white hare was tearing a bast. Where did you run, where did you put it?

Hand-clapping rhymes are widespread among schoolchildren. Variations of clapping games and rhymes are listed across regions and schools. Girls are the traditional custodians of the clapping patterns and rhymes:

*My mother said, I never should,
Play with the gypsies in the wood.
If I did, she would say,
'Naughty girl to disobey!'
Disobey one, disobey two,
Disobey over the waters blue.*

Perceiving the rhythm of the rhyme, the child easily learns the rhythmic structure of the word, gets acquainted with various types of verse. Many former ditties, fragments from lyrical songs, sayings, proverbs passed into the genre of counting-out rhymes. Repeatability is a structural property of rhymes at all levels — rhythmic, sound, syntactic, figurative.

Children's folklore is characterized by historical changes. This finding is in line with Loiter [29], stating the interaction between children's literature and children's folklore. Counting-out rhymes remain a popular genre of children's folklore today.

They are often transformed, and their content is enriched with new realities. Improvisations introduced into the plot of the counting-out rhyme are associated with the age characteristics of the performers. Children use counting-out rhymes in games for a long time, gradually introducing new content. Social connections of modern children in children's community are growing and the spheres of life experience are expanding. The text of the rhymes is influenced by films, cartoons, children's poems, the media, collections of rhymes, and the Internet.

Many shouts and callouts in different versions in children's repertoire arose under the influence of children's books:

*Дождик, дождик, кап, кап, кап,
Не мочи дорожки!
Все равно пойдем гулять,
Наденем калошки. (не намочим ножки).
Other ending:
Наша Таня в сад пойдет,
Вымочит сапожки.*

The popular rhyme of recent decades “*На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич... / A tsar, a tsar's son, a king, a prince, sat on the golden porch ...*” has undergone modernization in the light of modern realities in the media. In the modern version of the counting-out rhyme, Walt Disney cartoon characters appear: *На золотом крыльце сидели, Микки Маус, Том и Джерри, Дядя Скрудж и три утёнка, А водить-то будет Понка! / Mickey Mouse, Tom and Jerry, Uncle Scrooge and three ducklings were sitting on the golden porch, And Ponka will start!*

The appearance of new heroes in modern cartoons is also reflected in children's folklore. Thus, a new verse appears, which children use in different genres of children's folklore:

*Лучше Спанч Боба никого нет,
Даже Свирдворда кларнет,
Мистера Крапса денюжки
И Сендины приёмушки.*

/ There is no one better than SpongeBob, Even Squidward's clarinet, Mr. Crab's money And Sandy's techniques;

*На дне морском живёт Спанчбоб,
И ничего от жизни он не ждёт,
Вставай, Спанчбоб, пора идти,
Вот только Гери накорми.*

/ SpongeBob lives on the bottom of the sea, And he doesn't expect anything from life, Get up, SpongeBob, it's time to go, Just feed Gary. Known not only in Russia, but also in Kazakhstan, the character of the cartoon "Masha and the Bear" is reflected in the texts of Kazakh rhymes:

*Маша, Маша, Маша төгіп алды каша,
Енді не қылайын? Доктор шақырайын.
Доктор келмей қалды, тышқан шақырайын
Тышқан шықты тесіктен, доктор шықты есіктен.*

/ Masha, Masha, Masha spilled porridge, What to do now? I'll call the doctor. The doctor didn't come. I'll call the mouse. The mouse came out of the hole, the doctor came out of the door.

The children's rhymes in the Kazakh language contain Russian words: *Не қарайсың, **что** қарайсың? **Все равно**, мені танымайсың.* / Why do you look at me? (In Kazakh) **What for** (In Russian) do you look at me? (In Kazakh) **Anyway** (In Russian), you don't know me (In Kazakh).

Moreover, in the Kazakh texts of children's folklore the mixture of Russian and English words are also observed.

Conclusions

The genre variety of children's folklore always leaves an imprint on the speech of each genre. The lexical analysis of various genres of children's folklore demonstrated an active use of neologisms, transrational language and personal names. Many texts of children's folklore are a modernized version of an old text. Children's folklore is characterized not only by genre and intragenre dynamics, but also by historical changes.

The comparative linguistic and cultural analysis of children's folklore identified general and nationally marked features of various genres. Shouts and saying of the Kazakh, Russian and English languages include an appeal to nature, sun, birds, insects, etc., of which common to all three languages is the appeal to the ladybug and rain. However, the appeal to rain in the English shouts and sayings differs from those of the Kazakh and Russian languages due to the climatic features of the countries. In Kazakh and Russian shouts and saying children ask rain to pour, whereas, in English rhymes, children ask rain to go away.

The younger generation of Kazakhstan is mainly bilingual. A large share of the bilingual population is natural bilinguals (native speakers of Kazakh and Russian languages). Due to this fact, the mixture of Kazakh and Russian languages is reflected in the texts of the Kazakh children's folklore. Moreover, in the Kazakh texts of children's folklore Russian and English words are found due to the adoption of trinity of Kazakh, Russian and English languages policy in Kazakhstan, and the introduction of the English language as an obligatory subject in preschool institutions.

References / Библиографический список

1. Corsaro, W.A. & Rizzo, T.A. (2008). Discussion and Friendship in Italian Peer Culture. In: R.A. LeVine, R.S. New (Eds.) *Anthropology and Child Development: A Cross-Cultural Reader*. Malden: Blackwell Publ. pp. 227–243.
2. Niskač, B.T. & Vendramin, K.Š. (2022). Play and Folklore in Children's Peer Cultures. *Folklore: Electronic Journal of Folklore*, 86, 33–58. https://doi.org/10.7592/FEJF2022.86.turk_srimpf
3. Pisk, M. & Vendramin, K.Š. (2021). Večjezične kratke folklorne oblike: Primeri iz Goriških brd. [Multilingual Short Folklore Forms: Examples from the Gorica Hills]. *Studia Mythologica Slavica*, 24, 161–178. (In Slovene).
4. Ord, P. (1981). Introduction: Folklore for Children and Folklore of Children. *Children's Literature Association Quarterly*, 6(2), 11–12. <https://doi.org/10.1353/chq.0.1477>
5. Tucker, E. (2008). *Children's Folklore: A Handbook*. Westport, CT & London: Greenwood Publ.
6. Clarke, K.W. & Clarke, M.W. (1963). *Introducing Folklore*. New York.
7. Pangereyev, A. & Baltymova, M. (2020). Balalar folklorı dasturlı mädeniyyetnin erekshe salasy retinde [Children's folklore as a special branch of traditional culture]. *Bulletin of the Karaganda University. Philology Series*, 3(99), 91–95. <https://doi.org/10.31489/2020Ph3/91-95> (In Kazakh).
8. Melnikov, M.N. (1985). *Children's folklore and problems of folk pedagogy*. Novosibirsk. (In Russ.).
Мельников М.Н. Детский фольклор и проблемы народной педагогики. Новосибирск, 1985.
9. McKinty, J. (2016). Losing our Marbles: what's happening to children's folklore in schools? *Play and Folklore*, 66, 37–44.
10. Macijauskaite-Bonda, J. & Anglickienė, L. (2021). Trends in Contemporary Lithuanian Children's Folklore Research. *Aktuālās Problēmas Literatūras Un Kultūras Pētniecībā Rakstu Krājums*, 26(2). <https://doi.org/10.37384/APLKP.2021.26-2.080>
11. Factor, J. (2011). Collecting Children's Folklore in Australia. In: G. Seal, J. Gall (Eds.) *Antipodean Traditions: Australian Folklore in the 21st Century*. Perth: Black Swan Press.
12. Atazhakhova, S.T. (2021). Counting-out and teasing rhymes as an element of children's folklore (on the material of the Adyghe language). *Bulletin of ASU*, 3(282), 187–192. (In Russ.).
Атажахова С.Т. Считалки и дразнилки как элемент детского фольклора (на материале Адыгейского языка) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2021. № 3(282). С. 187–192.
13. Mingazova, L. & Sulteev, R. (2014). Tatar and English Children's Folklore: Education in Folk Traditions. *Western Folklore*, 73(4), 410–431.
14. Doncheva, Ju. & Ivanova, E. (2020). Inclusive education for children of preschool age through the Bulgarian children's folklore games. *Proceedings of University of Ruse —2020*, 59 (6.2), 30–36.
15. Lunacharsky, A.V. (1975). *Selected articles on aesthetics*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
Луначарский А.В. Избранные статьи по эстетике. М.: Искусство, 1975.
16. Abdaliev, P.I. & Amirlan, S.E. (2021). Nursery rhymes as a means of upbringing children in Karakalpak children's folklore. *EPRA International Journal of Multidisciplinary Research*, 7(10), 266–268. <https://doi.org/10.36713/epra2013>
17. Planjanin-Simic, K. (2016). Songs-patterns of the Romanians in Vojvodina as a subcategory of children's folklore in the light of comparative studies. *Zbornik Akademije umetnosti*, 4, 153–167. <https://doi.org/10.5937/ZbAkUm1604153p>
18. Ember, C.R. & Ember, M. (2009). *Cross-cultural research methods*. Lanham—Walnut Creek—New York—Oxford: AltaMira Press.
19. Kuzembayeva, G., Zhumakhanova, A., Kulnich, M., Sinyachkin, V. & Maydangaliev, Zh. (2019). Nobility in the linguistic consciousness of Russians and Kazakhs. *XLinguae*, 12(4), 30–40. <https://doi.org/10.18355/XL.2019.12.04.03>

20. Kuzembayeva, G., Maigeldiyeva, Z. & Maydangalieva, Z. (2022). The Perception of Medical Doctors on the Part of Hindu, Russian and Kazakh Linguoculture Bearers: Association Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 567–580. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-567-580>
21. Vakhitova, T., Kuzembayeva, G., Yergazina, A., Zhumakhanova A. & Khayrullina, R. (2022). Kazakh and Russian Kinship Terminology: A Comparative Linguistic and Cultural Analysis of Lacunae. *Eurasian Journal of Applied Linguistics*, 8(1), 28–43. <https://doi.org/10.32601/ejal.911517>
22. Radlov, V.V. (1911). *Samples of folk literature of the Turkic tribes living in southern Siberia and the Dzungarian Steppe*. Saint-Petersburg. (In Russ.).
Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1911.
23. Kumayeva, M.V. (2014). *The system of expressive means in the Mansi children's folklore* [dissertation]. Khanty-Mansiysk. (In Russ.).
Кумаева М.В. Система выразительных средств в мансийском детском фольклоре: дисс. ... кандидат. филол. наук: 10.02.02. Ханты-Мансийск, 2014.
24. Naumenko, G. (1984). *Tryntsy-bryntsy, bells: Russian national nursery rhymes, jokes, shouts, counting-out rhymes, teasers, lullabies*. Moscow: Detskaya Literatura. (In Russ.).
Науменко Г. Трынцы-брынцы, бубенцы: рус. нар. потешки, прибаутки, заклички, считалки, дразнилки, колыбельные. М.: Дет. литература, 1984.
25. Wilkins, C. (2019). A vocal journey through the language of zaum. *Journal of Interdisciplinary Voice Studies*, 4(1), 85–99.
26. Janeczek, G. (1996). *Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism*. San Diego: San Diego State University Press.
27. Cherednikova, M.P. (2002). *The voice of childhood from a distant distance ... (game, magic, myth in children's culture)*. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).
Чередникова М.П. Голос детства из дальней дали ... (игра, магия, миф в детской культуре). М.: Лабиринт, 2002.
28. Anikin, V.P. (1977). *Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore*. Moscow. (In Russ.).
Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: 1977.
29. Loiter, S.M. (2002). *Russian children's literature of the XX century and children's folklore: problems of interaction* [dissertation]. Petrozavodsk. (In Russ.).
Лоитер С.М. Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 Петрозаводск, 2002.

Information about the authors:

Lyazzat Tokpayeva, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of English and German Languages, K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, A. Moldagulova Prospect, Aktobe, Republic of Kazakhstan, 030000); *Research interests*: Comparative Linguistics, Linguoculturology, Applied Linguistics; *e-mail*: lyazzat.tokpayeva.82@mail.ru
ORCID: 0009-0005-5466-9564; SPIN-code: 9552-7266, AuthorID: 1235179.

Gulzhana Kuzembayeva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English and German Languages, K. Zhubanov Aktobe Regional University (34, A. Moldagulova Prospect, Aktobe, Republic of Kazakhstan, 030000); *Research interests*: Psycholinguistics, Linguoculturology, Comparative Linguistics; *e-mail*: kuzembayeva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8964-3683; Scopus Author ID: 57211602995; Researcher ID: J-2591-2015; SPIN-code: 1510-2232, AuthorID: 819071.

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (PhD), Professor of the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); Professor of the Department of Education, University of Genoa (5, Via Balbi, Genova, Italy, 16126); *Research interests*: Linguoculturology; Journalism, Psychology; *e-mail*: 22spulber@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7395-986X; Scopus Author ID: 57194034492. SPIN-code: 6448-0531, AuthorID: 1078582.

Сведения об авторах:

Токпаева Ляззат Сабировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского и немецкого языков, Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова (030000, Казахстан, г. Актобе, пр. А. Молдагуловой, 34); *научные интересы*: сравнительное языкознание, лингвокультурология, прикладная лингвистика; *e-mail*: lyazzat.tokpayeva.82@mail.ru
ORCID: 0009-0005-5466-9564; SPIN-код: 9552-7266, AuthorID: 1235179.

Кузембаева Гульжана Айтжановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского и немецкого языков, Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова (030000, Казахстан, г. Актобе, пр. А. Молдагуловой, 34); *научные интересы*: психолингвистика, лингвокультурология, сравнительное языкознание; *e-mail*: kuzembayeva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8964-3683; Scopus Author ID: 57211602995; Researcher ID: J-2591-2015. SPIN-код: 1510-2232, AuthorID: 819071.

Спулбер Диана Павловна, доктор философии (PhD), профессор кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов (117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); профессор кафедры образования, Университет Генуи (16126, Италия, Генуя, Виа Бальби, 5); *научные интересы*: лингвокультурология, журналистика, психология; *e-mail*: 22spulber@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7395-986X; Scopus Author ID: 57194034492. SPIN-код: 6448-0531, AuthorID: 1078582.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-126-137

EDN: CPQUJM

УДК 811.161.1'42:821.161.1:159.942.3

Научная статья / Research article

Типы синестезии в повести Б. Пастернака «Детство Люверс»

И.В. Труфанова

Школа № 224, Москва, Российская Федерация

illokucia1@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема разработки типологии синестезии. В нашей картотеке 40000 примеров из произведений русских писателей, в повести «Детство Люверс» их около 200, типов синестезии в повести 32, а, если включить в состав синестезии синестемию, — около 40. Исследование проводилось на материале повести Б. Пастернака «Детство Люверс», поскольку в ней обнаружены редкие типы, без которых типология была бы неполной. Вопрос о механизме синестезии остается открытым, отсутствуют общепринятые ее определение и типология; данные факторы определяют актуальность нашей работы. Цель исследования — описание синестезии в повести «Детство Люверс». Научная новизна определяется: разработкой новой типологии синестезии, введением в лингвистический обиход оригинального лингвистического материала, поскольку прежде синестезия в прозе Б. Пастернака не была предметом лингвистического исследования, описанием окказиональной синестезии (в работах предшественников предметом анализа становилась по преимуществу узуальная синестезия). Особенность типологии синестезии, предлагаемой в статье, состоит в синтезе подходов, существующих в лингвистике и в психологии. Обоснована необходимость такого синтеза; выявлены признаки окказиональной синестезии. Поставленная цель определила выбор интегративного анализа лингвистических и психологических данных в качестве приоритетного метода исследования. Данный метод позволил описать окказиональную синестезию, которая является краеугольным камнем поэтики Б. Пастернака; установить, что героиня повести является синестетом зрительного прикосновения; а также выявить не выделявшиеся ранее в лингвистике типы синестезии: ощущение человека в цвете, в виде формы, ощущение слова в цвете, ощущение слова на вес, на вкус, гладкость-шероховатость, влажность-сухость, как обладающего температурой и др.

Ключевые слова: синестезия, осложнение синестезий тропами, типология синестезии, прозаический текст

История статьи:

Дата поступления: 15.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Труфанова И.В. Типы синестезии в повести Б. Пастернака «Детство Люверс» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 126–137. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-126-137>

© Труфанова И.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Types of Synesthesia in B. Pasternak's Story "Childhood Lovers" ("Childhood Eyelets")

Irina V. Trufanova

School No. 224, Moscow, Russian Federation

✉ illokucia1@rambler.ru

Abstract. The study is devoted to the issue of developing a typology of synesthesia. In our card index there are 40,000 examples from the works of Russian writers, in the story "Childhood Lovers" ("Childhood Eyelets") there are about 200 of them, there are 32 types of synesthesia in the story, and, if synaesthesia is included in synesthesia, there are about 40. The study is written on the material of the story "Childhood of Eyelets" by B. Pasternak, since the story reveals rare types of synesthesia, without which the typology of synesthesia would be incomplete. The lack of a consensus on the mechanism of synesthesia, a generally accepted definition of synesthesia, a generally accepted typology, and the discovery of new forms by psychologists determine the relevance of our work. The purpose of the study is to describe synesthesia in the story "Childhood Lovers" ("Childhood Eyelets"). Scientific novelty is determined by the development of a new typology of synesthesia, the introduction of original linguistic material into linguistic use, since previously synesthesia in the prose of B. Pasternak was not the subject of linguistic research, a description of occasional synesthesia (In the works of predecessors, the subject of analysis was mainly usual synesthesia). The peculiarity of the typology of synesthesia proposed in the article is the synthesis of typologies of synesthesia existing in linguistics and psychology. The need for such a synthesis is substantiated; The signs of occasional synesthesia are listed. The set goal determined the choice of integrative analysis of linguistic and psychological data as a research method. This method made it possible to describe occasional synesthesia, which is the cornerstone of B. Pasternak's poetics; establish that the heroine of the story is a synesthete of visual touch; and also to identify in the story types of synesthesia that were not previously identified in linguistics: the sensation of a person in color, in geometric form, the sensation of a word in color, the sensation of a word by weight, taste, smoothness-roughness, moisture-dryness, as having a temperature, etc. Verbal Synesthesia is highlighted in our article for the first time in linguistics and psychology.

Keywords: synesthesia, synesthesia typology, narrative text complications of synesthesia with paths

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Trufanova, I.V. (2024). Types of Synesthesia in B. Pasternak's Story "Childhood Lovers" ("Childhood Eyelets"). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 126–137. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-126-137>

Введение

В лингвистику термин синестезия пришел из психологии. Его ввел в своей диссертации в значении «цветной слух» («Audition colorée») Ж. Милль в 1892 г., а уже через несколько лет термин закрепился в научной терминологии в публикациях других авторов [1. С. 93]. В истории изучения синестезии

можно назвать главные тенденции: от квалификации ее как патологии, аномалии к признанию вариантом нормы восприятия; от представлений о ее природе как сугубо сенсорной к пониманию ее как явления сенсорно-когнитивного [2. С. 7; 3. С. 62; 4. С. 18; 5. С. 14–16; 6–9]. В лингвистике под синестезией понимается «использование слов, связанных с каким-нибудь органом чувств, для обозначения понятий, относящихся к сфере другого чувства» [10. С. 191].

Выбор в качестве материала исследования повести Б. Пастернака «Детство Люверс» обусловлен теми обстоятельствами, что, характерной чертой поэтики Б. Пастернака исследователи признают синестетичность [11; 12. С. 75], по подсчетам О.Г. Мукиной коэффициент синестетичности поэта Б. Пастернака составляет 0,35, это четвертый результат в XX в., опережают его только И.А. Бунин, С. Есенин и В. Маяковский [13. С. 274]; повесть «Детство Люверс» считается вершиной пастернаковской прозы [14. С. 43].

Проблемы синестезии разрабатывали не только психологи С.В. Кравков [3], А.В. Сидоров-Дорсо, Ш.Э. Дэй [6], но и лингвисты А.И. Бардовская [15], И.И. Блинов [16], С.Е. Караваева [17], Н.А. Кожевникова [18], И.А. Кривенкова [19], О.И. Кундик [20], Т.В. Майданова [21], О.Г. Мукина [13], А.Х. Мерзлякова [22], А.Н. Свистова [23], Т.Р. Степанян [24], С. Ульманн [25], Н.И. Яницкая [26] и мн. др., предлагавшие типологии узуальной синестезии. Однако предпринятое нами синтезирование принятых подходов осуществляется впервые.

Разработанная лингвистами семантическая классификация синестезии основывается на двух признаках: характере лексического наполнения модели (принадлежность слов, реализующих синестетический перенос, к одной из лексико-семантических групп с названиями ощущений) и направлении переноса [21. С. 7]. Причем виды синестезии выделяются на основании направления переноса ощущения от начального пункта к конечному [25]. Т.В. Майданова добавляет еще одно условие — необходимость учитывать грамматическую природу главного и зависимого слов: синестетический перенос осуществляется в направлении от зависимого слова к главному, грамматически господствующему [21. С. 23]. Поскольку синестезия может выражаться не только словосочетанием, но и предикативным сочетанием слов, Т.В. Майданова добавляет: синестетический перенос зафиксирован от предиката к субъекту (*зрение обострилось, теплился огонёк* — осязательно-зрительная синестезия) [21. С. 23]. Подлежащее является для сказуемого грамматически господствующим словом: род в прошедшем времени, число, лицо сказуемого определяется родом, числом или лицом подлежащего (в данных конкретных примерах Т.В. Майдановой слово в функции подлежащего употреблено в прямом значении, а слово в функции сказуемого в переносном). Развивая мысль Т.В. Майдановой, можно сказать, что начальный пункт выражен, как правило, грамматически зависимым словом, конечный пункт переноса, как правило, — грамматически господствующим словом.

Это правило иногда, как мы увидим, нарушается, если грамматически господствующее слово употреблено в переносном значении, а грамматически зависимое — в прямом.

Исследователи расходятся в количественном выделении типов синестезии. В работах Т.В. Майдановой выделено 18, С. Ульманна — 22, О.Г. Мукиной — около 40, но это потому, что она включает в состав синестезии и синестемию («соощущение» + «соземция»). И.Н. Горелов полагает, что типов синестезии потенциально 190, если учитывать участие в синестезии интероцептивных (связанных с рецепторами, находящимися во внутренних органах), проприоцептивных (ощущений движения и равновесия), аффективных ощущений с их разновидностями и возможность нескольких соощущений в одном процессе синестезии [27. С. 77]. В психологии уже описано 70 типов синестезии, и постоянно открываются новые. В работе А.В. Сидорова-Дорсо их 68 [28].

Мы не можем ограничиться только лингвистическими классификациями, потому что в психологической литературе выделяются еще и другие типы синестезии, мы с ними встречаемся в художественной литературе, должны их учитывать при интерпретации замысла художественного произведения, установлении авторской картины мира, доминантных черт поэтики, идиолекта писателя и т.п. Например, В.В. Набоков видел буквы в цвете, причем русские и английские в разном цвете даже при близости их звуковых значений. Это цвето-графемная синестезия. Наташа Ростова видит Пьера синим и красным, а Бориса Друбецкого — серым. Это аурическая синестезия. Персонажи А.П. Чехова носят имена букв, Ять, Ижица, например. Это синестезия, обозначаемая термином «олицетворение графем» [6].

Благодаря обращению к типологии синестезий в психологии мы обнаружили в повести типы синестезии, не выделявшиеся прежде в работах лингвистов. Синестезия зрительного прикосновения (этот же тип, точнее, его разновидность обозначают другим термином: синестезия зрительной боли). Можно утверждать, что главная героиня повести Женья Люверс — синестет, у нее редкий вид синестезии — синестезия зеркального прикосновения, потому что главная героиня, как все зеркальные синестеты, обладает более высокими уровнями аффективной эмпатии и эмпатии к чужой боли по сравнению с другими персонажами повести. «Синестезия зеркальных прикосновений (эмпатия прикосновений) — это явление, при котором при наблюдении прикосновения к другому человеку или представлении о таком прикосновении синестет сам испытывает прикосновение подобного рода. Кроме того, при синестетическом восприятии боли, ощущаемой кем-то другим, может возникать такой же субъективный болевой эффект. Обе эти разновидности были помещены в одну группу, названную синестезией зеркальных прикосновений. Последнюю разновидность только недавно стали обозначать термином *mirror pain synesthesia* — синестезия зеркальной боли. Важно понимать, что

такая синестезия приходит к воспринимающему не мистически, не с помощью ясновидения или волшебной энергии, как это происходит, например, с эмпатами в научной фантастике. При восприятии того, что испытывает другой человек и что мог бы в подобной ситуации испытывать он сам, синестет оперирует своими личными ментальными конструктами и поэтому вполне может ошибаться относительно того, испытывает наблюдаемый человек боль в действительности или нет. В этом можно легко убедиться в ситуациях, когда синестеты ощущают прикосновения или боль, видя актеров, в фильмах и на сцене демонстрирующих эти чувства, но по-настоящему их не испытывающих» [6. С. 29]. Более высокие уровни аффективной эмпатии и эмпатии к чужой боли характерны для писателей.

В повести содержится два случая эмпатии главной героини к боли Другого. Она заболевает, увидев возможность заболеть для Другого. *«„Он простудится, только разложит вещи“, — подумала она про неизвестного владельца. И она представила себе человека, — человека вообще, валкой, на шаги разрозненной походкой расставляющего свои пожитки по углам. Она живо представила себе его хватки и движения, в особенности то, как он возьмет тряпку и, ковыляя вокруг кадки, станет обтирать затуманенные изморосью листья фикуса. А потом схватит насморк, озноб и жар. Непременно схватит. Женя и это представила очень живо себе. Очень живо».* За этим фрагментом дано описание болезни Жени: *« (...) Женя слегла на другой день после отъезда Негарата; в тот самый день, когда узнала после прогулки, что ночью Аксинья родила мальчика; в тот день, когда при виде воза с мебелью, она решила, что собственника подстерегает ревматизм».* Второй раз Женя испытывает боли в горле, оттого что Другой кричал, надрывая связки. *«В одном месте заблудившийся кричал с перерывами, вслушиваясь, не будет ли отклика, и слышал отклик эхо. Жене пришлось откашляться с немого надсада гортани».* Эта повесть о взрослении Жени, проявляющемся в постепенном принятии героиней на себя ответственности за Другого, не только за человека, но и за мир, природу, предметы. *«Духовное взросление Жени заключается в том, что она начинает замечать одухотворенность неизвестных ей по имени явлений, существующих, казалось бы, независимо от нее, чувствовать свою с ними связь и ответственность за них» [29. С. 89].*

Главная героиня воспринимает людей в цвете и в виде объемных форм. Восприятие людей в цвете (в Аксинье что-то земляное, празелень тыквы) обозначается термином аурическая синестезия, для обозначения ощущения людей в виде объемных форм (в Аксинье нечто, напоминающее вздутые картофелины) термина пока не существует. ***В Аксинье было что-то земляное, как на огородах, нечто напоминавшее вздутые картофелины или празелень бешеной тыкв). Они (незнакомки — И.Т.) чернелись.***

Цветов-вербальная синестезия: главная героиня ощущает слова в цвете. *Они (незнакомки — И.Т.) чернелись, как слово «затворница» в песне.*

Английский исследователь М. Банисси говорит о синестезии, при которой «слова, написанные ахроматически, могут вызвать ощущение различных цветов» [30. С. 89].

Зрительно-вербальная синестезия: главная героиня ощущает слова в пространственных формах, контурах, очертаниях. *Отчего в слове «полезный» пишется «е», а не «гъ»? Она затруднилась ответом только потому, что все ее силы соображения сошлись в усилии представить себе те неблагоприятные основания, по каким когда-либо в мире могло возникнуть слово «ползлый», дикое и косматое в таком начертанье.*

J.M. Williams пишет, что зрение представлено двумя узлами: цветное зрение и чувство пространства [31]. Его пример субсинестетического переноса: *глубокие краски*. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко выделяют пространственную и цветовую субмодальности внутри зрительной модальности¹. Учитывая приведенные данные, мы разделяем цветовую и зрительную (ощущение глубины, высоты и т.п., контура и т.п.) синестезии.

Термально-вербальная синестезия: главная героиня ощущает слова как обладающие температурой. *Холодные поучения англичанки не могли заметить присутствия матер).*

Тактильно-вербальная синестезия: главная героиня ощущает слова на вес, сухость-влажность. *А надо всем каркающим лоскутом носилось мокрое и свинцовое слово: город.*

Вкусо-вербальная синестезия: брат главной героини Жени Люверс, Серёжа, ощущает слово на вкус. *Звукосочетание «класс» казалось ему на вкус кисло-сладким*. Голландская исследовательница Р. Роу [30. С. 84], английский исследователь М. Банисси выделяют такой вид синестезии, как «вкус слов» [30. С. 89].

Неудивительно, что в повести так много вербальных синестезий: если Женя растёт писателем [32. С. 3], для нее естественно воспринимать слова на цвет, вес, сухость-влажность, температуру, шероховатость и т.п.

Анализ синестезий позволит нам предположить, станет Женя Люверс писателем или поэтом. Считается, что у поэтов преобладает звуковая синестезия, у прозаиков — зрительная, цветовая. В «Детстве Люверс» преобладает зрительная, цветовая синестезия, ср.: в «Докторе Живаго» — звуковая. См.: цвето-цветовая (*воздушный полумрак*), звуко-цветовая (*грохнулась чёрная яма, голошенье загорелось*), тактильно-цветовая (*обелялись, обледенев*), термально-цветовая (*горела жарче сафьяна*), вкусо-цветовая (*бел и сладостен — о снеге*); цвето-звуковая (*освещаются бесшумно*), цвето-тактильная (*омылись светом*), цвето-альгическая (*синяя судорога*), цвето-термальная (*сизая стужа*); зрительно-звуковая (*широкая тишина, глубокий шёпот*), звуко-звуковая

¹ Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.; М.: Прайм-ЕВРОЗНАК: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 364.

(*вопли лопались, гремучий визг*), тактильно-звуковая (*влажный шелест, лился шум*), альго-звуковая (*полосующим визгом, его речь пучилась и, вдруг спираемая, часто прерывалась*), термально-звуковая (*студёный вскрик, холодный шум, жгучим визгом*), звуко-термальная (*ошпаривало визгом*), звуко-тактильная (*острое до стога*).

В повести обнаруживаем соединение синестезий с оксюморонами, развернутой метафорой, олицетворением, сравнением, гиперболой, аллегорией. Характерный для этой повести пример, когда синестезия и оксюморон оказываются в пределах синестетического сочетания слов. *Полотенца были пропитаны лохматой, комканой кровью*. Грамматически зависимое (комканой) и грамматически господствующее (кровью) слова в тактильно-тактильной синестезии образуют оксюморон: грамматически господствующее слово обозначает жидкое, грамматически зависимое в переносном значении — твердое.

Грамматически зависимый компонент в синестетическом сочетании слов может оказаться сравнением. *Жирно, как топленая, блестела земля*.

Часто синестезия обнаруживается в конвергенции с развернутой метафорой. *Потом раздался звонок. Потом другой. Потом слов, споров и приказаний стало так много, что стало казаться, будто комнаты отгорают там в голосах, как столы под тысячей угасших канделябров*. Грамматически господствующее слово (отгорают) входит в лексико-семантическое поле цвета, грамматически зависимое (в голосах) — в лексико-семантическое поле звук, и тем не менее мы квалифицируем синестезию в следующем примере как цвето-звуковую, потому что грамматически господствующее слово употреблено в переносном значении, а грамматически зависимое в прямом.

Синестезия в конвергенции с аллегорией (столкновение разных значений многозначного слова или омонимов). *И только сквозь круглую отдушину шел знакомый Жене дух какого-то рудничного затхлого газа, который заливался гремучим визгом и, ударяя в нос, осаждался на нёбе дешевой грушевой шипучкой*. Несколько слов употреблены в нескольких значениях: дух — и запах (который ударяет в нос), и фантастическое существо (которое визжит); газ — и газообразное вещество в руднике, в природе, и газ в газированном напитке (грушевой шипучке).

Синестезии в предложении образуют антитезу. *Черные помои выливались на улицу и разом обелялись, обледенев*. Жидкое становится твердым, черное белым.

Повесть Б. Пастернака насыщена синестезиями, в одном предложении их может быть до пяти. *Ковко и студено, но без отлива, шершаво чернела пустынная ночь*. *Шершаво чернела* — тактильно-цветовая синестезия, *чернела студёно* — термально-цветовая, *чернела без отлива* — цвето-цветовая, *чернела ковка* — тоже цвето-цветовая (имеется в виду: как металл, поэтому ковка, который на морозе холодный, поэтому студёно, но не блестящий, поэтому шершаво). *И выбежала, плохо притворив дверь, и кухня грянула вся,*

будто там обвалились полки с посудой, (конвергенция синестезии со сравнением — И.Т.) и за хохотом последовало голошенье, и бросилось в руки поденщице и Галиму, и загорелось под руками у них, и забрякало, проворно и с задором, будто с побранок бросились драться (вновь конвергенция синестезии со сравнением — И.Т.) а потом кто-то подошел и притворил забытую дверь. Три звуко-звуковых (кухня грянула, за хохотом голошенье, за голошением забрякало) и цвето-звуковая или термально-звуковая (многозначность не снимается в контексте) (голошенье загорелось).

Не всегда можно однозначно определить вид синестезии в повести, потому что имеет место многозначность, не снимаемая контекстом, а наоборот, им поддерживаемая и даже создаваемая, как это характерно для художественного текста.

Круглые сутки стоял скучный говор дворов; они объявляли ночь низложженной и твердили, мелко и дробно, день-деньской, с затеканьями, действовавшими как сонный отвар, что вечера никогда больше не будет, и они никому не дадут спать. В этом фрагменте наблюдается несколько синестезий: *скучный говор* — эмоционально-звуковая синестезия, *твердили мелко, твердили дробно* — зрительно-звуковая, *твердили с затеканьями* — тактильно-звуковая (если неологизм затеканья от течь, что можно предположить, так как далее речь идет о жидкости — сонном отваре, обладающем свойством течь, литься) и альго-звуковая (если неологизм от затекать — онеметь — от неизменного положения; здесь: замолчать, сделать паузу в тверждении).

Заключение

Повесть насыщена синестезиями, каждый из встречающихся в ней многообразных типов представлен всего несколькими примерами. Преобладающей оказывается зрительная модальность восприятия, и соответственно зрительная синестезия, за ней следует слуховая. Такие типы, как синестезия зрительного прикосновения, цвето-вербальная, зрительно-вербальная, тактильно-вербальная, термально-вербальная, представленные в несобственно-прямой речи Жени Люверс, призваны утвердить читателя в мысли, что главная героиня с ее повышенной эмпатией к Другому и повышенным вниманием к языку растет писателем.

Б. Пастернак прибегает и к узуальным, но чаще к окказиональным синестезиям. Нами установлено, что для окказиональной синестезии может быть свойственно: 1) участие в синестетическом сочетании слов не только ядерной перцептивной лексики, но чаще лексики, относящейся к периферии соответствующих лексико-семантических полей и даже к околополевому пространству; 2) употребление обоих слов синестетического сочетания в переносном значении; 3) многозначность одного из компонентов синестетического сочетания, не снимающаяся в тексте, что делает необходимым отнесение такой синестезии к нескольким видам одновременно.

Библиографический список

1. *Лосева С.И.* Синестезия как междисциплинарный феномен // Вестник КемГУКИ. 2018. № 44. С. 91–94.
2. *Галеев Б.М.* Проблема синестезии в эстетике // Современный Лаокоон: эстетические проблемы синестезии. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 5–9.
3. *Кравков С.В.* Взаимодействие органов чувств. М.; Л.: АН СССР, 1948.
4. *Нагорная А.В.* Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: Аналитический обзор. М.: РАН. ИНИОН. Центр гуман. науч.-информ. исслед., 2017.
5. *Расников Г.В.* Синестезия: из истории представлений о цвето-звуковых сочетаниях // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2006. № 4. С. 71–81.
6. *Сидоров-Дорсо А.В., Дэй Ш.Э.* Синестезия: открытия, вопросы, уточнения // Синестезия: межсенсорные аспекты познавательной деятельности в науке и искусстве: Материалы II Международной конференции Международной ассоциации синестетов, деятелей искусства и науки (IASAS) / Отв. ред. А.В. Сидоров-Дорсо. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2021. С. 20–72.
7. *Clark A.* Perceiving as predicting // Perception and its modalities. Oxford: Oxford univ. press, 2015. P. 23–43.
8. *Morris D.B.* The culture of pain. Berkeley. Los Angeles: Univ. of California press, 1993.
9. *Vannini Ph., Waskui D., Gottscshalk S.* The senses in self, society, and culture. N.Y.: Routledge, 2012.
10. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. М.: Междунар. отношения, 1977.
11. *Двизова А.В.* Синестетические сочетания в поэтическом тексте Б. Пастернака // Текст в системе обучения русскому языку и литературе : материалы IV Международной науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева и 50-летию филологического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (24–26 мая 2012 г.) / отв. ред. Е.А. Журавлева. Астана : Евраз. нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2012. С. 68–73
12. *Забияко А.А.* Синестезия: метаморфозы художественной образности. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2004.
13. *Мукина О.Г.* Речевая репрезентация синестезии в творчестве русских поэтов XIX–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2012.
14. *Иванов Вяч. В.* О теме женщины у Пастернака // «Быть знаменитым некрасиво...» Пастернаковские чтения. Вып. 1. М.: Наследие, 1992. С. 43–54.
15. *Бардовская А.И.* Современные тенденции изучения синестетической метафоры // Вестник ТвГУ. Серия Филология. 2010. № 15. Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». С. 168–181.
16. *Блинов И.И.* Синестезия в поэзии русских символистов // Проблема комплексного изучения художественного творчества. Казань: КГУ, 1980. С. 119–124.
17. *Караваева С.Е.* Синестетические метафоры в поэзии Ю. Балтрушайтиса // Функциональная светомузыка на производстве, в медицине и в педагогике. Казань: КАИ, 1988. С. 31–32.
18. *Кожевникова Н.А.* Необычные сочетания с цветовыми прилагательными // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. Межвузовский тематический сб. Калинин: КГУ, 1980. С. 127—143.
19. *Кривенкова И.А.* Лексико-семантическая типология синестезии в художественной прозе М.А. Шолохова // Rhema. Рема. 2010. № 1. С. 56–68.
20. *Кундик О.И.* Синестезийные словосочетания в русском и английском языках // Актуальные вопросы научных исследований. Межвуз. научн. сб. Саратов, 1997.
21. *Майданова Т.В.* Синестетические метафоры в художественной речи XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

22. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков). М.: Едиториал УРСС, 2003.
23. Свистова А.К. Звуковая синестезия в описании эмоциональных состояний (на материале русской и немецкой лирики) // Сопоставительные исследования 2011. Воронеж: Истоки, 2011. С. 161–166.
24. Степанян Т.Р. «Воздушной арфы легкий звон» // Русская речь. 1986. № 1. С. 56–61.
25. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии / пер. с англ. под ред. Б.А. Успенского. М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.
26. Яницкая Н.И. Типы адъективных синестезий и разновидности синестетических переносов в английской и русской поэзии романтизма // Актуальные проблемы лингвистической культурологии — 2. Материалы II науч.-практ. конф. М.: Прометей, 2004. С. 245–252.
27. Горелов И.Н. Синестезия и мотивированные знаки подязыков искусствоведения // Проблема мотивированности языкового знака. Калининград: КГУ, 1976. С. 74–81.
28. Сидоров-Дорсо А.В. Проявления синестезии: о типах и видах. 2009 // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.synaesthesia.ru/proyavleniya_synestesii.html (дата обращения: 20.12.2020).
29. Горелик Л.Л. Ранняя проза Пастернака: Миф о творении. Смоленск: СГПУ, 2000.
30. Синестезия: мнения и перспективы / А.В. Сидоров-Дорсо, Ш.Э. Дэй (ред.) М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019.
31. Williams J.M. Synaesthetic Adjectives: A Possible Law of Semantic Change // Language. 1976. Vol. 52. (2). P. 461–478.
32. Дефье О.В. Концепция художника в русской прозе первой трети XX века: типология, традиции, способы образного воплощения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

References

1. Loseva, S.I. (2018). Synesthesia as the interdisciplinary phenomenon // Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art, 44, 91–94. (In Russ.).
2. Galeev, B.M. (1992). The problem of synesthesia in aesthetics. In: *Modern Laocoon: aesthetic problems of synesthesia*. Moscow: Moscow State University Publ. pp. 5–9. (In Russ.).
3. Kravkov, S.V. (1948). *Interaction of sense organs*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
4. Nagornaya, A.V. (2017). Linguosensorics as a promising direction of modern linguistic research: Analytical review. Moscow: RAS. INION. Humane Center of Scientific Information Research. (In Russ.).
5. Rasnikov, G.V. (2006). Synesthesia: from the history of ideas about color and sound combinations. *Moscow University Psychology Bulletin*, 4, 71–81. (In Russ.).
6. Sidorov-Dorso, A.V. & Day, Sh.E. (2021). Synesthesia: discoveries, questions, clarifications. In: *Synesthesia: intersensory aspects of cognitive activity in science and art*. Materials of the II International Conference of the International Association of Synesthetes, Artists and Scientists (IASAS), A.V. Sidorov-Dorso (Ed.). Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University Publ. pp. 20–72. (In Russ.).
7. Clark, A. (2015). Perceiving as predicting. In: *Perception and its modalities*. Oxford: Oxford University Publ. pp. 23–43.
8. Morris, D.B. (1993). *The culture of pain*. Berkeley. Los Angeles: University of California Publ.
9. Vannini, Ph., Waskui D. & Gottschalk S. (2012). *The senses in self, society, and culture*. N.Y.: Routledge.
10. Gak, V.G. (1977). *Comparative lexicology: Based on French and Russian languages*. Moscow: International Relationships. (In Russ.).

11. Dvizova, A.V. (2012). Synesthetic combinations in the poetic text of B. Pasternak. In: *Text in the system of teaching Russian language and literature: materials of the IV International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of L.N. Gumilev and the 50th anniversary of the Faculty of Philology of the Eurasian National University named after L.N. Gumileva* (May 24–26, 2012). E.A. Zhuravleva (Ed.). Astana: Eurasian National University named after L.N. Gumileva. pp. 68–73. (In Russ.).
12. Zabiyako, A.A. (2004). *Synesthesia: metamorphoses of artistic imagery*. Blagoveshchensk: Amur State University Publ. (In Russ.).
13. Mukina, O.G. (2012). *Speech representation of synesthesia in the works of Russian poets of the 19th–20th centuries* [dissertation]. Ulyanovsk.
14. Ivanov, Vyach. V. (1992). On the theme of women in Pasternak. In: “*Being famous is ugly...*” *Pasternak readings*. Vol. 1. Moscow: Heritage. pp. 43–54. (In Russ.).
15. Bardovskaya, A.I. (2010). Modern trends in the study of synesthetic metaphor. *Bulletin of Tver State University. Series Philology. “Linguistics and intercultural communication”*, 15, 168–181. (In Russ.).
16. Blinov, I.I. (1980). Synesthesia in the poetry of Russian symbolists. In: *The problem of a comprehensive study of artistic creativity*. Kazan: Kazan Academy of Arts. pp. 119–124. (In Russ.).
17. Karavaeva, S.E. (1998). Synaesthetic metaphors in the poetry of J. Baltrushaitis. In: *Functional light music in production, medicine and pedagogy*. Kazan: Kazan Academy of Arts. pp. 31–32. (In Russ.).
18. Kozhevnikova, N.A. (1980). Unusual combinations with color adjectives. In: *Language and speech as objects of complex philological research. Interuniversity thematic collection*. Kalinin: Kalinin State University Publ. pp. 127–143. (In Russ.).
19. Krivenkova, I.A. (2010). Lexico-semantic typology of synesthesia in the fiction of M.A. Sholokhov. *Rhema*, 1, 56–68. (In Russ.).
20. Kundik, O.I. (1997). *Specificity of synesthetic phrases in Russian and English languages* [dissertation]. Saratov. (In Russ.).
21. Maidanova, T.V. (1992). *Synaesthetic metaphors in artistic speech of the 20th century* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
22. Merzlyakova, A.Kh. (2003). *Types of semantic variation of adjectives in the “Perception” field (based on the material of English, Russian and French languages)*. Moscow: URSS. (In Russ.).
23. Svistova, A.K. (2011). Sound synesthesia in the description of emotional states (based on Russian and German lyrics). In: *Comparative studies 2011*. Voronezh: Istoki. pp. 161–166. (In Russ.).
24. Stepanyan, T.R. (1986). “The light ringing of an airy harp”. *Russian Speech*, 1, 56–61. (In Russ.).
25. Ullmann, S. (1970). Semantic universals. In: *New in linguistics. Vol. 5. Language universals*, B.A. Uspensky (Ed.). Moscow: Progress. pp. 250–299. (In Russ.).
26. Yanitskaya, N.I. (2004). Types of adjectival synesthesia and varieties of synesthetic transfers in English and Russian poetry of romanticism. In: *Current problems of linguistic culturology—2. Materials of the II scientific and practical conference*. Moscow: Prometheus. pp. 245–252. (In Russ.).
27. Gorelov, I.N. (1976). Synesthesia and motivated signs of sublanguages of art history. In: *Problem of motivation of a linguistic sign*. Kaliningrad: Kaliningrad State University Publ. pp. 74–81. (In Russ.).
28. Sidorov-Dorso, A.V. (2009). *Manifestations of synesthesia: about types and types*. URL: http://www.synaesthesia.ru/proyavleniya_synestesii.html (accessed: 20.12.2020).
29. Gorelik, L.L. (2000). *Pasternak’s early prose: The myth of creation*. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University Publ.

30. Synesthesia: opinions and perspectives (2019). A.V. Sidorov-Dorso & S.A. Day (eds.). Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University publ. (In Russ.).
31. Williams, J.M. (1976). Synaesthetic Adjectives: A Possible Law of Semantic Change. *Language*, 52(2), 461–478.
32. Defier, O.V. (1999). *The concept of the artist in Russian prose of the first third of the 20th century: typology, traditions, methods of figurative embodiment* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Труфанова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, педагог дополнительного образования ГБОУ школа № 224 (125212, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградское шоссе, 30); *сфера научных интересов*: теория речевых актов, нарратология, риторика; *e-mail*: illokucia1@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-6260-2934. SPIN-код: 1292-3801, AuthorID: 454732.

Information about the author:

Irina V. Trufanova, Dr.Sc. in Philology, Associate Professor, teacher of additional education, School No. 224 (30, Leningradskoe shosse, Moscow, Russian Federation, 30125212); *Research interests*: theory of speech acts, narratology, rhetoric; *e-mail*: illokucia1@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-6260-2934. SPIN-code: 1292-3801, AuthorID: 454732.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-138-151

EDN: DQMSRU

УДК 81'42

Научная статья / Research article

Текст, дискурс, диктема, языковая личность как базовые понятия лингвистики текста

З.Д. Асратян

Университет науки и технологий МИСИС, Москва, Российская Федерация

Хулунбуирский университет, Хулунбуир, КНР

✉ asratyan@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены наиболее частотных по употреблению и значимые для смыслообразования лингвистических терминов. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, разнообразием подходов к определению данных терминов и их интерпретации, а, с другой стороны, необходимостью их конкретизации для облегчения научной коммуникации и лингвистического анализа. Цель исследования — рассмотреть эти понятия и обосновать наш к ним подход и их трактовку. Используются как общетеоретические, так и лингвистические методы исследования. Особое внимание уделяется феноменологическому анализу при рассмотрении самих терминов, а также семантическому, категориально-конституентному, позиционному и прагматическому анализу при исследовании эмпирического материала. Рассмотрены понятия текста, дискурса, единицы текста — диктемы, языковой личности автора, нарратора и читателя/слушателя. Показаны различия между понятиями текста и дискурса. Обоснован эвристический потенциал диктемы в качестве минимальной единицы текста. Диктема исследуется и с элементаристских, и с холистических позиций, как фрактал, формирующий пространство целого текста по синергетическим законам. Подчеркивается идеологическая роль языковой личности и при создании, и при восприятии текста. Проведен лингвистический анализ англоязычного текста с целью выявления в нем денотативной и концептуальной информации в ее идеологическом и эстетическом проявлении. Отмечена роль сильных позиций текста в передаче концептуальной информации. Рассмотрена функция воздействия в художественном и в публицистическом произведении, которая, в первом случае, имеет в основном эмотивный характер, а, во втором, — манипулятивный. Показана взаимообусловленность концептуальных приоритетов создателя и потребителя публицистического текста.

Ключевые слова: текст, дискурс, диктема, языковая личность, фрактал, функция воздействия.

История статьи:

Дата поступления: 15.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Асратян З.Д. Текст, дискурс, диктема, языковая личность как базовые понятия лингвистики текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 138–151. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-138-151>

© Асратян З.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Text, Discourse, Dicteme, Language Personality as Basic Concepts of Text Linguistics

Zoya D. Asratyan

MISIS University of Science and Technology, *Moscow, Russian Federation*

Hulunbuir University, *Hulunbuir, China*

✉ asratyan@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the consideration of the terms, which are the most frequently used and significant for the formation of meaning in linguistics. The relevance of the study is, on the one hand, determined by the variety of approaches to their definition and interpretation, and, on the other hand, by the necessity to specify them to facilitate academic communication and linguistic analysis. The purpose of this work is to consider a number of such concepts and substantiate our approach to them and their interpretation. The study uses both general theoretical and linguistic research methods. Particular attention is paid to phenomenological analysis while considering the terms themselves, as well as semantic, categorical-constitutive, positional and pragmatic analysis while studying empirical material. There are considered the concepts of text, discourse, dicteme as a text unit, language personality of an author, or a narrator and a reader/listener. The article analyzes differences between the text and discourse concepts. The work substantiates heuristic potential of a dicteme as a minimum text unit. The dicteme is studied both — from elementary and holistic approaches, as a fractal that forms the space of the whole text according to synergistic laws. The study emphasizes the ideological role of a linguistic personality both at the stages of creation and consumption of a text. There is carried out a linguistic analysis of an English literary text in order to identify denotative and conceptual information in its ideological and aesthetic manifestation in it. The study highlights the role of strong positions of text in the transfer of conceptual information and considers the function of influence in an artistic and media works, which, in the first case, is mainly emotive in nature, and, in the second, manipulative. It underlines the interdependence of the conceptual priorities of the creator and consumer of a media text.

Keywords: text, discourse, dicteme, linguistic personality, fractal, function of influence

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Asratyan, Z.D. (2024). Text, Discourse, Dicteme, Language Personality as Basic Concepts of Text Linguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 138–151. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-138-151>

Введение

Есть существенное различие в понятиях, используемых в точных и гуманитарных науках. Понятия точных наук однозначны и не требуют никаких разъяснений и уточнений. Так, биссектриса, катет, гипотенуза, масса, сила и т.д. не нуждаются ни в каких дополнительных пояснениях. Иное дело науки гуманитарные, которые тоже оперируют научными понятиями, но понятия эти не строгие, и их понимание и трактовка могут значительно отличаться от автора к автору. Это существенно затрудняет научную коммуникацию, так как трактовки понятий могут отличаться. Цель данной работы рассмотреть ряд таких понятий и обосновать наш к ним подход и их трактовку. Данные

понятия выбраны для анализа, с одной стороны, в силу высокой частотности употребления и, с другой стороны, благодаря их значимости для смыслообразования текста. Сложность задач, вытекающих из поставленной цели, обусловлена в значительной степени многомерностью текстовой феноменологии.

Методология

В работе используются общетеоретические методы исследования: анализ, синтез, сравнение, интерпретация. Применяется феноменологический анализ, который предполагает созерцание феномена как его очевидность; феноменологическую редукцию, заключающуюся в критическом осмыслении научных знаний о феномене; феноменологическое интуирование, подразумевающее формирование интуитивного представления об объекте исследования; сам анализ, который является осмыслением всех сторон и характеристик исследуемого феномена для выявления его инвариантной смысловой структуры, и, наконец, феноменологическое описание, т.е. определение феномена.

Кроме того, при анализе текстового материала в статье используются лингвистические методы исследования: семантический анализ, категориально-конституентный анализ, который представляет собой предикацию темы произведения к его авторскому концепту, метод позиционного анализа для выявления синергетических аспектов текста, прагматический анализ при рассмотрении функции воздействия.

Текст

Начнем с базового понятия всей гуманитарной науки — текста, проблемами исследования которого занимались многие ученые. Однако, в зависимости от исследовательских позиций и задач, методологических установок, а также из-за сложности и многоплановости самого текста они рассматривали и выделяли различные его аспекты, что и нашло отражение в тех определениях, которые они ему давали.

Так, в тексте видели и «супер-предложение» [1. С. 23], и единицу значения [2. С. 2; 3. С. 18; 4. С.16], и единицу коммуникации [5. С. 6; 6. С. 5], и своего рода концепт [7. С. 62–63; 8. С. 10]. Некоторые исследователи в качестве текста рассматривают только письменный документ [2. С. 18]. М.Я. Блох видел в тексте «тематически организованную речь — письменную или устную, законченную или незаконченную, жанрово маркированную или немаркированную» [9. С. 5].

Когда мы пытаемся рассматривать тексты произведений, особенно произведений художественных, то «незаконченность и жанровая немаркированность текста» представляется серьезным препятствием для любого их анализа.

Впервые опосредованно эту проблему обнаружил Р. Барт и отразил ее в своей статье «От произведения к тексту», где он разводит понятия произведения и текста [10. С. 413–423]. По мнению ученого, «произведение

замкнуто, сводится к определенному означаемому. <...> все произведение в целом функционирует как знак...» [10. С. 416]. В то же время, означаемое в тексте «откладывается на будущее; Текст уклончив, он работает в сфере означающего. <...> в бесконечности означающего предполагается невыразимость (означаемое не поддающееся наименованию), а игра...» [10. С. 416].

Отсюда возникает резонный вопрос, является ли произведение текстом. И нам представляется неправомерным рассматривать его как что-то иное, тем более, что никаких других единиц речи больших, чем предложение, не существует. Другое дело, что текст может быть представлен более мелкими единицами, такими как абзац, сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, диктема. Но в любом случае эти единицы — это единицы текста. С Р. Бартом можно согласиться в том, что текст произведения замкнут. В этом проявляется его законченность и завершенность. Причем эти характеристики текста произведения присутствуют, в том числе и в незаконченных произведениях через их интенциональность, т.е. то, как текст был задуман его автором и создавался в связи с этой интенцией.

В одной из своих предыдущих работ мы определяли текст произведения как «завершенный продукт речемыслительной деятельности, характеризующийся концептуальной обусловленностью, формальной связностью и содержательной целостностью, прагматически ориентированный и существующий как в письменной, так и в устной форме, и способный при определенных условиях становиться единицей культуры» [11. С. 12].

Дискурс

Вслед за Р. Бартом мы соглашаемся с тем, что между произведением и тем, что данный исследователь в упомянутой выше статье называл «Текстом», есть определенные различия. Однако, как мы уже отметили, произведение, на наш взгляд, не может быть ничем иным, кроме текста. Поэтому мы говорим о тексте произведения. Субстанцию, наделенную, по мнению Р. Барта, пропозициями неисчислимости, бесконечности, множественности, анонимности, деятельности, игры, мы рассматриваем как дискурс.

Понятие дискурса стало использоваться в науке с середины прошлого века, причем вначале он трактовался как устная речь, затем как текст. В современном языкознании определение дискурса существенно расширилось, включив в себя, помимо самого текста, коммуникативно-прагматические аспекты: цели, установки, знания и представления о мире, участников коммуникации и т.д.

Определение понятия дискурса также, как и определение понятия текста, во многом зависит от задач исследования. Однако ряд характеристик дискурса разделяется многими исследователями и представляется основополагающим для определения этого понятия. Среди них, прежде всего, коммуникативный характер дискурса [12. С. 136–137; 13. С. 527; 14. С. 28; 15. С. 28–30; 16. С. 201; 17. С. 113]. Многие исследователи также подчеркивают

идеологическую направленность дискурса (Ю.С. Степанов [18], Т.А. ван Дейк [17], П. Серио [19], М. Фуко [20], Г.Н. Манаенко [15] и др.) и его деятельностный характер (Н.Д. Арутюнова [21], Л. Гуспин [22], П. Серио [19], В.Е. Чернявская [23] и др.).

«Дискурс, — по мнению В.В. Красных, — имеет два плана — собственно лингвистический и лингвокогнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)» [16. С. 200–201], из чего следует, что дискурс можно понимать широко, как любую вербальную активность субъекта/ов, и узко, как «результат этой деятельности — текст или совокупность текстов с учетом их экстралингвистических характеристик» [11. С. 18]. Именно на этом уровне возникает проблема разграничения текста и дискурса. Мы уже отмечали в своих предыдущих работах, что видим основное различие между этими понятиями в том, что «пространство текста произведения закрыто вследствие его законченности и завершенности, а пространство дискурса открыто в коммуникацию, в другие тексты и дискурсы, в культуру» [11. С. 18]. По образному выражению Ю.С. Степанова, дискурсом любого художественного произведения будет языковая картина мира, создаваемая этим произведением [24. С. 36].

Однако картина мира читателя создается не только автором и его текстом, но и сотворчеством читателя: его идеологией, культурой, интеллектом, образованием, его эмпатией и антипатией, его вкусами и эстетическими приоритетами, на которые наслаиваются вкусы, идеи и приоритеты времени. Вот почему в разные времена произведения могут быть прочитаны по-разному. Мы еще раз подчеркнем солидарность с Р. Бартом в его разграничении произведения и текста, однако в нашей интерпретации — это будет разграничением текста произведения и его дискурса, который неисчислимо, бесконечен и множествен.

Диктема как минимальная единица текста

Рассматривая текст как базовое понятие анализа, мы сталкиваемся с необходимостью определения его минимальной единицы, в которой бы как в капле воды отразились основные характеристики текста. В лингвистике и литературоведении в качестве таких единиц предлагались абзац, сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое и многие другие понятия. Однако предложенная М.Я. Блохом единица текста — диктема, с ее основными функциями тематизации и стилизации, оказалась наиболее аргументированной. М.Я. Блохом и его учениками и последователями подробно описаны эти функции, а также место и роль диктемы в иерархической структуре языка, где она заполняет нишу между предложением и целым текстом.

Все единицы языка (начиная с уровня предложения — это не конкретные единицы, а лишь их схемы) обладают характеристиками знака, т. е. имеют форму, значение и выполняют определенные функции. И именно в диктеме эти знаковые характеристики воплотились наиболее «грубо, зримо». Что касается формы, диктема — минимальная единица текста, формируемая предложениями или даже одним предложением. К функциям диктемы, помимо тематизации и стилизации, мы добавляем функцию концептуализации. Через эти функции диктема реализует свое значение — смысл (смыслообразование), которое невозможно ни на каком другом уровне. Смысл рассматривается нами как концептуализация (идеологизация) темы через ее предикацию к авторской интерпретации.

Возвращаясь к смыслу произведения вообще и художественного произведения в частности, мы сталкиваемся с проблемой определения темы произведения. Этой проблеме уделяли внимание многие исследователи и за рубежом, и в отечественной лингвистике (Дж. Браун, Дж. Йюл [25], ван Дейк [26], Grimes [27], Givón [28], О.И. Москальская [29] и многие, многие др.). Большинство исследователей пытались решить эту проблему на уровне предложения. Однако у предложения нет и не может быть функции тематизации. При этом она может появиться, если предложение будет выражать диктему (также, как слово может представлять предложение). Несмотря на то, что в основе и предложения, и диктемы лежит категориально-пропозиционная структура, функции у этих пропозиций разные: «на уровне предложения — это категориально-регулятивная, или логическая функция, а на уровне текста — категориально-когнитивная, или тематическая» [30. С. 212].

Данный анализ характеризует диктему с точки зрения тех функций, которые она выполняет в речи, как единица смыслообразования. Однако диктему можно рассматривать не только с точки зрения ее функций, но и со структурных, синергетических позиций. При системном подходе к языку и порождаемой им речи, в которой действуют холистические законы, мы полагаем возможным рассматривать диктему как фрактал (от лат. *fractus*), т.е. дробленный, сломанный, разбитый). Понятие было введено в научное употребление французским и американским математиком Б. Мальдебортом и означает единицу множества, а также само множество со свойствами самоподобия. Это сравнительно новое понятие еще не попало в словари и энциклопедии, однако, как полагает В.В. Тарасенко, это «особо и не нужно после того, как родилась интересующая практика научного применения категории» [31]. Различается жесткое и нежесткое самоподобие, в основе которых лежит соответственно инвариантный и ковариантный фрактал. Термин «ковариантный» принадлежит Н.В. Тимофееву-Ресовскому.

Принцип гомоморфизма или, другими словами, общего подобия в тексте проявляется в том, что он (текст) состоит из самоподобных единиц, диктем, которые находятся в ковариантном самоподобии.

В основе фрактального подхода лежит нелинейность текста, т.е. неоднозначность его структуры и семантики, когда отсутствуют четкие границы между частями и целым произведением. Части при этом «бесконечно иерархизированы, перепутаны, наложены друг на друга» [31]. Нелинейность означает «необратимость и многовариантность эволюции, возможность неожиданных изменений темпа и направления течения процессов» [32. С. 208]. Она характеризует любую открытую систему. Как в детском калейдоскопе, элементы могут сложиться в различные конфигурации. Однако главное при фрактальном подходе — не элементы, а структура.

По мнению В.И. Аршинова и В.Э. Войцеховича, фрактал понимается «и как предмет, и как средство исследования» [33]. Таким образом, важно не только то, что анализируется, но и то, каким образом осуществляется этот анализ. Среди характеристик становления любой системы В.Г. Буданов отмечает ее неустойчивость и незамкнутость (открытость) [34. С. 346]. Незамкнутость на уровне текста наблюдается при его создании и прочтении, когда он (текст) открывается в дискурс, в коммуникацию с читателем, другими текстами и дискурсами.

Благодаря своей неустойчивости «текст, по мнению Ю.М. Лотмана, <...> оказывается способным к саморазвитию» [35. С. 36]. На уровне создания текста его неустойчивость обусловлена многовариантностью его возможного развития. На уровне читателя неустойчивость текста проявляется в возможности его различных интерпретаций. Бытие текста также, как и его становление, обусловлено синергетическими законами гомеостатичности и иерархичности. В языке и речи, по мнению А.В. Кравченко, гомеостатичность проявляется через автопоэз, понимаемый как самосоздание, самопорождение, самоорганизация системы, при которых «сохраняется не одно какое-то свойство, а организация самой системы как единого целого» [36. С. 48]. Гомеостатичность на уровне текста проявляется через его законченность и завершенность, благодаря чему текст сохраняет свою стабильность.

Иерархический характер текстовой структуры подчеркивали многие исследователи (Н. Хомский [37], Ю.М. Лотман [35], В.Г. Буданов [34]). Так, по определению Ю.М. Лотмана, текст — это «семиотическое пространство, в котором взаимодействуют, интерферируют и иерархически самоорганизуются языки» [35. С. 35]. В.Г. Буданов подчеркивал составную природу «вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим. То, что для низшего уровня есть структура-космос, для высшего есть бесструктурного элемента хаоса строительный материал. То есть Космос предыдущей структуры служит Хаосом последующей, и мы говорим о нематериальной иерархии, например, в языке (фонемы, морфемы, слова, фразы, тексты...)» [34. С. 344]. Все единицы языка (в том числе рассматриваемые в виде схем) вырастают из хаоса нижележащих уровней. Минимальная единица текста, диктема, являясь «космосом» для всех его нижележащих уровней, вбирает в себя их функции

и добавляя к ним те новые, которые появляются лишь на ее уровне. Это функции тематизации, концептуализации и стилизации, которые в полной мере могут проявиться лишь на уровне текста.

Языковая личность автора, нарратора и читателя

При таком холистическом подходе к тексту возрастает роль той позиции, которую занимает его автор. Как совершенно справедливо отмечал М. Фуко, «описать высказывание — не означает анализировать отношения между автором высказывания и тем, что он сказал (или хотел сказать, или сказал, не желая); это означает определить, какова позиция, которую может и должен занять любой индивид, чтобы быть субъектом данного высказывания» [20. С. 95–96] (с появлением диктемной теории высказывание, как минимальную единицу текста, также можно рассматривать как диктему). Более того, важна не только позиция, точка зрения автора произведения, но и позиция его читателя и/или зрителя. Другими словами, роль языковой личности автора, нарратора и читателя.

Особенно актуальна проблема позиции языковой личности автора для публицистических текстов, основная функция которых — это функция воздействия. Однако функция воздействия для публицистического произведения существенным образом отличается от функции воздействия художественного текста. Если для последнего — это эмотивная функция, опосредованная эстетической информацией, то для текста публицистического — это манипулятивная функция, и роль этой функции для публицистики и для медийных текстов вообще неуклонно растет.

Манипуляция — это отношение к другому человеку/людям не как к субъектам, а как к объектам для достижения определенных целей. Однако манипулятор чаще использует скрытое давление, которое может строиться на интриге, провокации и даже на прямом обмане. Одним из способов манипуляции является умолчание о фактах и явлениях, нежелательных для манипулятора. При этом для него важно произвести положительное впечатление, поэтому он вынужден до определенной степени учитывать интересы, ценностные ориентиры, желания тех, на кого направлены его манипуляции. Роль автора М. Фуко рассматривает «как принцип группировки дискурсов, как единство и источник их значений, как центр их связности» [38. С. 13].

Однако последователи постмодернизма Ж. Деррида, Дж.Х. Миллер, Ж. Лакан, Ю.Ю. Кристева, Р. Барт и др., развивая синергетические идеи самоорганизации текста, приходят к полной элиминации автора. Так, Р. Барт писал, что «присвоить тексту Автора — это значит, как бы застопорить текст, наделять его окончательным значением, замкнуть письмо» [10. С. 389]. «Смерть автора» приводит к «рождению читателя», который рассматривается не как потребитель, а как производитель текста. По мнению Р. Барта, читатель, — это «*некто*, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный

текст» [10. С. 390]. Однако фигура читателя не заменяет фигуру автора. Фигуру субъекта, по Р. Барту, представляет сам язык: «говорит не автор, а язык как таковой, <...> сам язык действует, “перформирует”» [10. С. 385–386]. «Смерть субъекта» стала революционным направлением в науке. Однако, как это часто бывает с очень радикальными теориями, вскоре практически те же самые исследователи приступили к «воскрешению» автора, субъекта и Бога.

Возвращаясь к позиции языковой личности субъекта, которого применительно к тексту можно рассматривать как языковую личность автора и языковую личность нарратора, хотелось бы добавить, что она, эта позиция, определяется и жизненным опытом, и моральными установками, и, возможно, индивидуальными психологическими чертами автора произведения, который стоит за языковой личностью нарратора этого произведения. Так, например, жесткость и даже жестокость героя-нарратора из рассказа З. Прилепина¹: «Какой случится день недели» по отношению к бомжам, которые могли, по мнению возлюбленной героя Марысеньки, сожрать дворовых щенков (что не подтвердилось в рассказе), возможна только в том случае, если автор разделяет позицию: свой — чужой; и возможность любого отношения к «чужому».

Данный подход справедлив и для публицистики, даже в том случае, если приводятся какие-либо цитаты, которые очень наглядно характеризуют того, кто их употребляет. И не только адресанта, но и адресата, на которого они рассчитаны с целью понравиться, произвести впечатление.

Публицистический дискурс, и особенно его политическая разновидность, по определению манипулятивен. И если ценностные ориентиры общества, к которому апеллирует текст, достаточно высоки, то и автор этого текста должен их учитывать и на них ориентироваться. Это своего рода страховка, которую может обеспечивать общественное сознание и/или, другими словами, коллективное бессознательное нации или народа.

Гораздо хуже, когда запросы общества принижены, и, чтобы завоевать его расположение, приходится не стремиться вверх, а спускаться вниз по лестнице моральных ориентиров. Поэтому словарь и риторика любого политика характеризуют не только этого политика, хотя, конечно, и его тоже, но и тех, к кому он обращается в надежде найти поддержку. Таким образом, можно говорить, что в основе идейного концепта языковой личности нарратора художественного произведения и автора произведения публицистического лежит не только идеологическая установка языковой личности автора высказывания (текста), но и идеологические симпатии языковой личности получателя информации (читателя/слушателя). В такой симпатии–антипатии и выражается коллективное бессознательное нации или народа. И в этой

¹ Прилепин З. Какой случится день недели // Грех. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 7–49.

связи применительно к публицистическим текстам можно говорить о коллективной ответственности общества, хотя, конечно, и до определенной степени.

Хотелось бы добавить, что, помимо идеологического концепта, мы также выделяем, особенно для художественных текстов, и эстетический концепт, который определяется не только эстетическими (стилистическими) предпочтениями языковой личности автора произведения, но и эстетическими приоритетами своего времени. Так, Л.А. Новиков подчеркивал «целостное единство художественного текста и его эстетическое восприятие» [39].

Анализ художественного произведения

Для иллюстрации наших рассуждений рассмотрим рассказ Рейчел Джойс «Деревья» (*Rachel Joyce Trees*)². Феноменологическая эпистемология обращает внимание на то, что при восприятии художественного произведения читатель первоначально интуитивно выделяет особо значимые явления (феноменологическое интуирование).

Рассказ включен в сборник Р. Джойс «Заснеженный сад» (*Snow Garden*). И несмотря на то, что сборник состоит из отдельных рассказов, их объединяют общие герои и эпиграф: *A society grows great when old men plant trees whose shade they know they will never sit in* (Greek proverb) ‘Общество развивается тогда, когда старики сажают деревья, в тени которых им уже не придется отдохнуть (греческая пословица)’ (перевод наш — З.А.).

С точки зрения синергетического подхода, текст имеет иерархическую структуру: некоторые его части являются более важными, значимыми и, соответственно, более выделенными, сильными. Эпиграф относится к таким сильным позициям текста наряду с началом, концом, гармоническим центром, заглавием. Это означает, что идея связи человеческой жизни с будущими поколениями важна для данного сборника и особенно актуальна для данного рассказа, потому что именно в этом рассказе его главный герой Оливер помогает отцу посадить двадцать деревьев в различных местах города за несколько месяцев до смерти отца.

Отношения Оливера с отцом были сложными: *he had clashed with his father over everything*³. Но, сажая деревья со стариком, Оливер начинает его понимать: *Oliver thought of all those summers he'd played alone on the beach, building sandcastles while his father sat beside his mother. <...> And it occurred to him that his father had been frightened of getting it wrong, even with sandcastles. That was why his father rarely went anywhere. That was why he never did anything. Because he had always been so certain that, faced with the challenge of being a father, he could only fail*⁴.

² *Joyce R. Trees. A Snow Garden and Other Stories. BLACK SWAN, 2016.*

³ *Ibid. P. 198.*

⁴ *Ibid. P. 215.*

Тема рассказа «посадка деревьев» предидируется к ее авторской интерпретации, которая наиболее ярко представлена в эпиграфе, и таким образом концептуализируется: посадка деревьев связывает нас с будущим, которое мы, возможно, и не увидим, особенно, если мы не молоды. Однако, как мы уже отмечали, концепт художественного произведения имеет дуалистическую природу, включая, помимо идейных, и эстетические характеристики. Так, в данном рассказе через его эпиграф прослеживаются черты интертекстуальности. Связь с гипертекстом носит не только абстрактный характер, но и проявляется в том, что все рассказы в сборнике так или иначе связаны между собой, хотя связь эта — не прямолинейна и не является причинно-следственной. Рассказ характеризуется фрагментарностью. В этом проявляются постмодернистские черты данного произведения.

Заключение

Дискурс в данном исследовании рассматривался широко как любая вербальная деятельность языковой личности, и узко — как результат этой деятельности, который не может быть представлен ничем иным, кроме текстов. Однако дискурс как результат отличается от текста в его базовом понимании, потому что дискурс — это открытое пространство для коммуникации, дискуссии, а текст закрыт в силу его завершенности, поэтому не всякий текст — дискурс, а только тот, который понятен потребителю и только в момент его создания и потребления. Поэтому текст, например, по философии не будет дискурсом для человека, который ничего в философии не понимает, или в том случае, если он будет написан на языке, который не знаком этому человеку. Предложенные Р. Бартом понятия произведения и текста мы трактуем как текст произведения и открытый, неисчислимый дискурс. В качестве единицы текста рассматривается диктема, так как в ней, в отличие от всех нижележащих уровней, проявляются все текстовые функции: тематизации, концептуализации и стилизации, делая ее единицей смыслообразования, минимальным возможным текстом. Диктема рассматривается и с элементаристских, и с холистических позиций как фрактал, формирующий пространство целого текста по синергетическим законам. Подчеркивается идеологическая роль языковой личности и при создании, и при потреблении текста.

Библиографический список

1. *Werlich E.A.* Text Grammar of English. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1976.
2. *Halliday M.A.K., Hasan R.* Cohesion in English. London: Longman Group Ltd., 1976.
3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007.
4. *Солганик Г.Я.* К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XII—XIII. М.: Наука, 1984. С. 176–177.
5. *Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988.

6. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Ось-89, 1999.
7. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985.
8. Болотниova Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992.
9. Блох М.Я. Текст в динамике становления и его семь жизней // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 3. С. 5–9.
10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
11. Асратян З.Д. Смыслообразующая роль диктемы в художественном тексте: монография. М.: МПГУ, 2020.
12. Арутюнова Н.Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.И. Ярцевой. М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
13. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
14. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX вв.) М.: Эдиториал УРСС, 2006.
15. Манаенко Г.Н. Когнитивные основания информационно-дискурсивного подхода к анализу языковых выражений и текста // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский научный альманах / под ред. Г.Н. Манаенко. Выпуск 3. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. С. 22–32.
16. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М.: Гнозис, 2001.
17. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
18. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
19. Серю П. Анализ дискурса во французской школе (Дискурс и интер-дискурс) // Семиотика: Антология. М.: Академический Проект. С. 549–562. 2001.
20. Foucault M. Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language. Tran-ed. by A.M. Sheridan Smith [Electronic resource]. New York: Pantheon books, 1972. Режим доступа: monoskop.org/images/9/90/... (дата обращения: 22.04.2022).
21. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Ярцевой. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.
22. Guespin L. Problematique des travaux sur le discours politique // Language. 1971. № 23. P. 3–24.
23. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006.
24. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М.: Академический проект, 2001. С. 5–42.
25. Brown G., Yule G. Discourse analysis. Cambridge University Press, 1983.
26. Van Dijk T.A. Macrostructures. An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction and Cognition. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1980.
27. Grimes J.E. The thread of discourse. The Hague; P.: Mouton, 1975. <https://doi.org/10.1515/9783110886474>
28. Givon T. From Discourse to Syntax: Grammar as a Processing Strategy. Syntax and Semantics 12: Discourse and Syntax, T. Givon (Ed.). Vol. 12. New York: Academic Press, 1979. P. 81–112.
29. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981.
30. Асратян З.Д., Асратян Н.М. Лингвистические аспекты понятия темы // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 209–213. <https://10.26140/bgz3-2019-0802-0048>
31. Тарасенко В.В. Метафизика фрактала. 1998. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000254/index.shtml> (дата обращения: 26.01.2023).
32. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
33. Аришинов В.И., Войцехович В.Э. Синергетическое знание: между сетью и принципами // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 107–120.

34. Буданов В.Г. Принципы синергетики и язык // *Философия науки*. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФ РАН, 2002. С. 340–353.
35. Лотман Ю.М. Текст в тексте // *Образовательные технологии*. 2014. № 1. С. 30–42.
36. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика сегодня: Интеграционные процессы и проблемы метода // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 37–52.
37. Chomsky N. *Language and Mind*. Cambridge: University Press, 2006.
38. Можейко М.А. Синергетика // *Всемирная энциклопедия: Философия XX века / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов*. М.: АСТ, Харвест, Современный литератор, 2002.
39. Новиков Л.А. *Художественный текст и его анализ*. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

References

1. Werlich, E.A. (1976). *Text Grammar of English*. Heidelberg: Quelle & Meyer.
2. Halliday, M.A.K. & Hasan, R. (1976). *Cohesion in English*. London: Longman Group Ltd.
3. Galperin, I.R. (2007). *Text as an object of linguistic research*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
4. Solganik, G.Ya. (1984). On the problem of text modality. In: *Russian language: Functioning of grammatical categories. Text and context. Vinogradov Readings XII–XIII*. Moscow: Nauka. pp. 176–177. (In Russ.).
5. Belyanin, V.P. (1988). *Psycholinguistic aspects of a literary text*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.).
6. Lukin, V.A. (1999). *Literary text: Fundamentals of linguistic theory and elements of analysis: textbook for philological specialties of universities*. Moscow: Os' -89. (In Russ.).
7. Sorokin, Yu.A. (1985). *Psycholinguistic aspects of text study*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Bolotnova, N.S. (1992). *Literary text from the communicative approach and complex analysis of lexical units*. Tomsk: Tomsk University Publ. (In Russ.).
9. Bloch, M.Ya. (2013). Text in the dynamics of formation and its seven lives. *Language. Culture. Speech communication*, 3, 5–9. (In Russ.).
10. Bart, R. (1989). *Selected Works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
11. Asratyan, Z.D. (2020). *The meaning-forming role of the dicteme in the artistic text*: monograph. Moscow: MPSU. (In Russ.).
12. Arutyunova, N.D. (1990). Proposition. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. V.I. Yartseva (Ed.). Moscow: Sov. Encyclopedia. (In Russ.).
13. Kubryakova, E.S. (2004). *Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the perception of the world*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
14. Dymarsky, M.Ya. (2006). *Problems of text formation and literary text (on the material of Russian prose of the 19th–20th centuries)*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
15. Manaenko, G.N. (2005). Cognitive foundations of the information-discursive approach to the analysis of linguistic expressions and text. In: *Language. Text. Discourse: Interuniversity scientific almanac*. G.N. Manaenko (Ed.). Iss. 3. Stavropol: PSLU Publ. pp. 22–32. (In Russ.).
16. Krasnykh, V.V. (2001). *Fundamentals of psycholinguistics and communication theory: A course of lectures*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
17. Dijk, T.A. van. (1989). *Language. Cognition. Communication*. Moscow: Progress. (In Russ.).
18. Stepanov, Yu.S. (1995). Alternative world, discourse, fact and principles of causality. In: *Language and science of the end of the XX century*. Yu.S. Stepanov (Ed.). Moscow: RSHU. pp. 35–73. (In Russ.).
19. Serio, P. (2001). Discourse analysis within the French school (Discourse and inter-discourse) // *Semiotics: Anthology*. Moscow: Academic Project, pp. 549–562. (In Russ.).
20. Foucault, M. (1972). *Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language*. A.M. Sheridan Smith (Trans.). New York: Pantheon books. URL: monoskop.org/images/9/90/... (accessed: 22.04.2022).
21. Arutyunova, N.D. (1990). Discourse. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, V.I. Yartseva (Ed.). Moscow: Sov. Encyclopedia. (In Russ.).

22. Guespin, L. (1971). Problematique des travaux sur le discours politique. *Languages*, 23, 3–24.
23. Chernyavskaya, V.E. (2006). *Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
24. Stepanov, Yu.S. (2001). In the world of semiotics. In: *Semiotics*. Moscow: Academic project. pp. 5–42. (In Russ.).
25. Brown, G. & Yule, G. (1983). *Discourse analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Van Dijk, T.A. (1980). *Macrostructures. An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction and Cognition*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
27. Grimes, J.E. (1975). *The thread of discourse*. The Hague; P.: Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110886474>
28. Givon, T. (1979). From Discourse to Syntax: Grammar as a Processing Strategy. In: *Syntax and Semantics 12: Discourse and Syntax*. T. Givon (Ed.). Vol. 12. New York: Academic Press. pp. 81–112.
29. Moskalskaya, O.I. (1981). *Text Grammar*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
30. Asratyan, Z.D. & Asratyan, N.M. (2019). Topic and its Linguistic Aspects. *Baltic Humanitarian Journal*, 8–2(27), 209–213. <https://doi.org/10.26140/bg3-2019-0802-0048> (In Russ.).
31. Tarasenko, V.V. (1998). *Fractal Metaphysics*. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000254/index.shtml> (accessed: 01.26.2023). (In Russ.).
32. Benveniste, E. (1974). *General linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
33. Arshinov, V.I. & Voitsekhovich, V.E. (2000). Synergetic knowledge: between network and principles [Electron. resource] In: *Synergetic paradigm. Variety of searches and approaches*. Moscow: Progress-Tradition. pp. 107–120. URL: <http://esoterika303.narod.ru/yoga27.htm> (accessed: 01.24.2023). (In Russ.).
34. Budanov, V.G. (2002). Principles of synergetics and the language. *Philosophy of Science. Iss. 8: Synergetics of human-dimensional reality*. Moscow: Institute of Philosophy of RAS. pp. 340–353. (In Russ.).
35. Lotman, Yu.M. (2014). A Text within a text. *Educational technologies*, 1, 30–42. (In Russ.).
36. Kravchenko, A.V. (2004). Cognitive Linguistics Today: Integration Processes and Method Problems. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 37–52. (In Russ.).
37. Chomsky, N. (2006). *Language and Mind*. Cambridge: Cambridge University Press.
38. Mozheiko, M.A. (2002). Synergetics. In: *World Encyclopedia: Philosophy of the XX century*. A.A. Gritsanov (Ed.). Moscow: AST, Minsk.: Harvest, Modern writer. (In Russ.).
39. Novikov, L.A. (2007). *Fiction text and its analysis*. Moscow: LK. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Асратян Зоя Дмитриевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий, Университет науки и технологий МИСИС (119049, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 4, стр. 1), Хулунбуирский университет (021008, Китай, Внутренняя Монголия, р-н Хайлар, г. Хулунбуир, ул. Хуэфу, 89); *сфера научных интересов*: теория речевых актов, нарратология, риторика; когнитивная лингвистика, лингвистика текста; *e-mail*: asratyan@mail.ru
SPIN-код: 4579-5483, AuthorID: 778237.

Information about the author:

Zoya D. Asratyan, Dr.Sc. in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Communication Technologies, MISIS University of Science and Technology (b. 1, 4, Lenin avenue, Moscow, Russian Federation, 119049), Hulunbuir University (89, Xuefu Road, Hulunbuir, Hailaer District, Inner Mongolia, China, 021008); *Research interests*: theory of speech acts, narratology, rhetoric; cognitive linguistics, text linguistics; *e-mail*: asratyan@mail.ru
SPIN-code: 4579-5483, AuthorID: 778237.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-152-173

EDN: DIKHOD

УДК 811.134.2'255.2:821.161.1

Научная статья / Research article

Сопоставительный анализ контекстов употребления лексем *міръ / миръ / мир* и их переводов на испанский язык

М.О. Чичина

МГИМО МИД (У) России, Москва, Российская Федерация

m.chichina@my.mgimo.ru

Аннотация. В критической литературе, посвященной роману Л.Н. Толстого «Война и мир», неоднократно обсуждалась противоречивость контекстов употребления лексем *міръ / миръ / мир* в связи с омонимией, вызванной реформой орфографии русского языка 1918 г. Проводится сопоставительный анализ контекстов употребления лексем *міръ / миръ / мир* в текстах романа Л.Н. Толстого «Война и мир» на русском языке, а также их перевода на испанский язык. Автор обращается к двум изданиям романа — 1912 г., до орфографической реформы 1918 г., и середины XX в., в составе 90-томного издания произведений Л.Н. Толстого, рекомендованного Музеем Л.Н. Толстого в Москве в качестве эталонного. Целью научного исследования был сопоставительный анализ семантики слов *міръ / миръ / мир* в связи с идейным замыслом романа-эпопеи. Определено, в каком контексте и почему Л.Н. Толстой отдает предпочтение лексемам *міръ / миръ*, а также рассмотрено использование слова *глобус*, в значении *мир*. Выводами работы стали предложение о внесении в комментарии к роману толкований значения слова *мир* в соответствии с контекстами *міръ / миръ / миръ*, в программы обучения студентов-филологов, а также учитывать данные в переводах на иностранные, в частности испанский, языки. Учет специфики семантики слов *міръ* и *миръ* в дореволюционном издании и *мир* в современных изданиях романа-эпопеи «Войны и мир» и их функционирования рассматриваемом художественном тексте способствует раскрытию идейного замысла многослойного произведения, занимающего особое место в художественном наследии Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: Война и мир, омонимы, полисемия, русский язык, испанский язык, Guerra у paz

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Чичина М.О. Сопоставительный анализ контекстов употребления лексем *міръ / миръ / мир* и их переводов на испанский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 152–173. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-152-173>

© Чичина М.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Comparative Analysis of Contextual Usage of the Lexemes *миръ / миръ / мир* and their translations into Spanish

Marina O. Chichina

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russian Federation

✉ m.chichina@my.mgimo.ru

Abstract. In the critical literature devoted to the L.N. Tolstoy's novel «War and Peace», the contradictory contexts of usage of the lexemes *миръ / миръ / мир* and their relation to homonymy, were repeatedly discussed. The study is a comparative analysis of the contexts of usage of the lexemes *миръ / миръ / мир* in Russian in the texts of the «War and Peace» novel by L.N. Tolstoy, as well as their translation into Spanish. The author refers to two editions of the novel — in 1912, before the spelling reform of 1918, and mid-20th century, as part of the 90-volume edition of the works of L.N. Tolstoy. The aim of the study is the comparative analysis of the semantics of the *миръ / миръ / мир* in connection with the idea of the novel-epic. It is determined in what context and why L.N. Tolstoy prefers the lexemes of *миръ / миръ / мир*, and also considered the use of the word *глобус* 'globe', meaning the 'world'. The conclusions of the work are a proposal to introduce in the commentary to the novel interpretations of the meaning of the word *peace* in accordance with the context of the media *world*, in the curricula of students-philologists, as well as to take into consideration the data in translations into foreign languages, Spanish in particular. Taking into account the specificity of semantics of words *Mir* and *Worlds* in the pre-revolutionary edition and the word *world* in the modern editions of the novel-epic «War and Peace» and their functioning with the literary text under the consideration contributes to revealing the idea of the multi-layered work, a special place in the artistic heritage of L.N. Tolstoy.

Keywords: War and Peace, Homonyms, Polysemia, Russian, Spanish, Guerra y Paz

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Chichina, M.O. (2024). Comparative Analysis of Contextual Usage of the Lexemes *миръ / миръ / мир* and their Translations into Spanish. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 152–173. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-152-173>

Введение

В исследованиях, посвященных роману Л.Н. Толстого «Война и мир», неоднократно обсуждалось противоречивость контекстов употребления лексем *миръ / миръ / мир* в связи с омонимией, вызванной реформой орфографии русского языка 1918 г. Известно, что при подготовке рукописи романа-эпопеи к публикации жена Л.Н. Толстого, Софья Андреевна, на первой странице написала «Война и миръ», а не «Война и мирь». Предполагается, что данный вариант названия рассматривался писателем как возможный, а высокая частотность словоупотребления лексемы *миръ* в тексте романа-эпопеи позволяет предположить, что для Софьи Андреевны использование лексемы *миръ*

в названии было вполне логичным. Кроме того, в издании романа-эпопеи в 1916 году П.И. Бирюковым на первой странице было размещено название «Война и мир», однако исследователи пришли к выводу, что Л.Н. Толстой все-таки озаглавил книгу «Война и мир» (см., например, [1. С. 228–248]). Большинство наших соотечественников и иностранцев, знающих русский язык, читают роман-эпопею под названием «Война и мир» в современной русской орфографии, поэтому различие значений лексем *мир* / *мир* им почти неизвестно, однако, по нашему мнению, обращение к дореволюционной публикации романа-эпопеи проясняет нюансы смысла художественного произведения и философской концепции Л.Н. Толстого на момент написания романа-эпопеи.

После орфографической реформы 1918 г. название романа Л.Н. Толстого получило графическое написание «Война и мир», а читателям постреформенного периода по контексту приходится определять, в каком значении функционирует слово *мир* в том или ином предложении. Философ И.А. Ильин, ставший свидетелем революционных перемен в русском языке, писал: «Новая орфография отменила букву «і». И вот, различие между «міромъ» (вселенной) и «миром» (покоем, тишиной, невойной) исчезло...» [2].

Несколько слов о литературном жанре «Войны и мира». Н.Н. Страхов впервые назвал «Войну и мир» «семейной хроникой», а позднее пришел к выводу о том, что это — «эпопея в современных формах искусства» [3]. Российские литературоведы XX—XXI веков используют термин «роман-эпопея» для характеристики жанра этого знаменитого произведения, однако сам автор утверждал, что: «Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. «Война и мир» есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось»¹. Таким образом, можно сделать вывод, что «Война и мир» — это размышления автора о событиях, происходящих в России и в мире, о войне с Наполеоном 1805–1814 гг., о роли личности в истории, о роли народа в Отечественной войне 1812 года, выраженные Л.Н. Толстым в оригинальной форме художественного повествования. В 2005 году Е.И. Полтавец писала о том, что «произведение, которое Толстой называл «книгой».., продолжаем изучать на уроках литературы, безответственно приклеив ему ярлычок «роман-эпопея» [4. С. 5].

В 1959 и 1985 гг. литературоведы Я.С. Билинкис [5] и С.Г. Бочаров опубликовали две статьи с одинаковым названием «Мир» в «Войне и мире» [6]. Мы разделяем точку зрения С.Г. Бочарова, утверждающего, «мир — художественный образ, явление творческого сознания Толстого, порожденного его эпохой; герои «живут» в «художественной действительности», созданной гением Толстого и содержащей познание

¹ Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого: в 90 томах. Том 16. М.: Художественная литература, 1955. С. 9.

его времени» [6]. В небольшой по объему статье мы не ставили своей целью проанализировать все предложения с использованием указанных лексем и выявить все особенности художественного образа мира романа-эпопеи и *мiровь* / *миров* литературных персонажей этого произведения, ограничились своим исследованием изучением лишь некоторых значимых цитат из романа-эпопеи «Война и миръ» / «Война и мир», в которых интересующие нас слова *мiръ* / *миръ* / *мир* использованы в разных ЛСВ. С.Г. Бочаров утверждал, что «*мир* в тексте романа Толстого, в сущности, непереводаем: непереводаема полнота этого слова и объемлемой им многогранной идеи» [6. С. 231]. Мы предприняли попытку проанализировать, каким образом переводится на испанский язык слово *мир* в цитируемых фрагментах романа. Задачами исследования определены: 1) проанализировать, как толкуют лексическую единицу *мир* современные словари русского и испанского языков, 2) проанализировать, какие ЛСВ слова *мир* используются в рассматриваемом издании романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», 3) сравнить употребление лексемы *мир* в цитатах из рассматриваемого текста романа с аналогичными цитатами из издания «Война и миръ» 1912 г.; 4) проследить, какие лексемы использованы испанскими переводчиками романа-эпопеи Иреной и Лаурой Андреско² для передачи полисемии слова *мир* в анализируемых цитатах, 5) сделать выводы о сходстве / различии восприятия семантики лексем, обозначающих понятие «*мир*», в русском тексте романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» и в испанском переводе.

Методология исследования основана на работах М.М. Дунаева [7], С.Г. Бочарова [6], И.А. Ильина [2; 8], Л.А. Новикова [9–11], В.Н. Денисенко [12]. Научная новизна исследования заключается в том, что предпринята попытка анализа функционирования полисемантической лексемы *мир* в издании романа-эпопеи в XX веке в сопоставлении с функционированием лексем *миръ* и *мiръ* в дореволюционном издании романа. В ходе сравнения фрагментов романа-эпопеи на русском языке с их переводом на испанский язык выявлены лексические средства выражения разнообразия значений русской лексемы *мир* в испанском языке. В исследовании мы исходили из того, что «лексическое значение — это известное отображение предмета, явления или отношения в сознании..., входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» [9. С. 49], а «ЛСВ — лексико-семантический вариант — минимальная речевая единица коммуникации (единство языкового значения и внешнего знака)» [10. С. 49], лексико-семантические варианты слова образуют смысловую структуру одного слова.

² *Tolstói L. Guerra y paz. Madrid: Alianza, 2018.*

Результаты исследования и обсуждение

В древнерусском языке слова **міръ** и **миръ** были омофонами. При этом каждое из слов является полисемантическим. В словаре В.И. Даля³ рассматриваемые лексические единицы толкуются как:

«**Міръ**, м. вселенная, вещество в пространствѣ и сила во времени (Хомяковъ) | наша земля, земной шаръ, свѣтъ | всѣ люди, весь свѣтъ, родъ человѣчскій; | община, общество крестьянъ; | сходка» (С. 330).

«**Миръ**, м. отсутствие ссоры, вражды, несогласія, войны ладъ, согласіе, единодушіе, пріянь, дружба, доброжелательство | тишина, покой, спокойствіе» (С. 328).

В толковом словаре С.И. Ожегова⁴:

«**МИР1**, -а, м.1. Совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, вселенная. 2. (мн., -ы, -ов). Отдельная часть вселенной, планета. 3. Земной шар, Земля, а также люди, население земного шара. 4. Объединенное по каким-либо признакам человеческое общество, общественная среда, строй. 5. Отдельная область жизни, явлений, предметов. 6. Светская жизнь в противоп. монастырской жизни, церкви (устар.). 7. (предл. на миру). Сельская община с ее членами (устар.) *Всем миром* (все сообща) (С. 303).

МИР2, -а, м. 1. Согласные отношения, спокойствие, отсутствие вражды, войны, ссоры. 2. Соглашение воюющих сторон о прекращении войны (С. 304).

Как видно из сравнения словарных статей двух словарей, некоторые значения слова **МИР1** добавились в связи с научным прогрессом и развитием общества.

Семантика современного русского языка рассматривает слова **мир1** и **мир2** как омонимы. Об этом писал Ю.С. Степанов: «Кроме значений, их разделение основывается на грамматике: первое из них имеет множественное число *миры*, у второго множественного числа нет» [15. С. 95]. При этом каждое из слов **мир1** и **мир2** имеет несколько значений, являясь полисемантическим: «Под полисемией (многозначностью) понимается способность слова иметь одновременно несколько значений (семем), то есть обозначать различные классы предметов, явлений, действий, процессов, признаков и отношений. Полисемия как лексическая категория — это семантическое отношение внутренне связанных (мотивированных) значений, выражаемых формами одного слова (одной лексемой) и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим позициям слова» [10].

В каком значении употребляется слово *мир* в современном русском языке, носителю русского языка становится ясным из контекста устной или письменной речи. Иностранцам, говорящим и пишущим на русском языке, богатая семантика слова *мир* затрудняет понимание устного или письменного текста с использованием этой лексемы. Славянам сделать

³ *Даль В.И.* Словарь Живого Великорусского языка: Т. 1–4. М.: Русский язык, 1981.

⁴ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1987.

это легче, так как похожие лексемы существуют в их родных языках. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера⁵ информирует о том, что:

«**Мир**, род. п., -а, укр. *мир* «весь мир, народ, спокойствие, согласие», др.-русск., ст.-слав. *миръ* εἰρήνη, κόσμος (и то, и др. в Остром., Супр.), болг. *мир* (*ѣт*) «мир, спокойствие, свет», сербохорв. *мир*, род.п. мира «мир, покой», словен. *mir* — то же, чеш. *mirъ* «мир, покой, спокойствие, согласие»...Значение «сельская община» развилось из «мир, мирное сообщество»...» (С. 626).

Нельзя не согласиться с профессором Л.А. Новиковым, который писал: «В отличие от других систем лексика тесно связана с внешними, экстралингвистическими факторами. Она непосредственно отражает изменения, происходящие в окружающей действительности, что выражается как в отмирании слов (или их значений), так и в появлении новых слов и значений или в изменении последних. В силу этого словарный состав не образует, строго говоря, закрытого класса» [10. С. 62].

В испанском языке слова *paz*, *mundo*, как и в английском *peace*, *world*, итальянском *pace*, *mondo*, французском *paix*, *monde*, можно считать довольно точным переводом древнерусских слов *миръ* (*paz*, *peace*, *pace*, *paix*) и *миръ* (*mundo*, *world*, *mondo*, *monde*). Испанские слова *paz* и *mundo* полисемантичны, как и слово *мир* в современном русском языке:

Paz. f. Relación de los que no estan en guerra. | Tranquilidad de los estados en contraposición de la Guerra. | Buena convivencia. | Convenio entre gobernantes para acabar con una guerra. | En misa, rito en que dos fieles se saludan fraternalmente * Paz de Dios * A la paz de Dios. Expresión de salud | Dejar en paz. No molestar⁶.

Mundo m. Conjunto de todo lo que existe. | La Tierra. | Esfera que representa el globo terráq eo. | El género humano. | La Sociedad humana. | Parte de una Sociedad con alguna característica que la individualiza. | Vida secular, en contraposición a la monástica. | Según el cristianismo, uno de los enemigos del alma, que aparta al hombre de Dios. | Experiencia de la vida y del trato social. | Baul grande⁷.

Переведенное на испанский язык название романа «Guerra y paz», соответствует русскому дореволюционному — «Война и миръ» и современному — «Война и мир», однако в первых переводах романа название было «La guerra y la paz». Мы согласны с мнением Ю.А. Оболенской: «Существенные смысловые отличия вносит в перевод заглавий использование грамматических категорий, изменяющих объективную модальность заглавий.

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. Пер.с немецк.О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986.

⁶ Trébol. Diccionario enciclopédico. Color. Ediciones Trébol, S.L. Industria, 211–08041. Barcelona, 1996. P. 715.

⁷ Ibid. P. 643.

Ярким примером такого изменения может служить вариант перевода заглавия «Война и мир» с использованием определенного артикля, впервые предложенный И. Паскевич в ее французском переводе, а затем несколько десятилетий существовавший в культурном обиходе латиноамериканцев и испанцев; перевод названия романа «La Guerra y la Paz» сводил значение абстрактных и обобщающих понятий войны и мира (кстати, правильно переданный заглавием с нулевым артиклем в переводах 50–60 гг.) к повествованию о конкретной войне 1812 года [13. С. 26]. Поскольку «лексика представляет собой наиболее обширную, многомерную, сложную и подвижную систему. Ее единицы связаны различными видами отношений: ассоциативностью (полисемия), эквивалентностью (синонимия), противоположностью (антонимия), обратностью (конверсия) и др.» [12. С. 16.], необходимо рассмотреть семантические связи рассматриваемых единиц в двух языках. Семантика слова PAZ ‘мир как отсутствие войны’ в большинстве значений соответствует семантике дореформенного слова МИРЪ (в словаре В.И. Даля) и современному МИР2 (в словаре С.И. Ожегова). Семантика испанского слова MUNDO ‘мир в значении «Вселенная, Земля, человеческое сообщество»’ соответствует древнерусскому МiРЪ (в словаре В.И. Даля) и близка по значению МИР1 (в словаре С.И. Ожегова). Проанализируем рассматриваемые значения в нескольких фрагментах романа-эпопеи «Война и мир».

МИР, МiРЪ в значениях ‘Земля’, ‘род человеческий’ и в переводе на испанский язык

Роман-эпопея Л.Н. Толстого начинается с описания светского общества Санкт-Петербурга: в салоне А.П. Шерер обсуждали международные события 1805–1807 годов. Рассуждая о роли императора Александра I в предстоящей России войне против Наполеона в поддержку своих союзников, Анна Павловна говорит: *«Нашему доброму и чудному государю **предстоит величайшая роль в мире**, и он так добродетелен и хорош, что Бог не оставит его, и он исполнит свое призвание задавить гидру революции, которая теперь еще ужаснее в лице этого убийцы и злодея.... На кого нам надеяться, я вас спрашиваю?.. Англия с своим коммерческим духом не поймёт и не может понять всю высоту души императора Александра... Они не поняли, они не могут понять самоотвержения нашего императора, **который ничего не хочет для себя и всё хочет для блага мира**»*⁸.

Слово *мир* использовано в цитате в двух лексико-семантических вариантах: МИР1 ЛСВЗ ‘Земля, земной шар’ — *«предстоит величайшая роль в мире»* и МИР1 ЛСВЗ ‘люди, живущие на Земле’ — *«который*

⁸ Толстой Л.Н. *Война и мир*. Под редакцией и с примечаниями П.И. Бирюкова и с примечаниями А.П. Апсита. М.: Издательство товарищества Сытина, 1912. Т. 1. С. 5.

ничего не хочет для себя и *всё хочет для блага мира*)⁹. В издании романа-эпопеи 1912 года читаем: «*величайшая роль в міръ*» — реализация лексико-семантического варианта слова МІРЪ ЛСВ2 ‘Земля’, «который ничего не хочет для себя и *всё хочет для блага міра*» — МІРЪ ЛСВ3 ‘род человеческий’.

В испанском переводе дважды использована лексема *el mundo* в двух ЛСВ: в первом случае употреблен ЛСВ2 ‘*La tierra / Земля*’, во втором — ЛСВ4 ‘*el genero humano / род человеческий*’: «*A nuestro augusto Emperador le está reservado un gran papel en el mundo, y es tan bueno que Dios no lo abandonará y podrá cumplir su misión; aplastará a la hidra de la revolución que actualmente es aún más espantosa en la persona de asesino y malechor... Porque ¿con quién podemos contar?...Inglaterra, con su espíritu mercantile, no podrá comprender la grandeza del alma del Emperador Alejandro... No han comprendido ni pueden comprender la abnegación de nuestro Emperador, que no desea nada para sí mismo y lo que todo para el bien del mundo*»¹⁰.

МИР в значении ‘мирный договор’ / МИРЪ в значении ‘согласие’ и в переводе на испанский язык

Пьер Безухов, участвующий в салоне А.П. Шерер в дискуссии о войне Наполеона в Европе, высказывает свое предположение о мирном плане аббата Морियो: «*Да, я слышал про его план вечного мира, и это очень интересно, но едва ли возможно...*»¹¹. 2. «*Нет, этот аббат очень интересен, но только не так понимает дело... По-моему, вечный мир возможен, но я не умею, как это сказать... Но только не политическим равновесием...*»¹²: словосочетание *вечный мир* означает ‘долгосрочный мирный договор’ — МИР2 ЛСВ2 ‘мир—договор’.

В дореволюционном издании в этом же значении употреблено слово *миръ* ЛСВ2 ‘согласие’: 1) «*Да, я слышал про его план въчного мира, и это очень интересно, но едва ли возможно*»¹³. 2) «*Нѣтъ, этот аббатъ очень интересен, но только не такъ понимаетъ дѣло... По-моему, въчный миръ возможен, но я не умею, как это сказать... Но только не политическим равновѣсіемъ...*»¹⁴. Испанские переводчики использовали слово *raz* в ЛСВ1

⁹ Толстой Л.Н. Война и миръ. Под редакціей и с примѣчаніями П.И. Бирюкова и с примѣчаніями А.П. Апсита. М.: Изданіе товарищества Сытина, 1912. Т. 1. С. 5.

¹⁰ Tolstói L. Guerra y paz. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008. Vol. I. P. 20.

¹¹ Толстой Л.Н. Война и мир // Полное собрание 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого 1928–1958 гг. Т. 9. М.: Художественная литература, 1937. Кн. 1. С. 12.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Толстой Л.Н. Война и миръ. Под редакціей и с примѣчаніями П.И. Бирюкова и с примѣчаніями А.П. Апсита. М.: Изданіе товарищества Сытина, 1912. Т. 1. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 21.

(«отсутствие войны»): «– Sí. *He oído hablar de su proyecto para la paz eterna; es muy interesante, pero casi imposible...*»¹⁵.

По нашему мнению, различие в графике омофонов МИРЪ и МІРЪ в русском языке до орфографической реформы 1918 года облегчала читателю поиск правильного значения слова. Как это ни парадоксально, но современным переводчикам, желающим наиболее точно воспроизвести на своем родном языке текст «Войны и мира» следовало бы обратиться сначала к изданиям романа-эпопеи дореволюционного времени, а потом уже к текстам современных изданий, потому что использование Л.Н. Толстым слов МИРЪ и МІРЪ является «подсказкой» для переводчика.

Тильзитский мир

Значение слова МИРЪ ЛСВ2 ‘согласие’, в современной орфографии МИР2 ЛСВ2 ‘мирный договор’ актуализировано писателем во втором томе романа-эпопеи: сцена подписания Тильзитского мира 1807 года Российским императором Александром I и императором Франции Наполеоном: «*В этот день, 27-го июня, были подписаны первые условия мира...*»¹⁶. В издании 1912 года та же фраза выглядела так: «*В этот день, 27-го июня, были подписаны первыя условия мира...*»¹⁷. Дословный перевод на испанский: «*Aquel día, 27 de junio, se habían formado las primeras condiciones de la paz...*»¹⁸. Здесь реализован лексико-семантический вариант ЛСВ4 *convenio entre gobernantes para acabar con una guerra / соглашение между правителями, чтобы закончить войну испанского слова PAZ*.

Л.Н. Толстой обращает внимание читателя на исторический факт: отношение русских солдат к *Тильзитскому миру* было отрицательным, они хотели продолжать воевать против армии Наполеона и разгромить его. Во фрагменте романа и его испанском переводе нет словосочетания *Тильзитский мир*, но в словах *мир / paz* в предложении («*разговор естественно зашел о мире*» / «*la conversación verso sobre el paz*») заложен Л.Н. Толстым именно этот смысл. Далее вместо словосочетания *Тильзитский мир* автор использует перифраз: «*недовольны миром, заключенным после Фридланда*» / «*estaban descontentos de la paz firmada después de la batalla de Friedland*».

¹⁵ Tolstói L. *Querra y paz*. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008. Vol. I. P. 27.

¹⁶ Толстой Л.Н. *Война и мир* // Полное собрание 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого 1928–1958 гг. Т. 9. М.: Художественная литература, 1937.

¹⁷ Толстой Л.Н. *Война и мир*. Т. I. Под редакцией и с примечаниями П.И. Бирюкова и с примечаниями А.П. Апсита. М.: Издательство товарищества Сытина, 1912.

¹⁸ Tolstói L. *Querra y paz*. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008.

Мир в значении «Тильзитский мир»

«Разговор естественно зашел о мире. Офицеры, товарищи Ростова, как и большая часть армии, *были недовольны миром, заключенным после Фридланда.*

Говорили, что еще бы подержаться, Наполеон бы пропал, что у него в войсках ни сухарей, ни зарядов уж не было»¹⁹.

В дореволюционной орфографии в цитате использованы словоформы **о мирѣ, миромъ**: «Разговор естественно зашелъ о мирѣ. Офицеры, товарищи Ростова, какъ и большая часть арміи, *были недовольны миромъ, заключеннымъ послѣ Фридланда.* Говорили, что еще бы подержаться, Наполеонъ бы пропалъ, что у него въ войскахъ ни сухарей, ни зарядовъ уже не было»²¹. Настроение в русской армии после Тильзита было не в пользу царя Александра I: «Ведь еще недавно с амвонов православных церквей Наполеона клеймили как «антихриста». Недовольство и ропот вызвало согласие Александра I участвовать в континентальной блокаде, повлекшее за собой немалые издержки»²².

Обратимся к историческим фактам: «Россия получила приращение в виде Белостокского края. Пруссия «из уважения к императору Всероссийскому была сохранена, но в сильно урезанном виде. На принадлежавших ей польских землях Наполеон создал вассальное Великое герцогство Варшавское. Россия уступила Франции Ионические острова в Восточном Средиземноморье, где она имела присутствие с конца XVIII века, и согласилась на французское посредничество при заключении русско-турецкого мира...*Как и ожидалось, Тильзитский мир был крайне отрицательно воспринят в России* (примеч. — курсив автора статьи)»²³.

МИР в значении 'индивидуальная картина мира' и МирЪ в значении 'вселенная человека' / 'восприятие мира человеком'

Художественные образы текста воплощаются в системе словесных образов, которые могут состоять из отдельного слова, сочетания слов, абзаца, главы и даже целого литературного направления. Использование во внутренней речи, в монологе или в диалоге омофонов *миръ / міръ*, слова *мир*

¹⁹ Толстой Л.Н. Полное собрание 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого 1928–1958 гг. Война и мир. М.: Художественная литература, 1937. Т. 9. С. 50.

²⁰ Tolstói L. Guerra y paz. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008. Vol. I. P. 616.

²¹ Толстой Л.Н. Война и миръ. Под редакціей и с примѣчаниями П.И. Бирюкова и с примѣчаниями А.П. Апсита. М.: Изданіе товарищества Сытина, 1912. Т. 1. С. 392.

²² Кузнецов А.И., Райков Ю.А., Самойленко В.В. История дипломатии России: в 2 томах. Том I. IX — начало XX века. М., Аспект-пресс, 2017. С. 218.

²³ Там же. С. 219.

в одном из ЛСВ является важной характеристикой персонажа. В тексте романа-эпопеи 550 персонажей, Л.Н. Толстой хотел описать свое видение жизни и свое понимание особенностей мировоззрения людей разных социальных слоев российского общества в переломный момент истории, поэтому в тексте «Войны и мира» много словоупотреблений лексемы *миръ* в значении ‘восприятие окружающей действительности человеком’. Однако если мы обратимся к словарю Живого великорусского языка В.И. Даля, то увидим, что данное значение лексемы *миръ* не зафиксировано в словаре. В качестве первого значения слова *миръ* В.И. Даль упоминает ‘вселенная’. Л.Н. Толстой при описании восприятия мира героем романа-эпопеи использовал переносное значение лексемы *миръ* ‘вселенная’. Для писателя мировосприятие каждого человека индивидуально, на это влияют воспитание, образование, вера в Бога, социальная среда, поэтому герои романа-эпопеи по-разному воспринимают происходящие события, каждый — в соответствии со своим внутренним миром. В этом же значении использовал слово *миръ* поэт-дипломат Ф.И. Тютчев в стихотворении «Silentium»: «*Лишь жить въ себя умъй: Есть цѣлый миръ въ душѣ твоей Таинственно — волшебныхъ думъ...*»²⁴.

Шенграбенское сражение — это первый этап борьбы русской армии против объединенного войска европейской армии Наполеона. Наши солдаты и офицеры сражались героически, сохраняя верность присяге союзникам.

Л.Н. Толстой, защищавший Севастополь во время Крымской войны, знал о том, что такое война из личного опыта, поэтому он сумел описать в деталях восприятие боя глазами воюющего офицера.

**«Война и мир»
(современная орфография)**

«Из-за оглушающих со всех сторон звуков своих орудий, из-за свиста и ударов снарядов неприятелей, из-за вида вспотевшей, раскрасневшейся, торопящейся около орудий прислуги, из-за вида крови людей и лошадей, из-за вида дымков неприятеля на той стороне (после которых всякий раз прилетало ядро и било в землю, в человека, в орудие или в лошадь), — из-за вида этих предметов *у него в голове установился свой фантастический мир, который составлял его наслаждение в эту минуту*»²⁵.

«Guerra y paz»

«En medio del fragor de los cañones, de los silbidos de los proyectiles, de la vista de los sirvientes, cubiertos de sudor y enrojados o que se afanaban junto a las piezas, de la sangre de los hombres y de caballos, del humo de los franceses frente a ellos (después de cada nubecilla de humo de los franceses frente a ellos (después de cada nubecilla de humo, un proyectil se incrustaba en el suelo o hería a un soldado o a un caballo), en medio de todo esto, *en la mente de Tushin surgio un mundo particular, fantástico, que le proporcionaba placer*»²⁶.

²⁴ Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/45928/silentium> (дата обращения: 23.07.2023).

²⁵ Толстой Л.Н. Полное собрание 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого 1928–1958 гг. Война и мир. М.: Художественная литература, 1937. Т. 9. С. 235.

²⁶ Tolstói L. Guerra y paz. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008. Vol. II. P. 297.

В испанском переводе дан дословный перевод: «свой фантастический мир»/«un mundo particular, fantástico».

Л.Н. Толстой вводит образы-символы: пушку артиллерист ласково называет *Матвеевна* — обращение к женщине, принятое у крестьян; своего помощника по второму орудию он именует *дядя* (невольно вспоминаются строки М.Ю. Лермонтова из стихотворения «Бородино»: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»); себя капитан Тушин воспринимает как *русского богатыря* (кстати, в стихотворении Лермонтова есть упоминание о богатырях («—Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя: Богатыри — не вы!»)). Испанским переводчикам удалось дословно перевести этот фрагмент романа-эпопеи.

«Война и мир»

«Ну-ка, наша Матвеевна», — говорил он про себя. *Матвеевной представлялась в его воображении большая крайняя, старинного литья пушка.* Муравьями представлялись ему французы около своих орудий. Красавец и пьяница *первый номер второго орудия в его мире был дядя;* Тушин чаще других смотрел на него и радовался на каждое его движение... *Сам он представлялся себе огромного роста, мощным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра»*²⁷.

«Guerra y paz»

«Venga, *Matveievna*», se decía. *En su imaginación, Matveevna era el gran canon de fundición antigua,* emplazado el externo. Los franceses, junto a sus piezas, se le figuraban hormigas. *El número uno del segundo canon,* un muchacho arrogante muy dado a la bebida, *era en su imaginación el tío;* Tushin lo miraba con más frecuencia que a los otros, y cada movimiento suyo lo regocijaba... *El mismo se imaginaba ser un hombre poderoso, de enorme estatura, que lanzaba con ambas manos proyectiles contra los franceses»*²⁸.

Интересный вопрос, насколько в «картине мира» Андрея Болконского или Пьера Безухова, Наташи Ростовой, Марьи Болконской отражаются характерные особенности «русской картины мира» дворян первой четверти девятнадцатого века? Об этом размышлял философ И.А. Ильин: «Толстой правильно воспринимает русского, но лишь русского человека природы, лишь русского человека инстинкта в его буднях. Можно и так сказать: Толстой, вероятно, если не наверняка, видел и другого русского, описанного Достоевским; и уже по одному этому должен был видеть и понимать, что он сам, Лев Толстой, как человек был типом Достоевского — с его классическим надрывом духа, с его борениями, страданиями, бессилием, слезами отчаяния, бездною в глубинах сердца и жаждою совершенства. Но сам Толстой не смог бы художественно описать себя; для это понадобился Достоевский... Таким Толстой был. Но так не творил. Как художник он не вовлекал в работу

²⁷ Толстой Л.Н. Война и миръ. Т. I. Под редакціей и с примѣчаниями П.И. Бирюкова и с примѣчаниями А.П. Апсита. М.: Изданіе товарищества Сытина, 1912. Т. 1. С. 235.

²⁸ Tolstói L. Guerra y paz. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008. Vol. I. P. 297.

всю клавиатуру своего существа, художественно он использовал в себе человека природы...» [8. С. 450–451].

Князь Андрей Болконский и граф Пьер Безухов — любимые герои писателя. Их объединяло желание жить осмысленно, понимая ход исторических событий и роль России в них, оба желали определить свое место в мире. Пьер воспринимал князя Андрея мудрее и опытнее, чем он сам. Л.Н. Толстой пишет о том, что после разговора на пароме во *внутреннем мире* князя Андрея произошли перемены.

«Война и мир»

Свидание с Пьером было для князя Андрея эпохой, с которой началась хотя во внешности и та же самая, *но во внутреннем мире его новая жизнь*²⁹.

«Guerra y paz»

«El encuentro con Pierre marcó una época a partir de la cual comenzó para el príncipe Andrey *una vida interior nueva*, a pesar de que la externa siguiera siendo la misma»³⁰.

В испанском переводе отсутствует дословное воспроизведение словосочетания *внутренний мир* вместо него у переводчиков — *una vida interior nueva* / *новая внутренняя жизнь*, но, в целом, смысл передан верно. В старой русской орфографии использовано слово *миръ* в переносном значении: «Свиданіе съ Пьеромъ было для князя Андрея эпохой, съ которой началась хотя во внѣшности и та же самая, *но во внутреннемъ миръ его новая жизнь*»³¹.

Индивидуальная «картина мира» Пьера Безухова

Мировосприятие постоянно сомневающегося, совершающего ошибки и исправляющего их графа Пьера Безухова — сложное и противоречивое, отчасти это мировосприятие самого Л.Н. Толстого в тот период.

«Война и мир»

«— Вы говорите, что не можете видеть царства добра и правды на земле. И я не видал его и его нельзя видеть, ежели смотреть на нашу жизнь как на конец всего. На *земле*, именно на этой земле (Пьер указал в поле), нет правды — всё ложь и зло; но *в мире, во всем мире есть царство правды, и мы теперь дети земли, а вечно дети всего мира*.

«Guerra y paz»

«—Dice usted que no puede ver el reino del bien y de la verdad en la tierra. Tampoco lo veía yo antes. No se le puede ver si se considera nuestra vida como el fin de todo. En la tierra, en esta tierra — dijo Pierre señalando a los campos — no existe la verdad. No hay más que maldad y mentira. *Pero en el mundo, en todo el mundo, existe el reino de la verdad*.

²⁹ Толстой Л.Н. Война и миръ. Под редакціей и с примѣчаніями П.И. Бирюкова и с примѣчаніями А.П. Апсита. М.: Изданіе товарищества Сытина, 1912. Т. 1. С. 118.

³⁰ Tolstói L. Guerra y paz. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008. Vol. I. P. 578.

³¹ Толстой Л.Н. Война и миръ. Под редакціей и с примѣчаніями П.И. Бирюкова и с примѣчаніями А.П. Апсита. М.: Изданіе товарищества Сытина, 1912. Т. 1. С. 365.

Разве я не чувствую в своей душе, что я составляю часть этого огромного, гармонического целого? Разве я не чувствую, что я в этом огромном бесчисленном количестве существ, **в которых проявляется Божество**, — высшая сила, как хотите, — что я составлю одно звено, одну ступень от низших существ к высшим? Ежели я вижу, ясно вижу эту лестницу, которая ведет от растения к человеку, то отчего же я предположу, что эта лестница прерывается со мною, а не ведет дальше и дальше? Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, как ничто не исчезает в мире, но что я всегда буду и всегда был. Я чувствую, что кроме меня надо мной живут духи и **что в этом мире есть правда**»³².

Мы разделяем мнение С.Г. Бочарова, М.М. Дунаева, которые считали, что размышления Пьера были следствием его увлечений философией Гердера, пантеизмом и влиянием масона Баздеева. В ответ на этот монолог Пьера князь Андрей отвечает, что изложенные Пьером мысли — это «теория Гердера». П. Безухов продолжает галерею образов русской литературы — «русских европейцев», увлекавшихся в девятнадцатом веке западно-европейскими идейными течениями и восточной философией. В отличие от Пьера, князь Андрей, воспитанный отцом, князем Николаем Андреевичем Болконским, в духе служения Отечеству, защищенный молитвой его сестры княгини Марьи от всяких бед, хотя и увлекся идеями атеизма и пантеизма, все-таки не принял них, отверг, пусть и в последние дни жизни.

Пьер, проживший годы детства и юности вне семьи, вне России, был предоставлен сам себе, он был ничем не защищен и не предохранен от опасных идей западной философии девятнадцатого века, поэтому он совершает много жизненных ошибок. Судьба Пьера — это отчасти и судьба юного Л.Н. Толстого, прошедшего тот же путь. Д.С. Мирский писал: «...оба его главных героя, князь Андрей и Пьер Безухов, являются его (*Толстого — примеч. автора статьи*) транспозицией» [14. С. 452].

В цитируемом выше фрагменте из романа-эпопеи «Войны и мир» и в переводе на испанский язык обратим внимание на предложение **«в которых проявляется Божество»** / **«en que se manifiesta la divinidad»** / **«в которых проявляется божественное»**. Не первый раз в романах Л.Н. Толстого мы встречаем слово *Божество*, обратим внимание на тот факт, что православный

³² Толстой Л.Н. Война и миръ. Под редакціей и с примѣчаниями П.И. Бирюкова и с примѣчаниями А.П. Апсита. М.: Изданіе товарищества Сытина, 1912. Т. 1. С. 117.

³³ Tolstói L. Querra y paz. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008. Vol. I. P. 576.

верующий так не скажет. Известно, что Л.Н. Толстой увлекался не только идеями французских философов, но и восточными верованиями. В индуизме, буддизме есть понятие «Божество», в православии — Бог. Это свидетельствует о том, что автор, наделил своего персонажа, своими собственными размышлениями об устройстве мира, которые были основаны на синтезе европейских и восточных философских учений. Как известно, позднее Русская Православная Церковь осудит Л.Н. Толстого за его религиозные взгляды. По мнению Е.Ю. Полтавец, «Война и мир» уже содержит идеи выработанного Толстым учения и то понимание христианства и буддизма, которое развивалось и отшлифовывалось Толстым до конца его дней» [4. С. 4]. На это обращали внимание еще первые исследователи творчества писателя. Так, в 1911 году в пособии В. Саводника для старших классов средних учебных заведений под названием «Очерки по истории русской литературы XIX века» (1911) читаем: «Правде, его религиозные и философские взгляды вызывают против себя с разных сторон многочисленные возражения, но как художник Толстой признается всеми в качестве одного из величайших мировых писателей» [4. С. 5].

Цитируемый фрагмент в орфографии толстовского времени выглядит так: «Вы говорите, что не можете видѣть царства добра и правды на землѣ. И я не видалъ его и его нельзя видѣть, ежели смотрѣть на нашу жизнь какъ на конецъ всего. **На землѣ, именно на этой землѣ (Пьеръ указалъ въ поле), нѣтъ правды** — все ложь и зло; **но въ мѣрѣ, во всемъ мѣрѣ есть царство правды, и мы теперь дѣти земли, а вѣчно дѣти всего мѣра**. Развѣ я не чувствую въ своей душѣ, что я составляю часть этого огромнаго гармоническаго цѣлаго. Развѣ я не чувствую, что я въ этомъ огромномъ безчисленномъ количествѣ существъ, **въ которомъ проявляется Божество**, — высшая сила, какъ хотите, — что я составляю одно звено, одну ступень отъ низшихъ существъ къ высшимъ. Ежели я вижу, ясно вижу эту лѣстницу, которая ведетъ отъ растенія къ человѣку, то отчего же я предположу, что эта лѣстница прерывается со мною, а не ведетъ дальше и дальше. Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, **какъ ничто не исчезаетъ въ мѣрѣ**, но что я всегда буду и всегда былъ. Я чувствую, что, кромѣ меня, надо мной живутъ духи и что **въ этомъ мѣрѣ есть правда**»³⁴.

Слово *мир* в современном тексте «Войны и мира» и слово *мѣрѣ* и его словоформы в дореформенной орфографии в этом фрагменте романа-эпопеи использованы в значении ЛСВ1 'вселенная'. Еще один ЛСВ полисемантического слова *мир* возможно понять из другого контекста: «**Пьер чувствовал эти различные на себя воззрения различных миров** и спешил каждому дать ожидаемое»³⁵. Поясним ситуацию: Пьера Ростовы любили. Когда

³⁴ Толстой Л.Н. Война и миръ. Под редакціей и с примѣчаніями П.И. Бирюкова и с примѣчаніями А.П. Апсита. М.: Изданіе товарищества Сытина, 1912. Т. 1. С. 364–365.

³⁵ Толстой Л.Н. Полное собрание 90-томнаго собрания сочинений Льва Николаевича Толстого 1928–1958 гг. Война и мир. М.: Художественная литература, 1937. Т. 9. С. 275.

он вошел в зал, то почувствовал, обращенные к нему ожидающие взгляды различных людей, особенно пожилых женщин, которые ждали момент вручения подарков.

В переводе романа-эпопеи на испанский язык читаем: «*Pierre sentía esperanzas que se fundaban en su persona, y se apresuro a dar a cada cual lo que esperaba*»³⁶ / «*Пьер ощущал надежду, которая возлагалась на него разными людьми, и спешил каждому дать ожидаемое*» (перевод автора статьи). Как мы видим, переводчиками смысл написанного Л.Н. Толстым передан верно, но нет дословного перевода, нет эквивалента к слову *воззрения миров*.

Философский сон Пьера — продолжение размышлений и самого автора произведения, и его героя Пьера Безухова об устройстве мира. Обращает на себя внимание интересный факт, что писатель вводит в текст описания сна не слово «*мир*», а иностранное «**ГЛОБУС**» — 1) *шар, круглое тело*, 2) *земной шар*. Слово, заимствованное из латинского в конце XVII века, возможно, пришло в русский язык через немецкий язык. Во сне Пьера урок ему преподает учитель-швейцарец — носитель западноевропейской культуры. Мироззрение Л.Н. Толстого, как мы уже отмечали, формировалось под влиянием западноевропейской философии Ж.-Ж. Руссо, Гердера, восточных религиозных учений — индуизма и даосизма. Во сне Пьера метафорически описаны все. Вот что об этом писал профессор М. Дунаев: «Хотя в пору создания «Войны и мира» Толстой и признавал значимость Евангелия в жизни людей (эти свидетельства далее будут приведены), тем не менее, можно усомниться в том, что он принимал христианское миропонимание во всей полноте» [7. С. 219].

Обратим внимание на художественные детали. Кто учитель Пьера? «Кроткий старичок учитель» из Швейцарии. Читатель сразу замечает иронию автора, так как педагог совсем не кроток, он грубо ругается на своего ученика. Если бы в роли наставника выступал бы православный учитель, то такое ругательство было бы просто недопустимо. Необычен и вызывает множество вопросов образ глобуса-шара. Профессор М. Дунаев писал: «Уже сам образ глобуса-шара, состоящего из множества то обособляющихся, то сливающихся друг с другом капель, настораживает, во-первых, отсутствием объединяющего всех начала взаимной любви, но наличием скорее эгоистической вражды между ними (в лучшем случае, взаимного равнодушия); во-вторых, допущением обезличивания составляющих вселенную *миров*). Ибо личность, ипостась, в христианском понимании — неслиянна, при нераздельности, с другими личностями. А у Толстого иначе... Противоположностное начало, присутствующее в этой модели, проявлено также в указании на уничтожение, исчезновение капель-миров с поверхности шара и новое появление

³⁶ Tolstói L. Querra y paz. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008. Vol. I. P. 829.

их из глубины. Здесь, кажется, обозначена, пусть и смутно, идея перевоплощения душ. Толстого эта идея всегда занимала, он тяготел к ней» [7. С. 219]. Приведем цитату из романа-эпопеи Л.Н. Толстого и почти дословный перевод на испанский язык.

«Война и мир»

«Каратаев!» — вспомнилось Пьеру. «И вдруг Пьеру представился как живой, *давно забытый, кроткий старичок учитель, который в Швейцарии преподавал Пьеру географию*. — «Постой», — сказал старичок. И он показал Пьеру глобус. *Глобус этот был живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров*. Вся поверхность шара состояла из капель, плотно сжатых между собой. И капли все эти двигались, перемещались и то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею. — *Вот жизнь, — сказал старичок учитель. «Как это просто и ясно, — подумал Пьер. — Как я мог не знать этого прежде»*. — *В середине Бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отразить его. И растет, и сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает*. Вот он Каратаев, вот разлился и исчез. — Vous avez compris, mon enfant, — сказал учитель. — Vous avez compris, sacre nom, — закричал голос, и Пьер проснулся»³⁷.

«Guerra y paz»

«Karataiev!», — recuerdo Pierre. De pronto se presento a su imaginacion un viejecito olvidado por el desde hacia mucho tiempo *que habia sido su professor de Geografia en Suiza. Era una esfera vacilante, dotada de vida y sin dimenciones. La superficie se componia de gotas muy apretadas entre si*. Todas aquellas gotas se movian, se trasladaban de un lugar a otro y tan pronto se unian unas cuantas formando una sola como se dividia en muchas. Cada gota tendia a extenderse, a apoderarse de la mayor cantidad de espacio possible, pero otras, que tendian a lo mismo, la apretaban, la englobaban y se confundian con ella. *«Esa es la vida», — dijo el viejecito*. «Que sencillo y que claro es esto! — penso Pierre. — Como es possible que no lo haya comprendido antes?» *«Dios esta en el centro y cada una de esas gotas tiende a dilatarse para reflejarlo en mayores dimensiones. Crece, se une, se aprieta, desaparece en la superficie, se va al fondo y surge de nuevo*. Karataiev se ha dilatado y ha desaparecio. — Vous avez compris, mon enfant, — dijo el professor. — Vous avez compris, sacre nom, — grito una voz. Pierre se desperto»³⁸.

«Каратаев!» вспомнилось Пьеру. И вдруг представился, как живой, давно забытый *кроткий старичок учитель, который в Швейцарии преподавал Пьеру географию*. «Постой, сказала старичок, и он показал Пьеру глобус. Глобус этот был живой, колеблющийся шар, не имѣющий размѣровъ. Вся поверхность шара состояла изъ капель, плотно сжатыхъ между собой. И капли эти все двигались, перемѣщались и то сливались изъ нѣсколькихъ въ одну, то из одной раздѣлялись на многія. Каждая капля стремилась

³⁷ Толстой Л.Н. Полное собрание 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого 1928–1958 гг. Война и мир. М.: Художественная литература, 1937. Т. 4. С. 213.

³⁸ Tolstói L. Guerra y paz. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008. Vol. II. P. 690.

разлиться, захватить наибольшее пространство, но другія, стремясь къ тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею.

— Вотъ жизнь, — сказал старичокъ учитель. «Какъ это просто и ясно», подумал Пьеръ. «Какъ я могъ не знать этого прежде». — ***Въ серединѣ Богъ, и каждая капля стремится расширяться, чтобы въ наибольшии размѣрахъ отразить Его. И растетъ, и сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходитъ въ глубину и опять всплываетъ.*** Вотъ онъ Каратаевъ, вотъ разлился и исчезъ. *Vous avez compris, mon enfant,* — сказалъ учитель. — *Vous avez compris, sacre nom,* — закричалъ голосъ, и Пьеръ проснулся³⁹.

Мир — в значении внутренний мир человека, духовная жизнь

Духовный мир Наташи Ростовой — совершенно иной, чем у Пьера Безухова или князя Андрея. Она росла в традиционной православной семье, отличающейся гостеприимством, добротой, любовью к своим близким, желанием оказать помощь другим, если это необходимо. Л.Н. Толстой наделяет Наташу сильным характером, удивительной энергией жизни, чистотой восприятия людей и мира, добротой и милосердием. Благодаря этим чертам характера, она сумела вернуть князю Андрею оптимистичное восприятие жизни после тяжелых потрясений. Л.Н. Толстой пишет об этом:

«Война и мир»

«Князь Андрей чувствовал в Наташе присутствие ***совершенно чуждого для него, особенного мира,*** преисполненного каких-то неизвестных ему радостей, ***того чуждого мира, который*** еще тогда, в отрадненской аллее и на окне, в лунную ночь, ***так дразнил его. Теперь этот мир уже более не дразнил его, не был чуждый мир;*** но он сам, вступив в него, находил в нем новое для себя наслаждение⁴⁰.

«Guerra y paz»

«El príncipe Andrey sintio en Natasha ***la precencia de un mundo particular rebosante de alegrías desconocidas*** para el que ya lo habia existido en la aldea y en la Ventana de Otradnoie aquella noche de luna. ***Ahora ese mundo ya no le excitaba ni le era ajeno;*** al entrar en el habla encontrando un nuevo placer⁴¹».

«Князь Андрей чувствовалъ в Наташъ присутствіе совершенно чуждаго для него, особеннаго міра, который его тогда, въ Отрадненской алле (ять) и на окн (ять), въ лунную ночь, такъ дразнилъ его. Теперь этотъ міръ уже бол (ять) е не дразнилъ его, но былъ чуждый міръ; но он самъ, вступивъ въ него, находилъ въ немъ новое для себя наслажденіе⁴²».

³⁹ Tolstói L. Guerra y paz. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008. Vol. I. P. 158.

⁴⁰ Толстой Л.Н. Война и миръ. Т. I. Под редакціей и с примѣчаніями П.И. Бирюкова и с примѣчаніями А.П. Апсита. М.: Изданіе товарищества Сытина, 1912. Т. 1. С. 211.

⁴¹ Tolstói L. Guerra y paz. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008. Vol. I. P. 688.

⁴² Толстой Л.Н. Война и миръ. Т. I. Под редакціей и с примѣчаніями П.И. Бирюкова и с примѣчаніями А.П. Апсита. М.: Изданіе товарищества Сытина, 1912. Т. 3. С. 48.

«Особенный мир» Наташи Ростовой зиждется на любви. «Очерствевшему» от пережитых потрясений князю Андрею поначалу мысль о том, что «надо жить, надо любить, надо верить» была чужда, но после встречи с Наташей Ростовой он почувствовал радость жизни. Отметим, что при переводе на испанский утрачено определение *совершенно чуждого для него* в начале цитируемого фрагмента, за исключением этого словосочетания, перевод — точный. Однако для Л.Н. Толстого важно было дважды повторить прилагательное — *чуждый*, но в разных контекстах. Сначала «мир» Наташи Ростовой, преисполненный любви и радости жизни, был чужд князю Андрею, пребывающему в унынии, но потом, благодаря Наташе, он сам стал воспринимать мир иначе, более оптимистично. В тексте романа-эпопеи 1912 года в значении «особенный мир» Наташи Ростовой мы вновь встречаем слово *миръ*.

Герои и особенно героини романа-эпопеи Л.Н. Толстого размышляют о вере, о христианских ценностях, поэтому необходимо пояснить, какие значения имеет слово *мир* в православных книгах. «Следует иметь в виду, — отмечает профессор М.С. Иванов, — что слово «мир» в христианской терминологии имеет четыре различных значения: 1) сотворенная Богом вселенная, 2) благодатный покой в душе человека, 3) отсутствие вражды между людьми, народами и государствами, 4) царство греха на земле, человеческая греховность. Четвертое значение рассматриваемого нами слова, не употребляющееся в миру, мы часто находим в святоотеческой, аскетической и других видах церковной литературы» [7. С. 218].

Графиня Наташа Ростова и княжна Марья Болконская, по замыслу автора, оказываются чрезвычайно сильными духом, в трудных житейских обстоятельствах и в жизненных невзгодах они спасают свои семьи молитвой и действенными поступками. Княжна Марья ухаживает за умирающим отцом, помогает воспитывать сына князя Андрея и княжны Лизы — Николая, Наташа отдает подводы, чтобы перевезти раненых, позднее помогает матери пережить смерть Пети. Эти женщины, по замыслу Л.Н. Толстого, становятся в романе носительницами традиционных духовных ценностей русского общества.

Мысли о мире Наташи Ростовой во время молитвы в церкви Разумовских и мысли Пьера Безухова, изложенные Л.Н. Толстым в сне героя романа о глобусе, отражают два «мировоззренческих полюса». Пьер думает о соперничестве людей, а Наташа — «о братской любви». «Дьякон вышел на амвон, выправил, широко отставив большой палец, свои длинные волосы из-под стихари и, положив на груди крест, громко и торжественно стал читать слова молитвы: — «*Миром Господу помолимся*». — «*Миром, все вместе*, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью — будем молиться», думала Наташа⁴³. В дореволюционном тексте романа-эпопеи в этом

⁴³ Толстой Л.Н. Полное собрание 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого 1928–1958 гг. Т. 9. Война и мир. М.: Художественная литература, 1937.

предложении Л.Н. Толстым использована лексема *миръ*: «Дьяконъ вышел на амвонъ, выправиль, широко отставивъ большой палець, свои длинные волосы изъ-подъ стихаря и, положивъ из груди крестъ, громко и торжественно сталь читать слова молитвы: «*Міромъ Господу помолимся!*». «*Міромъ, всѣ вмѣстѣ, без различія сословій, безъ вражды, а соединенные братскою любовью — будемъ молиться*», думала Наташа. — «О свышнемъ *миръ* и о спасеніи душъ нашихъ!» «О *миръ* ангеловъ и душъ всѣхъ безтѣлесныхъ существъ, которыя живутъ надъ нами», молилась Наташа»⁴⁴.

В испанском издании — слово *paz*: «El Diácono sabió al púlpito, se arregló los largos cabellos y, poniéndose una cruz sobre el pecho, leyó en voz alta y solemne las palabras de la siguiente oración. — *Rogemos en paz a Dios nuestro Señor. — «Recemos en paz todos juntos, sin distinción de clases y sin odios, sino unidos por un amor fraternal»*, — pensó Natasha⁴⁵. В современном издании «Войны и мира» в рассуждениях Наташи Ростовской слово «мир» использовано, согласно классификации М.С. Иванова, в значении ЛСВ1 «все вместе» и ЛСВ3 «без вражды, а соединенные братской любовью».

М.М. Дунаев считал этот фрагмент романа «Война и мир» очень важным для понимания философии Л.Н. Толстого и сути романа-эпопеи, он писал: «Суждения самого Толстого не вполне определены. Толстой говорит о Боге, но умалчивает о Христе. Он постоянно колеблется между невоцерковленным христианством и пантеизмом... Церковь призывает молиться не миром (как это понимает Наташа), но миром (курсив автора статьи). Тут, кажется, сказалось, важнейшее, что не позволяет принять мысль об идеале соборности в эпоху Толстого: соборность проявляется не просто в мире, но непременно в мире, примирении, которое есть результат действия Благодати» [7. С. 236]. М.М. Дунаев приходит к выводу о том, что: «Мирословие Толстого поэтому не вполне православное. Толстой соорудил величественное здание, но в нем разрушительному действию войны противостоит не мир Благодати Божией, но бессознательность мира как роевого единства» [7. С. 236].

Заключение

В результате проведенного исследования, мы сделали следующие заключения:

- 1) литературоведы определяют жанр «Войны и мира» как роман-эпопею, хотя сам Л.Н. Толстой называл это произведение «книгой», размышлениями, поэтому учитывая этот факт, научному сообществу следует подумать об изменении определения литературного жанра этого произведения русской классики;

⁴⁴ Толстой Л.Н. Война и миръ. Под редакцией и с примечаниями П.И. Бирюкова и с примечаниями А.П. Апсита. М.: Издание товарищества Сытина, 1912. Т. 3. С. 74–75..

⁴⁵ Tolstói L. Querra y paz. Madrid: Alianza editorial. El libro de bolsillo, 2008. Vol. II, IX, 18. P. 97.

- 2) различная графика омофонов МИРЪ и МІРЪ в русском языке до орфографической реформы 1918 года облегчала читателю поиск правильного толкования значения слова в том или ином предложении романа-эпопеи «Война и мир», изучение дореволюционных текстов романа «Войны и мир» должно быть включено в программы обучения студентов-филологов в вузах России;
- 3) после реформы 1918 года лексема МИР вобрала в себя значения слов МИРЪ и МІРЪ, а с течением времени приобрела и новые семы, читателям двадцатого, двадцать первого веков, как это ни парадоксально, стало труднее определять точное значение слова в том или ином предложении из романа-эпопеи «Война и мир», и соотносить его с замыслом писателя;
- 4) переводчикам с русского языка на испанский, желающим наиболее точно воспроизвести на испанском языке текст «Войны и мира», нужно сначала обратиться к изданиям романа-эпопеи дореволюционного времени, а потом уже к текстам современных изданий, потому что использование Л.Н. Толстым слов МИРЪ и МІРЪ является «подсказкой» для переводчика и помогает в выборе нужного слова;
- 5) анализ семантики слов МИРЪ и МІРЪ в дореволюционном издании и МИР в современных изданиях романа-эпопеи «Войны и мир» и их функционирования в этом художественном тексте способствует раскрытию идейного замысла этого сложного произведения. Реализация различных ЛСВ лексем МИРЪ и МІРЪ открывает читателю всю сложность и противоречивость мировоззрения Л.Н. Толстого.

Библиографический список

1. Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985.
2. Ильинъ И.А. О русском правописании // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. II. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1954. С. 434–438.
3. Страхов Н.Н. Война и мир. Сочинение графа Л.Н. Толстого // Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в русской критике. Л., 1989.
4. Полтавец Е.Ю. «Война и мир» Л.Н. Толстого на уроках русской литературы. М.: Дрофа, 2005.
5. Билинскис Я.С. Мир в «Войне и мире» // О творчестве Л.Н. Толстого. Л., 1959. С. 225–226.
6. Бочаров С.Г. Мир в «Войне и мире» // Вопросы литературы. 1960. № 6. С. 70–90.
7. Дунаев М.М. Православие и русская литература. Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2009.
8. Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 6, кн. III. М.: Русская книга, 1996. С. 450–451.
9. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982.
10. Новиков Л.А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значений. М.: РУДН, 2001.
11. Новиков Л.А. Развитие словесного образа в художественном тексте // Избранные труды. Т. II. Эстетические аспекты языка. Miscelanea. М.: РУДН, 2001.
12. Денисенко В.Н. Семантическое поле «изменение» в русской языковой картине мира (структурный, функциональный и когнитивный аспекты): автореферат дис. ... д-ра филол. н. М.: РУДН, 2005.
13. Оболенская Ю.А. Испанский язык во взаимодействии с другими культурами автореферат дисс. ... д-ра филол. н. М.: Издательство МГУ, 1997.

14. Мирский Д.С. История русской литературы. Новосибирск, 2005.
15. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки славянской культуры, 1997.

References

1. Bocharov, S.G. (1985). *About artistic worlds*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).
2. Ilyin, I.A. (1954). *Our tasks. Articles 1948–1954*. Vol. II. Paris. (In Russ.).
3. Strakhov, N.N. (1989). War and Peace. Essay by Count L.N. Tolstoy. In: *Roman L.N. Tolstoy "War and Peace" in Russian criticism*. Leningrad. (In Russ.).
4. Poltavets, E.Yu. (2005). *"War and Peace" by L.N. Tolstoy in Russian literature lessons*. Moscow: Drofa. (In Russ.).
5. Bilinskis, Y.S. (1959). Peace in "War and Peace". In: *About the work of L.N. Tolstoy*. Leningrad. (In Russ.).
6. Bocharov, S.G. (1960). Peace in "War and Peace". *Voprosy literatury*, 6, 70–90. (In Russ.).
7. Dunaev, M.M. (2009). *Orthodoxy and Russian literature*. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy. (In Russ.).
8. Ilyin, I.A. (1996). *Collected works in 10 vols*. Vol. 6. bk. III. Moscow: Russkaya kniga. (In Russ.).
9. Novikov, L.A. (1982). *Semantics of the Russian language*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
10. Novikov, L.A. (2001). *Selected works*. Vol. I. Problems of linguistic meanings. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
11. Novikov, L.A. (2001). *Selected works*. Vol. II. Aesthetic aspects of language. Miscelanea. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
12. Denisenko, V.N. (2005). *Semantic field "change" in the Russian linguistic picture of the world (structural, functional and cognitive aspects)* [dissertation]. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
13. Obolenskaya, Yu.A. (1997). *Spanish language in interaction with other cultures* [dissertation]. Moscow: Moscow State University publ. (In Russ.).
14. Mirsky, D.S. (2005). *History of Russian literature*. Novosibirsk. (In Russ.).
15. Stepanov, Yu.S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Чичина Марина Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76); сфера научных интересов: русистика, лингвистическая семантика; e-mail: m.chichina@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0008-1387-7975; SPIN-код: 1761-5400, AuthorID: 474699.

Information about the author:

Marina O. Chichina, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Languages, Moscow State Institute of International Relations (76, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation, 119454); Research interests: embrace Russian studies, linguistic semantics; e-mail: m.chichina@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0008-1387-7975; SPIN-code: 1761-5400, AuthorID: 474699.

ДИСКУРСИВНЫЕ И КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ DISCOURSE & CORPUS STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-174-194

EDN: EJFXLT

УДК 811.161.1'37:070

Научная статья / Research article

Проблема семантических сдвигов в современном русском языке: корпусное исследование на примере новостного медиадискурса

М.В. Беляков¹ , О.И. Максименко²

¹Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД РФ, Москва, Российская Федерация

²Государственный университет просвещения, Мытищи, Российская Федерация
 maxbel7@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема наблюдаемых семантических сдвигов в высокочастотных словах в новостном медиадискурсе русского языка, таких как *дискурс*, *парадигма*, *нарратив*. Показано, что одним из эффективных приемов исследования является корпусной анализ, для которого был создан авторский корпус на основе случайной выборки текстов новостных статей, опубликованных на портале государственного информационного агентства РИА новости за 2020–2023 гг. Динамические процессы в семантике анализируемых высокочастотных слов исследовались на материале Национального корпуса русского языка за период 2000–2019 гг. При рассмотрении полученных методом корпусного анализа результатов удалось установить, что изначально лингвистический термин *нарратив* превратился в функциональную проформу в результате семантического сдвига, произошедшего из-за разнообразия вновь приобретенных значений, т.е. произошла модификация изначального значения слова «рассказ, повествование», которая превратила употребление слова в универсальное. Классическое значение слова *парадигма*, характерное для языкознания, в публицистике не представлено, в новостном медиадискурсе оно уступило место иным коннотациям как *схема*, *модель*, *идея*, *ситуация*, которые перешли в область ядра с позиции ближней периферии. Некоторые значения представлены единично, поэтому имеют небольшую частоту (ipm). Междисциплинарный термин *дискурс* превратился в термин с расплывчатой семантикой, но, в отличие от *нарратива*, универсальной проформой не является, хотя им обозначают процессы, происходящие в различных социальных сферах. Показано, что семантический сдвиг не идентичен приросту значения слова и не определяется строго контекстуально. Следует различать понятие семантического сдвига и появление новых значений слова, так как первый фиксируется в нестандартных контекстах и демонстрируемое

© Беляков М.В., Максименко О.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

значение четкой дефиниции не поддается. В ходе работы удалось установить, что не все семантические сдвиги следует отнести к разряду ошибочных, поскольку это зависит от сферы, в который сдвиг был обнаружен. Употребление рассмотренных слов в другом значении не будет ненормативным, поскольку подвижность лексического уровня языка приводит трансформации в речи и медиадискурсе, допускающему появление текстов, стилистически близких к разговорному стилю. Таким образом, выявлен и подтвержден количественно процесс превращения выбранных для анализа слов в проформы, используемые в качестве заместителей широкого диапазона понятий.

Ключевые слова: норма, семантический сдвиг, дискурс, парадигма, нарратив, функциональная проформа

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Беляков М.В., Максименко О.И. Проблема семантических сдвигов в современном русском языке: корпусное исследование на примере новостного медиадискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 174–194. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-174-194>

The Problem of Semantic Shift in Modern Russian: Corpus Research on the Example of a News Media Discourse

M. V. Belyakov¹ , O.I. Maksimenko²

¹Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*

²State University of Education, *Mytyski, Russian Federation*

 maxbel7@yandex.ru

Abstract. This study discusses the issue of semantic shifts observed in high-frequency words, such as *discourse*, *paradigm*, *narrative*, in the news media discourse in the Russian language. It is shown that one of the effective methods of research is corpus analysis, for which an author's corpus was created based on a random sample of texts of news articles published on the portal of the state news agency RIA Novosti over 2020–2023. Dynamic processes in the semantics of the analyzed high-frequency words were studied on the material of the National Corpus of the Russian language for the period 2000–2019. When considering the results obtained by the corpus analysis method, it was found out that, being initially the linguistic term, “narrative” turned into a functional proforma as a result of a semantic shift that occurred due to the diversity of newly acquired meanings, i.e. there was a modification of the original meaning of the word ‘*story, narration*’, which made the world into the universal one. The classical meaning of the word ‘*paradigm*’, characteristic of linguistics, is not represented in journalism, in the news media discourse it has been given other connotations such as *scheme, model, idea, situation*, which have moved into the core, nuclear area from the position of the near periphery. Some values are unique, so they have a small frequency (ipm). The interdisciplinary term “discourse” has turned into a term with vague semantics, but, unlike “narrative”, it is not a universal professional form, although it denotes processes occurring in various social spheres. It is shown that the semantic shift is not identical to the increase in the meaning of the word and is not determined strictly contextually. It is necessary to distinguish between the concept of semantic shift and the appearance of new meanings of the word, since the former is fixed in non-standard contexts and the demonstrated meaning cannot be clearly

defined. In the course of the study, it was possible to establish that not all semantic shifts should be classified as erroneous, since it depends on the sphere in which the shift was detected. The use of the considered words in a different meaning is not profane, since the mobility of the lexical level of the language leads to transformations in speech and media discourse, allowing the appearance of texts stylistically close to the spoken style. Thus, we have identified and confirmed quantitatively the process of transformation of the words selected for analysis into pro-forms used as substitutes for a wide range of concepts.

Keywords: norm, semantic shift, discourse, paradigm, narrative, functional proforma

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Belyakov, M.V. & Maksimenko, O.I. (2024). The Problem of Semantic Shift in Modern Russian: Corpus Research on the Example of a News Media Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 174–194. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-174-194>

Введение

В современном языкознании вопрос о норме был и остается одним из наиболее обсуждаемых. Исследователи декларируют диаметрально противоположные точки зрения — от необходимости стандартизации языка до взглядов о полной свободе его развития, без ограничений и прескрипций.

Язык не статичен, он постоянно меняется под влиянием разнообразных факторов, как собственно лингвистических, так и внешних, включая, в том числе и способы его функционирования, в частности, в медиадискурсе. Язык новостного дискурса представляет собой особое явление, в котором, с одной стороны, наиболее заметны происходящие в языке изменения, а с другой — изменения, появляющиеся в языке СМИ, сами влияют на общелитературный язык.

Новостной медиадискурс служит релевантным источником для наблюдения и анализа происходящих в современном русском языке изменений на разных языковых уровнях, поскольку поток новостных текстов неиссякаем. Предметом данного исследования стали новостные тексты, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка за период 2000–2021 гг., и авторский корпус новостных текстов за 2021–2023 гг. Основная цель исследования состояла в выявлении частотных сдвигов в семантике русского языка за последние 20 лет, отраженных в медиадискурсе, и установлении возможных путей появления конкретных отклонений.

Материал исследования

Современный медиадискурс в целом представляет собой вербальный или поликодовый текст в событийном аспекте, существующий в рамках экстралингвистической ситуации в совокупности с прагматическими,

социокультурными, психологическими и другими факторами, реализующийся средствами массовой коммуникации. Будучи полевой структурой, медиадискурс имеет центр, где располагаются прототипные жанры, и периферию, которую составляют маргинальные жанры, отличающиеся неоднородной природой в силу своего расположения на стыке разных типов дискурса. Медиадискурс имеет опосредованный характер, т.е. между адресантом и адресатом есть дистанция — пространственная и/или временная [1]. Выделяются такие типы медиадискурса, как новостной, рекламный, промо-цийный (PR) дискурсы; информационный, аналитический, публицистический дискурсы; идентифицирующий, репрезентирующий, идеологический дискурсы [2].

Новостной медиадискурс, являясь открытым и доступным для анализа, представляет собой особый вид дискурса, реализующийся в средствах массовой коммуникации (СМИ) и пересекающийся с политическим, научным, развлекательным и другими разновидностями дискурса. Особенность новостного дискурса состоит в том, что он должен содержать информацию, которую можно считать *новостью*. А.А. Кибрик, рассматривая проблему дискурса, отмечает: «дискурсы СМИ неоднородны с точки зрения модуса: радиодискурс — устный, газетный дискурс — письменный. Тем более неоднородны дискурсы, появляющиеся в контексте СМИ, с жанровой точки зрения: здесь используется множество жанров, и при этом они не принадлежат эксклюзивно к контексту СМИ» [3].

Новостному дискурсу посвящено большое количество исследований (работы А.А. Кибрика [3], Т.А. ван Дейка [4], Т.Г. Добросклонской [5], Ю.С. Воротниковой [6], Е.А. Кожемякина [7] и др.). Т.А. ван Дейк, изучая новостной дискурс, выделил его характерные черты и композиционные особенности [4].

Говоря о специфике новостного дискурса, стоит отметить, что ранее его исследование осуществлялось с целью изучения элементов коммуникативного процесса: отправителя, получателя, канала передачи, собственно сообщения, среды коммуникации. Сегодня, когда новостной дискурс переместился в электронную медиасреду, произошли изменения в характеристиках самого дискурса, к которым относятся перемены, затронувшие авторов, каналы общения и способы организации языковых единиц [6].

Новостной дискурс обладает такими свойствами, как полимодальность, доступность, оперативность, реагирование в реальном времени, интерактивность, ко-продукция контента (автор, соавтор, комментатор, репортер, корреспондент и пр.), интерактивность, развлекательность, «национализация» содержания, информационная избыточность, интертекстуальность, использование стилистических приемов для привлечения внимания, наличие фактов и фейков, манипуляционных клише,

гиперссылок на другие статьи, авторитетность. Отдельно необходимо отметить суггестивный потенциал новостного медиадискурса как на понятийном, так и на языковом уровнях.

На языковом уровне в медийном новостном дискурсе происходит немало изменений, так, наблюдаются частотные факты употребления ряда слов/понятий, определяемые таким явлением, как семантические сдвиги как в самом нормативном значении слова, так и в коммуникативной норме его функционирования.

Синонимом «сдвига» можно считать понятие «отклонение от нормы», которое в свою очередь является антонимом к понятию «норма» [8]. Норма является некой закрепленной письменно установленной мерой. Существуют разные виды норм — грамматическая, социальная, политическая и пр., но появление сдвигов в первую очередь фиксируется как результат нарушения коммуникативной нормы, поскольку процесс коммуникации напрямую влияет на искажение речи и, впоследствии, текста, а коммуникативная норма регулирует речевое общение.

Понятие семантической нормы

Понятие семантической нормы напрямую связано с лексико-семантической нормой, т.е. данными о лексическом значении (совокупности значений) слова и связанных парадигматических и синтагматических отношениях. Существуют различные точки зрения на восприятие нарушения лексико-семантической нормы — семантического сдвига.

По мнению Ю.В. Дорофеева, под семантическим сдвигом понимается не только ошибка в употреблении того или иного слова, но и неконвенциональные употребления языковой единицы, представляющие собой «сознательные нарушения языковых правил, которые можно классифицировать, исходя из интенций говорящего». Результат — появление в высказывании дополнительного, образного смысла или полное переосмысление каких-либо его компонентов. Таким образом, нарушение семантической нормы ведет к полному или частичному непониманию текста, а также ложной или частично ошибочной его интерпретации. При возможном последующем закреплении искажения происходят изменения в языковой картине мира говорящего/читающего. Трансформационные процессы в семантике именуются лингвистами по-разному: «приращение смысла», «гиперсемантизация», «семантический сдвиг», «семантические аномалии» и др. [9].

Исследованием и систематизацией семантических сдвигов занимались Л. Блумфилд, А. Бланк, М. Бреаль, С. Ульман, А. Дармстеттер и т.д. [10]. Наиболее распространенной является типология семантических сдвигов по Андреасу Бланку [11]. В.А. Успенский в статье «Безобидны ли семантические сдвиги?»

для обозначения подмены понятий использовал термин *квипроquo* (от фр. *quiproquo* — букв. «кто вместо кого») [12]. Это понятие стоит в одном ряду с понятием «семантический сдвиг».

Процедура анализа

Новостные СМИ — это вид средств массовой информации, цель которых предоставление новостей (в широком понимании этого слова) различными способами: печатными, широкоэмитательными (телевидение, радио) электронными (интернет-источники, мессенджеры, социальные сети). Поскольку цель исследования состояла в изучении семантических сдвигов за 20 лет XXI в., внимание было акцентировано именно на новостных СМИ из-за их массовости, обилия материала и доступности для лингвистического изучения. Источником материала послужили новостные тексты основного и газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Новостные СМИ являются обширным источником информации широкого диапазона тематики, поэтому данный источник можно считать основой для изучения появления сдвигов в текстах и речи современного человека. Газетный корпус включает наибольшее количество словоупотреблений — 720 млн, представляя собой обширную базу, по которой можно проследить развитие языка за определенный период.

Для проведения исследования был задействован газетный корпус текстов в НКРЯ, состоящий из 2 частей: центральные СМИ и региональные СМИ, но поскольку база корпуса пополнялась до 2021 г., потребовалось составление дополнительного авторского корпуса новостных текстов за период 2021–2023 гг. Источником был выбран информационный ресурс «РИА Новости»¹, одно из крупнейших действующих государственных информационных агентств в России. Информация, публикуемая в этом ресурсе, проходит процедуру редактирования, что сокращает присутствие ошибок и сдвигов, тем не менее, если такие случаи фиксируются, это подтверждает наличие уже устоявшихся семантических изменений. Статьи авторского корпуса отбирались методом случайной выборки: по одной статье за каждый день в течение 2 месяцев каждого года в период 2021–2023 гг., что в итоге составило 58790 словоупотреблений, включая стоп-слова (союзы, предлоги, местоимения и т.д.).

Нужно отметить, что основная тематика статей в авторском корпусе — политика или спорт, как наиболее часто встречающаяся, и, поскольку ресурс государственный, он публикует только важные с точки зрения государства

¹ РИА-Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru> (дата обращения: 24.02.2023).

новости. В НКРЯ, напротив, статьи разнообразны, так как практически все издания газет, вышедших в то время, были системно занесены в корпус.

Известно, что частота употребления слова в тексте коррелирует с его полисемией, а именно, реализованная полисемия слова равна корню квадратному из его частоты. Данную закономерность установил Дж.К. Ципф еще в середине XX в. Таким образом, можно предположить, что, если слово активно используется в разных дискурсах и его частота, вызванная этим процессом, растет, и семантический сдвиг в значении этого слова неизбежен. Кроме того, медийный дискурс формирует своего рода моду на слова, которыми нередко становятся междисциплинарные научные термины, например: *парадигма*, *дискурс* и пр., в последнее время в это множество вошел и термин *нарратив*. Данные слова становятся своего рода «речевыми маркерами», обозначающими принадлежность говорящего к определенному социальному кругу и повышающими дискурсивный статус говорящего как человека, владеющего сложной и нередко непонятной широкой аудитории терминологией.

Целью исследования было проследить функционирование в новостном медиадискурсе высокочастотных слов *нарратив*, *дискурс*, *парадигма*, в значениях которых фиксируется семантический сдвиг. Полагаем, что следует различать понятие семантического сдвига и появление новых значений слова, т.к. первый фиксируется в нестандартных контекстах и демонстрируемое значение четкой дефиниции не поддается.

Нарратив

Понятие «нарратив» хорошо известно в гуманитарных науках — в философии, эпистемологии, психологии, социолингвистике, лингвистической теории рекламы, теории дискурса, собственно лингвистике [13], и, видимо именно по этой причине, число дефиниций данного понятия определяется с трудом [14]. Объединяющей составляющей дефиниции данного понятия можно считать представление о *нарративе*, как повествовательном тексте (в широком понимании этого слова), основной функцией которого является донесение информации реципиенту. Однако, если обратить внимание на новостной медийный дискурс первых двадцати лет XXI в., можно легко увидеть, что в значении слова/понятия/термина «нарратив» постепенно происходит смещение семантики, одной из причин которого, по нашему мнению, является значительный рост частоты употребления данного слова в медийной (и не только) среде.

К основным дефинициям этого термина относятся:

1. Понятие «рассказа», получившее статус научной категории [15].
2. Самостоятельный и популярный объект лингвистического и текстологического анализа [16. С. 59].

3. Широкое понятие, куда входят и описание событий (интродуктивный и фоновый пассажи) и объяснение событий (рассуждение говорящего по поводу происходящих событий) [17. С. 46].
4. Категория лингвистики и языкознания, означающая «письменное повествование», «рассказ»².
5. Повествование в виде устного рассказа во всем разнообразии своих проявлений: случаи из жизни, страшные и смешные истории, семейные предания, байки о знакомых и знаменитостях, рассказы о необъяснимых происшествиях, пересказы и толкования снов, чудеса, слухи, толки и даже сплетни³.
6. Повествование, изложение, описание как вид социального (коммуникативного) взаимодействия⁴.
7. Форма фиксации повествования, зачастую включенная в неповествовательные тексты⁵.

Рассматривая данные определения, можно прийти к выводу, что слово *нарратив* должно быть максимально близко по смыслу словам *повествование* и *рассказ*, поскольку этимология первого восходит к *narrare* (лат. языковой акт, рассказ). С английского и французского языков термин *narrative* также устойчиво переводится как ‘повествование’ и ‘рассказ’. Тем не менее, со значением слова *нарратив* в русском языке произошли существенные изменения. Путем проведения корпусного анализа было выявлено 297 употреблений в период 1997–2021 гг. в корпусе текстов центральных СМИ, ноль употреблений в корпусе текстов региональных СМИ и в авторском корпусе 2021–2023 гг. Из данных примеров была проведена случайная выборка 100 употреблений *нарратива*, в результате анализа было выделены значения данного слова, значительно отличающиеся от нормативной дефиниции.

По результатам поиска в НКРЯ удалось установить 18 значений понятия *нарратив*, используемого в широком диапазоне контекстов.

1. *Нарратив* как путь, политика, направление, настроение: *В Евросоюзе создана программа «Новый нарратив Европы»* (Марина Токарева. Культура над политикой. В Петербурге прошел Международный культурный форум // Новая газета, 2016.12]. *И изобретатель, и его изобретение отлично вписались в советский пропагандистский нарратив начинавшейся холодной войны* (Михаил Карпов. Двойная ампутация // lenta.ru, 2017.03).
2. *Нарратив* как история: *Они подчеркивают, что сейчас у американского правительства нет внятной «истории» — нарратива вроде того,*

² Словари онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovaronline.com> (дата обращения: 24.02.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Словари онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovaronline.com> (дата обращения: 24.02.2023).

- который использовался против Советского Союза в годы холодной войны (Пентагон испугался победы России в войне за влияние // *lenta.ru*, 2019.07).
3. *Нарратив* как повествование: *И тот, и другой — абсолютные порождения нашего времени (как, к слову, и сама обратившаяся натуральной ретроманией одержимость культуры прошедшими десятилетиями), как по подходу к нарративу, так и по проступающим сквозь сюжеты основным идеям* (Денис Рузаев. Вы и убили // *lenta.ru*, 2017.11).
  4. *Нарратив* как оформление или интерфейс. Использование слова «нарратив» в данном случае обусловлено описанием компьютерной игры не через сценарий и сюжетные линии, а через оформление интерфейса, внутреннего обеспечения. Нарратив — это компонент описания настроек и характеристик., а также геймплей, музыку, звук и текст (DTF, Электронный ресурс): *К примеру, за «Лучший нарратив» наградили захватывающий симулятор ходьбы What Remains of Edith Finch; Cuphead — за «Лучший инди-дебют» и «Лучший дизайн»; Injustice 2 — «Лучший файтинг»; лучшей мобильной игрой стала Monument Valley 2, а лучшая VR-игра — Resident Evil 7 (GT Sport даже не номинировали)* (Влад Массино. Япона вошь // *lenta.ru*, 2017.12).
  5. *Нарратив* как смысл. Нарратив отражает результат, задумку, главную мысль сказанного или написанного. Если рассматривать *нарратив* и *смысл* с этой точки зрения, можно сделать вывод о тождественности данных понятий: *«Главный нарратив работы над инсталляцией в коллаборации с Glenmorangie Signet — это энергия природной формы, движение жизни из земли, одновременно сила времени и традиций», — прокомментировал художник* (В парке Горького установят инсталляцию художника Николая Полискового // *lenta.ru*, 2016.08).
  6. *Нарратив* как сочетание норм, правил и предписаний не только личного характера, но и на уровне социума: *Это точно не было возможно для меня, потому что структуры, нарративы, модальности правды, которым была подчинена моя жизнь, не были под моим полным контролем* (Беседовала Даша Бирюкова. «Влияние Тарковского останется со мной до самой смерти» // *lenta.ru*, 2019.09).
  7. *Нарратив* как текст (классическое определение): *Аналогичный вывод можно сделать и в отношении дискурс-анализа, лингвистического анализа текстов длиной более чем в одно предложение, метода, у которого есть нечто общее с вытесненным им контент-анализом, хотя он больше концентрируется на изучении повседневной речи, вербального схематизма, литературных жанров и форм нарратива* («Не все люди существуют в одном и том же «теперь»» // *lenta.ru*, 2015.11).
  8. *Нарратив* как концепция, теория: *Он соединил воедино уфологию, теории заговоров, легенды о древних астронавтах и альтернативную историю в единый пугающий нарратив, ключевую роль*

в котором играют тайные властители человечества, зомбировавшие его и подчинившие своей воле (Михаил Карпов. Власть чешуи // lenta.ru, 2017.10).

9. *Нарратив как самосознание или менталитет: Героизм и (или) жертвенность в отношениях с соседями остаются двумя главными профилирующими характеристиками этого национального нарратива* (Беседовал Андрей Мозжухин. «Сталин был уверен в неизбежности войны» // lenta.ru, 2019.10).
10. *Нарратив как мнение или точка зрения: Нарратив относительно деградирующего поколения нарциссов, не видящих дальше своего носа, пренебрегших традиционными видами общения, «не нюхавших пороха» и живущих в слишком защищенном мире, с удовольствием подхватывают те, чья молодость прошла, старость на горизонте, а особых достижений нет* (Михаил Карпов. Расхотелось // lenta.ru, 2018.01).
11. *Нарратив как образ чего-либо: Поскольку я исследовал эту тему специально, то с уверенностью могу утверждать, что нарратив «неосоветской автократии» был в основном сформирован тремя газетами: The Wall Street Journal, The Washington Post и The New York Times* (Андрей Цыганков профессор международных отношений и политических наук Университет штата Калифорния в Сан-Франциско, эксперт клуба «Валдай». Взгляд из-за Атлантики // lenta.ru, 2016.08).
12. *Нарратив как описание чего-либо. Данное значение не тождественно предыдущему (образ), так как описание является перечислением характеристик объекта, в то время как «образ» является законченным продуктом, полной картиной: Это нарративы государственного порядка (или, например, христианизации как такого порядка)* (Михаил Карпов. «Левиафана» в России не будет никогда // lenta.ru, 2015.07).
13. *Нарратив как материал, литература, книга: В позднесоветской традиции для Рюрика не находилось места ни в научной интерпретации «Повести временных лет», ни в школьном нарративе* (Записал Алексей Сочнев. Рюриковичи мы! // lenta.ru, 2016.07).
14. *Нарратив как сценарий или сюжет: Мне самой любопытно, насколько длительным может быть интерес к такому типу нарратива* (Беседовала Дарья Крутикова. Что такое трансмедийный проект? // lenta.ru, 2019.04).
15. *Нарратив как жанр: Но они сделали настоящий скачок в этом нарративе, предположив, что само тело человека может стать оружием, что ему необязательно нести с собой ружье* (Михаил Карпов. Железный человек // lenta.ru, 2017.07).
16. *Нарратив как композиция или мелодия: Во время своей игры я сооружаю из звука нарративы, нахожу самую подходящую для помещения динамическую звуковую палитру* (Беседовал Олег Соболев. «Иногда хаос, иногда дисконформ, порой — блаженство» // lenta.ru, 2019.10).

17. *Нарратив* как рассказ: *Дипломат добавил, что «никакой нарратив» и «выдумки» Путина «не будут работать для нас»* (На Украине рассказали о борьбе с «российской пропагандой» // *lenta.ru*, 2019.12). Владимир Путин пустил по ветру корыстные западные *нарративы* о России как угасающей державе и любой сохраняющийся скептицизм по поводу его способности занять достойное место на мировой арене (WSJ: Путин заставил Запад жить по своим правилам // *Ведомости*, 2021.11.20).
18. *Нарратив* как креативность: *Но в Catalyst ее заменит Кристофер Эмгард (Christofer Emgard), директор по нарративу в DICE* (Наталья Одинцова. Стрелять нельзя, бежать // *lenta.ru*, 2015.08).

Анализируя данные значения, можно сформулировать гипотезу о взаимозаменяемости понятия *нарратив* и вариантов понятия *текст*, воспринимаемых по разным каналам передачи информации. Корпусной анализ показал, что практически любой процесс, объект или явление можно обозначить термином *нарратив*, поскольку исходное значение этого понятия — «рассказ» и «текст». Именно *смысл* и *информация* — это то, что человек воспринимает с помощью каналов связи и перцепции. Иначе говоря, семантический сдвиг в термине *нарратив* настолько существенно искажил исходное значение слова, что оно приобрело способность заменять название любого объекта или процесса, имеющего информационную значимость.

В корпусе удалось выявить такие варианты значений *нарратива*, как *креативность* (1), *оформление* или *интерфейс* (1), *самосознание* или *менталитет* (1), *композиция* или *мелодия* (2), *смысл* (2), *книга* или *материал* (2), *образ* или *представление* (3), *жанр* (4), *нормы, правила и предписания* (4), *мнение* или *точка зрения* (5), *повествование* (5), *теория и концепция* (5), *сценарий* или *сюжет* (8), *текст* (9), *рассказ* (9), *путь, политика и направление* (9), *описание* (12), *история* (16). При анализе оказалось, что количество классических словоупотреблений на 100 примеров уступает количеству словоупотреблений в других значениях. Сумма значений *рассказ*, *повествование* и *текст* составляет только 12,92 % от всех примеров в корпусе. При этом самые частотные значения *нарратива* реализованы как *история*, что составляет 8,99 % от общего числа примеров, и как *описание* (6,74 %). Минимальное количество (0,56 %) проиллюстрировано значениями: *креативность*, *оформление* или *интерфейс*, *самосознание* и *менталитет*.

Первые два примера (*креативность* и *интерфейс*) употребляются в узкоспециальных сферах, таких как программирование компьютерных игр и название профессий, поэтому они не столь частотны в новостном корпусе и их выделение потребовало проведения контекстного анализа и привлечения дополнительных терминологических источников. Стоит отметить, что даже контекстный анализ не всегда позволяет однозначно идентифицировать значение данного понятия: *А наиболее аккуратное и ровное место в этом мире — тюрьма. Картина мира тут важнее нарратива. Потому*

что повесть Стругацких — о рефлексии героя, попавшего в кошмар и обязанного не вмешиваться, не выходить за рамки своей компетенции (Марина Латышева. Час бога: в прокат выходит последний фильм Алексея Германа // РБК Дейли, 2014.02). В «Семерых психопатах» расслаивался до полураспада, не выдерживая постмодернистского калейдоскопа нарративов, кажется, уже киноязык как таковой (Сам ты мелкий // lenta.ru, 2018.02). Но Лоуч не выпячивает нарратив, отдавая предпочтение кинематографической достоверности (Денис Рузаев Игорь Игрицкий. Канны-2016. День 2. Бабло, зло и судьба рабочего // lenta.ru, 2016.05). Такие случаи выявлены в 1,69 % от общего числа примеров, что является небольшой, но существенной цифрой. В процессе анализа данных результатов была получена частота (ipm, items per million) для каждого варианта значения (Табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Частотное употребление значений слова нарратив /
Frequent use of meanings of the word narrative**

Значение / Meaning	НКРЯ / National Corpus of the Russian Language	Частота (ipm) в целом корпусе / Frequency (ipm) in the whole body
история	16	0,048
описание	12	0,036
путь, политика, направление	9	0,027
текст	9	0,027
рассказ	9	0,027
сценарий, сюжет	8	0,024
повествование	5	0,015
концепция, теория	5	0,015
мнение, точка зрения	5	0,015
сочетание норм, правил и предписаний	4	0,012
жанр	4	0,012
образ, представление	3	0,003
материал, литература, книга	2	0,006
композиция, мелодия	2	0,006
смысл	2	0,006
оформление или интерфейс	1	0,003
самосознание, менталитет	1	0,003
креативность	1	0,003

Источник: исследование авторов
Source: authors' study

Происходящее в русском языке со словом *нарратив* совпадает с ситуацией со словом *thing* в английском языке, обладающим исключительными качествами подмены. В контексте *thing* может заменить практически любой субъект, объект, действие, явление, признак и т.д., поскольку семантический сдвиг в данном слове наделил его свойствами проформы, где проформа (*pro forma*) — это тип функционального слова или выражения, способный заменить другое слово, фразу или предложение, значение которого восстанавливается средствами контекстуального анализа.

Таким образом, *нарратив* превратился в функциональную проформу в результате семантического сдвига, произошедшего из-за разнообразия вновь приобретенных значений, т.е. произошла модификация изначального значения слова «рассказ, повествование», которая превратила употребление слова в универсальное.

Дискурс

Понятие *дискурс* имеет немало дефиниций, по-прежнему вызывающих разногласия. Всё же большинство исследователей рассматривает его как связанный текст в совокупности с социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах сознания [18]. В латинском языке *discursus* — рассуждение, речь, беседа; движение познания от одного понятия к другому, как в силлогизме⁶. Современные исследования дискурса суммируют такие значения как речь, рассуждение, довод, беседа, текст, что само по себе далеко неоднозначно. В процессе корпусного анализа были выделены еще несколько значений, которые по количеству употреблений превосходили количество основных значений:

1. Текст. *Сомнительно, что можно научить аудиторию, которая не очень готова воспринимать научный дискурс, каким-то глубоким вопросам* (Гедонист с интересом. Четыре образовательных проекта, сделанные двадцатилетними. Попытка ответить на вопрос — зачем учиться // Новая газета, 2018. 07).
2. Диалог, беседа и разговор. *Я думаю, что это еще требует каких-то дискурсов, обсуждений, для нас это новая идея*, — сказал *Вятрович* (На Украине углядели «советское наследие» в Верховной Раде // lenta.ru, 2018.02).
3. Риторика. *«Вот и вся их демократия, вот их дискурс острый»*, — отметил *Шнуров* (Шнуров вступился за обиженную Собчак и написал стихотворение // lenta.ru, 2017.10).

⁶ Латинский словарь средневековых философских терминов. Режим доступа: <https://latin-philosophy-terms.slovaronline.com> дата обращения: 24.02.2023).

4. Область или сфера. *Не в дискурсе отношений власти и народа, а в дискурсе семейных историй, что, как мне кажется, является гораздо более подходящей базой для формирования здорового чувства истории вместо бесконечных споров о «сильной руке», «цене победы» и прочих абстракциях* (Михаил Карпов. «По-другому было и нельзя» // lenta.ru, 2016.12).
5. Идея или концепция. *На самом деле активисты создавали коммуны на основе революционного дискурса, который оказался более сильным и распространенным в первые годы советской власти, чем считалось ранее* (Михаил Карпов. Коммунальный рай // lenta.ru, 2017.04).
6. История. *«Другая история, «другие» герои, диссиденты и инакомыслящие исключены из официального дискурса и официального процесса передачи памяти* (Елена Дьякова. Между памятником Грозному и «Ужо тебе!» Какое же прошлое нужно нашему будущему? // Новая газета, 2017.02).
7. Путь и тема в политике. *Антиамериканская риторика в России к тому же напрямую связана с антилиберальным общественно-политическим дискурсом в целом, в рамках которого американскому универсальному либерализму противопоставляется российский национальный консерватизм* (Виктория Журавлева, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ. Чего ждать от отношений России и США // РБК, 2016.01).
8. Организация. *«Безусловно, ШОС в расширенном составе может быть более влиятельной организацией, но в то же время очевидно, что этот процесс будет небыстрым и достаточно сложным», — сказал Никонов во вторник в ходе организованного РИА Новости видеомоста «Шанхайский дискурс: ШОС в современной цивилизации»* (Процесс расширения ШОС будет долгим и сложным — эксперт // РИА Новости, 2009.06).
9. Понимание или восприятие. *Случайные прохожие склонны интерпретировать доносящиеся из окон ругательства в привычном по арабским революциям дискурсе* (Владислав Вдовин. Турецкая вера // Известия, 2013.06).
10. Класс. *Параллельно в общественный дискурс вбрасываются ростки сомнений в правильности прежнего курса* (Алена Ильиничина. По понятному сценарию // lenta.ru, 2019.04).

Суммируя полученные данные, приходим к выводу, что слово *дискурс*, функционируя в новостном медиадискурсе, имеет более трех классических значений, охватывающих разные стороны общественных отношений. Выделены 10 значений: класс (1), организация (2), история (5), понимание или восприятие (5), лекция или речь (7), диалог, беседа и разговор (9), область или сфера (12), идея или концепция (18), текст (18), путь, политики и тема (22). В НКРЯ общее количество материала по *дискурсу* за установленный период составило 399 примеров в подкорпусе центральных СМИ, а также 4 примера в подкорпусе региональных СМИ. В процессе анализа данных результатов была получена частота (ipm, items per million) для каждого варианта (Табл. 2).

**Частотное употребление значений слова дискурс /
Frequent use of meanings of the word discourse**

Значение / Meaning	НКРЯ / National Corpus of the Russian Language	Частота (ipm) в целом корпусе / Frequency (ipm) in the whole body
путь	22	0,06
текст	18	0,05
идея	18	0,06
область	12	0,03
диалог	9	0,027
риторика	7	0,021
понимание	5	0,015
история	5	0,015
организация	2	0,006
класс	1	0,003

Источник: исследование авторов
Source: authors' study

При сравнении результатов частоты употребления возможных значений слова *дискурс*, выявлено, что авторы новостных статей всё еще отдают предпочтение пониманию *дискурс=текст*, на что указывает второй ранг в частотном списке встречаемости, тогда как наибольшую частоту имеет значение *путь, политика, настроение*. По всей видимости, причина состоит в том, что *дискурс* — удобное слово для обозначения сферы деятельности или подхода к чему-либо, другой возможной причиной является потребность самопрезентации говорящего, поскольку нередко использование научных терминов с размытой семантикой «украшает» речь, поднимая статус выступающего.

Происходящий семантический сдвиг позволяет сделать вывод о смежности *дискурса* и *нарратива*, поскольку их зафиксированные контекстные значения имеют область пересечения в отношении информации и текста. Зафиксировано несколько сходных значений, таких как текст, политика, тема, история, идея, концепция, тем не менее, *нарратив* способен выступать в качестве практически универсальной проформы, тогда как *дискурс* — термин с расплывчатой семантикой, поэтому подобной способностью, по всей видимости, не обладает, хотя, как показало исследование, им можно обозначать процессы, происходящие в различных социальных сферах, например, употребление вместо словосочетания «общественная толерантность» «*официальный дискурс толерантности*» (Трампушка за Обамушкой. Выбирать президента американец будет не для нас // Новая газета, 2016.08).

Парадигма

Слово *парадигма* (от греч. образец, шаблон), до конца XX в. имевшее доминантное лингвистическое значение как система форм изменяющегося слова, как образец склонения или спряжения [19], начиная с конца нулевых годов XXI в. показывает стремительный рост частоты употребления, причем, в новостном медиадискурсе в своем первом значении не встречается. В исследуемом корпусе было выделено 11 значений слова *парадигма*:

1. Система или схема: *Семья готовила к детскому саду, сад — к школе, школа — к профессиональному лицу и вузу. Это была государственная парадигма. Но на определенной ступени развития общества она перестала работать и не устраивала ни родителей, ни педагогов, ни производителей* (Елена Дмитриева. Этапы трудной учебы // «Красноярский рабочий», 2003).
2. Идея, концепция и политика: *«Я полагаю, что сила нашей Церкви заключается в способности сохранять веру, безупречную христианскую нравственную парадигму, передавая ее из поколения в поколение», — заключил местоблюститель патриаршего престола* (Митрополит Кирилл против реформ церкви // РИА Новости, 2008.12).
3. Модель: *Алюминиевые картер, блок и головка цилиндров повышенной прочности, смещенный коленвал, бесшумная цепь привода распредвала и прочие высокотехнологичные решения, безусловно, обеспечивают актуальность этих движков на нынешнем этапе, однако они весьма слабо вписываются в контекст новой парадигмы KIA* (Михаил Калинин. Тест-драйв KIA Seed: европейский стайлга // Комсомольская правда, 2012.07).
4. Ситуация или время: *Мы должны подумать, что мы можем предъявить миру, когда парадигма изменится* (Евгений Беляков, спец. корр. Давос (Швейцария). Дмитрий Медведев: «Мы должны думать, каким образом Россия будет кормить мир» // Комсомольская правда, 2013.01).
5. Направление или течение: *Сабурову религиозно-философская постановка вопроса, конечно, не близка, но его интуиция относительно историсофского функционала поэзии и поэтов перекликается именно с такой философской парадигмой* (Владислав Кулаков. Человек эпохи возражения // lenta.ru, 2016.02).
6. Шаблон: *Смена парадигмы. Граждане — это «гражданское население», балласт, обуза* (Смена парадигмы. Граждане — это «гражданское население», балласт, обуза // Новая газета, 2016.10).
7. Мир: *Но если мы собираемся жить в западной парадигме, то мы обязаны это принять* (Россия не может ограничиться своей территорией — Михаил Хазин // РБК Daily, 2005.02).
8. Школа или учение: *Местные власти, образовательные администраторы, как правило, — адепты старой парадигмы* (Лев Любимов. Проектируя будущее // Известия, 2012.10).

9. Сторона: *Начнем мыслить в другой парадигме, и все начнет налаживаться* (Дмитрий Дробницкий. Вся сетевая конница, вся иммигрантская рать... // Известия, 2013.06).
10. История: *«Национальную гордость» следует искать не в парадигмах имперского прошлого, а в интеллектуальных прорывах настоящего, которые остаются по большей части незамеченными* (Николай Усков, руководитель проекта «Сноб». Николай Усков, «Сноб»: Зачем мы дали премию Pussy Riot // РБК Дейли, 2012.09).
11. Теория: *Успех реализации стандартов начального общего образования в большей степени зависит от учителя, ведь решающим фактором будет готовность учителя начальных классов при организации образовательного процесса перейти от парадигмы знаний к деятельности* (Елена Увижева. Начальная школа на пороге введения федеральных государственных образовательных стандартов // «Деснянская правда» (Брянский район Брянской обл.), 2011).

Семантический сдвиг в слове *парадигма* в новостном дискурсе заключается в смещении лексического значения слова к исходным понятийным корням, характерным для термина философии науки. В НКРЯ общее количество материала по слову *парадигма* составило 563 примера в подкорпусе центральных СМИ, а также 21 пример в подкорпусе региональных СМИ. По результатам анализа получена частота (ipm) для каждого варианта (Табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

**Частотное употребление значений слова парадигма /
Frequent use of meanings of the word paradigm**

Значение / Meaning	НКРЯ / National Corpus of the Russian Language	Частота (ipm) в целом корпусе / Frequency (ipm) in the whole body
система, схема	44	0,132
идея, политика	21	0,063
модель	16	0,048
ситуация	12	0,036
шаблон	9	0,018
направление	6	0,027
мир	3	0,063
сторона	1	0,003
история	1	0,003
теория	1	0,003
школа, учение	1	0,003

Источник: исследование авторов
Source: authors' study

Все выявленные в газетном подкорпусе НКРЯ расширения значения слова *парадигма* доказывают, что они образованы на основе интегральной семы, присутствующей в понятиях: *схема, шаблон, система* или *модель*, а именно, *некая структура*. При этом такая реализация понятия *парадигма* как *течение, школа, направление, история* и даже *мир*, отражает во многом философское значение этого понятия. Согласно результатам корпусного анализа, ядро семантического значения сместилось в сторону *системы* или *схемы*, поскольку они имеют наибольшую частоту, при этом к дальней периферии можно отнести значения, имеющие частоту менее 5 вхождений, как единичные примеры использования в речи определенной личности (идиолекте). Все остальные примеры составляют ближнюю периферию.

Заключение

Новостной медиадискурс, представляя собой сложное многоплановое явление, отражает современное состояние языка. Новостной медиадискурс объем и политематичен, что позволяет проводить исследование в его рамках, получая релевантные результаты. Кроме того, медиадискурс фиксирует «моду» на слова, которые становятся речевыми маркерами, обозначающими принадлежность говорящего к определенному социальному кругу и повышающими дискурсивный статус говорящего, как человека, владеющего сложной и нередко непонятной широкой аудитории терминологией. Мода как статистическое понятие указывает на типичное, наиболее часто встречающееся явление, что происходит при вхождении слов в узус разных дискурсов. Увеличение частоты употребления таких слов, вызванное этим процессом, растет, и изменения в их семантике неизбежно. Отмечено, что такое явление характерно для междисциплинарных научных терминов, например: *парадигма, дискурс* и пр., в последнее время в это множество вошел и термин *нарратив*.

При рассмотрении полученных методом корпусного анализа результатов удалось установить, что изначально лингвистический термин *нарратив* превратился в функциональную проформу в результате семантического сдвига, произошедшего из-за разнообразия вновь приобретенных значений, т.е. произошла модификация изначального значения слова «рассказ, повествование», которая превратила употребление слова в универсальное. Классическое значение слова *парадигма*, характерное также для языкознания, в публицистике не представлено, в новостном медиадискурсе оно уступило место иным коннотациям как *схема, модель, идея, ситуация*, которые перешли в область ядра с позиции ближней периферии. Некоторые значения представлены единично, поэтому имеют небольшую частоту (ipm). Междисциплинарный термин *дискурс* превратился в термин с расплывчатой семантикой, но, в отличие от *нарратива*, универсальной проформой не является, хотя им обозначают процессы, происходящие в различных социальных сферах.

Реализованная полисемия слов *дискурс*, *нарратив*, *парадигма* демонстрирует появления обобщенных значений, которые появляются в речи индивидуумов в непредсказуемых контекстах. Все эти слова в норме имеют около 5 конкретных значений, однако в ходе исследования было обнаружено, что ни у одного слова из списка в лексикографических источниках такого количества значений (потенциальной полисемии) не зафиксировано, реализуемая полисемия данных слов в практическом узусе значительно больше, что подтверждает процесс семантических сдвигов.

Полагаем, что следует различать понятие семантического сдвига и появление новых значений слова, т.к. первый фиксируется в нестандартных контекстах и демонстрируемое значение четкой дефиниции не поддается. В ходе работы удалось установить, что не все семантические сдвиги следует отнести к разряду ошибочных, поскольку это зависит от сферы, в который сдвиг был обнаружен. Употребление рассмотренных слов в другом значении не будет ненормативным, поскольку подвижность лексического уровня языка приводит трансформации в речи и медиадискурсе, допускающей появление текстов, стилистически близких к разговорному стилю. Таким образом, зафиксированные семантические сдвиги существенны для языка, поскольку отражают современное состояние языковой системы и тенденции, происходящие в ней.

Библиографический список

1. Желтухина М.Р. Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2016. Т. 14. № 3–4. С. 292–296.
2. Темникова Л.Б. К вопросу о типологии медиадискурса // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 119(05). С. 1–8.
3. Кибрик А.А. Обосновано ли понятие «дискурс СМИ»? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвузовский сб. научн. трудов, Орел, 01 июня — 01 2008 года А.Г. Пастухов (отв. ред). Вып. 6. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2008. С. 6–11.
4. Дейк ван Т.А. Анализ новостей как дискурса // Язык, познание, коммуникация. М.— Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 11–160.
5. Добросклонская Т.Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // В сборнике: Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования; Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом II Международная научнопрактическая конференция и II Международный научный семинар: сборник научных работ / под редакцией Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. 2016. С. 13–22.
6. Воротникова Ю.С. Параметры новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. научн. трудов. Орел: ОГИИК, 2006. С. 39–45.
7. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 6. № 12(86). С. 13–21.
8. Ефанова Л.Г. Категориальная семантика нормы в значениях лексических единиц // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 1(17). С. 5–13.
9. Дорофеев Ю.В. Трансформация семантики языковых единиц в тексте: функциональный подход // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. № 5. С. 48–61.

10. Сизова О.А. Причины и типы семантических изменений слова // Молодой ученый. 2022. № 24(419). С. 152–154.
11. Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change // Blank Andreas, Koch Peter. *Historical Semantics and Cognition*. Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 61–99. <https://bothonce.com/10.1515/9783110804195.61>
12. Успенский В.А. Безобидны ли семантические сдвиги? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.russ.ru/ist_sovr/20020614.html (дата обращения: 15.09.2023).
13. Labov W. *Sociolinguistic Pattern*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1973.
14. Обдалова О.А., Левашикина З.Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. № 48. С. 332–348.
15. Терёбков А.С. К вопросу о трактовке феномена нарратива в современном гуманитарном знании. Сущность и истоки // Омский научный вестник. 2012. № 3(109). С. 114–117.
16. Шилихина К.М. Иронический нарратив: особенности структуры текста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 59–63
17. Попова Т.И. Нарратив и повествование: соотношение понятий // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 2. С. 46–50.
18. Бабаян В.Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 1. С. 76–81.
19. Нордман И.Б. Сущность и содержание понятия «парадигма» в контексте парадигмального подхода // Теория и практика общественного развития. 2015. № 1. С. 35.

References

1. Zheltukhina, M.R. (2016). Media discourse. *Discourse-Pi*, 14 (3–4), 292–296. (In Russ.).
2. Temnikova, L.B. (2016). On the question of the typology of media discourse. *Scientific Journal of KubGAU*, 119(05), 1–8. (In Russ.).
3. Kibrik, A.A. (2008). Is the concept justified “media discourse”? *Genres and types of text in scientific and media discourse*, 6, 6–11. (In Russ.).
4. Deik T.A., van. (2000). Analysis of news as a discourse. In: *Language, cognition, communication*. Moscow—Blagoveshchensk: I.A. Baudouin de Courtenay BGC Publ. pp. 11–160. (In Russ.).
5. Dobrosklonskaya, T.G. (2016). News discourse as an object of media linguistic analysis. In: *The discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education*. Belgorod. pp. 13 (In Russ.).
6. Vorotnikova, Yu.S. (2006). Parameters of news discourse in electronic English-language media. In: *Genres and types of text in scientific and media discourse: proceedings*. Orel: OGIK. pp. 39–45. (In Russ.).
7. Kozhemyakin, E.A. (2010). Mass communication and media discourse: towards a research methodology. *Scientific Journal of Belgorod State University. Series of Humanities*, 6 (12(86)), 13—21. (In Russ.).
8. Efanova, L.G. (2012). Categorical semantics of the norm in the meanings of lexical units. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 1(17), 5–13. (In Russ.).
9. Dorofeev, Yu.V. (2020). Transformation of the semantics of linguistic units in the text: a functional approach. *Scientific notes of Kazan University. Humanities series*, 162(5), 48–61. (In Russ.).
10. Sizova, O.A. (2022). Causes and types of semantic changes of the word. *Young scientist*, 24, 152–154. (In Russ.).
11. Blank, A. (1999). Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change. In: Blank, A. & Koch, P. *Historical Semantics and Cognition*. Berlin—New York: Mouton de Gruyter. pp. 61–99. <https://bothonce.com/10.1515/9783110804195.61>
12. Uspensky, V.A. *Are semantic shifts harmless?* [electronic resource]. URL: http://old.russ.ru/ist_sovr/20020614.html (accessed: 09/15/2023). (In Russ.).

13. Labov, W. (1973). *Sociolinguistic Pattern*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
14. Obdalova, O.A. & Levashkina, Z.N. (2019). The concept of “narrative” as a cultural phenomenon and an object of discursive activity. *Language and culture*, 48, 332–348. (In Russ.).
15. Terebkov, A.S. (2012). On the interpretation of the phenomenon of narrative in modern humanitarian knowledge. Essence and origins. *Omsk Scientific Bulletin*, 3(109), 114–117. (In Russ.).
16. Shilikhina, K.M. (2013). Ironic narrative: features of the text structure. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 59–62. (In Russ.).
17. Popova, T.I. (2019). Narrative and narration: correlation of concepts. *Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture*, 2, 46. (In Russ.).
18. Babayan, V.N. (2017). Various approaches to the definition of the concept of “discourse” and its main characteristics. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 1, 76–81. (In Russ.).
19. Nordman, I.B. (2015). The essence and content of the concept of “paradigm” in the context of a paradigmatic. *Theory and practice of social development*, 1, 35. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Беляков Михаил Васильевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76); *сфера научных интересов*: русистика, дипломатический дискурс, компьютерная лингвистика, лингвистическая семантика; *e-mail*: m.belyakov@my.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-6230-9893. SPIN-код: 1761-5400, AuthorID: 474699.

Максименко Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики, Государственный университет просвещения (141014, Российская Федерация, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24); *сфера научных интересов*: лингвопрагматика, квантитативная лингвистика, лингвистическая семантика, системология; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6611-8744. SPIN-код: 7708-5901, AuthorID: 374818.

Information about the authors:

Mikhail V. Belyakov, Dr.Sc. in Philology (Advanced Doctorate), Professor at the Department of Russian Language, Moscow State Institute of International Relations (76, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation, 119454); *Research interests*: embrace Russian studies, diplomatic discourse, computational linguistics, linguistic semantics; *e-mail*: m.belyakov@my.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-6230-9893. SPIN-code: 1761-5400, AuthorID: 474699.

Olga I. Maksimenko, Dr.Sc. in Philology (Advanced Doctorate), Professor, Professor at the Faculty of Linguistics at State University of Education. Department of language theory, Anglistics and Applied Linguistics, State University of Education (24, Very Voloshinoy str., city of Mytishi, Moscow Region, Russian Federation, 141014); *Research interests*: embrace linguopragmatics, quantitative linguistics, linguistic semantics and systemology; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6611-8744. SPIN-code: 770-5901, AuthorID: 374818.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210

EDN: FKVAOI

UDC [811.112.2:811.111]’42:004.9

Research article / Научная статья

Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research

Alexey I. Gorozhanov¹ , Innara A. Guseynova¹ , Darya V. Stepanova² ¹Moscow State Linguistic University, *Moscow, Russian Federation*²Minsk State Linguistic University, *Minsk, Belarus* a_gorozhanov@mail.ru

Abstract. The study deals with NLP procedures on the material of the fiction texts in German and in English, which are considered as strong cultural texts. The aim of the study is to develop a model of such a technical device to process, analyze and interpret a fiction text, which would reveal the full potential of popular NLP tools within the corpus approach. The general methods used in the study are analysis and synthesis. Special methods are additionally used to solve certain specific issues: descriptive method, modelling and qualitative and quantitative analysis. The scientific novelty lies in the fact that the authors apply the crucial principles of the classical theories of text interpretation according to the latest methods and tools of the applied linguistics. As a practical result, special software has been developed, which is able to process SQL based linguistic corpora, automatically built with spaCy NLP library and Python programming language. This software can be used for a fiction text interpretation, as well as for compiling learning materials in Home Reading. It is assumed that the development of special software for strong cultural texts stimulates the search for scientific solutions and at the same time allows one to understand the essential differences that exist between natural and artificial intelligence.

Keywords: natural language processing, fiction text, linguistic corpus, F. Kafka, J. London, applied linguistics, spaCy

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Gorozhanov, A.I., Guseynova, I.A. & Stepanova, D.V. (2024). Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 195–210. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210>

© Gorozhanov A.I., Guseynova I.A., Stepanova D.V., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Обработка естественного языка и художественный текст: база для корпусного исследования

А.И. Горожанов¹ , И.А. Гусейнова¹ , Д.В. Степанова²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

²Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

 a_gorozhanov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются процедуры обработки естественного языка (NLP) на материале художественных текстов на немецком и английском языках, которые рассматриваются как сильные культурные тексты. Целью исследования является разработка модели такого инструмента обработки, анализа и интерпретации художественного текста, который раскрывал бы весь потенциал популярных инструментов NLP в рамках корпусного подхода. Общими методами, используемыми в исследовании, являются анализ и синтез. Для решения отдельных задач дополнительно применяются специальные методы: описательный метод, моделирование и качественно-количественный анализ. Научная новизна заключается в том, что авторы совмещают основополагающие принципы «классической» теории интерпретации текста и новейшие методы и инструменты прикладной лингвистики. В результате было разработано специальное программное обеспечение, способное работать с лингвистическими корпусами на основе баз данных SQL, автоматически построенными с помощью библиотеки spaCy и языка программирования Python. Созданное приложение можно использовать для интерпретации художественного текста, а также для составления учебных материалов для дисциплины «Домашнее чтение». Предполагается, что разработка специального программного обеспечения для сильных культурных текстов стимулирует поиск научных решений и в то же время позволит понять существенные различия, существующие между естественным и искусственным интеллектом.

Ключевые слова: обработка естественного языка, художественный текст, лингвистический корпус, Ф. Кафка, Дж. Лондон, прикладная лингвистика, spaCy

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Gorozhanov A.I., Guseynova I.A., Stepanova D.V. Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 195–210. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210>

Introduction

The context of this applied study is shaped by the fields of natural language processing (NLP), corpus linguistics and more widely — computational linguistics, which are often overlapping each other throughout their development or related to one other as part-to-whole [1]. In fact, today NLP and corpus linguistics are found in increasing proportion within the same research projects, as evidenced by numerous publications from high-rank scientific journals.

For example, NLP libraries can be used for *text mining* in the digital corpus of books [2]. Fonseca et al. [3] apply NLP tools along with the linguistic corpora based on the XML tagging, analyzing the genre compositional structure. The NLP

tools are also used for automated text analysis of a large corpus of journal articles. The authors come to the conclusion that *'the creation of such corpora ... can lead to more valid and reliable analysis of historical texts and thus contribute to the deeper understanding of different historical eras'* [4. P. 13].

The increasing use of NLP tools by corpus researchers is understandable. On the one hand, a linguistic corpus is a very powerful tool for language research, especially when it comes to functional comparability and identifying differences in the use of individual linguistic phenomena [5]. On the other hand, building a corpus is an extremely time-consuming task that requires a large amount of human and material resources. In addition, the linguistic corpus is not always a flexible tool. In other words, its parameters must be determined once and for all, since it is not practical to change the rules of the game at the moment when several million tokens have been staked. In this regard, there arises a natural need to build a functional linguistic corpus in a fully automatic mode, at least in order to test the parameters one has chosen and change them quickly if necessary.

An example is our previous study, in the framework of which an original corpus editor, a special grammatical corpus was built for E.M. Remarque's novel "The Night in Lisbon". The XML tagging was applied. The basic token of the corpus was a sentence, in which the presence of certain grammatical features was marked: the mood, the tense and the voice for the verbs, degrees of comparison for the adjectives, the case for the prepositions, etc. The problem was that once the text of the novel had been completely marked up, it would have been impossible to introduce a new feature without having to do all the work again, sentence by sentence [6].

A linguistic corpus, as a collection of texts, reflects the phenomenon of a certain historical period of time. However, among such texts one can distinguish the so-called *strong* and *weak* cultural texts. Strong texts have philological vitality that let them exist for centuries in different cultures [7]. The strong texts rightly refer to fiction and poetry. Weak texts exist *hic et nunc*; they translate current knowledge data. These texts contribute to the development of terminological systems, as well as the promotion of innovations and modern goods and services. In our research, we focus on strong texts of the world culture that require analysis and interpretation.

The aim of this study is to develop a model of such a technical device for the analysis and interpretation of a fiction text, which would reveal the full potential of popular NLP tools within the corpus approach.

To achieve this, it is necessary to solve the following tasks:

- 1) to describe the potential of one of the most popular NLP libraries for the fiction text processing;
- 2) to determine the *corpus parameters* of the research, i.e. to answer the question to what extent the corpus approach will be applied;
- 3) to build a model of a technical device for creating and managing a structured fiction text bank (corpus);
- 4) to develop and test a beta version of a GUI application.

The scientific novelty of the study lies in the fact that we apply the crucial principles of the classical theories of text interpretation in conjunction with the latest methods and tools of the applied linguistics.

Material and Methods

The study material can be divided into two major groups. The first group represents the linguistic material and includes the German texts of the three novels written by Franz Kafka: “The Castle”, “The Trial” and “Amerika”, and the English texts of Jack London’s series of stories “Smoke Bellew. Smoke and Shorty”. So, it is what we actually study from the linguistic point of view.

Despite of the fact that F. Kafka’s novels were written almost 100 years ago, they do not lose their relevance both in terms of the content and in terms of the linguistic material [8–10]. The work by J. London is also still of interest to many linguists and specialists in literature, who see great potential in the texts of this writer for analysis and practical use in their professional fields [11–13].

The works of F. Kafka and J. London can be rightfully ranked among the strong texts, which are able to integrate different cultural traditions of fiction. At the same time, they represent *complexity*, since the software tools for their interpretation must correspond to the uniqueness of strong texts, and *ease*, since these texts are relevant for different cultures and are aimed at integrating common knowledge among representatives of the different ethnic communities.

The second group describes several technical tools, such as Python programming language, SQLite database, PyQt GUI library and spaCy NLP library. It is through what we come to the study of the linguistic material. Today Python is a leading powerful digital tool that is used not only to solve scientific issues, but also in programming in general¹. The SQLite database can be connected to stand-alone applications, as the PyQt GUI library is a tool for creating graphical interfaces with Python to use them beyond the world wide web. The latter is very popular and is applied in many research projects [14–16].

SpaCy NLP library was released about eight years ago, and now it is a widely used toolkit for processing texts in 23 languages². The accuracy of the procedure is quite high, especially for the English language. However, there are groups of researchers who are trying to improve the accuracy of the library and compare its effectiveness with similar products: StanfordNLP, NLTK, OpenNLP, ect. [17].

The general methods used in the study are analysis and synthesis. Special methods are additionally used to solve specific individual issues: descriptive method for tasks 1 and 2, modelling for task 3 and qualitative and quantitative analysis [18] for task 4.

---

¹ See TIOBE Index for April 2023: <https://www.tiobe.com/tiobe-index>

² spaCy Models & Languages: <https://spacy.io/usage/models#languages>

Theoretical Background

The field of description and interpretation of a fiction text as a branch of the linguistics has its long tradition and is based on the works by a number of scientists. The theoretical basis of our study is formed by the works of the representatives of the Russian school of German studies: O.I. Moskalskaya, E.V. Gulyga, E.I. Shendels, L.A. Nozdrina, Y.M. Kazantseva, etc. [19. P. 90–92].

The above-mentioned researchers paid much attention to the issues related to theoretical grammar, interpretation of (fiction) texts, analysis of the elements of philosophical and grammatical concepts as text-forming categories. In the field of computational linguistics, the most important studies for us were conducted by R.K. Potapova [20] and A.V. Zubov [21]. Considering the fundamental *classics*, we simultaneously apply in our research the achievements of modern scientists from the field of corpus linguistics and NLP. Thus, we will be able to combine traditional interpretation methods with the modern software tools to achieve objective results.

In modern scientific publications dedicated to using spaCy NLP library in corpus research, as well as to processing unordered text arrays, we can highlight several areas. A large number of research projects are devoted to building ready-made software solutions using spaCy [22–25]. Usually this library is used as a software tool without making a special graphical interface, e.g., for automatic text summarization [26] or information extraction from different file formats [27]. A slightly different way is to develop the functionality of the library or to add new languages to it [28; 29]. Many researchers solve highly specialized tasks with the help of the library. So, Soni and Rambola [30] use spaCy for aspect-level sentiment analysis and opinion mining. Chantrapornchai and Tunsakul [31] present two machine learning-based methodologies used to extract particular information from full texts about restaurants, hotels, shopping, and tourism. Singh et al. [32] detect named entities from sentences written in the Punjabi language's Gurmukhi script. This list can be continued with other relevant items. Furthermore, we rely on the results of our own research in the field of corpus linguistics and text interpretation in which we aim to get a synergistic effect through a combination of precise tools and mental interpretation [33; 34].

Study and Results

To solve the first task of our study, it was necessary to understand what exactly spaCy library was able to offer for the fiction texts analysis. First of all, it should be mentioned that the library is not a ready-made software and can be used in its original form by Python programmers only. This condition makes its usage difficult for a wide range of the linguists who do not have programming skills.

The most important spaCy tools are the following: *sentencizer*, *tokenizer*, *lemmatizer* and *morphologizer*. This means that the library is able, firstly, to parse the text into sentences and tokens. Secondly, for each of the tokens the library determines a particular part of speech it refers to. And thirdly, for each token, spaCy determines its morphological attributes and their values and the initial form of the

word — a *lemma* (e.g. an infinitive for a verb or a singular nominative form for a noun, personal pronoun, ect.).

At the next stage of the study, it was necessary to understand to what extent we would use the corpus approach, and what exactly that could mean. As we have already singled out the difficulties that are associated with creating a corpus in the classical sense, that is, using manual mark-up. However, since we applied a corpus approach, we determined that the tool for studying linguistic phenomena in the fiction texts should be a linguistic corpus. As a result, we chose a linguistic corpus, created in a fully automatic way. Nevertheless, this alone did not give an understanding of what the corpus we needed would look like.

In fact, it was necessary to make a choice between two options: the XML mark-up or the SQL mark-up. The first option was convenient, because the XML database can be read by human. But in the course of our research, we came to a conclusion that the XML files were rather “bulky” and working with them was not as convenient as working with the SQL files, though the SQL data base for a novel was larger than the XML database of the same fiction work.

The structure of our SQL database as a relational database can be represented in the form of two tables: one for the sentences (Table 1).

Table 1

Database table for the sentences

	ID	Sentence number	Sentence text
Data type	integer	integer	text

And one for the tokens (Table 2).

Table 2

Database table for the tokens

	ID	Token number	Sentence number	Token text	Token part of speech	Token lemma	Token attributes and values
Data type	integer	integer	integer	text	text	text	text

The both tables are related through the sentence number, so for each token one can track its sentence. The cell TOKEN ATTRIBUTES AND VALUES deserves special attention, since the attributes and their value are listed there all at once, and not distributed between the cells. This somewhat simplified approach can be justified by the fact that different tokens can have a different number of attributes, so there cannot be the same number of cells in a row for all tokens. For example, for a verb it looks like:

Mood=Ind|Number=Sing|Person=3|Tense=Past|VerbForm=Fin

and for an adjective:

Case=Acc|Degree=Pos|Gender=Fem|Number=Sing

The pair *attribute & value* is separated by a vertical bar without spaces.

The experimental SQL databases (like all applications mentioned in this paper as our own) were generated automatically by a Python CLI application, which was developed in the Laboratory for Fundamental and Applied Issues of Virtual Education at Moscow State Linguistic University. As a basis, the TXT files of the novels were taken, which had been previously slightly formatted.

So, we opted for Python as a programming language, SQLite as a database and PyQt as a GUI library, not to mention spaCy as an NLP library. The main requirement that the corpus manager was supposed to suit was that it had to be flexible. The idea was that the developer can quickly alter it, and that related also to the graphical user interface. Here we relied on the concept of rapid application development (RAD) that *'has become a major trend in the field of software development'* [35. P. 1].

To meet these requirements the graphical shell of the corpus manager had to be developed in a separate file, as a Python class, and all programme logic was included into the main Python programme file, in which the graphical class was imported as a module. The graphical shell was created in Qt Designer, which generated Python class code automatically. From this file the developer got GUI objects names to refer to them in the main file. As a result, we were able to make changes to the graphical shell (location of objects, colours, etc.) without having to modify the main file.

Having determined the structure of the linguistic corpus and the methodology for its development, let us turn to the programming logic as a set of functions in the main file, which are expected to perform specific tasks, e.g., clear the output area or close the application.

These tasks are the following:

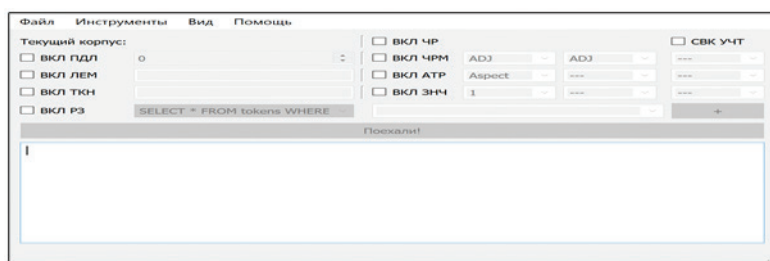
- 1) open a new linguistic corpus;
- 2) output a frequency list of all lemmas, from the most frequently used to the least frequently used;
- 3) output the given sentence in the context of several sentences;
- 4) output all sentences containing the given lemma;
- 5) output all sentences containing the given list of lemmas (e.g. 'Dorf', 'Schnee', 'kalt');
- 6) output all sentences containing the given token;
- 7) output all sentences containing the given list of tokens (e.g. 'Dorfes', 'Schnee', 'kalten');
- 8) output all sentences containing the given part of speech;
- 9) output all sentences containing the given parts of speech (up to three parts of speech);
- 10) output all sentences containing the given morphological attributes of the tokens (e.g. the tense or the person, up to three attributes);
- 11) output all sentences containing the given values of the morphological attributes of the tokens (e.g. the past tense or the 1st person, up to three values);

- 12) output all sentences after the manual request according to the SQL rules (e.g. `SELECT * FROM tokens WHERE id > 1 AND id < 30`);
- 13) complex request — output all sentences containing the given morphological attributes with the given values (up to three attribute & value pairs);
- 14) complex request — output all sentences containing the given part of speech with up to three given attribute & value pairs;
- 15) complex request — output all sentences containing the given lemma with up to three given attribute & value pairs;
- 16) complex request — output all sentences containing the given token with up to three given attribute & value pairs.

Moreover, a number of technical parameters had to be taken into account to make the interface more friendly. This mainly concerned the activation and deactivation of the GUI objects or widgets. For example, one may not press the request button until a new linguistic corpus is opened.

It was assumed that the basic language of the corpus manager would be Russian. The translation of the interface into other languages would be possible.

According to the parameters of the model we have built the following graphical shell (Figure 1):

Fig. 1. Graphical shell for the corpus manager

Source: compiled by the authors.

The menu bar is located at the top of the main window followed by the settings block with the Engage button at the bottom. Then the output area is situated. The most complex part is the settings block, which contains multiple check boxes that activate or deactivate related widgets. Other objects are Qt spin boxes, Qt combo boxes, Qt line edits, Qt push buttons and a Qt label.

To start working with the corpus manager the user must open a new linguistic corpus in the *File > Open Corpus* menu (Файл > Открыть корпус). The number of sentences and tokens in the current data base appears in the top left corner (e.g. Текущий корпус: *amerikasql.db* 4025 / 100230). Then the Engage button (Поехали!) becomes active, and a request can be launched. To output the given sentence in the context of several sentences one can switch on the sentences check box (ВКЛ ПДЛ) and input a number into the Qt spin box. The result appears in the output area. The programme is configured in such a way that the context includes five sentences before and five sentences after the given sentence.

To get the frequency list the user can click the *Tools > Frequency list* menu (Инструменты > Частотный список). For example, from “Amerika” we get the following (ten first lines are listed):

```
, : 8844
der : 6819
ich : 5593. : 3450
doublequote : 2997
und : 2476
sein : 1933
sich : 1855
haben : 1260
Karl : 1211
```

Here we see the so-called *raw sorting* according to spaCy rules, since there are also punctuation marks among the tokens. However, at position ten we notice the name of the main character Karl. All simple requests function in a similar way. The user switches on the checkbox, enters the data and gets the result. For the manual request two options for the beginning of the request text are foreseen: *SELECT * FROM sents WHERE* and *SELECT * FROM tokens WHERE*. The user needs to add the necessary parameters only. To clear the output area one should click the *View > Clear the area* menu (Вид > Очистить поле). The output area is an editable object, so the text can be easily copied from it with the hotkeys.

The complex requests are a little trickier. If one switches on a few checkboxes, enters the data into the appropriate input widgets and presses the Engage button, the programme performs all requests one by one as a simple sequence. To activate the complex request as a special procedure the corresponding checkbox in the top right corner (СБК УЧТ) must be activated. After that four options become available.

If *СБК УЧТ & ВКЛ АТР & ВКЛ ЗНЧ* are checked and other checkboxes are unchecked, the programme selects the sentences that contain tokens with the given morphological attributes and values. For example, for the request *Degree=Cmp & Case Dat* in the demo corpus, which consists of 29 sentences, one gets the following result:

```
[,Degree', ,Case'] : [,Cmp', ,Dat'] : zum (Case=Dat); Übernachten (Case=Dat); früheren
(Degree=Cmp) : 19 : „Und man muß die Erlaubnis zum Übernachten haben?“ fragte K., als
wolle er sich davon überzeugen, ob er die früheren Mitteilungen nicht vielleicht geträumt hätte.
Токенов: 3/0 (Tokens: 3/0)
Предложений: 1 (Sentences: 1)
Предложений всего: 29 (From Sentences: 29)
```

Here we receive sentence number 19 only, which includes tokens that match the request: the comparative degree (of adjective) and the dative case (of the preposition and the noun). Statistics are displayed at the end of each output. In this case it is the number of the tokens and sentences found and the total number of sentences in the corpus. 3/0 means that three tokens are found totally, but no token meets all the given parameters. Obviously, an adjective *früheren* can stay in the dative case, but in this

sentence it is used in the accusative case. Therefore, if one changes the request and inputs *Degree=Cmp* & *Case Acc*, one gets the following result:

[,Degree', ,Case'] : [,Cmp', ,Acc'] : ihre (Case=Acc); Sessel (Case=Acc); besser (Degree=Cmp)
: 12 : Die Bauern waren auch noch da, einige hatten ihre Sessel herumgedreht, um besser zu sehen und zu hören.

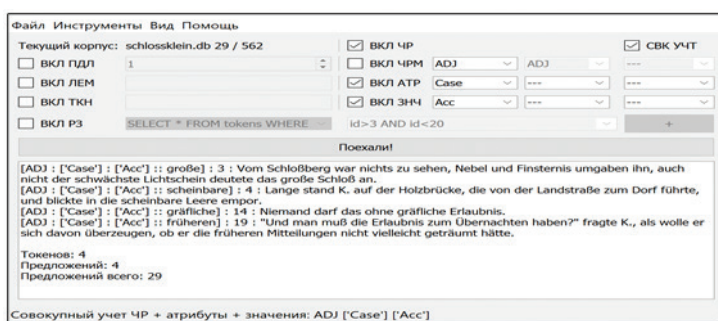
[,Degree', ,Case'] : [,Cmp', ,Acc'] : die (Case=Acc); Erlaubnis (Case=Acc); sich (Case=Acc);
die (Case=Acc); früheren (Degree=Cmp); früheren (Case=Acc); Mitteilungen (Case=Acc)
: 19 : „Und man muß die Erlaubnis zum Übernachten haben?“ fragte K., als wolle er sich davon überzeugen, ob er die früheren Mitteilungen nicht vielleicht geträumt hätte.

Токенов: 10/1 (Tokens: 10/1)

Предложений: 2 (Sentences: 2)

Предложений всего: 29 (From Sentences: 29)

This time two sentences match the parameters, and one token has *Degree=Cmp* & *Case=Acc*. The second complex request is *CBK УЧТ* & *БКЛ ЧР* & *БКЛ АТР* & *БКЛ ЗНЧ*. The checkboxes must be set as shown below (Figure 2):

Fig. 2. Output for the request *CBK УЧТ* & *БКЛ ЧР* & *БКЛ АТР* & *БКЛ ЗНЧ*

Source: compiled by the authors.

In this case only one part of speech can be selected, but all three attribute & value pairs are available. As it can be seen from our example, the programme has found sentences where the adjectives stay in the accusative.

The third and the fourth complex requests are *CBK УЧТ* & *БКЛ ЛЕМ* & *БКЛ АТР* & *БКЛ ЗНЧ* and *CBK УЧТ* & *БКЛ ТКН* & *БКЛ АТР* & *БКЛ ЗНЧ*. The difference between them and the second complex request is that instead of a part of speech, a lemma and a token are selected, and all three attribute & value pairs are also available. In the case of lemma one can find all occurrences of a word in particular forms. For example for lemma=stehen & attribute=Number & value=Sing the output can be like this:

[stehen : [,Number'] : [,Sing'] :: stand] : 4 : Lange stand K. auf der Holzbrücke, die von der Landstraße zum Dorf führte, und blickte in die scheinbare Leere empor.

[stehen : [,Number'] : [,Sing'] :: stand] : 11 : Ein junger Mann, städtisch angezogen, mit schauspielerhaftem Gesicht, die Augen schmal, die Augenbrauen stark, stand mit dem Wirt neben ihm.

In such a way one can separate homonyms from each other. For example, for the English *square* one can get the following output by the simple lemma request (J. London’s corpus):

[square] : square : 2848 : “I’m going to have a square meal before I start,” Smoke said.
 [square] : squared : 3100 : Smoke squared his shoulders and laughed non-committally.
 [square] : square : 6758 : “A square deal!”
 [square] : square : 6990 : He’s got about twenty thousand square miles of huntin’ country here all his own.
 [square] : square : 7288 : An’ he croaked one square through the chest.”

But for the request lemma=square & attribute=Tense & value=Past one gets the verb *squared* only, and for lemma=square & attribute=Degree & value=Pos the result will include three sentences with the adjectives. To get the noun the request combination should be lemma=square & attribute=Number & value=Sing, because spaCy does not assign *number* to the English adjectives.

Discussion

Thus, we have clearly stated that the GUI application operates within the given parameters. Now it is necessary to evaluate critically the benefits of the work that has been done and identify the fields, in which the created tool could be effectively applied. First of all, it may be used for the fiction texts interpretation. Let us give some examples.

Using the simple lemma request one can easily calculate the concentration of the modal verbs (*müssen, sollen, können, dürfen, wollen, mögen*) among the sentences in the given fiction work. We identify this parameter as the author’s modal *fingerpint*, because it tends to be unique for every writer. Therefore, for Kafka’s novels the concentration factor is equal to 30.7% (“The Castle”), 31.8% (“The Trial”), 31.7% (“Amerika”), that is, they are almost identical.

We can also consider the grammatical category of the person in the novel “The Castle”. The distribution between the 1st, 2nd and the 3rd person in the novel is the following (Figure 3):

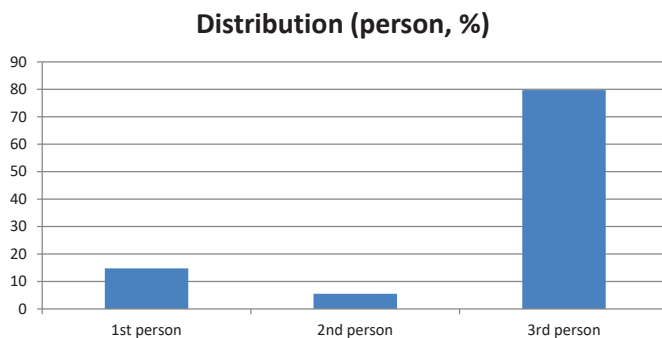

Fig. 3. Distribution between the 1st, 2nd and the 3rd person in “The Castle”
 Source: compiled by the authors.

If we hypothesize that such a distribution may influence subconsciously the reader's perception of the novel, then these data contribute to the explanation, how the idea of alienation is expressed at the linguistic level.

The distribution between the tokens in the present and in the past allows one analyze the temporary structure of a fiction text. Not to mention the fact that one can get the contexts of the author's use of the certain language units or phenomena.

To be just, let us note that the critical point of using *raw* NLP libraries is that one always has to take into account the possibility of an error, which can lay, in our opinion, up to 20 %.

An automatically generated tool can serve as a basis for more complex and advanced corpus research. If one alters slightly the proposed database structure by putting extra cells into the rows of the sentence and token tables, one could additionally mark up the corpus units, e.g., semantic or stylistic features. This would greatly enrich the analysis and open new prospects for the research.

From the point of view of linguodidactics, the proposed software may also be applied as a tool for compiling textbooks in such a complex discipline as *Home Reading*. Learning materials for it should contain various exercises, including grammatical training of certain phenomena, but based on the given fiction work text. For example, if one needs to study the construction *would + infinitive*, one can easily find sentences that contain it, applying a simple token request, and gets the following output (J. London's corpus):

[would] : would : 219 : He had not dreamed the invitation would be accepted.

[would] : would : 253 : Despite the fact that the Indian packers had jumped the freight from eight cents a pound to forty, they were swamped with the work, and it was plain that winter would catch the major portion of the outfits on the wrong side of the divide.

[would] : would : 277 : She was dressed as any woman travelling anywhere would be dressed. ect.

The most interesting is the combination of several grammatical features in one sentence. For the German grammar it may be, e.g., the reflexive verbs and indefinite pronouns ("Amerika"):

[,Reflex', ,PronType'] : [,Yes', ,Ind'] : 1575 : Wir haben ihm unser Vertrauen geschenkt, haben ihn einen ganzen Tag mit uns geschleppt, haben dadurch zumindest einen halben Tag verloren und jetzt — weil ihn dort im Hotel irgend jemand gelockt hat — verabschiedet er sich, verabschiedet sich einfach. ect.

Using various request options, the author of the learning materials can achieve the results he or she needs.

Conclusions

Let us conclude that an attempt to systematize and automate the work with linguistic corpora makes it possible to solve not only clearly defined and specific research tasks, but also opens the prospects of partial automation of the fiction texts

interpretation. The partial automation of this procedure makes it possible to solve some particular research problems of the corpus linguistics. For example, the analysis of the gender factor, realized through the systematic use of the lexical and grammatical means.

Our research has yielded positive results. We have described the potential of spaCy NLP library for the fiction texts processing. The strengths of the library are its sentencizer, tokenizer, lemmatizer and morphologizer, though an error can reach up to 20 %. The corpus parameters of the research have been determined. The language material has been organized as an SQL based linguistic corpus, what contributes to building a model of a technical device for creating and managing a structured fiction text array. Finally, we have developed and tested a beta version of a GUI application that is able to process several types of requests.

The development of special software for the fiction texts processing stimulates the search for scientific solutions and at the same time allows one to understand the essential differences that exist between natural and artificial intelligence.

References / Библиографический список

1. Tsujii, J. (2021). Natural language processing and computational linguistics. *Computational Linguistics*, 47(4), 707–727. https://doi.org/10.1162/COLI_a_00420
2. O’Neill, H., Welsh, A., Smith, D.A., Roe, G. & Terras, M. (2021). Text mining mill: Computationally detecting influence in the writings of John Stuart Mill from library records. *Digital Scholarship in the Humanities*, 36(4), 1013–1029. <https://doi.org/10.1093/lhc/fqab010>
3. Fonseca, C.A., Guelpele, M.V.C. & De Souza Netto, R.S. (2021). Representation of structured data of the text genre as a technique for automatic text processing. *Texto Livre*, 15. <https://doi.org/10.35699/1983-3652.2022.35445>
4. Szabó, M.K., Ring, O., Nagy, B., Kiss, L., Koltai, J., Berend, G. & Kmetty, Z. (2020). Exploring the dynamic changes of key concepts of the Hungarian socialist era with natural language processing methods. *Historical Methods*, 54(1), 1–13. <https://doi.org/10.1080/01615440.2020.1823289>
5. Malyuga, E.N. & McCarthy, M. (2021). “No” and “net” as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence. *Russian Journal of Linguistics*, 25(2), 391–416. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>
6. Gorozhanov, A.I. & Guseynova, I.A. (2020). Corpus analysis of the grammatical categories’ constituents in fiction texts considering the linguo-regional component. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(12), 2035–2048. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0702>. (In German).
7. Denisova, G.V. (2020). *Intertekst v sovremennoj sociokul’turnoj real’nosti Rossii i Italii*. Moscow: Kanon+. P. 272. (In Russ.).
Денисова Г.В. Интертекст в современной социокультурной реальности России и Италии. М.: Kanon+, 2020. С. 272.
8. Milne, P.W. (2022). Praescriptum: Kafka’s two bodies. *Philosophy Today*, 66(3), 587–603. <https://doi.org/10.5840/philtoday2022324451>
9. Itkin, A. (2021). Kafka’s worlds. *German Quarterly*, 94(4), 493–508. <https://doi.org/10.1111/gequ.12241>

10. Roca, J.B. & Rius, N.I. (2020). Kafka and disease. between reality and writing [Kafka y la enfermedad. Entre la realidad y la escritura] *Revista Chilena De Literatura*, 102, 233–247. <https://doi.org/10.4067/S0718-22952020000200223>
11. Logue, M. (2022). Patrick MacGill: A path to socialism shared with Jack London. [Patrick MacGill: el Camino hacia el Socialismo junto a Jack London]. *Estudios Irlandeses*, 17, 54–64. <https://doi.org/10.24162/EI2022-10645>
12. Hernandez, A. (2021). Jack London’s poetic animality and the problem of domestication. *Journal of Modern Literature*, 45(1), 40–55. <https://doi.org/10.2979/jmodelite.45.1.03>
13. López, J.I.G. (2020). Jack London, the socialist dream of a young poet. *Revista De Estudios Norteamericanos*, 24, 9–112. <https://doi.org/10.12795/REN.2020.I24.05>
14. Li, J., Lian, Z., Wu, Z., Zeng, L., Mu, L., Yuan, Y. & Ye, J. (2023). Artificial intelligence-based method for the rapid detection of fish parasites (*ichthyophthirius multifiliis*, *gyrodactylus kobayashii*, and *argulus japonicus*). *Aquaculture*, 563. <https://doi.org/10.1016/j.aquaculture.2022.738790>
15. Hachemi, A. & Zeroual, A. (2022). Computer-assisted program for water calco-carbonic equilibrium computation. *Earth Science Informatics*, 15(1), 68–704. <https://doi.org/10.1007/s12145-021-00703-5>
16. Li, W., Pu, H., & Wang, R. (2021). Sign language recognition based on computer vision. In: *Priceeding of 2021 IEEE International Conference on Artificial Intelligence and Computer Applications, ICAICA 2021*. pp. 919–922. <https://doi.org/10.1109/ICAICA52286.2021.9498024>
17. Schmitt, X., Kubler, S., Robert, J., Papadakis, M. & Letraon, Y. (2019). A replicable comparison study of NER software: StanfordNLP, NLTK, OpenNLP, SpaCy, gate. In: *Priceeding of 2019 6th International Conference on Social Networks Analysis, Management and Security, SNAMS 2019*. pp. 338–343. <https://doi.org/10.1109/SNAMS.2019.8931850>
18. Ajani, D.T. (2019). Grammatico-Semantic Content of Primitives in the Major Themes of News Watch’s Reports on Nigerian Politics. *The international journal of humanities & social studies*, 7(12), 327–337. <https://doi.org/10.24940/theijhss/2019/v7/i12/HS1912-066>
19. Kraeva, I.A. et al. (2022). *Germanistika i lingvodidaktika v Moskovskom i Minskom gosudarstvennykh lingvisticheskikh universitetakh: Istoki, razvitie, perspektivy*. (In Russ.).
Краева И.А. Германистика и лингводидактика в Московском и Минском государственных лингвистических университетах: истоки, развитие, перспективы. Казань: Бук, 2022.
20. Potapova, R.K. (2012). Diskursivnaya sostavlyayushchaya sovremennoi korpusnoi lingvistiki (primenitel’no k ustno-rechevym bazam dannykh). *Bulletin of Moscow State Linguistic University*, 639, 157–167. (In Russ.).
Потанова Р.К. Дискурсивная составляющая современной корпусной лингвистики (применительно к устно-речевым базам данных) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 639. С. 157–167.
21. Zubov, A.V. (2006). Korpusnaya lingvistika: vozmozhnosti i perspektivy. In: *Proceedings of Conference “Russkii yazyk: Sistema i funktsionirovanie”*, Minsk. pp. 22–27. (In Russ.).
Зубов А.В. Корпусная лингвистика: возможности и перспективы // Русский язык: система и функционирование. Минск: РИВШ, 2006. С. 22–27.
22. Kim, C., Choi, S., Jeong, J. & Lee, E. (2022). Automatic risks detection and comparison techniques for general conditions of technical documents in purchasing order. In: *Proceedings of ACM International Conference Proceeding Series*. pp. 236–241. <https://doi.org/10.1145/3543712.3543721>
23. Fantechi, A., Gnesi, S., Livi, S. & Semini, L. (2021). A spaCy-based tool for extracting variability from NL requirements. In: *Priceeding of ACM International Conference Proceeding Series, Part F171625-B*. pp. 32–35. <https://doi.org/10.1145/3461002.3473074>

24. Eyre, H., Chapman, A.B., Peterson, K.S., Shi, J., Alba, P.R., Jones, M.M. & Patterson, O.V. (2021). Launching into clinical space with medspaCy: A new clinical text processing toolkit in Python. In: *Proceedings AMIA ... Annual Symposium Proceedings*. AMIA Symposium, 2021. pp. 438–447.
25. Partalidou, E., Spyromitros-Xioufis, E., Doropoulos, S., Vologianidis, S. & Diamantaras, K.I. (2019). Design and implementation of an open source Greek POS tagger and entity recognizer using spaCy. In: *Proceedings 2019 IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence, WI 2019*. pp. 337–341. <https://doi.org/10.1145/3350546.3352543>
26. Jugran, S., Kumar, A., Tyagi, B.S. & Anand, V. (2021). Extractive automatic text summarization using SpaCy in Python NLP. In: *Proceedings of 2021 International Conference on Advance Computing and Innovative Technologies in Engineering, ICACITE 2021*. pp. 582–585. <https://doi.org/10.1109/ICACITE51222.2021.9404712>
27. Channabasamma, Suresh, Y. & Manusha Reddy, A. (2021). A contextual model for information extraction in resume analytics using NLP's spaCy. *Inventive computation and information technologies*. Springer. pp. 395–404. https://doi.org/10.1007/978-981-33-4305-4_30
28. Harahus, M., Juhar, J. & Hladek, D. (2022). Morphological annotation of the Slovak language in the spaCy library with the pretraining. In: *Proceedings of 32nd International Conference Radioelektronika, Radioelektronika 2022*. <https://doi.org/10.1109/RADIOELEKTRONIKA54537.2022.9764935>
29. Kumar, D., Choudhari, K., Patel, P., Pandey, S., Hajare, A. & Jante, S. (2022). STAT simple text annotation tool (STAT): Web-based tool for creating training data for spaCy models. In: *ICT Analysis and Applications*. Singapore: Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-981-16-5655-2_29
30. Soni, P.K. & Rambola, R. (2021). Deep learning, WordNet, and spaCy based hybrid method for detection of implicit aspects for sentiment analysis. In: *Proceedings of 2021 International Conference on Intelligent Technologies, CONIT 2021*. <https://doi.org/10.1109/CONIT51480.2021.9498372>
31. Chantrapornchai, C. & Tunsakul, A. (2021). Information extraction on tourism domain using spaCy and BERT. *ECTI Transactions on Computer and Information Technology*, 15(1), 108–122. <https://doi.org/10.37936/ecti-cit.2021151.228621>
32. Singh, N. & Hussain, A. (2022). Rapid application development in cloud computing with IoT. In: *IoT and AI technologies for sustainable living: A practical handbook*. pp. 1–28. <https://doi.org/10.1201/9781003051022-1>
33. Gorozhanov, A.I., Guseynova, I.A. & Stepanova, D.V. (2022). Instrumentarii avtomatizirovannogo analiza perevoda khudozhestvennogo proizvedeniya. *Issues of Applied Linguistics*, 45, 62–89. <https://doi.org/10.25076/vpl.45.03> (In Russ.).
Горожанов А.И., Гусейнова И.А., Степанова Д.В. Инструментарий автоматизированного анализа перевода художественного произведения // Вопросы прикладной лингвистики. М.: Национальное объединение преподавателей иностранных языков делового и профессионального общения в сфере бизнеса, 2022. № 45. С. 62–89. <https://doi.org/10.25076/vpl.45.03>
34. Gorozhanov, A.I. (2021). Metod komparativnogo analiza gruppy tekstov (na materiale nemetskoyazychnykh nauchnykh statei). *Bulletin of Moscow State Linguistic University*, 5(847), 48–59. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_5_847_48 (In Russ.).
Горожанов А.И. Метод компаративного анализа группы текстов (на материале немецкоязычных научных статей) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 5(847). С. 48–59. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_5_847_48
35. Singh, N., Kumar, M., Singh, B. & Singh, J. (2022). DeepSpacy-NER: An efficient deep learning model for named entity recognition for Punjabi language. *Evolving Systems*, 14, 673–683. <https://doi.org/10.1007/s12530-022-09453-1>

Information about the authors:

Alexey I. Gorozhanov, Dr.Sc. in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Grammar and History of the German Language, Faculty of German Language, Moscow State Linguistic University (38, b. 1, Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: German studies, applied linguistics, foreign language teaching; *e-mail*: a_gorozhanov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2280-1282; SPIN-code: 1753-4920, AuthorID: 592980.

Innara A. Guseynova, Dr.Sc. in Philology, Associate Professor, Vice-Rector, Moscow State Linguistic University (38, b. 1, Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: applied linguistics, media, lexicology; *e-mail*: guseynova@linguanet.ru
ORCID: 0000-0002-6544-699X; SPIN-code: 1635-5260, AuthorID: 662483.

Darya V. Stepanova, PhD in Philology, Associate Professor, Minsk State Linguistic University (21, Zakharova, Minsk, Belarus, 220034); *Research interests*: applied linguistics, Media Discourse, lexicography; *e-mail*: daryastepanova79@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2857-4386; SPIN-code: 5291-8660, AuthorID: 1131273.

Сведения об авторах:

Горожанов Алексей Иванович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка, факультет немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1); *научные интересы*: германистика, прикладная лингвистика, методика обучения иностранным языкам; *e-mail*: a_gorozhanov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2280-1282; SPIN-код: 1753-4920, AuthorID: 592980.

Гусейнова Иннара Алиевна, доктор филологических наук, доцент, проректор, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1); *научные интересы*: прикладная лингвистика, медиадискурс, лексикология; *e-mail*: guseynova@linguanet.ru
ORCID: 0000-0002-6544-699X; SPIN-код: 1635-5260, AuthorID: 662483.

Степанова Дарья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет (220034, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, 21); *прикладная лингвистика, медиадискурс, лексикография*; *e-mail*: daryastepanova79@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2857-4386; SPIN-код: 5291-8660, AuthorID: 1131273.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-211-231

EDN: FIFDUI

УДК 81'373.612.2

Научная статья / Research article

Визуальные метафоры в педагогическом дискурсе

Н.Л. Чулкина , В.В. Макашова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 makashova_vv@rudn.ru

Аннотация. Визуальная метафора представляет собой образ, который позволяет передать ускользающий при вербальной репрезентации смысл, а также усилить воздействующий эффект сообщения, вследствие чего занимает особое место в педагогическом дискурсе. Объяснение неизвестных понятий и феноменов посредством обращения к сформированным единицам знания, представленным образно, является необходимым этапом познания действительности. Визуальная метафоризация сложно организованных совокупностей объектов и явлений окружающего мира облегчает их восприятие, тем самым репрезентируя их сущность в наглядной и доступной форме. Основой визуальной метафоры является метафорическое сопоставление нескольких зрительных образов, порождающее новый тип содержания. Вместе с тем визуальные метафоры, используемые педагогом в целях пояснения транслируемой учебной информации, практически не исследованы. Данное положение обуславливает актуальность проводимого исследования. Цель исследования — изучить специфику визуальной метафоризации в педагогическом дискурсе. В рамках учебного процесса визуальные метафоры воплощаются в виде ментальных карт, мудбордов, сингулярных метафорических образов, эксплицирующих абстрактную идею в системе образов, сложившихся в ходе освоения учебных программ и личного субъективного опыта. Установлено, что использование названных способов визуализации теоретического материала, построенных на основе заданной визуальной метафоры, способствуют структурированию и запоминанию учебной информации, развитию творческого и познавательного потенциала. Визуальная метафора выступает вектором анализа проблемной ситуации: творческий процесс интерпретации визуального изображения приводит к выявлению логической взаимосвязи между образами, вскрытию природы изучаемого объекта или явления, а также формированию креативного мышления обучающихся.

Ключевые слова: визуальная метафора, визуальная метафоризация, педагогический дискурс, ментальная карта, мудборд, сингулярные метафорические образы

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 124022500238-1 «Модель мультязычного терминологического словаря».

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

© Чулкина Н.Л., Макашова В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Чулкина Н.Л., Макашова В.В. Визуальные метафоры в педагогическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 211–231. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-211-231>

Visual Metaphors in Pedagogical Discourse

Nina L. Chulkina , Victoria V. Makashova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 makashova_vv@rudn.ru

Abstract. A visual metaphor is an image that allows you convey the meaning that escapes during verbal representation, as well as to enhance the impact of the message. It is for this reason that visual metaphor occupies a special place in pedagogical discourse. The explanation of unknown concepts and phenomena by referring to the formed units of knowledge presented figuratively is a necessary stage of cognition of reality. Visual metaphorization of complexly organized aggregates of objects and phenomena of the surrounding world facilitates their perception, thereby representing their essence in a visual and accessible form. The basis of the visual metaphor is the similarity in function, purpose, shape, color, size. A number of scientific papers are devoted to the methodology of analyzing individual verbal metaphors. At the same time, the visual metaphors used by the teacher to explain the transmitted educational information have not been practically investigated. This provision determines the relevance of the research. The target of the study is to study the specifics of visual metaphorization in pedagogical discourse. As part of the educational process, visual metaphors are embodied in the form of mind maps, mood boards, singular metaphorical references that explicate an Abstract idea in a system of images formed during the development of curricula and personal subjective experience. It is established that the use of these methods of visualization of theoretical material, built on the basis of a given visual metaphor, contribute to the structuring and memorization of educational information, the development of creative and cognitive potential. A visual metaphor acts as a vector for analyzing a problem situation: the creative process of interpreting a visual image leads to the identification of a logical relationship between the images, revealing the nature of the object or phenomenon being studied, as well as the formation of creative thinking of students.

Keywords: visual metaphor, visual metaphorization, pedagogical discourse, mind map, mood board, singular metaphorical images

Financing. Acknowledgements:

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 124022500238-1 “Multilingual terminological dictionary model”

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Chulkina, N.L. & Makashova, V.V. (2024). Visual Metaphors in Pedagogical Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 211–231. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-211-231>

Введение

Изучение визуальных метафор началось относительно недавно. В работе Дж. Кеннеди «Метафора в картинках» [1] убедительно показано, что не только метафора, но и другие феномены (метонимия, синекдоха и др.) могут быть визуально репрезентированы.

Теоретик кино Н. Кэрролл [2] утверждает, что визуальный образ не является метафорическим, если он не основан на устойчивых соответствиях между двумя различными сферами опыта взаимодействия человека с действительностью, в результате которого формируется новый квант знания. Н. Кэрролл отмечает эвристическую функцию визуальной метафоры: «...с помощью визуальных метафор создатель изображения предлагает пищу для размышлений, не высказывая каких-либо определенных суждений; задача зрителя — использовать изображение для понимания» [3].

Сходных позиций придерживаются и другие авторы. Так, в работе «Key terms in stylistics» Н. Норгаард, Б. Буссе, Р. Монторо [4] подчеркивают, что визуальная метафора складывается в результате проецирования одного визуального элемента на другой, который представляет собой сущность качественно иного вида.

Л.С. Большакова использует понятие визуальной метафоры применительно к зрительным образам, возникающим стихийно, но вместе с тем с опорой на опыт взаимодействия человека с действительностью. С ее точки зрения процесс визуальной метафоризации основан на механизме монтажа: он объединяет разнородные образы с целью построения метафорически целостного изображения. Визуальная метафора является универсальным средством создания образности именно потому, что она базируется на данном механизме, посредством которого может сочетаться фактически все и со всем [5].

В свою очередь, Н.Д. Арутюнова считает, что визуальная метафора «лишена двусубъектности»: для ее создания не требуется принадлежность к разным категориям основного и вспомогательного субъектов, следовательно, визуальная метафора «не более чем образ, приобретающий символическую (ключевую) значимость» [6. С. 22].

Приведенные выше противоположные мнения позволяют рассмотреть визуальную метафору с разных сторон. На наш взгляд, исследователи дают характеристику отдельным типам визуальной метафоры. Н. Кэрролл и др. ведут речь об использовании визуальной метафоры для обозначения «двуплановости» изображения, которое может восприниматься как реальное и нереальное одновременно. Подобная визуальная метафора присуща художественному (в частности, современным произведениям искусства), рекламному, педагогическому дискурсу. Н.Д. Арутюнова описывает визуальную метафору, характерную для классического искусства, которое не направлено на постижение двойственности феноменов действительности, а сосредоточено на внутреннем, невидимом для остальных мире человека. Визуальная метафора глубоко отличается от вербальной (текстовой) метафоры. В.Ф. Петренко, Е.А. Коротченко отмечают, что «визуальная и вербальная метафоры имеют разные репрезентации, т.е. рассматриваются как два способа выражения одного и того же» [7. С. 26]. Многие вербальные метафоры подвергаются визуальному кодированию, однако не каждая

визуальная метафора переносится в вербальный план. Детальному анализу вербальных метафор в педагогическом дискурсе посвящен ряд научных работ (Э.В. Будаев, А.П. Чудинов [8]; Е.Г. Кабаченко [9]; О.Н. Кондратьева [10]; Н.В. Мельникова [11]; В.В. Пустовалова [12]; Н.Ю. Чайникова [13]). Вместе с тем визуальные метафоры, функционирующие в педагогическом дискурсе, остаются малоизученными: отдельные примеры употребления визуальной метафоры в рамках образовательного процесса наблюдаются в работах Ю.Р. Валькмана, Ю.Н. Книги [14], А.А. Плигина [15], Р.Б. Соловьева [16], Л.В. Цаненко, Н.А. Цаненко [17], что определяет *актуальность исследования*. *Цель исследования* — рассмотреть специфику визуальной метафоризации в педагогическом дискурсе.

Методы исследования

При изучении особенностей процесса визуальной метафоризации в педагогическом дискурсе мы обращались к *специальным методам исследования*: логически-творческому методу ментальных карт, предполагающему поиск и фиксацию творческих алгоритмов решения различных интеллектуальных задач, и мудборд-анализу, позволяющему осуществлять отбор иллюстративного материала в соответствии с функционально-тематической направленностью. Логически-творческий метод ментальных карт используется в ходе краткой записи пройденного материала, составления списков дел, проведения бизнес-тренингов и др. [18; 19]. Между тем мудборд-анализ применяется при обозначении общего вектора проектной деятельности по формированию чувственно целостного образа фрагмента действительности [20].

Результаты исследования

Специфика визуальной метафоризации в педагогическом дискурсе

Педагогический дискурс — один из подтипов институционального типа дискурса, который предполагает общение в установленных рамках статусно-ролевых отношений [21–23]. В педагогическом дискурсе визуальная метафора имеет особое значение: она выступает визуальным средством репрезентации объектов и событий окружающего мира, то есть отражает в человеческом сознании представления о денотатах при помощи визуального кода, объединяет «донаучную» интуицию с фактами научного опыта. Отметим, что в рамках педагогического процесса использование визуальных метафор позволяет учителю успешно объяснять ряд сложных, отвлеченных понятий. По этой причине педагогические интенции все чаще включают визуальные метафоры, которые возникают в ходе метафорического соотнесения двух визуальных образов, представляя собой принципиально новый смысл.

Обладая большим прагматическим и смысловым потенциалом, визуальные метафоры используются в педагогическом дискурсе при составлении ментальных карт (mind map), мудбордов (mood boards), а также при

воспроизведении сингулярных метафорических образов, улучшающих запоминание пройденного материала и укрепляющих эмоциональную связь между учеником и учителем [24. С. 79].

Ментальные карты (диаграмма связей, интеллект-карты, mind map)

Ментальная карта — это эффективная техника обработки информации, представленной в виде изображений, схем-рисунков, графических символов. В отличие от стандартных диаграмм и графиков, диаграмма связей отличается отсутствием строгой иерархической структуры: при построении ментальной карты важно показать связь (часто неочевидную) такой, какой ее видит сам автор [25. С. 131]. Как правило, в центре ментальной карты располагается ключевой визуальный образ, от которого отходят ответвления в виде различных ассоциаций.

Ментальная карта характеризуется рядом отличительных признаков [26. С. 30]:

- 1) наглядностью (визуальностью) — новое знание и его многочисленные стороны можно рассмотреть в целостном виде;
- 2) привлекательностью — ментальная карта позволяет сделать сложную для понимания идею более «живой» и выразительной и тем самым привлечь внимание обучающихся;
- 3) запоминаемостью — ментальная карта остается в памяти аудитории и после учебного занятия, поскольку ее построение и анализ требует активизации обоих полушарий головного мозга;
- 4) своевременностью — ментальная карта способствует своевременному выявлению недостающей информации;
- 5) креативностью — использование ментальной карты в ходе учебного занятия развивает творческие способности, стимулирует поиск нестандартных путей решения проблемного вопроса;
- 6) возможностью пересмотра — пересмотр ментальной карты спустя время дает возможность осмыслить картину в полном объеме и создать новые идеи;
- 7) коллективной (групповой) работой обучающихся — ментальная карта является основным инструментом для проведения брейнсторминга, предполагающего получение решения как продукта коллективного творчества. Процесс построения ментальной карты задействует всех обучающихся, независимо от их увлечений, уровня подготовки и успеваемости;
- 8) преимуществом перед лекционной (традиционной) записью — ментальная карта отражает ключевую информацию в предельно лаконичной и наглядной форме, что позволяет быстро и эффективно усвоить сложный теоретический материал.

В.В. Куликова подчеркивает, что первый признак ментальной карты — наглядность (визуальность) является ведущим [26. С. 30].

Создание ментальных карт принадлежит психологу и телеведущему Т. Бьюзену [27; 28]. В 1970-е гг. он исследовал клетки мозга, принимающие, обрабатывающие и транслирующие информацию нейронам. Т. Бьюзен обнаружил, что от ядра нейрона отходят отростки, каждый из которых, в свою очередь, распадается на несколько других. Это навело ученого на мысль, что процесс получения и обработки знаний следует организовать по тем же принципам. Кроме того, Т. Бьюзен утверждал, что традиционный способ восприятия информации (чтение страницы слева направо и сверху вниз) не является адекватным, так как человеческий мозг воспринимает данные нелинейно и сразу целиком. Размышления Т. Бьюзена позднее легли в основу ментальных карт как способа альтернативной записи и визуализации знания.

Было доказано, что ментальные карты являются эффективным инструментом в проведении «мозгового штурма», структурировании и визуализации информации, генерации идей. В частности, ментальная карта обеспечивает подробный аналитический обзор жизни и/или творчества исторических личностей, внесших вклад в науку и искусство. В качестве примера выступает ментальная карта Т. Бьюзена, направленная на систематизацию сведений о литературном наследии Уильяма Шекспира (рис. 1). Вместе с тем Т. Бьюзен подчеркивает, что данная ментальная карта может быть дополнена биографическими данными драматурга, а также перечнем неупомянутых пьес, сонет и поэм [28. С. 31].

Рис. 1. Ментальная карта по теме «Литературное наследие У. Шекспира»

Источник: исследование авторов

Fig. 1. Mental map on the topic “Literary heritage of W. Shakespeare”

Source: authors' study

Т. Бьюзен уверен, что ментальные карты целесообразно использовать не только в целях фиксации полученной информации, но и при планировании личного времени. Автор предлагает вниманию читателей ментальную карту по прогнозированию отпуска (рис. 2). Основные ветви посвящены ключевым пунктам: куда поехать, где остановиться, какова цель поездки и др. Второстепенные ветви детально раскрывают каждый из проблемных вопросов. Т. Бьюзен отмечает, что конструирование данной ментальной карты позволит отказаться от непродуктивных вариантов и принять правильное решение [28. С. 50].

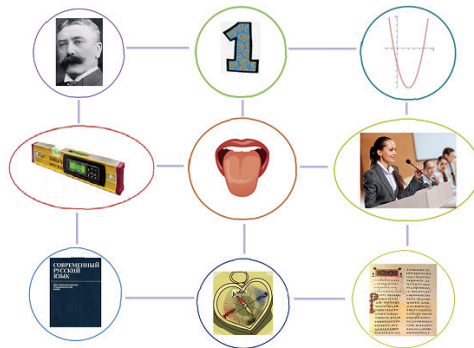

Рис. 2. Ментальная карта по теме «Планирование отпуска»
 Источник: исследование авторов

Fig. 2. Mental map on the topic “Vacation planning”
 Source: authors’ study

Современные исследования подтверждают положительное влияние ментальных карт на процесс усвоения и запоминания пройденного материала, систематизации имеющихся знаний, активизации творческого мышления и поиска оптимального решения поставленной задачи. Согласно результатам исследования Д. Боули оценки учащихся, регулярно работающих с ментальными картами, выше на 12 % [29]. Широкие функциональные возможности ментальных карт обуславливают их использование в педагогическом дискурсе [18. С. 5]. Мы разработали ментальную карту по теме «Лингвистический структурализм» (рис. 3).

Рис. 3. Ментальная карта по теме «Лингвистический структурализм»
 Источник: исследование авторов

Fig. 3. Mental map on the topic “Linguistic structuralism”
 Source: authors’ study

Ключевой визуальный образ — *язык* — располагается в центре ментальной карты, находясь в фокусе внимания воспринимающего субъекта. Данный образ разделяется на составляющие визуальные изображения: *портрет Фердинанда де Соссюра* как основателя структурного направления в лингвистике, иллюстрации обязательных структурных компонентов (*единицы, уровни, функции*), методов изучения языка (*синхроническое и диахроническое исследования*

языка), дихотомии «язык — речь», понятия *ценности (значимости)*, введенного в научный оборот ранее упомянутым Фердинандом де Соссюром.

Изображения ментальной карты представлены в виде *кристаллической решетки* — внутренней структуры кристалла, взаимного расположения атомов, ионов и молекул. Подобная форма организации визуальных образов выбрана не случайно. Так подтверждается положение о том, что подобно кристаллу, язык является *структурой*: «Язык — <...> это совокупность отношений, которыми определяются отличительные признаки и ценности языковых знаков, т.е. структура» [30. С. 429]. Основанная на визуальной метафоре, ментальная карта по теме «Лингвистический структурализм» позволяет перевести вербальную метафору *ЯЗЫК — это СТРУКТУРА* в зрительные образы, облегчая процесс восприятия сложного теоретического материала, а также способствуя осмыслению языка как целостного, сложно организованного образования.

Ментальную карту по заявленной теме целесообразно использовать на факультативных занятиях по углубленному изучению русского языка в старшей школе, а также в практике вузовского преподавания (например, в рамках дисциплины «Введение в языкознание»). Отметим, что в педагогическом дискурсе данная ментальная карта может успешно применяться при изучении нового материала, повторения и закрепления знаний, обобщении и систематизации пройденного, при написании реферата, подготовке проектной или исследовательской работы, создании конспектов, а также составлении аннотаций письменных текстов.

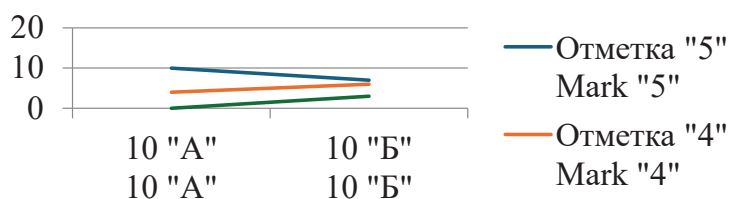
Мы апробировали разработанную ментальную карту с целью выявления ее эффективности в ходе обобщения и систематизации темы «Лингвистический структурализм», входящей в содержание профильной дисциплины «Языкознание». Проведены парные уроки по данной теме в двух 10-х профильных классах (профиль «Филология») на базе Лицея МПГУ. В 10 «А» классе первый урок был построен с применением ментальной карты (рис. 3); в 10 «Б» классе систематизация изученного материала осуществлялась посредством групповой работы учащихся с экспресс-карточками, включавшими два теоретических вопроса (табл. 1). В ходе дальнейшего совместного обсуждения были внесены уточнения и дополнения в содержание ответов обучающихся.

Таблица 1 / Table 1

Экспресс-карточка № 1 по теме «Лингвистический структурализм»
Express card No.1 on the topic “Linguistic structuralism”

Экспресс карточка № 1 / Express card No.1 Тема «Лингвистический структурализм» / «Linguistic structuralism»	
1	Сформулируйте основные положения структурализма. / Formulate the main provisions of structuralism.
2	Проанализируйте дихотомию язык-речь как противопоставление двух самостоятельных сущностей в рамках единого целого. / Analyze the language-speech dichotomy as an opposition of two separate entities within a single whole.

На втором уроке был предложен контрольно-обобщающий тест по теме «Лингвистический структурализм», который состоял из закрытых и открытых теоретических вопросов. Установлено, что отметку «5» получил 71 % учеников 10 «А» класса, что в 1,5 раза выше показателя в 10 «Б» классе (количество отметок «5» составляет 44 %). Процентное соотношение отметки «4» в 10-х классах примерно одинаковое: 29 % — в 10 «А» классе и 37 % — в 10 «Б» классе. Кроме того, 19 % обучающихся 10 «Б» класса были оценены на удовлетворительную отметку, в то время как в 10 «А» классе отметка «3» отсутствует. Неаттестованных учеников не выявлено. Процент посещаемости обучающихся 10-х классов на уроке составляет 100 %. Результаты выполнения контрольно-обобщающего теста учениками 10 «А» и 10 «Б» классов отражены на диаграмме 1 (рис. 4).

Рис. 4. Результаты выполнения контрольно-обобщающего теста учениками 10 «А» и «Б» классов
 Источник: исследование авторов

Fig. 4. Results of the control and generalizing test by students of 10 "A" and 10 "B"
 Source: authors' study

Обнаружено, что степень обученности учащихся 10 «А» класса, резюмировавших основные положения и понятия пройденной темы при помощи ментальной карты (рис. 3), на 15,5 % выше, чем у учеников 10 «Б» класса, систематизировавших учебный материал посредством групповой работы с экспресс-карточками. С целью выявления степени обученности учащихся, были выполнены вычисления по следующей формуле:

$$\text{Степень обученности учащихся (СОУ)} = \frac{(\langle 5 \rangle \times 100 + \langle 4 \rangle \times 64 + \langle 3 \rangle \times 36)}{\text{количество учащихся}}$$

1. Степень обученности учащихся 10 «А» класса: $(10 \times 100 + 4 \times 64) / 14 = 90 \%$
2. Степень обученности учащихся 10 «Б» класса: $(7 \times 100 + 6 \times 64 + 3 \times 36) / 16 = 74,5 \%$
3. Количественное расхождение показателей степени обученности учащихся 10-х классов: $90 \% - 74,5 \% = 15,5 \%$.

Таким образом, ментальная карта — это эффективное средство организации образовательного процесса. Применение ментальной

карты «Лингвистический структурализм» на учебном занятии способствовало структурированию и запоминанию информации, систематизации пройденного материала, а также повышению результативности и качества знаний обучающихся. Кроме того, визуализация вербальной метафоры *ЯЗЫК — это СТРУКТУРА* посредством представленной ментальной карты позволила наглядно и лаконично представить основное положение лингвистического структурализма.

Мудборд

Понятие мудборда (англ. *mood board* — «доска настроения»; иногда также называют *inspiration board*) является достаточно новым в сфере российского образования. Именно поэтому сегодня отсутствуют значимые исследования о влиянии данного способа проектирования на развитие мышления обучающихся. По этой же причине до настоящего времени не зафиксирован русскоязычный эквивалент англоязычного термина мудборд.

Мудборд — это своеобразный коллаж с ассоциативным рядом на определенную тему, непосредственное назначение которого состоит в формировании резюмированного визуального образа, создаваемого из ассоциативно связанных иллюстраций. Подчеркнем, что обязательным требованием для включения изображения в мудборд является его соответствие принципу визуальной информативности: эталонным изображением признается единица с высоким информационным коэффициентом [31]. В процессе подбора изображений также учитывается «эстетическая, стилевая направленность и тоновая гармония» [20. С. 234]. Кроме того, мудборд может включать ключевые слова и словосочетания, сопутствующие передаче эмоциональной атмосферы [32. С. 58] и обозначающие пункты развития деятельности по формированию целостного визуального образа.

Первоначально мудборды получили распространение в области моды. Фотографии, эскизы моделей, образцы ткани, вдохновляющие атрибуты, которые могли бы натолкнуть дизайнера на создание коллекции, помещались на настоящую доску. Тем самым кутюрье и команде художников-модельеров становилось понятным общее видение нового сезона.

Современные мудборды также становятся эффективным инструментом в руках опытных дизайнеров, которые формируют визуальный образ будущего продукта, не отклоняясь от первоначальной идеи, что, в свою очередь, позволяет избежать конфликтной ситуации с клиентом. Вместе с тем применение мудбордов не ограничивается лишь сферой дизайна. Они регулярно используются и в других секторах креативной (творческой) индустрии: в рекламе, архитектуре, кино, фотографии. Более того, мудборды нередко выступают своеобразными превью бизнес-планов: работа с мудбордом позволяет при наименьших временных затратах систематизировать бизнес-задачи и найти потенциальное решение проблемы.

Применительно к образовательному процессу конструирование мудборда лежит в основе проектирования в различных видах дизайна: графического дизайна, web-дизайна, fashion-дизайна — и активно используется в европейских школах с 90-х годов XX столетия. А.Г. Алексеев утверждает, что «иллюстративно-аналитическая работа предоставляет наиболее рациональный подход для проектирования студентов с преобладанием разветвленного, творческого мышления» [20. С. 235].

Вместе с тем мы уверены, что технологию мудборда целесообразно внедрять не только в практику современного преподавания дизайна, рекламы, изобразительного искусства, но и других направлений подготовки высшего образования и, более того, применять в средней и старшей школе.

Нами разработаны мудборды по теме «Антиномии В. фон Гумбольдта» (рис. 5 и 6). Данные мудборды были использованы в рамках изучения тематического блока «Концепция общего языкознания В. фон Гумбольдта», входящего в рабочую программу профильной дисциплины «Языкознание». Проведено два урока в двух 10-х профильных классах (профиль «Филология») на базе Лицея МПГУ.

Рис. 5. Антиномия языка как деятельности и как произведения
Источник: исследование авторов

Fig. 5. Antinomy of language as activity and as creation
Source: authors' study

Рис. 6. Антиномия необходимости и свободы в языке
Источник: исследование авторов

Fig. 6. Antinomy of necessity and freedom in language
Source: authors' study

На первом мудборде (рис. 4) визуально представлена антиномия немецкого ученого и филолога, гласящая, что «язык в такой же мере *деятельность*, в какой и *произведение*» [33. С. 310]. В указанной антиномии содержится две вербальных метафоры: 1) *ЯЗЫК — это ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ* и 2) *ЯЗЫК — это ПРОИЗВЕДЕНИЕ*. Поступательное (постоянное) развитие языка — основной

деятельности человеческого духа — отражено на верхней иллюстрации, репрезентирующей род деятельности (занятий) человека. Гумбольдтовское понимание языка как «того, что уже произведено, результата деятельности предшествующих поколений», эксплицировано в виде иллюстрации собрания произведений А.С. Пушкина.

На втором мудборде (рис. 5) зафиксирован визуальный ряд антиномии необходимости и свободы в языке. Принцип *необходимости* в языке означает, что обязательным требованием к сохранению языка является следование языковым традициям и ограничение индивидуального языкотворчества. Данное положение отражено в визуальном образе воды как *необходимого* условия для существования жизни на земле. Принцип *свободы* в языке предполагает, что каждый индивид так или иначе непрерывно воздействует на язык, вносит в него новые элементы. Следовательно, язык есть незамкнутая (*открытая*) система. Указанный тезис репрезентирует иллюстрация с *открытой* птичьей клеткой.

Техника конструирования мудбордов была применена учащимися и при подготовке домашнего задания к уроку-семинару по теме «Морфологическая классификация языков А. Шлейхера». Обучающимся требовалось изучить и законспектировать фрагмент параграфа учебного пособия «Натуралистическое направление. А. Шлейхер» в формате мудборда. С целью эффективности выполнения домашнего задания был совместно составлен и проанализирован текст-инструкция по составлению мудборда (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Текст-инструкция по составлению мудборда
Text-instructions for drawing up a mood board

1	Изучение теоретического материала / Study of theoretical foundations
2	Разработка концепции мудборда, отбор визуальных образов, адекватных идее / Development of the mood board concept, selection visual representations on a par with the idea
3	Оформление мудборда / Mood board design
4	Подготовка устных ответов на вопросы: / Preparation answers to questions posed: 1) Какой идеей объединены все визуальные образы? / What is the idea of combining all visual images? 2) Какое значение имеет каждое отдельное изображение? / What is the meaning of each individual image? 3) В какой цветовой гамме составлен мудборд и почему? / What color scheme is the mood board in and why?

Ниже представлены мудборды по теме «Морфологическая классификация языков А. Шлейхера», созданные учащимися 10-х классов Лицея МПГУ (рис. 7 и 8). Объекты визуальных образов детально отражают вербальную метафору (ключевой тезис натуралистической концепции А. Шлейхера) ЯЗЫК — это ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОРГАНИЗМ. Было обнаружено, что нестандартный способ предъявления домашнего

задания вызвал у учащихся неподдельный интерес к предмету: каждый ученик стремился глубоко проникнуть в сущность явлений и их взаимосвязей, дать развернутые ответы на вопросы аудитории, аргументировать и описать выбор визуальных образов (референсов).

Рис. 7. Мудборд ученика 10 «А» класса
Источник: исследование авторов

Fig. 7. Moodboard of 10th "A" student
Source: authors' study

Рис. 8. Мудборд ученика 10 «Б» класса
Источник: исследование авторов

Fig. 8. Moodboard of 10th "B" student
Source: authors' study

Мы уверены, что создание мудбордов в процессе обучения открывает учащимся широкий спектр возможностей: способствует развитию творческого мышления и речи, обогащению словарного запаса, формированию умения находить оригинальные пути решения проблемы, самореализации. В свою очередь, преподаватель, применяющий технику составления *мудбордов* на учебном занятии, получает эффективный инструмент управления учебным процессом, позволяющий определять причины когнитивных трудностей обучающихся, а также корректировать их знания.

Сингулярные метафорические образы

В отличие от ментальной карты или мудборда, где вербальная метафора получает воплощение в системе ассоциативно связанных визуальных образов (референсов), сингулярные метафорические образы направлены на реализацию вербальной метафоры в одном визуальном образе (референсе).

Сингулярные метафорические образы представляют собой отдельные изображения, символизирующее некоторое понятие или отношение между понятиями. Подобные метафорические образы позволяют представить образы привычных предметов в метафорическом ключе, тем самым привлекая внимание аудитории.

Сингулярные метафорические образы выполняют когнитивно-прагматическую функцию, выступая мощным средством воздействия на сознание обучающихся [34. С. 5; 35; 36].

Мы использовали сингулярные метафорические образы при организации индивидуальной и групповой работы обучающихся 11-х профильных классов Лицея МПГУ (профиль «Филология») по темам учебной дисциплины «Языкознание».

Нами был проведен урок закрепления пройденного материала по теме «Принципы классификации морфем. Типология морфем». С целью вторичного осмысления имеющихся знаний, а также формирования умений и навыков по их применению был предложен индивидуальный устный опрос. Выбор данной формы опроса обусловлен его назначением: индивидуальный устный опрос позволяет определить правильность ответа с точки зрения содержания, установить уровень самостоятельности суждений учащихся, оценить их культуру речи. Перед проведением опроса обучающиеся получили отдельные бланки с номерами вопросов для обсуждения на учебном занятии. Рядом с номером вопроса находилась пустая ячейка, которую учащиеся должны были заполнить соответствующим цветом — красным, желтым или зеленым — в зависимости от полноты, аргументированности и структурированности изложения отвечающего ученика. Следовательно, мы включили в групповую учебную деятельность *сингулярный метафорический образ СВЕТОФОРА*: зеленый цвет означал правильный ответ, желтый цвет — частично правильный ответ, красный цвет — неправильный ответ (табл. 3). По завершении устного ответа было проведено его рецензирование, выставлена и обоснована полученная оценка. Мы пришли к выводу, что индивидуальный устный опрос, построенный на *сингулярном метафорическом образе СВЕТОФОРА*, является эффективным средством закрепления знаний учащихся: он формирует навыки самоконтроля и взаимоконтроля, стимулирует познавательную и творческую активность обучающихся.

Для реализации творческого подхода в организации и проведении урока комплексного применения знаний по теме «Младограмматический этап в языкознании» был использован сингулярный метафорический образ четырехугольной ПИРАМИДЫ. Каждая точка ее основания выступала одной из познавательных задач, которые было необходимо решить в процессе группового обсуждения (изучить методологические установки Лейпцигской школы, Московской школы, Казанской школы, роль младограмматических идей в развитии языкознания). Вершина пирамиды символизировала общую цель — рассмотреть место и значение младограмматического направления в истории языкознания — достижение которой требовало согласованной работы каждой отдельной группы (рис. 9).

Таблица 3 / Table 3

Индивидуальный устный опрос по теме «Принципы классификации морфем. Типология морфем». Бланк для ученика Individual oral survey on the topic «Principles of morphemes classification. Typology of morphemes». Student's form

Индивидуальный устный опрос по теме
«Принципы классификации морфем. Типология морфем» /
 Individual oral survey on the topic
«Principles of morphemes classification. Typology of morphemes»
 Фамилия, имя ученика, класс _____

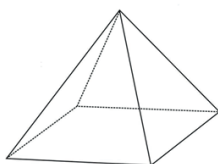
1	Укажите параметры классификации морфем в современной лингвистике. / Specify the parameters of morphemes classification in modern linguistics.	____
2	Чем различаются корневые и аффиксальные морфемы? / What is the difference between root and affixed morphemes?	____
3	Каковы критерии выделения связанных корней? / What are the criteria for selecting related roots?	____
4	В чем специфика флексий по сравнению с другими видами аффиксов? / What is the specificity of flexion compared to other types of affixes?	____
5	В чем состоит различие грамматических аффиксов? / What is the difference between grammatical affixes?	____
6	Какие факторы способствуют повышению продуктивности аффиксов? / What factors increase the productivity of affixes?	____
7	Как соотносятся понятия продуктивности/непродуктивности и регулярности/нерегулярности? / How do productivity/unproductiveness and regularity/irregularities relate?	____
8	Каково происхождение уникальных морфем? / What is the origin of unique morphemes?	____
9	На каком основании выделяются нулевые морфемы в системе языка? / On what basis are the zero morphemes isolated in the language system?	____
10	Как различаются аффиксы по стилистической окраске и происхождению? / How do affixes differ in style and origin?	____

ЛЕЙПЦИГСКАЯ ШКОЛА / LEIPZIG SCHOOL

- Отделение от этнописи ологим М. Лазаруса и Х. Штейнхала. / Separation from the ethnopsychology of M. Lazarus and H. Steinhil.
- Провозглашение индивидуального психологизма. / Proclamation of individual psychologism.
- Единственно научным принципом лингвистического анализа считается принцип историзма. / The only scientific principle of linguistic analysis is the principle of historicism.
- Изучение живых языков. / Learning living languages.
- В сравнительно-историческом исследовании опора на показание фактов развития языка. / In comparative historical research, reliance on the evidence of the facts of language development.
- Единицы лингвистического описания – звуковой закон и аналогия. / Units of linguistic description are soundlaw and analogy.

РОЛЬ МЛАДОГРАММАТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ИСТОРИИ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ / THE ROLE OF MLAGRAMMATIC IDEAS IN THE LINGUISTICS DEVELOPMENT

- Расцвет сравнительно-исторического языкознания. / The heyday of comparative historical linguistics.
- Пересмотр положений компаративистики. / Revision of the provisions of comparative studies.
- Центр внимания переносится на исследование развития праязыковых элементов в истории каждого отдельного языка или группы близкородственных языков. / The focus shifted to the study of the development of proto-linguistic elements in the history of each individual language or group of closely related languages.
- База для возникновения лингвистической географии. / The basis for the emergence of linguistic geography.
- Основа для превращения лингвистики в более точную науку. / The basis for turning linguistics into a more precise science.

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА / MOSCOW SCHOOL

- Представители: Ф.Ф. Фортунатов, В.К. Поржевинский, М.М. Покровский, А.М. Пешковский. / Representatives: F.F. Fortunatov, V.K. Porzhevinzsky, M.M. Pokrovsky, A.M. Reshkovsky.
- Язык есть социально-исторический феномен. / Language is a socio-historical phenomenon.
- Языковедение – историческое изучение всех отдельных человеческих языков, доступных для исследования. / Linguistics is the historical study of all individual human languages available for research.
- Приоритет историческим исследованиям языка. / Priority to historical language research.
- Поднимается вопрос совершенствования методики сравнительно-исторического изучения языка. / The questions of improving the methodology of comparative historical language learning are raised.
- Проблема реконструкции индоевропейского праязыка. / The problem of reconstruction of the Indo-European proto-language.

КАЗАНСКАЯ ШКОЛА / KAZAN SCHOOL

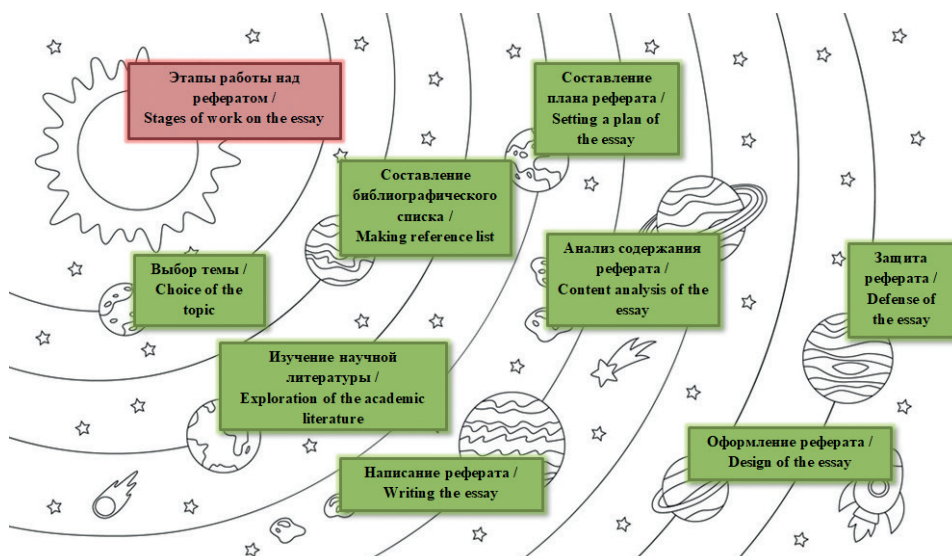
- Возникает в Казанском университете в 70-80-е гг. XIX в. / Arises at Kazan University in the 70-80-ies of XIX century.
- Представители: И.А. Бодуэн де Куртэн, В.А. Богородицкий, Н.В. Крушевский, А.И. Александров. / Representatives: I.A. Boudouin de Courtenay, V.A. Bogoroditsky, N.V. Krushevsky, A.I. Alexandrov.
- Отличительная черта – стремление к теоретическому обобщению. / A distinctive feature is the desire for theoretical generalizations.
- Задача лингвиста – исследовать всевозможные явления языка, а также законы и условия их изменения. / The task of a linguist is to investigate all kinds of phenomena of language, as well as the laws and conditions of their change.

Рис. 9. Рабочий лист по теме «Младограмматический этап в языковедении»

Источник: исследование авторов

Fig. 9. Worksheet on the topic “Mladogrammatic stage in linguistics”

Source: authors' study

Рис. 10. Рабочий лист по теме «Этапы работы над рефератом». Бланк учителя
 Источник: исследование авторов

Fig. 10. Worksheet on the topic "Stages of work on the essay"
 Source: authors' study

Успешное выполнение домашнего задания — написания краткого реферата по выбранной теме — во многом было обусловлено проведением предварительной подготовки. Мы разработали учебные (обучающие) бланки с последовательной записью данных, ранжированных от более значимых к менее значимым. Поля для внесения данных представляли собой планеты солнечной системы, сами же данные, требуемые для заполнения полей, содержали информацию о различных этапах работы над рефератом. Под руководством учителя обучающиеся заполняли бланк таким образом, чтобы ключевые пункты при написании реферата были учтены. Первостепенные этапы работы заносились в тело планет, расположенных ближе к центру, остальные — располагались по степени важности в ходе создания учебного реферата. Итак, пошаговый алгоритм действий при создании реферата представлен в виде *сингулярного метафорического образа СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ*. Он наглядно показывает, в каком направлении нужно двигаться, чтобы решить поставленную учебную задачу (рис. 10).

Заключение

Визуальная метафора представляется источником сложно структурированного сообщения. В основе механизма ее создания лежит метафорическое сопоставление нескольких зрительных образов, генерирующих качественно новое содержание.

В образовательном контексте визуальная метафора приобретает особую значимость: она позволяет визуализировать абстрактно-теоретические

понятия и концепции, делая их более понятными и привлекательными для обучающихся. Однако визуальная метафора не примитивизирует представления учеников о действительности, а, напротив, раскрывает взаимосвязь и взаимообусловленность ее объектов. Кроме того, визуальная метафора, используемая преподавателем в процессе обучения, выступает средством эмоционального воздействия на учащихся: она помогает привлечь внимание ученической аудитории к рассматриваемому вопросу, улучшить восприятие и запоминание учебного материала.

Отметим, что в педагогическом дискурсе визуальная метафора используется при составлении ментальных карт, мудбордов, а также при воспроизведении сингулярных метафорических образов.

В ходе проведенного эксперимента нами было обнаружено, что визуальная метафора, действительно, позволяет обучающимся успешно структурировать и осмысливать сложный теоретический материал, способствует повышению творческой и познавательной активности, развитию предметных и коммуникативных компетенций, вдохновению на достижение поставленных учебных целей.

Библиографический список

1. Kennedy J.M. Metaphor in pictures // *Perception*. 1982. № 11. P. 589–605.
2. Carroll N.E. A note on Film Metaphor // *Journal of Pragmatics*. 1996. № 26(6). P. 809–822.
3. Carroll N.E. *Beyond Aesthetics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
4. Nørgaard N. Busse B. Montoro R. *Key Terms in Stylistics*. London/New York: Continuum, 2010.
5. Большакова Л.С. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) // *Современные проблемы науки и образования*. 2011. № 2. С. 119.
6. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // *Теория метафоры*. М., 1990. С. 5–32.
7. Петренко В.Ф., Коротченко Е.А. Образная сфера в жизни и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2008. Т. 5. № 4. С. 19–40.
8. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в педагогическом дискурсе: современные зарубежные исследования // *Политическая лингвистика*. 2007. № 1. С. 69–75.
9. Кабаченко Е.Г. Концепт «учитель» и «ученик» в сознании современных педагогов (образный компонент) // *Лингвокультурология*. 2009. № 3. С. 83–91.
10. Кондратьева О.Н. Метафорическое моделирование в педагогическом дискурсе // *Педагогическое образование в России*. 2013. № 1. С. 116–121.
11. Мельникова Н.В. Метафорические модели в сфере межличностных педагогических отношений // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2007. № 2. С. 158–162.
12. Пустовалова В.В. Метафора в педагогике: экскурс и перспективы // *Вестник ТГПУ*. 2016. № 12(177). С. 169–175.
13. Чайникова Н.Ю. Метафорическое моделирование концептосферы «образование» во французском педагогическом дискурсе Ж.-Ж. Руссо // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 6(36). С. 209–213.
14. Валькман Ю.Р., Книга Ю.Н. Анализ понятия «графический образ» // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара «Диалог 2002»*. 2002. Режим доступа: <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/valkman/> (дата обращения: 15.06.2022)

15. *Плигин А.А.* Дидактическая метафора как способ передачи познавательной стратегии // Развитие познавательных стратегий школьников: теоретические основы и практика. М.: Департамент образования Южного округа Москвы, 2005. С. 31–40.
16. *Соловьев Р.Б.* Потенциал дидактической метафоры в работе с одаренными детьми // Одаренный ребенок. 2014. № 5. С. 91–101.
17. *Цаненко Л.В., Цаненко Н.А.* Визуальная метафора как обучающая технология (база образов). Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2022.
18. *Кузнецова Н.В.* Использование ментальных карт в образовательной деятельности // Педагогические и информационные технологии в образовании. 2016. № 15. С. 5.
19. *Рязанцев А.В.* Интеллект карты (mindmap). Графическое решение бизнес-задач. М.: Омега-Л, Книжкин Дом, 2018.
20. *Алексеев А.Г.* Влияние предпроектного мудборд-анализа на формирование аналитического мышления будущего специалиста в области дизайн-проектирования // Вестник КемГУКИ. 2019. № 46. С. 231–237.
21. *Карасик В.И.* Коммуникативный подход к изучению педагогического дискурса // Русский язык за рубежом. 2017. № 5(264). С. 4–8.
22. *Карасик В.И.* Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 2(50). С. 118–129.
23. *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы: монография. М.: Гнозис, 2019.
24. *Жуков Д.С., Лямин С.К.* Визуализированные метафоры в процессе преподавания исторических и обществоведческих курсов // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2012. № 1(19). С. 76–84.
25. *Кузьменко А.А., Шутлов Ф.В.* Информационные технологии mind map в поддержке принятия управленческих решений // Производственный менеджмент: теория, методология, практика. 2016. № 6. С. 130–134.
26. *Куликова В.В.* Ментальная карта как метод обучения // Карельский научный журнал. 2021. Т. 10. № 1(34). С. 29–32.
27. *Бьюзен Т.* Супермышление / пер. с англ. П.А. Самсонова. М.: Попурри, 2018.
28. *Бьюзен Т.* Интеллект-карты: полное руководство по мощному инструменту мышления / пер. с англ. Ю. Константиновой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
29. *Boley D.A.* Use of premade mind maps to enhance simulation learning // Journal of Nurse Educator. 2008. № 33(5). P. 220–223.
30. *Зубкова Л.Г.* Теория языка в ее развитии: от натуроцентризма к логоцентризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. М.: ЯСК, 2016.
31. *Ярославцева Е.Л., Левтин К.Э.* Интеллектуальный подход к формированию цифровых коллажей на основе фото- и видеоматериалов // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. 2012. № 3(43). С. 102–107.
32. *Кулешова А.А., Демидова Ю.Д.* Компьютерное моделирование графических моделей // Научно-практический журнал «Новые исследования в разработке техники и технологий». 2017. № 2. С. 57–60.
33. *Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* История языкознания. М.: Академия, 2008.
34. *Кузьмич В.В.* Визуальная метафора как инструмент упрощения содержания преподаваемого учебного материала // Инновации и современные технологии в промышленном дизайне и упаковке: материалы 75-ой научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава, научных работников, докторантов и аспирантов БНТУ (26 апреля 2022 г.). Минск: Белорусский национальный технический университет, 2022. С. 4–5.

35. *Vovou E.* The cultural environment of metaphors: A study of German as a Second/ Foreign Language // *Training, Language and Culture*. 2022. № 6(2). P. 68–75. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-2-68-75>
36. *Murashova E.P.* The role of the cognitive metaphor in the hybridisation of marketing and political discourses: An analysis of English-language political advertising // *Training, Language and Culture*. 2021. Vol. 5. № 2. P. 22–36. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-2-22-36>

References

1. Kennedy, J.M. (1982). Metaphor in pictures. *Perception*, 11, 589–605.
2. Carroll, N.E. (1996). A note on Film Metaphor. *Journal of Pragmatics*, 26(6), 809–822.
3. Carroll, N.E. (2001). *Beyond Aesthetics*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Nørgaard, N., Busse, B. & Montoro, R. (2010). *Key Terms in Stylistics*. London—New York: Continuum.
5. Bolshakova, L.S. (2011). The cognitive mechanism of creating a visual metaphor (based on the material of English-language music videos). *Modern problems of science and education*, 2, 119. (In Russ.).
6. Arutyunova, N.D. (1990). *Metaphor and discourse. Theory of metaphor*. Moscow. (In Russ.).
7. Petrenko, V.F. & Korotchenko, E.A. (2008). Figurative sphere in life and literature. Visual analogs of literary tropes. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 4, 19–40. (In Russ.).
8. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2007). Metaphor in pedagogical discourse: modern foreign studies. *Political linguistics*, 1, 69–75. (In Russ.).
9. Kabachenko, E.G. (2009). Concepts “teacher” and “pupil” in the minds of present-day teachers (figurative component). *Lingvokulturologiia*, 3, 83–91. (In Russ.).
10. Kondratieva, O.N. (2013). Metaphorical modeling in pedagogical discourse. *Pedagogical education in Russia*, 1, 116–121. (In Russ.).
11. Melnikova, N.V. (2007). Metaphorical models in the field of interpersonal pedagogical relations. *Humane, Social and Economic Sciences*, 2, 158–162. (In Russ.).
12. Pustovalova, V.V. (2016). Metaphor in pedagogy: an excursion and prospects. *Bulletin of TSPU*, 12(177), 169–175. (In Russ.).
13. Chaynikova, N.Yu. (2014). Metaphorical modeling of the conceptsphere “education” in the French pedagogical discourse Zh.-Zh. Russo. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 6(36), 209–213. (In Russ.).
14. Valkman, Yu.R. & Kniga, Yu.N. (2002). Analysis of the concept of “graphic image” // *Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the international seminar “Dialogue 2002”*. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/valkman/> (accessed: 15.06.2022). (In Russ.).
15. Pligin, A.A. (2005). Didactic metaphor as a way of transmitting cognitive strategy // *Development of cognitive strategies of schoolchildren: theoretical foundations and practice*. Moscow: Department of Education of the Southern District of Moscow. (In Russ.).
16. Solovyov, R.B. (2014). The potential of didactic metaphor in working with gifted children. *“Gifted child”*, 5, 91–101. (In Russ.).
17. Tsanenko, L.V., Tsanenko, N.A. (2022). *Visual metaphor as a learning technology (image base)*. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. (In Russ.).
18. Kuznetsova, N.V. (2016). The use of mental maps in educational activities. *Pedagogical and information technologies in education*, 15, 5. (In Russ.).
19. Ryazantsev, A.V. (2018). *Intelligence maps (mindmap). Graphical solution of business problems*. Moscow: Omega-L. (In Russ.).
20. Alekseev, A.G. (2019). Influence of pre-project moodboard analysis on the formation of analytical thinking of a future specialist in the field of design. *Bulletin of KemGUKI*, 46, 231–237. (In Russ.).

21. Karasik, V.I. (2017). A communicative approach to pedagogical discourse studies. *Russian Language Abroad*, 5(264), 4–8. (In Russ.).
22. Karasik, V.I. (2023). Linguistic and cultural characteristics of pedagogical discourse. *Vestnik Moscow city pedagogical university. Series. Philology. Theory of linguistics. Linguistic education*, 2(50), 118–129. (In Russ.).
23. Karasik, V.I. (2019). *Language Spiral: Values, Signs, Motives: monograph*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
24. Zhukov, D.S. & Lyamin, S.K. (2012). Visualized metaphors in the process of teaching historical and social science courses. *Psychological-Pedagogical Journal Gaudeamus*, 1(19), 76–84. (In Russ.).
25. Kuzmenko, A.A. & Shutilov, F.V. (2016). Information technologies mind map in support of managerial decision-making. *Production management: theory, methodology, practice*, 6, 130–134. (In Russ.).
26. Kulikova, V.V. (2021). Mental map as a teaching method. *Karelian Scientific Journal*, 10 (1(34)), 29–32. (In Russ.).
27. Buzen, T. (2018). *The Mind Map Book: Unlock your creativity, boost your memory, change your life*, P.A. Samsonov (Transl.). Moscow: Potpourri. (In Russ.).
28. Buzen, T. (2019). *Mind Map Mastery. The Complete Guide to Learning and Using the Most Powerful Thinking Tool*, Yu. Konstantinova (Transl.). Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.).
29. Boley, D.A. (2008). Use of premade mind maps to enhance simulation learning. *Journal of Nurse Educator*, 33(5), 220–223.
30. Zubkova, L.G. (2016). *Language Theory in its Development: from Naturocentrism to Logocentrism through Synthesis to Linguocentrism and to a New Synthesis*. Moscow: YASK. (In Russ.).
31. Yaroslavtseva, E.L. & Levitin, K.E. (2012). Intellectual approach to the formation of digital collages based on photo and video materials. *Bulletin of the M.F. Reshetnev Siberian State Aerospace University*, 3(43), 102–107. (In Russ.).
32. Kuleshova, A.A., Demidova, Yu.D. (2017). Computer modeling of graphic models. *New research in engineering and technology development*, 2, 57–60. (In Russ.).
33. Amirova, T.A., Olkhovikov, B.A. & Rozhdestvensky, Yu.V. (2008). *History of linguistics*. Moscow: Academy. (In Russ.).
34. Kuzmich, V.V. (2022). Visual metaphor as a tool to simplify the content of the taught educational material., In: *Innovations and modern technologies in industrial design and packaging: materials of the 75th Scientific and Technical Conference of the faculty, researchers, doctoral students and postgraduates of BNTU (April 26, 2022)*. Minsk: Belarusian National Technical University publ. pp. 4–5. (In Russ.). \
35. Vovou, E. (2022). The cultural environment of metaphors: A study of German as a Second. Foreign Language *Training, Language and Culture*, 6(2), 68–75. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-2-68-75>
36. Murashova, E.P. (2021). The role of the cognitive metaphor in the hybridisation of marketing and political discourses: An analysis of English-language political advertising. *Training, Language and Culture*, 5(2), 22–36. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-2-22-36>

Сведения об авторах:

Чулкина Нина Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *научные интересы*: психолингвистика, лингвокультурология, лексикография; *e-mail*: chulkina-nl@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-6758-4683; eLIBRARY SPIN-код: 8034-9263; ResearcherID: AAB-9438-2021; Scopus ID: 57203533337

Макашова Виктория Вячеславовна, кандидат филологических наук, старший педагог дополнительного образования кафедры русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *научные интересы*: метафорическое моделирование, когнитивная лингвистика, дискурс-анализ; *e-mail*: makashova_vv@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-4265-0613; eLIBRARY SPIN-код: 7378-6694; ResearcherID: JZD-5633-2024

Information about the authors:

Nina L. Chulkina, Dr.Sc. in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: psycholinguistics, linguoculturology, lexicography; *e-mail*: chulkina-nl@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-6758-4683; eLIBRARY SPIN-code: 8034-9263; ResearcherID: AAB-9438-2021; ScopusID: 57203533337.

Victoria V. Makashova, PhD in Philology, Senior Teacher of Additional Education of the Department of Russian Language and Linguoculturology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: metaphorical modeling, cognitive linguistics, discourse analysis; *e-mail*: makashova_vv@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-4265-0613; eLIBRARY SPIN-code: 7378-6694; ResearcherID: JZD-5633-2024.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-232-247

EDN: FQAIXY

УДК 81'373:808.51:81'276.6:32

Научная статья / Research article

Фразеологизмы с оценочным компонентом в публичной речи современных политиков

Ж.Н. Жунусова¹, А.Н. Нугуманова¹ ✉, Я.А. Волкова²¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика
Казахстан²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉ aliya-mj@mail.ru

Аннотация. В условиях современных реалий наблюдается интерес лингвистов к изучению политического текста. Передавая массивы информации миллионам людей, можно оказывать существенное влияние не только на общественное мнение, но и влиять на быт, отношения между индивидами, формировать линию поведения общества. Фразеологизмы, функционирующие в политической коммуникации, способны выразить мысль наиболее ярко, нести в себе оценочное значение, а также оказывать манипулятивное воздействие на адресата. Актуальность исследования обусловлена относительно слабой изученностью фразеологии как компонента политического дискурсивно-коммуникативного пространства на сопоставительном материале выступлений российских и казахстанских политиков. Цель данного исследования заключается в изучении фразеологических единиц в публичной речи политиков двух стран, в структуре которых присутствует оценочный компонент. В исследовании используется прием сплошной выборки, контент-анализ, а также описательно-аналитический метод. Результатом исследования является анализ отличительных особенностей, сопоставление применения политической фразеологии в политическом пространстве России и Казахстана. При этом необходимо отметить, что единая классификация оценочных фразеологизмов в политическом дискурсе все еще не сформирована. Авторами статьи была отмечена закономерность выделения фразеологических единиц на отрицательные и положительные, а политическая фразеология чаще всего представляется в виде оппозиции *хороший — плохой // свой — чужой*. Особое внимание уделено анализу пословиц и поговорок в политической речи. Отмечена тенденция к образованию оппозиции *свой — чужой* в политической речи на жесткой аксиологической основе, которая связана с противопоставлением *хороший — плохой*. В ходе исследования нами было отмечено, что казахстанские политики реже обращаются к категоричной оценке чужих, а также не используют в качестве оппонентов конкретных субъектов политической деятельности. Описание приемов трансформации фразеологических единиц на материале публичных выступлений дает возможность адресанту сформулировать точку зрения к какому-либо субъекту или явлению, оценить его либо придать ему новую стилистическую окраску.

Ключевые слова: фразеологизмы, оценочность, политическая лингвистика, политическая коммуникация, пословицы и поговорки, трансформация, речевое воздействие

© Жунусова Ж.Н., Нугуманова А.Н., Волкова Я.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Жунусова Ж.Н., Нугуманова А.Н., Волкова Я.А. Фразеологизмы с оценочным компонентом в публичной речи современных политиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 232–247. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-232-247>

Phraseological Units with an Evaluative Component in Public Speech of Modern Politicians

Zhanyl N. Zhunussova¹, Aliya N. Nugumanova¹ ✉, Yana A. Volkova²

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, *Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan*

²RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ aliya-mj@mail.ru

Abstract. Under the conditions of modern realities, among linguists, there exists an interestingness in studying political texts. By transmitting the abundant information to millions of people, it is possible to have a significant impact not only on public opinion, but also to influence everyday life, relationships between individuals, and shape the behavior of a society. Phraseological units functioning in political communication are able to express a thought most vividly, carry an evaluative meaning, and have a manipulative effect on an addressee. The relevance of the study is due to the relatively weak coverage of studies of phraseology as a component of the political discursive and communicative space based on the comparative material of speeches by Russian and Kazakh politicians. The purpose of this study is to examine the phraseological units of public speech, containing an evaluative component, delivered by politicians of the two countries. The study uses a continuous sampling technique, content analysis, as well as a descriptive and analytical method. The result of the study is an analysis of distinctive features, a comparison of the appliance of political phraseology in the political space of Russia and Kazakhstan. However, it should be noted that there has not been formed a unified classification of evaluative phraseological units in political discourse. The authors of the article distinguish the regularity of separating phraseological units into negative and positive contexts, and political phraseology is most often provided in the form of the opposition *good — bad // self — other*. Special attention is drawn to the analysis of proverbs and sayings in political speech. The authors marked the tendency *self — other* opposition in political speech on a rigid axiological basis, which is associated with the opposition of *good — bad*. In the course of the study, we noted that Kazakh politicians are less likely to turn to the categorical assessment of others, and do not use specific subjects of political activity as opponents. The description of the methods of transformation of phraseological units on the material of public speeches makes it possible for the addressee to formulate a point of view on any subject or phenomenon, evaluate it or give it a new stylistic nuance.

Keywords: phraseological units, evaluation, political linguistics, political communication, proverbs and sayings, transformation, verbal manipulation

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Zhunussova, Zh.N., Nugumanova, A.N. & Volkova, Ya.A. (2024). Phraseological Units with an Evaluative Component in Public Speech of Modern Politicians. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 232–247. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-232-247>

Введение

Политика неразрывно связана с человеческой деятельностью. Она базируется на коммуникационном начале, что нашло свое проявление в разного рода формах взаимодействия внутри общества, между социальными группами и институтами, которые выражают то или иное мнение о деятельности власти или отдельных ее представителей. С развитием коммуникаций стали активно развиваться и политические технологии, в которых большая роль стала уделяться подготовке и подаче информации о деятельности партии, органа власти или отдельного ее представителя. В связи с этим возросла роль теории и практики политической коммуникации. Этот вопрос стал предметом изучения многих научных деятелей, и на данном этапе возможно наблюдать частое появление публикаций, посвященных политической лингвистике.

Следует отметить, что на рубеже веков развитие новых технологий существенно изменило отношение между властью и обществом. В процессе диалога между ними информация передается через наиболее доступные и популярные каналы коммуникаций для правильного формирования политического образа, представления в нужном свете кандидата, политического деятеля и управленческих решений. Представители органов власти часто используют различные виды коммуникаций для получения обратной связи и оперативного реагирования на те или иные потребности и ожидания граждан.

Актуальность обусловлена относительно слабой изученностью фразеологических единиц как компонента политического дискурсивно-коммуникативного пространства с привлечением материала выступлений российских и казахстанских политиков и исследование их в сопоставительном аспекте. Как отмечает казахстанский ученый, «политика воспринимается и интерпретируется через речь, с помощью которой политики информируют, скрывают истинные цели, убеждают, рекомендуют, комментируют, манипулируют и управляют. Поэтому любая речь оказывается так или иначе политически нагруженной...» [1. С. 5].

Как известно, главной целью политического дискурса является борьба за власть, поэтому политики используют в своей речи определенный набор языковых средств, который окажет большее воздействие на электорат. На сегодняшний день как в устном, так и в письменном виде политический текст является актуальным для научных исследований современных лингвистов.

Существует большое количество языковых средств (вербальных и невербальных), которые способствуют манипуляции общественным сознанием, например: применение омонимов, окказионализмов, языковой игры, риторических вопросов, стратегии эвфемизации и мн. др., к таковым относятся и фразеологизмы. Вследствие этого вопрос анализа фразеологических единиц (далее — ФЕ), функционирующих в политическом тексте и речи, является **актуальным** как для ученых-лингвистов, так и медийных специалистов в области политических PR-технологий.

В данном исследовании мы рассматриваем фразеологию в рамках широкого ее понимания: в класс фразеологизмов входят идиомы, цитаты из художественных произведений, пословицы и поговорки, афоризмы, а также постоянно употребляющиеся устойчивые выражения. Такое понимание фразеологии позволяет отнести в ее класс единицы, которые не являются словом, однако передаются в цельном виде. Подобный подход определяется на узуральном уровне, так как к фразеологизмам мы относим все сочетания слов, которые используются в речи согласно узусу употребления.

К представителям широкого подхода относятся российские ученые: В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, В.Л. Архангельский, А.И. Ефимова, В.Н. Телия, Н.М. Шанский; казахстанские ученые М.М. Копыленко, К.А. Аханов, А. Болганбаев, Х.К. Кожакметов, Г.Н. Смагулова и многие другие.

Цель исследования — анализ фразеологических единиц, несущих в себе оценочное значение, на материале выступлений политиков России и Казахстана. В политическом дискурсе часто используются фразеологизмы, так как подобные устойчивые выражения придают речи образную полисемантическую, повышают уровень обратной связи с адресатами речи, поскольку могут доставить им «радость узнавания». В речи политиков часто используются фразеологические единицы, которые включают в себя идеологемы, тем самым обозначая не только объект речи, но и оценивая его с точки зрения некоторого лица, партии, правительства.

Основная часть

Материалом исследования послужили фразеологизмы с оценочным значением, полученные в результате сплошной выборки выступлений политиков России и Казахстана.

На основании цели исследования в данной работе были выбраны следующие методы и приемы: сплошная выборка, контент-анализ, а также описательно-аналитический метод. Результатом исследования является анализ отличительных особенностей политической фразеологии, а также сопоставление закономерностей ее функционирования в политических процессах двух стран.

В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу, что современная лингвистическая наука при определении понятия *фразеологизм* ученые выделяют разные ее аспекты и стороны. Так, согласно определению В.М. Мокиенко, фразеологические единицы — это «...сочетание слов, обладающее относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, экспрессивностью и целостным значением» [2]. ЛЭС-90 дает следующее определение: «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, <...> воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава»¹ [3].

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 559–560.

Несмотря на большое количество определений данного понятия, современные исследователи в своих трудах выявили основные особенности и характеристики фразеологизмов. Так, например, В.Н. Телия считает, что главной особенностью фразеологизма является его «фиксированная устойчивость» [5]. На основании уже имеющихся исследований мы приходим к выводу, что фразеологизмы — это устойчивые по своей структуре единицы языка, которые по природе своей предназначены быть средством передачи образного представления. Определенные фразеологизмы, как правило, закреплены за определенной сферой человеческой деятельности. Например, мы можем классифицировать фразеологические единицы, относящиеся к сфере науки, литературы, истории, политики и т.д.

К характерным чертам фразеологических единиц относятся экспрессивность, эмоциональность и оценочность. Категория экспрессивности относится к воображению, в то время как эмоциональность связана с чувствами. С функциональной точки зрения они отличаются: экспрессивность фразеологизмов способствует тообразить их более ярко, красочно, а эмоциональность способствует выражению различных эмоций и чувств. С другой стороны, если ФЕ обозначают положительное или отрицательное отношение говорящего, они не только передают экспрессивность и эмоциональность в их значении, но и дополнительно оценочность. В политических текстах эмоционально окрашенные единицы почти всегда имеют оценочную направленность, которая является важным параметром фразеологического значения (далее — ФЗ) [6].

Большинство фразеологизмов содержат в себе оценочные высказывания относительно характера человека, его поведения, интеллектуальных способностей, нравственных качеств и др. В основе подобных оценок лежит социальный опыт и признанная языковым коллективом норма. Так, необходимо отметить, что в изучение оценочного аспекта языковой личности учеными внесен большой вклад в рамках коммуникативной лингвистики [7]; в изучение оценочной функции лексемы как компонента коннотативного значения и семантической просодии как средства его занятости в семантике [8]; стилистического анализа и оценки [9]; использование различных оценочных средств с целью произвести воздействие на адресата и получить предполагаемый эффект на прагматическом уровне [10]; взаимосвязей между ценностями и эмоциями [11]; в изучение идеологии и оценочной семантики в когнитивной лингвистике [12].

Современные лингвисты еще не пришли к единому мнению о структуре оценочности как компонента в структуре ФЗ. Первая точка зрения рассматривает оценочное значение как выражение определенного отношения к предмету речи и соотносит ее с коннотативным компонентом. Другая точка зрения выделяет оценочность как проявление модальности и, следовательно, соотносит ее с денотативным компонентом.

Как известно из лингвистической литературы, фразеологические единицы со значением оценочности могут быть распознаны по ряду признаков.

Так, например, Н.И. Лавров выделяет около десяти показателей оценочности (лексико-семантических, грамматических, словообразовательных, стилистических и др.) [13].

В политической речи часто встречаются устойчивые словосочетания, которые воспроизводятся в языке с высокой частотностью. Эти фразеологические единицы являются непосредственным отражением политического дискурса, поскольку они в большинстве случаев применяются для манипуляции сознанием социума. Таким образом, большая часть фразеологизмов является идеологемами, способными не только обозначить какой-либо объект, но и выразить свою позицию по отношению к данному объекту.

Устойчивые обороты, которые называют и определяют явления политических реалий, являются одними из преимущественно преобладающих на современном этапе пластом фразеологии. В данные фразеологические единицы входят собственно политические термины, традиционные фразеологизмы, высказывания политиков, впоследствии ставшими собственно политическими устойчивыми оборотами, а также крылатые слова и выражения, присутствующие в речи того или иного политика.

Участники коммуникации в политическом дискурсивном пространстве используют фразеологические единицы для усиления воздействия на аудиторию. Образное основание фразеологизмов служит как исходное не только для их семантики, но и способно играть роль «основного нерва» в их функционировании в речи [3].

Главная роль фразеологических оборотов заключается в выражении образного представления. Помимо этого фразеологизмы способны в сжатой форме передать информацию, а также дать оценку событиям, действиям, конкретному субъекту и т.п. Также следует отметить, что описание множество различных классификаций фразеологизмов, в том числе оценочных фразеологизмов, имеющих следующие закономерности: в их значении выделяют положительную, нейтральную, отрицательную (негативную) оценку либо с одобрением//осуждением или отсутствием какого-то явно выраженного отношения к какому-либо явлению.

Перечисленные выше закономерности наблюдается и в исследуемой нами политической фразеологии в материалах публичной речи российских и казахстанских политиков. Как, например, в выступлении Н.А. Назарбаева (2010) в контексте о всемирном финансовом кризисе: «*Это глубочайший кризис, и свет в конце тоннеля пока не мерцает*»², используется выражение *свет в конце тоннеля*, которое несет в себе первичное значение о проблеске надежды на успешное завершение какого-либо трудного дела. Нужно отметить, что в данном случае устойчивое выражение расширяется глаголом *не мерцает*.

²Интервью Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева информационному агентству «Интерфакс», «Российской газете», и телеканалу «Вести». Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 22.06.2022).

Подобные приемы могут использоваться для того, чтобы наиболее ярко передать информацию с целью большего воздействия на адресатов и придать в данном контексте отрицательную коннотацию, тем самым реализуя прагматическую функцию в политическом дискурсивном пространстве.

Также можно привести высказывание президента В.В. Путина (2016) с фразеологизмом с отрицательной оценкой: «*Все это демонстрирует иррациональное стремление западных стран раз за разом повторять свои ошибки, как у нас в народе говорят: наступать на одни и те же грабли*»³. В этом употреблении данный фразеологизм несет значение *ошибаться*, который усиливает выражение *повторять свои ошибки*, несущее то же значение. Тем самым, основная подача мысли в этом высказывании идет перед фразеологизмом, закрепляет и экспрессивным образом отражает уже обозначенный им смысл, эффектно завершая само высказывание. Необходимо отметить, что политик делает акцент на том, *как у нас в народе говорят*, подчеркивая этим и национально-культурную направленность своей речи.

А.В. Кунин в своих исследованиях выделял отрицательный и положительный оценочные компоненты в ФЕ. Ученый отмечал, что в семантике фразеологизма с отрицательной оценкой содержится «осуждение как констатация социально-устоявшейся оценки определенных свойств человеческой личности» [13. С. 51].

Современные политики при оценивании какого-либо явления, объекта или лица прибегают в своих выступлениях к использованию речевых стратегий и тактик, которые позволяют воздействовать на адресата и влиять на его политическое мнение. В политическом дискурсе, особенно в предвыборных кампаниях из-за борьбы за голоса избирателей, часто прибегают к стратегии позитивной самопрезентации и негативного представления конкурентов. Подобные стратегии в большинстве случаев основаны на семантической и идеологической поляризации [13].

В политическом дискурсе оппозиция *свой — чужой* играет немаловажную роль, так как данная категория выступает в качестве «одного из ключевых противопоставлений в жизни и устройстве общества» [14. С. 310]. Осознавая свою личную и общественную идентичность, человек не может не признавать себя частью «своего» общества, которое противопоставляется «чужим» группам. Вследствие этого, данные категории являются традиционной бинарной оппозицией.

Как известно, в советской эпохе политический дискурс отличался высокой степенью идеологизации и все свое было хорошим, а чужое плохим [15]. Оценочность политической фразеологии можно представить в виде реализации бинарной оппозиции *свой — чужой*, которая в большинстве случаев связана с противопоставлением *хороший — плохой*. На современном этапе радикальная

³ Владимир Путин: Россия ни на кого нападать не собирается // Российская газета, 2016, 27 октября.

категоричность к «чужим» и идеализация «своих» уже не так явно прослеживается, однако данные оппозиции до сих пор реализуются в контексте выступлений политических деятелей Казахстана и России, например:

*«Им не нравится, когда я говорю, что Казахстан — это многонациональная страна. Но Бог им судья. Для своего поколения мы уже много сделали и можем спокойно **почивать на лаврах**»⁴;*

*«Главное заключается в том, что уже никто **нас не обведет вокруг пальца**, и мы никому не поверим, если будем иметь дело просто с **людьми**, которые **воздух сотрясают пустыми разговорами**»⁵.*

Дальнейшее исследование и сопоставление публичных выступлений политических лидеров позволяет выявить, что президенту Российской Федерации присуще в своих высказываниях чаще основываться на противоположных принципах *мы ↔ они, свои ↔ чужие* и больше критикует других субъектов внешней политики и представителей оппозиции:

*«Так ведут себя, извините, нувориши, на которых вдруг свалилось огромное богатство, в данном случае в виде мирового господства, мирового лидерства. И вместо того, чтобы им, этим богатством, грамотно, аккуратно распорядиться, в том числе и в свою, разумеется, пользу, считаю, что **наломали много дров**»; «Ну так скажите это народу. Просто так **трепать языком** каждый горазд. Наши американские друзья просто **режут сук, на котором сами сидят**»⁶;*

Как можно заметить, подобная отрицательная оценка свидетельствует об уверенности в истинности своего мнения и своей оценки. В то же время отмечаем, что казахстанские политики в своих выступлениях реже обращаются к конкретному субъекту, для них «чужие» обозначаются в обращениях «они», «другие», «политики», например:

*«И если мы все время будем в догоняющих, **«глотать пыль» за другими**, тогда мы никогда не поднимем Казахстан»⁷;*

*«Человеку не надо перед кем-то стоять и **шапку ломать**»⁸;*

*«Получается так: мы, ядерные державы, будем держать ядерное оружие, будем его совершенствовать, а вы, все, остальные, **сидите тихо и не рыпайтесь**»⁹;*

⁴ Интервью Главы государства Н.А. Назарбаева ведущим авторских программ казахстанских телеканалов. Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 22.06.2022).

⁵ Пресс-конференция В.В. Путина по итогам заседания Совета Безопасности. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 21.06.2022).

⁶ Выступление В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2014. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 21.06.2022).

⁷ Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на выставке — форуме «Сильный Казахстан построим вместе!». Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 22.06.2022).

⁸ Интервью Главы государства Н.А. Назарбаева ведущим авторских программ казахстанских телеканалов. Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 22.06.2022).

⁹ Интервью Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева информационному агентству «Интерфакс», «Российской газете», и телеканалу «Вести». Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 22.06.2022).

*«Только за это надо **встать на колени** и поблагодарить государство. Когда человек ничего не делает, потом высказывает «дайте ему все». Должно быть общественное мнение, которое будет **«ставить в стойло»** такого человека»¹⁰.*

В данных высказываниях мы наблюдаем, что в речах политиков завуалированные отрицательные характеристики передаются в устойчивых выражениях, которые часто ими применяются для избежания открытого конфликта. Согласно классификации О.Л. Михалёвой в приведенных примерах используется тактика безличного обвинения [16], при которой обвиняемый или негативно представленный оппонент открыто не называется: *«Критически важно, чтобы выделяемые средства **не ушли в песок**, как это бывало много раз»¹¹.*

Фразеологические единицы в политических выступлениях придают речи не только экспрессию, но и оценивают предмет разговора по шкале *хорошо — плохо*. Политические деятели обеих стран в обсуждениях тем внутренней политики и общественного характера в большинстве случаев употребляют фразеологизмы с положительной оценкой или коннотацией, а также отождествляют себя с народом через соотношение *мы — наше*, что находит отражение и на фразеологическом уровне:

*«Сегодня мы уже **написали первую страницу в истории** Нового университета Астаны»¹²;*

*«Астанинский саммит — это **звездный час** всего Казахстана»¹³;*

*«Наше поколение **родилось под счастливой звездой** — мы живые свидетели и активные участники зарождения и становления нового Казахстана»¹⁴;*

*«Ваша Ассоциация **работает как часы**, интенсивно, напряженно и с вашей помощью я скоро совсей Сибирью познакомлюсь, потому что это уже третий раз: Алтай, Томск и сейчас Иркутск»¹⁵;*

*«Мы хотим и будем самостоятельно **распоряжаться своей судьбой, строить настоящее и будущее** без чужих подсказок и непрошенных советов»¹⁶.*

Следует отметить, что употребление местоимений «мы», «наш» за счет грамматической категории числа актуализируют признаки «многочисленности» и «единства», а также реализует коммуникативную стратегию «отождествления», что соответствует цели авторов политических текстов:

¹⁰ Божко о соцпомощи: Надо встать на колени и поблагодарить государство // nur.kz, 2019, 4 сентября.

¹¹ Выступление Главы государства на заседании Государственной комиссии по чрезвычайному положению, 2020. Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 22.06.2022).

¹² Лекция Президента Республики Казахстан в «Назарбаев-Университете», 2010. Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 22.06.2022).

¹³ Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на торжественном собрании, посвященном Дню Независимости Республики Казахстан, 2010. Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 22.06.2022).

¹⁴ Выступление Президента Казахстана Н.А. Назарбаева на торжественном мероприятии, посвященном Дню Независимости Республики Казахстан, 2018. Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 22.06.2022).

¹⁵ Выступление В.В. Путина на заседании Совета межрегиональной Ассоциации «Сибирское соглашение», 2000. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 21.06.2022).

¹⁶ Послание президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию // rg.ru, 2016, 1 декабря.

«Мы никому не должны позволить **раскачать лодку**, благополучно плывущую в мировом океане»¹⁷.

С точки зрения А.В. Кунина, устойчивые обороты с положительной коннотацией содержат в своем значении «одобрение как констатация социально-устоявшейся оценки определенных свойств человеческой личности» [12. С. 52]. Это мы наблюдаем в следующем выступлении казахстанского лидера:

«Считаю, что пришло время **отдать должное** народу Казахстана и помочь ему на системной и регулярной основе»¹⁸.

В данном примере фразеологизм *отдать должное* используется в значении *справедливо, по достоинству оценивать кого-либо*. Данное предложение в сочетании с устойчивым оборотом стилистически приобретает торжественную окрашенность, здесь же стоит отметить и положительную оценку автора высказывания по отношению к казахстанскому народу, а также необходимость оказывания ему помощи.

Политическая речь, в частности, стратегически спланирована так, чтобы быть убедительной, воздействовать на эмоции избирателей и «строить новые альянсы» [17].

Поскольку мы придерживаемся широкого понимания фразеологии, в рамках данной работы мы также рассмотрели пословицы и поговорки в политическом дискурсе, несущие в себе оценочное значение [18–22]. Современные политики в своих выступлениях часто используют пословицы и поговорки, которые в сжатой форме могут помочь передать основную мысль высказывания. Как известно, пословицы — это «сложный языковой знак, фразеологизм со структурой предложения, культурно-значимое оценочное суждение, тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего» [23]. В данном определении есть указание на то, что одним из признаков в пословицах и поговорках есть проявление оценочного значения.

В своей работе российский ученый Е.И. Шейгал считает возможным выделить два типа пословиц политического дискурса [22]:

- общеязыковые пословицы, которые по своему содержанию могут быть использованы политиками, так как подходят к общественным и политическим реалиям, например: «**Лучше поздно, чем никогда**»¹⁹; «Я не знаю, насколько легко сейчас анализировать возможность присоединения России к НАТО, думаю, что ситуация пока к этому не вполне располагает, но есть известное выражение „**Never say never**“»²⁰;

¹⁷ Назарбаев: Казахстанцы должны беречь межнациональное согласие и противостоять терроризму // Караван, 2016, 5 сентября.

¹⁸ «Пришло время отдать должное народу» — Токаев обратился к богатым казахстанцам. Режим доступа: <https://baigenews.kz/> (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁹ Касым-Жомарт Токаев: «Надо уметь ценить гармонию нашего народа» // Комсомольская правда, 2021, 6 января.

²⁰ Россия остается загадкой // Труд-7, 2008, ноябрь.

- собственно политические пословицы, которые были созданы в момент политической коммуникации, в которых также используются образные средства, однако на первый план выдвигается политическая реальность: «Хотели как лучшие, а получилось как всегда»²¹; «Денег нет, но вы держитесь»²².

Как показывает наш анализ, современные политики не так часто прибегают к использованию собственно политических пословиц, в большинстве случаев, они используют уже существующие общеязыковые единицы:

«То, что у нас до сих пор нет нефтехимии и газопереработки высоких переделов — это, как говорится, “ни в какие ворота не лезет”»²³;

«В народе есть пословица «Трудится как пчелка», поэтому те, кто достойно трудится, похожи на достойную пчелу»²⁴.

В большинстве случаев в публичной речи пословицы используются для того, чтобы привлечь внимание аудитории и убедить ее в своей правоте. Для этой цели политики прибегают к трансформации уже известных пословиц:

«Мы должны добиться того, чтобы старая народная пословица «Не подмажешь — не поедешь» постепенно утратила свою актуальность и трансформировалась в новый слоган „Не подмажешь и поедешь“»²⁵;

«Но, как вы знаете, для танго нужны двое. Пока, по-моему, наши американские партнеры исполняют раз за разом индивидуальный брейк-данс»²⁶.

Однако следует отметить, что в приведенных выше примерах выступлений политических деятелей трансформированные пословицы будут относиться к собственно политическим, так как они используются в ходе политической коммуникации и политического коммуникативно-дискурсивного пространства, реалии которых выходят на первый план.

Необходимо добавить, что подобной трансформации в речи политиков подвергаются и фразеологизмы. Они могут использоваться без трансформации, в устоявшейся словоформе, например:

«Мы в Казахстане первыми разрубили «гордиев узел», приняв Указ о закрытии самого большого в мире испытательного полигона»²⁷;

²¹ В.С. Черномырдин на пресс-конференции, 1993.

²² «Денег нет, но вы держитесь!» Чем удивило общение премьера с народом // *gazeta.ru*, 2016, 24 мая.

²³ Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана.2020. URL: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения : 22.06.2022).

²⁴ Пасечник Зюганов рассказал о трудностях в российском политическом улье // *lenta.ru*, 2016, 4 июля.

²⁵ Итоговый выпуск вечерний // *Новый регион* 2, 2004.

²⁶ РФ готова к взаимодействию с США, но для танго нужны двое, заявил Лавров // *ria.ru*, 2016, 1 сентября.

²⁷ Выступление Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева на Общих дебатах 70-й сессии Генассамблеи ООН, 2015. Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 22.06.2022).

«Мы видим, с какими проблемами сталкиваются люди при назначении пенсий и пособий. Ворох бумаг, хождение по мукам»²⁸.

Субъекты политической коммуникации могут подвергать общенародные единицы лексическим, семантическим или лексико-семантическим изменениям. Данное явление весьма распространено в политическом дискурсивном пространстве, поскольку этот прием дает возможность субъекту речи сформулировать точку зрения по отношению к другому субъекту или явлению, оценить его по шкале *хорошо/плохо* либо придать ему новую стилистическую окраску, например ироническую: *Поэтому считаю, что демократия — это не игрушка в руках «киндер-сюрпризов» от политики.* В данном высказывании на тот момент премьер-министра РК К.-Ж. Токаева (2001) трансформированный фразеологизм *игрушка в руках «киндер-сюрпризов»* употреблен в ироническом смысле с целью привлечения внимания к тому, что политикам не стоит относиться к демократии как к чему-то несерьезному.

В следующем высказывании министра обороны России С.К. Шойгу (2017) на заявление британского коллеги Майкла Фэллона о том, что Запад не хочет, чтобы *медведь совал свои лапы в Ливию*, прокомментировал следующим образом: *«вряд ли в их зоопарке вырос зверь, который может указывать медведю»²⁹.*

При трансформации фразеологических единиц современные политики также часто прибегают к приему нанизывания фразеологизмов для того, чтобы создать в сознании адресата сложный и интенсифицированный образ:

«Несмотря на это, шаг за шагом, встреча за встречей, нам удалось решить все возникшие вопросы и подписать еще в 1994 году Соглашение о казахстанско-китайской границе»³⁰;

«Люди в космосе работают плечо к плечу, рука об руку, помогают друг другу, выполняют важнейшие задачи, которые стоят не только перед нашими странами, но и перед всем человечеством»³¹.

В данных примерах «фразеологической плотности» политиками подчеркивается их позиция по тому или иному вопросу, а также создается эффект интенсификации конкретного смысла. Фразеологические единицы при данных условиях обычно являются взаимообусловленными интенсификаторами и актуализаторами их значения.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что при модификации фразеологических оборотов в политическом дискурсе

²⁸ Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 2020. Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> (дата Режим доступа: 22.06.2022).

²⁹ Шойгу ответил Фэллону, призвавшему Россию не «совать лапы в Ливию» // gazeta.ru, 2017, 21 февраля.

³⁰ Интервью Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева телеканалам «Казахстан» и «Хабар», 2005. Режим доступа: <https://www.akorda.kz/> (дата обращения: 22.06.2022).

³¹ В.В. Путин на телемосту с Международной космической станцией и космодромом Восточный, 2016. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 21.06.2022).

открываются их новые функциональные возможности. В речи политиков двух стран трансформированные ФЕ используются для того, чтобы привнести дополнительный иронический, саркастический и др. эффекты, вследствие которых появляются новые образы, передаются отличительные особенности отношения субъекта речи к участникам политической коммуникации, к общественно-политическим явлениям, реально произошедшим событиям.

Заключение

На основании проведенного нами исследования мы можем заключить, что роль фразеологизмов совпадает с целью политического дискурса: борьба за власть путем воздействия на мнение слушающих (избирателей) через создание положительной или негативной оценки или образа, который «ближе к народу».

Современные политики в своих выступлениях стремятся к тому, чтобы четко обозначить свою позицию или позицию государства касательно конкретного политического субъекта или политического события. Таким образом, в их публичных выступлениях проявляется оценка нынешнего положения политической картины мира.

Мы можем прийти к выводу, что в политическом дискурсе часто реализуется бинарная оппозиция «свой—чужой», так как она является исходной точкой во взаимоотношениях участников политической коммуникации. Можно отметить, что подобное противопоставление в большинстве случаев применяется в целях манипуляции над адресатами речи, поскольку через данную оппозицию возможно выразить положительное отношение, создать связь единства с окружающими, а также оттолкнуть и дистанцироваться их от оппонентов путем негативной оценки. Таким образом, при использовании нужных языковых средств возможно изменить мнения адресата об окружающей его действительности.

В исследованных нами примерах публичных выступлений известных людей двух стран необходимо отметить, что противопоставление по принадлежности в политической речи реализуются на ценностной основе: *свои—наши*, которые всегда положительные и прогрессивные, а *они—чужие* всегда отрицательные и регрессивные, что отражает суть иерархии любой власти. Смысловая наполненность оценочности в данном случае выполняет основные цели политического дискурса: влияние на картину мира электората, а также манипулирование мнением общества для достижения необходимого результата.

Также следует отметить, что проведенное нами исследование открывает перспективу для дальнейшего изучения фразеологизмов, используемых политиками России и Казахстана, в частности выявления их особенностей функционирования, а также для определения роли фразеологии в политической коммуникации.

Библиографический список

1. Ахатова Б.А. Политический дискурс и языковое сознание. Алматы: Экономика, 2006.
2. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: около 6 000 фразеологизмов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель, 2005.
3. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
4. Zubareva N., Siddikova I. Cognitive & Pragmatic Approach to the Phraseological Intensifiers of Political Discourse // Rukatha Journal. 2021. Vol. 13. № 1. P. 1–12.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
6. Sinclair J.M. Trust the Text: Language, Corpus and Discourse. London: Routledge, 2004.
7. Short M., Semino E. Evaluation and Stylistic Analysis // Van Peer W. (Ed.). The Quality of Literature: Linguistic Studies in Literary Evaluation. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co.P. 117–138.
8. Fraser B. Pragmatic Markers // Pragmatics. 1996. № 6. P. 167–190.
9. Mulligan K. From Appropriate Emotions to Values // The Monist. 1998. № 81(1). P. 161–188.
10. Malrieu J.P. Evaluative Semantics. Cognition, Language, and Ideology. London, New York: Routledge, 1999.
11. Лавров Н.И. Актуальные проблемы русской фразеологии. Л., 1983. С. 108–112.
12. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.
13. Van Dijk T.A. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. № 11(1). P. 11–52.
14. Сейранян М.Ю. Оппозиция «свой-чужой» как конфликтоген в политическом дискурсе // Преподаватель XXI век. 2012. № 2. С. 306–310.
15. Ошеева Ю.В. Политическая лексика и фразеология русского языка (1985–2000 г): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.
16. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009.
17. Муди С., Еслами З.Р. Политический дискурс, переключение кода и идеология // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 2. С. 32–343. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343>
18. Архангельская А.М. Трансформационная парадигма фразеологизма в русской речи: в пространстве предсказуемого и непредсказуемого // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 133–152. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-133-152>
19. Доброва М.С. Реализация функций фразеологических единиц в дискурсивном пространстве русскоязычного интернета // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 233–246. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-233-246>
20. Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. Новая общественно-политическая фразеология в русском языке: тенденции развития // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 186–202. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202>
21. Мокиенко В.М. Образ врага в русской фразеологии и паремиологии // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 203–216. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216>
22. Новоспаская Н.В., Лазарева О.В. Лингвистические доминанты грамматики и словаря // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 537–546. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-537-546>
23. Абакумова О.Б. Оценочность и способы ее выражения в пословицах (на материале русских и английских пословиц о правде) // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 3. С. 59–63.

24. Шейгал Е.И. Категоризация мира политики в жанрах политической афористики // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 271–279.

References

1. Akhatova, B.A. (2006). *Political discourse and linguistic consciousness*. Almaty: Economics. (In Russ.).
2. Mokienko, V.M., Birikh, A.K. & Stepanova, L.I. (2005). *Russian phraseology: historical and etymological dictionary: about 6,000 phraseological units*. Moscow: Astrel. (In Russ.).
3. Telia, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow. (In Russ.).
4. Zubareva, N. & Siddikova, I. (2021). Cognitive & Pragmatic Approach to the Phraseological Intensifiers of Political Discourse. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 13(1), 1–12.
5. Karasik, V.I. (2004). *Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Moscow: GNOSIS. (In Russ.).
6. Sinclair, J.M. (2004). *Trust the Text: Language, Corpus and Discourse*. London: Routledge.
7. Short, M., & Semino, E. (2008). Evaluation and Stylistic Analysis. In: Van Peer W. (Ed.), *The Quality of Literature: Linguistic Studies in Literary Evaluation*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co. pp. 117–138.
8. Fraser, B. (1996). Pragmatic Markers. *Pragmatics*, 6(2), 167–190.
9. Mulligan, K. (1998). From Appropriate Emotions to Values. *The Monist*, 81(1), 161–188.
10. Malrieu, J.P. (1999). *Evaluative Semantics. Cognition, Language, and Ideology*. London, New York: Routledge.
11. Lavrov, N.I. (1983). *Actual problems of Russian phraseology*. Leningrad. pp. 108–112. (In Russ.).
12. Kunin, A.V. (1984). *Big English-Russian phraseological dictionary*. Moscow: Russian Language. (In Russ.).
13. Van Dijk, T.A. (1997). What is Political Discourse Analysis? *Belgian Journal of Linguistics*, 11(1), 11–52.
14. Seyranyan, M.Yu. (2012). Opposition “own-strange” as a conflictogen in political discourse. *Prepodavatel XXI vek*, 2, 306–310. (In Russ.).
15. Osheeva, Yu.V. (2004). *Political vocabulary and phraseology of the Russian language: 1985–2000*. Ufa. (In Russ.).
16. Mikhaleva, O.L. (2009). *Political discourse. Specificity of manipulative influence*. Moscow: Librokom. (In Russ.).
17. Moody, S., & Eslami, Z.R. (2020). Political discourse, code-switching, and ideology. *Russian Journal of Linguistics*, 24(2), 325–343. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343> (In Russ.).
18. Arkhanhelska, A.M. (2022). The transformational paradigm of a phraseological unit in Russian speech within the space of predictability and unpredictability. *Russian Language Studies*, 20(2), 133–152. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-133-152> (In Russ.).
19. Dobrova, M.S. (2022). Phraseological units functions implementation in the discursive space of the Russian-speaking Internet. *Russian Language Studies*, 20(2), 233–246. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-233-246> (In Russ.).
20. Leontyeva, T.V. & Shchetinina, A.V. (2022). New Russian socio-political phraseology: development trends. *Russian Language Studies*, 20(2), 186–202. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202> (In Russ.).

21. Mokienko, V.M. (2022). Image of the enemy in Russian phraseology and paremiology. *Russian Language Studies*, 20(2), 203–216. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-203-216> (In Russ.).
22. Novospasskaya, N.V. & Lazareva, O.V. (2021). Linguistic Dominants of Grammar and Lexis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 537–546. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-537-546> (In Russ.).
23. Abakumova, O.B. (2018). Evaluation and ways of its expression (based on Russian and English proverbs of truth). *Uchenye Zapiski Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye i Sotsial'nye Nauki*, 3, 59–63. (In Russ.).
24. Sheygal, E.I. (2004). Categorization of the world of politics in the genres of political aphorism. In: *Cultural layers in phraseological units and discursive practices*. Moscow. pp. 271–279. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Жунусова Жаньл Ныгизбаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и теоретической лингвистики, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (010008, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, 2); *e-mail*: zhanyl_n@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0694-470X. SPIN-код: 4991-8023, AuthorID: 322730, Scopus ID: 57209318260.

Нугуманова Алия Нурлановна, докторант кафедры прикладной и теоретической лингвистики, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (010008, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, 2); *e-mail*: aliya-mj@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0006-9943. SPIN-код: 5284–8125, AuthorID: 1148362.

Волкова Яна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *e-mail*: yana.a.volkova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1456-5881. SPIN-код: 8483-9527, AuthorID: 527081.

Information about the authors:

Zhanyl N. Zhunussova, Dr.Sc. in Linguistics, Professor, the Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University (11, Kazhimukan str., Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, 010008); *e-mail*: zhanyl_n@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0694-470X. SPIN-code: 4991–8023, AuthorID: 322730, Scopus ID: 57209318260.

Aliya N. Nugumanova, PhD student, the Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University (11, Kazhimukan str., Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, 010008); *e-mail*: aliya-mj@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0006-9943. SPIN-code: 5284-8125, AuthorID: 1148362.

Yana A. Volkova, Dr.Sc. in Linguistics, Professor, the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *e-mail*: yana.a.volkova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1456-5881. SPIN-code: 8483-9527, AuthorID: 527081.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-248-261

EDN: FPALHU

UDC 811.111'37'367.624-057.4(=581)

Research article / Научная статья

Certainty Stance Adverbs in Chinese Linguistic Academic Writing: A Corpus-based Study

Natalia M. Dugalich¹ , Hao Han^{1,2}

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Zhengzhou Business University, Gongyi, China

 dugalich-nm@rudn.ru

Abstract. This study delves into the intricate usage of certainty stance adverbs in the academic writings of the Chinese. The object of this study is to conduct a contrastive analysis of certainty stance adverbs between Chinese linguistic MA novices and linguistic experts. The subject of this study is to explore the similarities and differences in the use of these adverbs within the academic discourse of the two groups mentioned. In addressing these disparities, the study seeks to analyze them from the perspective of interlanguage and interpersonal function, with the ultimate goal of enhancing the production of high-quality academic papers by the Chinese. The study employs two key methods: the contrastive analysis method and the corpus-based method. The novelty of the study lies in its contrastive examination of certainty stance adverbs between Chinese linguistic MA novices and experts. Through an in-depth analysis of theoretical frameworks and linguistic data extracted from the MA theses of Chinese linguistic novices and research articles of linguistic experts, the study underscores the importance of considering the similarities and differences in the use of certainty stance adverbs within the realm of second language acquisition and pragmatic studies. This consideration aims to refine learners' syntactical and pragmatic command of certainty stance adverbs to align with expert academic discourse, ultimately fostering effective interpersonal communication in academic writing. The findings of this research offer valuable insights into the specific linguistic challenges encountered by the Chinese, thereby laying a solid groundwork for the development of targeted pedagogical strategies to bolster their academic writing skills.

Keywords: certainty stance adverbs, academic discourse, English L1, corpus-based study

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Dugalich, N.M. & Han, H. (2024). Certainty Stance Adverbs in Chinese Linguistic Academic Writing: A Corpus-based Study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 248–261. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-248-261>

© Dugalich N.M., Han H., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Наречия с семантикой уверенности в академическом письме китайцев-лингвистов: корпусное исследование

Н.М. Дугалич¹ , Хао Хань^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Чжэнчжоуский университет бизнеса, Гонги, Китай

 dugalich-nm@rudn.ru

Аннотация. Исследование посвящено использованию наречий выражения уверенности в академических трудах китайских ученых, написанных на английском языке. Целью данного исследования является проведение сравнительного анализа употреблений наречий с семантикой уверенности в работах магистрантов-лингвистов и ученых-лингвистов, пишущих на английском языке. Предметом данного исследования является изучение сходств и различий в использовании наречий в академическом дискурсе рассматриваемыми группами. Исследование проводится в аспекте выражения личного мнения и ставит целью выработку рекомендаций для повышения качества научных работ на английском как иностранном. Используются два ключевых метода: метод контрастивного анализа и корпусный метод. Новизна предлагаемого исследования заключается в контрастном изучении наречий с семантикой уверенности в научных работах магистрантов-лингвистов и ученых-лингвистов, пишущих на английском языке. Результаты исследования выявляют сложности, с которыми сталкиваются изучающие английский язык китайцы, тем самым закладывая основу для разработки стратегий, направленных на укрепление их навыков академического письма на английском как иностранном. Результаты исследования могут быть применены в сопоставительных исследованиях и работах по методике обучения иностранному языку.

Ключевые слова: наречия с семантикой уверенности, академический дискурс, английский как иностранный, корпусное исследование

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Dugalich N.M., Han H. Certainty Stance Adverbs in Chinese Linguistic Academic Writing: A Corpus-based Study // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 248–261. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-248-261>

Introduction

Stance is an important topic in academic discourse studies. Academic discourse aims to create professional knowledge and persuade readers to accept one's own views. One of its important features is argumentation, which relies on three elements: “ (1) the analysis and evaluation of content knowledge, (2) the writer's development of a position, and (3) the presentation of that position in a coherent manner” [1. P. 146]. These three elements are inseparable from the author's position, i.e. stance. Therefore, stance is an important feature of argumentation in academic discourse. In order to enhance the persuasiveness of academic writing, authors need to present the propositional information of relevant professional knowledge

and express their attitudes and evaluations of this information, establish their authorial identity appropriately, interact with potential readers, and persuade readers to accept their views. This requires authors to express their stance appropriately. However, research has found that stance expressions are difficult to master for learners in academic writing [2]. These stance expressions in English are diverse, and stance adverbs, especially certain stance adverbs, are one of the most common ways of expressing stance. Previous studies mainly macroscopically studied stance adverbs as a whole in academic discourse [3–9]. There have been relatively few micro-studies on certainty stance adverbs in the academic English writing of Chinese learners. This paper is going analyze the usage characteristics of certainty stance adverbs in Chinese learners' academic English writing, examine the difficulties in learners' stance expressions, and provide references for academic English writing and teaching.

Theoretical background

Stance: definition and scope

The concept of stance was defined by D. Biber and E. Finegan [10. P. 1] who explained it as an “overt expression of an author’s or speaker’s attitudes, feelings, judgments, or commitment concerning the message”. D. Biber maintains that stance, as a linguistic manifestation, serves to convey how certain the speaker or writer is towards the veracity of information and also what perspective they take towards it [11]. Stance expressions play important role in academic writing, conveying the writers’ viewpoints and enabling the reader to better understand the propositional message conveyed in the text.

Lexical and grammatical patterns for expressing stance are examined using a corpus-based approach, with a focus on academic written registers [12]. Stance is manifested linguistically through the use of verbs [13–15]; adverbials [10; 16–18], complement clause constructions [19], and metadiscourse features [15; 20].

In English, adverbs play a significant role in expressing various types of stance [16]. Epistemic stance adverbs are employed to indicate different degrees of certainty (e.g., *obviously*, *really*) and likelihood (e.g., *probably*, *possibly*, *maybe*). Attitude stance adverbs are used to convey the speaker’s attitude towards a proposition (e.g., *fortunately*, *surprisingly*), typically positioned at the beginning or end of a clause. Lastly, style stance adverbs convey the speaker’s manner of speaking (e.g., *sincerely*, *simply*).

Certainty stance adverbs

Stance adverbs are one of the main manifestations of stance expressions and can be divided into three categories: epistemic stance adverbs, attitude stance adverbs, and style stance adverbs. Certainty stance adverbs belong to the

epistemic category, expressing our affirmation of the propositional message and the validity of the propositional content of the text. They not only have semantic meaning but also interpersonal functions, conveying personal commitment and certainty about truth and value judgments [21]. The use of certainty stance adverbs in academic writing indicates the writer's clear and definite attitude, prompts the reader to understand the writer's viewpoint, facilitates the reader's accurate judgment of the propositional message of the academic discourse, and helps construct a harmonious relationship between the writer and the reader so that the reader is clearly aware of the certainty of the information he or she receives. The appropriate use of certainty stance adverbs in academic writing to express stance not only makes explicit the expressed viewpoint but also takes into account the reader's emotion, thus helping the reader to better understand the attitude conveyed in the discourse and thus resonate with the writer.

D. Biber [11] points out the semantic function of certainty stance adverbs in two aspects: true propositional information and personal attitude. In other words, the certainty stance adverbs in academic writing not only express the ideas clearly, and more importantly, reflects the apparent attitude of the writer in expressing his or her opinion. K. Hyland [21] also argues that sometimes one proposition has the dual (propositional and commentary) function. This suggests that when reading academic papers we must be aware that the content stated in academic writing not only conveys propositional information but also has evaluative meaning, as a result of the interactive process between the writer and the reader.

Most studies on certainty stance adverbs are based on genre analysis, exploring its usage characteristics from an interpersonal perspective [4; 5; 9]. The main research findings of them are concluded as follows: the distribution characteristics of certainty stance adverbs vary in different registers, genres, and disciplinary texts. They can express the author's judgments of proposition certainty or possibility, reflecting the function of intensifying or mitigating the tone. In academic discourse, they have interpersonal significance, expressing the author's attitude towards the proposition while also considering the reader's feelings and engaging in interactive negotiations on the topic. Learners face difficulties in stance expression in academic writing, especially in expressing proposition certainty.

Studies on Chinese learners' certainty stance adverbs in academic discourse indicate that learners use certainty stance adverbs less frequently and have insufficient vocabulary richness. They tend to directly express their stance towards the proposition in an authoritative tone [3; 8]. These studies on certainty stance adverbs in China are mainly based on Chinese English learners' argumentative corpus and native speakers' corpus. The method of interlanguage contrastive analysis is used to analyze certainty stance adverbs, and the results show similarities and differences in the characteristics of certainty stance adverbs' usage between learners and native speakers. Zhao Xiaolin [6] pointed out that the main differences are that learners' use of certainty stance adverbs is concentrated

on a few items, lacking diversity; they tend to appear in sentence-initial position and lack flexibility in syntactic position; they use the implicit stance expression of certainty stance adverbs less frequently; and they use relatively simple collocation sequences that indicate logical relationships between propositions. There are relatively few studies on the use of certainty stance adverbs in academic English writing by Chinese learners. Pan Fan [7], based on a corpus of Chinese and foreign mechanical engineering journal articles, found that Chinese authors used certainty stance adverbs less frequently overall and tended to be colloquial in their choice of vocabulary and sentence structure, and have insufficient understanding of the interpersonal significance of academic discourse, which affects the recognition and acceptance of their papers in the international academic community. These studies indicate that appropriately using certainty stance adverbs to express the author's stance is challenging for Chinese learners due to the diversity of form and semantics and the complexity of syntax. Proper stance expression, especially certainty stance adverbs, in academic writing can construct the evaluative and interactive nature of discourse, indicate the author's attitude and position towards the proposition, involve readers in discourse, guide readers to make judgments and think critically, and help achieve the purpose of academic communication. Comparing the features of certainty stance adverbs usage between Chinese learners' academic English writing and English papers published in authoritative international journals in the same field can reveal the stance expression skills that learners have mastered and the difficulties they face. This study examines the usage characteristics and difficulties of certainty stance adverbs in Chinese learners' academic writing by comparing their corpora with the corpus of English papers published in authoritative international journals.

This study seeks answer to the following question: what specific syntactical and pragmatic characteristics do Chinese linguistic MA novices and linguistic experts do exhibit when using high-frequency certainty stance adverbs in their academic writing?

Research methodology

Data sets

The data for this study consists of two electronic corpora of written texts (Table 1). The learner corpus of 50 Chinese students' MA theses (CLMA_C) in applied linguistics is from 36 Chinese universities. The reference corpus of 100 published international journal research articles (ILJA_C) in applied linguistics is from the following six influential international journals, namely, *Applied Linguistics* (SJR:2.72), *TESOL Quarterly* (SJR:1.78), *International Journal of Corpus Linguistics* (SJR:0.49), *English for Specific Purpose* (SJR:1.36), *Journal of Pragmatics* (SJR:0.93), and *Journal of Second Language Writing* (SJR:1.83). The reason why we choose applied linguistics as the target academic discipline is that we can collect enough data on Chinese learners' English writing, which will make the contrastive

study more reliable. The whole papers are used, but they exclude the front page, the Chinese Abstract, the list of tables/figures, the table of contents, and the appendix.

Table 1

Information of ILJA_C and CLMA_C

Corpora	Size	Number of texts
CLMA_C	804.935	50
ILJA_C	802.490	100

Source: authors' study

Method of analysis

To investigate certainty stance adverbs and their interpersonal function, this study conducted quantitative (corpus-based analysis) and qualitative analyses (interlanguage and discourse analysis).

Quantitative analysis in this study together with manual contextual analysis focused on all instances of certainty stance adverbs in both corpora. In order to calculate and analyze these instances, WordSmith 5.0 will be used. WordSmith 5.0 [24] is a software program designed for text analysis in corpus linguistics. It provides tools for analyzing language patterns, concordance, and collocation in a given body of text or corpus. WordSmith 5.0 is used for two different tasks in this study. The first task is to generate concordance lines involving certainty stance adverbs in both corpora. The frequency distribution of certainty stance adverbs can be obtained in this process. The second is to sort concordance lines to determine their functions in the discourses. Then, comparisons are made, in terms of structure and function, in order to find out the features of the learners' usage of certainty stance adverbs.

Log-likelihood and Chi-square Calculator 1.0 is a software tool developed by Liang Maocheng [25]. It is designed to calculate log-likelihood and chi-square statistics for linguistic analysis, particularly in corpus linguistics and language studies. These statistical measures are commonly used to determine the significance of word co-occurrences and associations within a given corpus. In this study, Log-likelihood and Chi-square Calculator 1.0 [25] is used to make comparisons between the occurrences of certainty stance adverbs used by Chinese MA learners and those by international experts. In the following parts, 0.05 is set as the statistically significant p-value. If the p-value is less than 0.05, we can conclude that the results are statistically significant. Instead, if the p-value is larger than 0.05, it will indicate that there is no significant difference between two research data.

A qualitative analysis was performed in order to make explicit the results of the quantitative analysis. The research subjects refer to the category of K. Hyland & J.C. Milton [2], T. McEnery & N.A. Kifle [5], and Xu [22] and identified a total of 17

certainty stance adverbs based on D. Biber, et al.'s [16] semantic classification of the lexical items listed in the academic discourse: “absolutely, actually, admittedly, basically, certainly, clearly, definitely, fundamentally, genuinely, in fact, indeed, inherently naturally obviously, ostensibly, of course, really”. The integration of qualitative and quantitative methods can facilitate more explanatory findings. The quantitative analysis identified the frequency of occurrence of certainty stance adverbs in both corpora. The results of the analysis of the frequency of occurrence of certainty stance adverbs in both corpora were used as the basis for interlanguage and discourse analysis on Chinese EFL writers’ engagement in writer-reader interaction and manifest their interpersonal function.

Analysis and discussion

Frequency features

We examined each subject in both corpora, manually removing the usage of adverbs that did not indicate certainty stance, and obtained frequency information and normalized frequencies for each certainty stance adverbs with the following results.

As is shown in Table 2, learners are able to use these certainty stance adverbs in their academic writing. Although the use of certainty stance adverbs is diverse, the lexical items of them are only dependent on several choices. In terms of overall usage, the standardized frequency of using certainty stance adverbs in learner theses is lower than in international journal articles, and there was a significant difference between the two corpora ($p=.00<.05$). Concerning word frequency, learners and experts differed in the order of high frequency despite the fact that the top 10 most frequent certainty stance adverbs were roughly the same. This suggests that learners basically realize the category of the certainty stance adverbs, while some of them are not yet sufficiently mastered. This finding verifies the studies of K. Hyland & J.C. Milton [2] and Xu Hongliang [22]. Eight of the top ten certainty stance adverbs have differences, among which “clearly” and “really” have significant differences ($0.01<p<0.05$); “actually, obviously, in fact, of course, indeed, certainly” have extremely significant differences ($p< 0.01$). The top five certainty stance adverbs appearing in high frequency in the theses of learners were: “actually, clearly, obviously, in fact, really”, while the top five adverbs appearing in high frequency in the articles of international journals were: “clearly, in fact, actually, indeed, really”. The consistency of four out of the five frequently occurring certainty stance adverbs indicates that learners are able to use them in their writing to express their confidence in propositional content. The test of variance shows that the frequencies of the five certainty stance adverbs appearing at high frequencies in learners’ theses differ from those in international journal articles ($p<0.05$), learners rely more on “actually” to express deterministic stances and use it more frequently than experts ($p<0.05$), but underuse “clearly” and “in fact”. When

expressing a truthfulness stance, learners used “actually” with high frequency (29.07 per 100,000 words) while experts tended to use “in fact” and “clearly” (21.81 and 24.92 per 100,000 words, respectively). The statistics show that learners use “in fact” less than experts ($p < 0.05$); Below, we will analyze the usage characteristics of high-frequency certainty stance adverbs.

Table 2

Frequency statistics of certainty stance adverbs in ILJA_C and CLMA_C

Certainty stance adverbs	CLMA_C		ILJA_C		Chi-square	Significance (p)
	RF	SF	RF	SF		
<i>actually</i>	234	29.07	160	19.94	13.31	0.000*
<i>clearly</i>	156	19.38	200	24.92	-5.33	0.021
<i>obviously</i>	87	10.81	41	5.11	15.68	0.000*
<i>in fact</i>	65	8.08	175	21.81	-49.84	0.000*
<i>really</i>	64	7.95	93	11.59	-5.08	0.024
<i>of course</i>	41	5.09	73	9.10	-8.53	0.004*
<i>indeed</i>	40	4.97	149	18.57	-62.05	0.000*
<i>naturally</i>	38	4.72	41	5.11	-0.06	0.811
<i>basically</i>	21	2.61	16	1.99	0.42	0.517
<i>certainly</i>	19	2.36	42	5.23	-8.00	0.005*
<i>definitely</i>	18	2.24	11	1.37	1.223	0.269
<i>absolutely</i>	11	1.37	2	0.25	4.899	0.027
<i>inherently</i>	10	1.24	13	1.62	-0.180	0.671
<i>fundamentally</i>	4	0.50	13	1.62	-0.789	0.052
<i>admittedly</i>	2	0.25	3	0.37	-0.000	0.997
<i>ostensibly</i>	1	0.12	9	1.12	-4.921	0.027
<i>genuinely</i>	0	0	1	0.13	-0.000	0.999
Total	811	100.75	1042	129.85	-29.286	0.000

Note: “RF” stands for “raw frequency”; “SF” stands for “standardized frequency (per 10, 0000)”; “-” stands for less use; “**” indicates significant discrepancy ($p < 0.01$).

Source: authors’ study

Usage characteristics of high-frequency certainty stance adverbs

This section scrutinizes the utilization of five high-frequency certainty stance adverbs, namely “*actually, really, in fact, clearly, obviously*”, across two corpora. Additionally, this section investigates the challenges faced by learners in using these adverbs.

Actually

The adverb “*actually*” was found to frequently collocate with mental verbs by both learners and experts, with a frequency of approximately 39 % and 73 %, respectively. The usage of mental verbs among learners was found to be limited in diversity. Furthermore, the mental verbs followed by experts were predominantly utilized in the passive voice, including verbs such as “used” and “indicated”.

- 1) ...*the linguistic resources they had known at a receptive level were **actually used** to achieve a goal in a real-life situation (ILJA_C);*
- 2) *In some cases, this heterogeneity has a reason because quite different objects of study are **actually indicated** under the same label of “keyword” (ILJA_C).*

These results align with the findings of D. Biber [16]. The verb collocations utilized by learners predominantly employed the active voice, including verbs such as “reflect” and “indicate”.

- 3) *According to this metaphor, some linguistic expressions **actually reflect** the distinction between setting and participants (CLMA_C);*
- 4) *...this sentence **actually indicates** a specific moving relationship for trajector and landmark (CLMA_C).*

This indicates that the learners have not yet mastered the syntactical usage of “*actually*”. The study also found that learners used “*actually speaking*” as a parenthetical expression, while the experts did not use it at all.

- 5) ***Actually speaking**, many expressions and explanations are complicated... (CLMA_C).*

Moreover, we found that learners tend to use the adverb “*actually*” at the beginning of sentences to emphasize the certainty of facts or propositional information, whereas this usage is less common in the writing of experts. In academic discourse the use of “*actually*” usually shows a contrast with the preceding statement or presupposition. For example:

- 6) *... and the resulting adjustments to form occurred more often in unfamiliar tasks, but feedback was **actually used** more often in familiar tasks, which led to modifications in learner output (ILJA_C);*
- 7) *Thus, though Hispanic markers **actually** come from different backgrounds, they are bound together through the display of knowledge about a “Latino lifestyle” (ILJA_C).*

Both (6) and (7) are taken from ILJA_C, and the use of “*actually*” shows a contrasting semantic relationship at one level of the contextual propositional viewpoint (i.e. “unfamiliar tasks” VS “familiar tasks” in (6); “different backgrounds” VS “are bound together” in (7)).

However, observations of learners’ concordance lines revealed that some learners may not be fully aware of this. For example:

- 8) *So the first purpose is to give a general review of related studies on motivation both at home and abroad. **Actually** various motivation theories have been*

proposed by different researchers and we had better have a clear idea about this content (CLMA_C);

- 9) *A second area of linguistic research has been into language features of blurbs. **Actually**, a large amount of studies have focused on the linguistic choices offered by authors of blurbs (CLMA_C).*

Examples (8) and (9) are selected from the CLMA_C, the observation that the context around “actually” in Chinese English learners’ academic writings does not appear to show contrastive relationships, but rather expresses an emphatic or progressive relationship, may be due to differences in language use and cultural influences. In Chinese language and culture, the use of words like “事实上/实际上 (‘actually’)” may be more commonly employed to emphasize or highlight a point, rather than to indicate contrast. For example:

- 10) 实际上，定量研究方法可以提供大量的数据支持，但它可能无法深入了解个体的细节情况。（*Actually, quantitative research methods can provide a lot of data support, but they may not be able to understand the details of individuals in depth*).

In this example, the author used “实际上” to introduce a fact and point out the strengths and limitations of quantitative research methods. The context here is that the author wants to emphasize the data support advantage of quantitative research methods, but also wants to indicate its limitations in understanding individuals in depth.

Therefore, Chinese English learners may transfer this usage pattern into their English writing, resulting in a different interpretation than expected.

Really

The adverb “*really*” is frequently employed to emphasize factual or value-truth judgments, particularly in relation to controversial propositions. Writers often use “*really*” to express their genuine judgments and to provide support for their opinions within the discourse. Noun phrases collocate with “*really*” for learners accounting for 27 % and experts for 8 %. The nouns phrases used by experts were mostly concrete people or things, such as “a native speaker, a visual ideology, etc.”, while the nouns phrases used by the learners were more Abstract, such as “distinction, long history, etc.” The underlying cause for this phenomenon among Chinese MA students could be attributed to their continued manifestation of learner characteristics, which include a lack of conscious proficiency in utilizing the specialized terminology inherent to their respective academic disciplines, unlike experienced writers. For example:

- 11) *Who should it be who decides whether an undocumented applicant for political asylum is **really a native speaker of the language** he or she claims ? (ILJA_C);*
- 12) *In order to interrogate how racial bodies are socially constructed and how they can be changed, I draw on Stoler ‘s observation that race is not **really a visual ideology** at all (ILJA_C);*

- 13) *Is there **really such distinction** between the function of ‘demand’ and ‘offer’ to convey interactive meanings?* (CLMA_C);
- 14) *The metaphor research has a **really long history**, from the traditional theories...* (CLMA_C).

Besides, experts do not use “in really speaking” as a parenthetical expression and the use of *really* is not followed by a prepositional phrase while learners frequently use such, e.g.:

- 15) *... a day dreamer. (Text 7) Example 32: **In really speaking**, all success...* (CLMA_C);
- 16) *... there is no such a fixed collocation — **in really speaking** in English. 4.2.5. The...* (CLMA_C);
- 17) *... across our country know what’s **really at stake**, that we will...* (CLMA_C);
- 18) *There are some misuses of the simple DM very as well as DMs like almost and **really in the students’ writings**.* (CLMA_C).

In academic English, it is uncommon for “*really*” to be directly followed by a prepositional phrase. “*Really*” is typically used as an adverb to emphasize or confirm the truthfulness or degree of a statement. However, in specific contexts “*really*” can be followed by a prepositional phrase to convey a particular meaning. This usage is relatively rare and not commonly found in formal academic writing. Therefore, in most cases, we would not encounter the use of “*really*” directly followed by a prepositional phrase in academic English.

The above shows that although learners are more familiar with the usage of “*really*” in daily conversation, they still have difficulties in academic discourse compared with experts. Learners should try to avoid features that are not frequently found in experts’ writing when using it to express a certainty stance in academic writing.

Clearly

In terms of collocational features, there are notable distinctions between experts and learners in their usage of the adverb “*clearly*” in academic writing, particularly when stating study results. Firstly, learners frequently employ “*clearly*” in conjunction with the pronoun “it”, a pattern that is infrequently observed among experts. This discrepancy may be attributed to the influence of “semantic consistency” [23. P. 56] influenced by the learners’ L1 background. Conversely, experts tend to precede “*clearly*” with specific nouns such as “the figure” or “the table”, indicating a distinct result derived from a table or figure in an academic paper. This usage is deemed more conducive to academic readership. However, learners often lack awareness of this academic convention, suggesting an incomplete mastery in interpersonal function of “*clearly*” in academic writing. It is possible that learners, in their eagerness to have their own opinions acknowledged when drawing conclusions, exhibit a tendency to forcefully impose their viewpoints on readers. For example:

- 19) *It also shows **clearly** about what kinds of words appear frequently in government documents (CLMA_C);*
- 20) *The **figures clearly** show that the differences between Danish and English lectures are not due to a few haphazard instances in our sets of lectures (ILJA_C);*
- 21) *A **number of tables clearly** lay out parallels under such headings as Variability, Variable processes, and Internal constraints on variable units, before going on to address social constraints particular to Deaf communities, and research methods employed in sociolinguistic research on sign languages (ILJA_C).*

As is evident from the aforementioned discussion, the use of “*clearly*” in conjunction with specific figures or tables serves to indicate a high level of clarity and precision in conveying meanings. This practice facilitates reader-writer interaction and demonstrates the writers’ commitment to the statistical results of the study. By employing this collocational pattern, writers make it easier for readers to engage with the information presented and comprehend the significance of the findings.

Conclusions

The examination of high-frequency certainty stance adverbs, specifically “*actually*”, “*really*”, and “*clearly*”, across the ILJA_C and CLMA_C corpora reveals discernible patterns between learners and experts in academic writing.

The analysis of “*actually*” usage indicates that learners tend to favor active voice verbs, in contrast to experts who predominantly utilize passive voice verbs. The frequent use of “*actually speaking*” as a parenthetical expression by learners, absent in expert writing, suggests a potential transfer of usage patterns from the Chinese language. This highlights the need for learners to refine their syntactical mastery of “*actually*” to align with expert academic discourse.

Regarding to “*really*”, learners often employ it to emphasize factual judgments using more Abstract noun phrases, diverging from the concrete phrases preferred by experts. Learners’ tendency to follow “*really*” with prepositional phrases, less common in academic English, underscores the importance of heightened awareness. Similarly, in the case of “*clearly*”, learners often pair it with the pronoun “*it*”, in contrast to experts who prefer specific nouns like “*the figure*” or “*the table*”. This deviation suggests a potential lack of awareness among learners regarding the academic convention of enhancing clarity and precision through specific figure or table references.

This study highlights the importance of learners understanding syntactical nuances and contextual appropriateness when using high-frequency certainty stance adverbs. Aligning writing styles with expert academic discourse conventions is recommended to improve academic communication effectiveness and overall writing proficiency. Further research and pedagogical interventions can explore these distinctions, offering valuable insights into language learners’ academic writing development. Additionally, this study provides evidence in the interlanguage

of Chinese EFL learners, which is insightful for second language acquisition and comparative linguistics, contributing to relevant theoretical verifications and development.

References

1. Wingate, U. (2012). ‘Argument!’ helping students understand what essay writing is about. *Journal of English for Academic Purposes*, 11(2), 145–154.
2. Hyland, K. & Milton, J.C. (1997). Qualification and certainty in L1 and L2 students’ writing. *Journal of Second Language Writing*, 6(2), 183–205.
3. Allison, D. (1995). Assertions and alternatives: helping ESL undergraduates extend their choices in academic writing. *Journal of Second Language Writing*, 4(1), 1–15.
4. Hyland, K. (1998). *Hedging in scientific research articles*. Amsterdam: John Benjamins Publ.
5. McEnery, T. & Kifle, N.A. (2002). Epistemic modality in argumentative essays of second-language writers. In: Flowerdew, J. (Ed.), *Academic Discourse*. Longman: New York. pp. 182–195. <https://doi.org/10.4324/9781315838069>
6. Zhao, X.L. (2009). Expression of Stance in Chinese Learner English: Stance Adverbs. *Journal of PLA University of Foreign Languages*, 32(5), 54–59.
7. Pan, F. (2012). Stance Adverbs in Journal Articles by Chinese and Native Writers: A Pragmatic View. *Journal of PLA University of Foreign Languages*, 35(5), 9–12.
8. Xu, F. (2015). A Study of Stance Markers in Second Language Academic Writing. *Foreign Languages and Their Teaching*, 5, 1–7.
9. Lancaster, Z. (2016). Expressing stance in undergraduate writing: Discipline-specific and general qualities. *Journal of English for Academic Purposes*, 23, 16–30.
10. Biber, D. & Finegan, E. (1989). Adverbial stance types in English. *Discourse Processes*, 1, 1–34.
11. Biber, D. (2006). Stance in spoken and written university registers. *Journal of English for Academic Purposes*, 5(2), 97–116.
12. Peacock, M. (2015). Stance adverbials in research writing. *Ibérica*, 29, 35–62.
13. Thompson, G. & Yiyun, Y. (1991). Evaluation in the reporting verbs used in academic papers. *Applied linguistics*, 12(4), 365–382.
14. Hunston, S. (1994). *Evaluation and organisation in a sample of academic written discourse. Advances in Written Text Analysis*. London: Routledge.
15. Hyland, K. (2002). Activity and evaluation: reporting practices in academic writing. In: Flowerdew, J. (Ed.), *Academic Discourse*. Longman: New York. pp. 115–130. <https://doi.org/10.4324/9781315838069>
16. Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S. & Finegan, E. (1999). *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Pearson Education.
17. Hyland, K. (1996). Talking to the academy: Forms of hedging in science research articles. *Written communication*, 13(2), 251–281.
18. Lian, J., Lazareva, O.V. & Lazareva, O.S. (2022). Comparative Analysis of the Russian Adverb *чрезвычайно* and the Chinese Adverb *非常* in the Meaning of ‘extremely’. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 502–517. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-502-517>
19. Biber, D. (2015). Stance and grammatical complexity in conversation: An unlikely partnership discovered through corpus analysis. *Corpus Linguistics Research*, 1, 1–19.
20. Hyland, K. (2004). Disciplinary interactions: Metadiscourse in L2 postgraduate writing. *Journal of second language writing*, 13(2), 133–151.
21. Hyland, K. (2005). Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*, 7(2), 173 —191.
22. Xu, H.L. (2011). Use of Authorial Stance Markers in Research Discourse by Chinese Advanced EFL Learners: A Corpus-based Contrastive Study. *Foreign Language Education*, 32(6), 44–48.

23. Bahns, J. (1993). Lexical collocations: A contrastive view. *ELT Journal*, 47(1), 56–63.
24. Scott, M. (2008). *WordSmith Tools 5.0*. Oxford: Oxford University Press.
25. Liang, Maocheng (2010). *Chi-square test and log-likelihood ratio calculation tool*. Beijing: China Foreign Language Education Research Center.

Information about the authors:

Natalia M. Dugalich, PhD in Philology, Associate Professor at the Foreign languages department, Faculty of Philology; Head of Foreign languages department, Institute of Medicine, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: polycode text, political cartoon, discourse studies of the Arabic, French and English language; *e-mail*: dugalich-nm@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-1863-2754, Researcher ID K-8404-2017; Scopus Author ID: 57194526936.

Hao Han, PhD student at the Foreign languages department, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); Lecturer at School of Foreign Languages, Zhengzhou Business University (136, Zijing Road, Gongyi City China, 451200); *Research interests*: discourse studies of the English and Chinese language, academic discourse; *e-mail*: 1042218192@rudn.ru

ORCID: 0009-0004-3832-6660.

Сведения об авторах:

Дугалич Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультет, заведующий кафедрой иностранных языков медицинского института, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: поликодовый текст, политическая карикатура, дискурсивные исследования арабского, французского и английского языка; *e-mail*: dugalich-nm@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-1863-2754, Researcher ID K-8404-2017; Scopus Author ID: 57194526936.

Хань Хао, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); преподаватель школы иностранных языков, Чжэнчжоуский университет бизнеса (451200, Китай, г. Гонги, Цзыцзин шоссе, 136); *сфера научных интересов*: дискурсивные исследования английского и китайского языков, академический дискурс; *e-mail*: 1042218192@rudn.ru

ORCID: 0009-0004-3832-6660.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275

EDN: FOGHCU

УДК 81'255.2:81'42

Научная статья / Research article

«Сверхтекст» как форма существования «сильного» художественного текста

В.А. Разумовская

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

✉ veronica_raz@hotmail.com

Аннотация. Рассматривается возникновение и существование системно-структурного объединения текстов, определяемого как центр переводной аттракции и формируемого «сильным» текстом художественной литературы и его вторичными версиями различной семиотической природы. Исследование обращено к гипотезе формирования в границах указанного центра «сверхтекста», обладающего параметрами полилингвальности, поликодовости, мультимодальности, а также полиавторства. Являясь многомерным информационным объектом, «сверхтекст» объединяет варианты передачи информации оригинала в переводе, увеличивая границы его переводимости и степень переведенности. Формирование и функционирование центра и соответствующего «сверхтекста» определяется как пролонгированный, непрерывный и безграничный семиозис, описываемый, прежде всего, через понятия интерпретации и адаптации. Как сложный семиотический объект, «сверхтекст» формируется как континуум интерпретаций информационного потенциала «сильного» оригинала, что позволяет раскрыть его эстетические ресурсы и способствовать сохранению в пространственно-временных координатах культуры. Гипотеза «сверхтекста» рассматривается на материале «сильного» текста трагедии У. Шекспира «Гамлет, принц датский», являющегося достоянием мировой культуры, и его многочисленных вторичных версий, генерируемых в течение более 400 лет. В соответствии с якобсонианскими видами перевода основное внимание уделяется межъязыковым и межсемиотическим версиям оригинала. Приводится краткая история переводов пьесы на русский язык, охватывающая период XVIII—XXI в. Как один из самых экранизируемых текстов, «Гамлет» имеет многочисленные киноверсии и обнаруживает тесную связь с историей мирового кинематографа. Отмечаются случаи повторного перевода (в широком понимании процесса повторной интерпретации оригинальной информации средствами одного иностранного языка или одной семиотической системы) шекспировского текста, а также отмечаются сдвиги онтологических категорий первичности и вторичности у вербальных, невербальных и не только вербальных вторичных текстов, принадлежащих центру переводной аттракции. Анализ «Гамлета» как «сверхтекста» предполагает его рассмотрение в траекториях дескрипции и прескрипции и может способствовать появлению истории и теории «сверхтекста» как объекта семиотики перевода.

Ключевые слова: «сильный» текст, неисчерпаемость художественного оригинала, бифуркация информации, переводная множественность, центр переводной аттракции, перевод, мультимодальный «сверхтекст»

© Разумовская В.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 15.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Разумовская В.А. «Сверхтекст» как форма существования «сильного» художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 262–275. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275>

“Supertext” as a Form of a “Strong” Fiction Text Existence

Veronica A. Razumovskaya

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

✉ veronica_raz@hotmail.com

Abstract. The emergence and existence of a systemic-structural texts’ unity, defined as a center of translation attraction and formed by a “strong” text of fiction and its secondary versions of various semiotic nature, are considered in the article. The study is addressed to the hypothesis of formation of a “supertext” within the boundaries of the above mentioned center, which has polylingual, polycode, multimodal and polyauthorial parameters. Being a multidimensional information object, a “supertext” unites the variations of the original information in translation, which increases the limits of its translatability and degree of its translatedness. The formation and functioning of a center and the corresponding “supertext” are defined as a prolonged, continuous and limitless semiosis, described primarily through the interpretation and adaptation. As a complex semiotic object, a “supertext” is formed as interpretations continuum of a “strong” original information potential, which makes it possible to reveal its aesthetic resources and contribute to its preservation in spatio-temporal coordinates of culture. The hypothesis of “supertext” is considered on the material of a “strong” text of W. Shakespeare’s tragedy “Hamlet, Prince of Denmark”, which is world culture heritage, and its numerous secondary versions generated for more than 400 years. In accordance with the Jakobsonian types of translation, main attention is paid to the interlingual and intersemiotic versions of the original. A brief history of play’s Russian translations covering the period of the 18th—21st centuries is given. As one of the most filmed literary texts, “Hamlet” has numerous screen adaptations, revealing their close connection with the world cinema history. There are cases of the Shakespeare’s text retranslation (In the broad sense of the process of original information reinterpretation by means of one foreign language or one semiotic system), as well as shifts in the ontological categories of primacy and secondarity related to verbal, nonverbal and not only verbal secondary texts belonging to the center of translation attraction. The analysis of “Hamlet” as a “supertext” presupposes its consideration in the trajectories of description and prescription and can contribute to the emergence of the history and theory of “supertext” as an object of translation semiotics.

Keywords: “strong” text, fiction original inexhaustibility, information bifurcation, translation multiplicity, center of translation attraction, retranslation, multimodal “supertext”

Article history:

Received: 15.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Razumovskaya, V.A. (2024). “Supertext” as a Form of a “Strong” Fiction Text Existence. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 262–275. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275>

Введение

В соответствии с областями научных знаний и возможными основами классификации вербальные тексты относятся к различным типам. Типологическая принадлежность текста определяется исходя из формальных, функциональных, стилевых и других параметров. В отношении ряда текстов художественной литературы в современном научном дискурсе активно используется понятие «сильного» текста. «Сильные» художественные тексты обладают ценными культурно-эстетическими характеристиками, формируют ядро национальных и мировой литератур и являются междисциплинарными научными объектами. «Сильные» тексты известны большинству носителей «своей» и нередко мировой культур, включены в национальные образовательные каноны и связаны с понятием информационной энергии, которая усиливается за счет резонанса, возникающего при их взаимодействии с другими «сильными» объектами культуры [1]. Важнейшим свойством «сильных» текстов считается их высокая степень реинтерпретативности — переводимости на другие формы «своего» языка, а также иностранные языки и «языки» видов искусств. Обращаясь к выдающимся литературным текстам («сильным» текстам у Н.А. Кузьминой), Е.Г. Эткинд подчеркивает их «бесконечную смысловую перспективу», что в итоге и определяет высокую вероятность появления не одного переводческого решения при их переводе, а бесконечного множества таких решений [2. С. 395–396].

В исследовании используется понятие центра переводной аттракции, генерируемого «сильным» художественным текстом, и предлагается гипотеза формирования «сверхтекста», объединяющего оригинал и вторичные версии, имеющие различную семиотическую природу и являющиеся результатом процессов интерпретации и адаптации. Адаптация понимается как семиотический процесс (семиозис), предполагающий преобразование вербального текста оригинала во вторичный вербальный, невербальный и не только вербальный вторичный текст, что позволяет читателю (или зрителю) предельно адекватно воспринять информацию оригинального текста, с которым он знакомится в его вторичной форме.

Для достижения цели и задач исследования использованы традиционные научные методы — сравнительный, структурный и описательный, комплементарно примененные в контексте герменевтического подхода. Анализ межъязыковых и межсемиотических версий «сильного» текста, представленных в пространстве обширного центра переводной аттракции, основан на понятиях центра и периферии и предполагает эмпирическое наблюдение и анализ научной литературы. Шекспировский текст анализируется через его воплощения в формах иноязычных текстов, а также интерпретаций на «языках» различных семиотических систем и художественных форм. Исследование имеет дескриптивную и прескриптивную

траектории, итогом которых стала гипотеза образования «сверхтекста» в границах центра переводной аттракции «сильного» текста литературы и культуры.

Центр переводной аттракции как результат интерпретации и адаптации «сильного» художественного текста

А. Лефевр, обращаясь к проблемам перевода в культурологической парадигме, выделил среди объектов художественного перевода особый тип текстов, определив его как национальное и мировое культурное достояние («cultural capital»), что в значительной мере соответствует понятию «сильного» текста. Теоретик перевода считал, что именно тексты-достояния располагаются в узлах текстовых решеток культур, обеспечивая их структурную «жесткость» и способствуя устойчивости и сохраняемости культур [3. С. 5].

В силу культурной ценности объекта понятие «сильного» текста имеет очевидное сходство с понятием «абсолютной» картины, предложенном московской концептуальной школой для обозначения живописных полотен, которые неотделимы от истории мирового изобразительного искусства [4]. Вслед за Ю.М. Лотманом, определившего культуру как совокупность ненаследственной информации [5], можно утверждать, что «сильные» тексты и «абсолютные» картины образуют наиболее важную и, соответственно, устойчивую часть такой информации. Также в развитие плодотворной лотмановской идеи о текстах как генераторах смысла отметим, что и «сильные» тексты не только аккумулируют и пассивно хранят важную культурную информацию и память, но и активно их генерируют. Эволюция информации «сильного» художественного текста имеет своим результатом появление новых объектов культуры, которые онтологически вторичны по отношению к оригиналу. Количество уже созданных или гипотетически возможных вторичных версий определяется рядом факторов. Информационные особенности оригинала, его эстетическая «сила» и культурная ценность относятся к внутренним факторам, тогда как к внешним факторам принадлежат факты и обстоятельства «жизни» оригинала и вторичных версий. Успешная «судьба» произведения зависит также от восприятия и отзывов читателей и критиков оригинала и вторичных версий, известности автора, интереса к культуре и литературе оригинала в культуре перевода и многих других факторов.

«Сильные» тексты обладают ингерентной способностью к реинтерпретативности, что увеличивает переводимости и переведенности значимых объектов литературы и культуры. Особенности информации «сильного» оригинала обеспечивают возможность его регулярных и многочисленных интерпретаций. Генерирование нескольких переводов «сильных» текстов (прежде всего на иностранные языки) порождает переводную множественность [6], уже ставшую неокатегорией теории перевода и «онтологической реальностью переводчиков-практиков» [7. С. 241]. Художественный текст

с доминирующей эстетической информацией исходно неоднозначен, что и обеспечивает вероятность множества вариантов его понимания и интерпретации на этапах восприятия, декодирования и перекодирования как в рамках родного языка и культуры, так и средствами других языков и культур, а также других семиотических систем. Можно с уверенностью утверждать, что неоднозначный «сильный» оригинал гипотетически является информационно неисчерпаемым.

«Сильный» текст художественной литературы образует обширный (многомерный и многокомпонентный) центр переводной аттракции, в котором оригинал представляет собой аттрактор перевода, а вторичные версии — поле переводимости [8]. Структура поля формируется на основе универсального принципа центра и периферии и включает в себя как уже выполненные и используемые переводы — центральная часть поля, так и переводы потенциальные (существующие гипотетически), а также переводы, вышедшие из употребления в силу различных причин — периферийная часть.

Повторный перевод (переперевод) и «судьба» сильного текста

Обращаясь к семиотической вариативности вторичных версий «сильного» оригинала, отметим, что его иноязычные версии как «продукт» межъязыкового перевода (перевода в его традиционном понимании) наиболее широко изучены, хотя взаимодействие и взаимовлияние иноязычных версий в рамках центра переводной аттракции еще ждет своего исследования. Остается зоной неопределенности и проблематика вторичных текстов, созданных средствами одной языковой системы. В журнале «Иностранная литература», специализирующимся на публикации переводной литературы, представлена рубрика «Переперевод», посвященная практическим и теоретическим аспектам повторных русских переводов выдающихся произведений мировой литературы. Имея опыт переперевода, главный редактор журнала А.Я. Ливергант делится взглядами на явления переперевода и считает, что для его появления должны быть весомые причины. Отмечается следующий парадокс: чаще перепереводятся художественные тексты, которые уже успешно переведены ранее и стали классикой перевода и фактом литературы принимающей культуры. Ливергант отмечает причины переперевода: экономические, вызванные невозможностью получения права на переиздание перевода; временные, обусловленные естественным устареванием созданных переводов; творческие, предполагающие стремление переводчика создать версию, которая будет превосходить более раннюю; идеологические, связанные с задачами устранения цензурных сокращений и адаптаций [9].

Понятие переперевода появилось в теории и философии перевода. Одной из первых теорий стала гипотеза повторного перевода («retranslation hypothesis») А. Бермана, который считал, что каждый новый перевод становится более удачным и по сравнению с предшествующими версиями в большей

мере соответствует оригиналу. Интересен (хотя и не бесспорен) известный тезис Бермана о том, что первые переводы никогда не будут великими [10; 11].

В переводоведении представлен ряд трактовок явления переперевода и, прежде всего, в контексте упомянутого выше понятия переводной множественности, которую можно определить как гипероним (перевод понимается в широком значении, включающим три его яacobсонских вида), а переперевод (как повторный перевод оригинала на иностранный язык, где уже существуют версии) понимается как гипоним переводной множественности. При различиях критериев выделения переперевод и переводная множественность имеют в своей основе свойство реинтерпретативности художественного текста, что свидетельствуют об его ингерентной «силе». «Повторные переводы добавляют значимости исходному тексту, свидетельствуя о неугасающем интересе к иноязычному оригиналу как читательской аудитории, так и принимающей культуры вообще» [12. С. 100].

«Гамлет» как уникальное явление культуры и объект перевода

Трагедия «Гамлет, принц датский», написанная в 1599–1601 г., является одной из самых известных пьес У. Шекспира и с полным правом принадлежит к разряду наиболее знаменитых пьес мировой драматургии. Образ шекспировского протагониста стал одним из главных («вечных») и при этом загадочных в мировой литературе. Пьеса обладает всеми требуемым свойствами «сильного» текста, о чем свидетельствует его включение в рейтинги выдающихся произведений литературы всех времен и народов: «Всемирную библиотеку» — серию из 100 наиболее значимых произведений мировой литературы из разных стран (список составлен в 2002 г. Норвежским книжным клубом совместно с Норвежским институтом имени А. Нобеля); в 2020 г. — в рейтинг журнала «Newsweek» «100 лучших книг всех времен и народов»; в 2021 г. — в рейтинг из 100 книг по версии пользователей портала «Goodreads» (глобальной сети любителей чтения) и т.д. При этом следует отметить, что рейтинговые позиции пьесы не служат единственными индикаторами ее «силы».

Являясь традиционным объектом исследований, рассматриваемый шекспировский текст традиционно остается в фокусе научных интересов литературоведов, лингвистов, переводоведов и представителей многих других разделов гуманитарных знаний [13; 14], что выделило гамлетистику в специальную область шекспировских штудий [15; 16]. В Индии с 1979 г. издается журнал «Hamlet Studies», публикующий исследования трагедии в различных аспектах и подходах.

Используя понятие бифуркации, определим создание шекспировского оригинала как последовательность интерпретаций мотива и сюжета мести средневековой скандинавской легенды об Амледе, включенной в хроники XIII в. «Деяния данов» Саксона Грамматика. Среди исследователей нет единого мнения в том, что Амлед стал единственным прототипом шекспировского Гамлета. Отмечается

вероятность существования и других прецедентных текстов, представленных в более ранних фольклорных и художественных текстах и даже в творческом наследии драматурга [17]. Тексту трагедии вероятно предшествовала утраченная пьеса, обозначаемая исследователями как «Пра-Гамлет» («Пред-Гамлет») и ставшая основой более позднего текста, дошедшего до наших дней. Существует несколько версий шекспировского текста, напечатанных как отдельными изданиями (Quarto 1 1603 г. и Quarto 2 1604 г.), так и в посмертном собрании сочинений (Folio 1 1623 г.) и имеющих очевидные расхождения. Традиционно считается, что в современных изданиях представлен некий сводный текст, характеризующийся большей полнотой охвата описанной истории [18].

История появления вторичных версий пьесы (по траекториям внутриязыкового, межъязыкового и межсемиотического якобсонских видов перевода) также обнаруживает бифуркационные характеристики.

В результате внутриязыкового перевода созданы вторичные английские версии, предназначенные для театра и кино и англофонных читателей различных возрастов. Межъязыковой перевод предполагает вторичные иноязычные версии. По информации базы данных переводов UNESCO автор «Гамлета» занимает 3 место (4396 упоминаний) в списке наиболее часто переводимых авторов, пропустив вперед только А. Кристи и Ж. Верна. Автору «Гамлета» принадлежит почетное 2 место (после А. Кристи) в списке из 10 наиболее переводимых англоязычных писателей (4283 упоминания) [19]. История переводов пьесы на иностранные языки и их изданий еще ждет своего осмысления, чему может способствовать современная технология Big Data, разрабатываемая в рамках европейского проекта Big Translation History (BTH) и позволяющая собрать и интерпретировать данные о «судьбе» переводов в глобальном контексте и в течение продолжительного периода [20].

Примечательно, что создатели первых переводов часто обращались не ко всему тексту «сильного» текста пьесы, а к ее «сильному» фрагменту — к монологу Гамлета. Так, первому знакомству с текстом пьесы французы обязаны Вольтеру, который перевел монолог в 1734 г. С монолога в 1739 г. произошла встреча и итальянских читателей с трагедией, когда был опубликован знаменитый текст Гамлета в переводе П. Ролли [21].

Свою историю имеют переводы на восточные языки. Прежде всего, они являются хронологически более поздними, чем версии, созданные на европейских языках, и часто создавались не с английского оригинала, а опосредованно с англоязычных вторичных текстов. Так, китайские читатели познакомились с «Гамлетом» только в начале 1900-х гг. через перевод синопсиса прозаического и значительно упрощенного для детей пересказа пьесы («*Tales from Shakespeare*» / «Сказки Шекспира», Ч. и М. Лэм, 1807). За последующее столетие пьеса стала восприниматься в Китае как величайший литературный шедевр, чему, бесспорно, способствовало появление переводов. С 1922 г. опубликовано не менее двенадцати различных китайских переводов, начиная

с полнотекстового перевода Тяня, предназначенного для современного китайского театра хуаджу (разговорная драма) [22].

В Турции первые фрагментарные версии пьесы появились немного ранее китайских версий, что произошло во второй половине XIX в. и стало возможным только в эпоху вестернизации страны. Первый известный полнотекстовый перевод на турецкий язык (более точно, на новоосманский язык, имеющий арабский алфавит и большое количество арабских и персидских слов) осуществлен А. Джевдетом в 1908 г. и напечатан в Каире, который был частью Османской Империи [23]. История собственно турецких переводов «Гамлета» начинается в 1941 г. (авторы перевода Х. Эдиб и В. Турхан). Два последних переводов пьесы были опубликованы в 2013 г. (переводчики Б. Бозкурт и О. Нутку).

Русские перепереводы «Гамлета»

История русских переводов, как и версий на каждом иностранном языке, заслуживает отдельного изучения. Известно около 50 полнотекстовых русскоязычных версий «Гамлета». Первым переводом на русский язык, созданным через 150 лет после появления оригинала, стала версия-переложение А.П. Сумарокова — самостоятельное произведение, созданное в 1748 г. по мотивам шекспировской трагедии опосредованно через французский прозаический пересказ и обнаруживающее значительные расхождения с основой. Тем не менее, указанная версия имела большое значение для знакомства русских читателей с шедевром британской и мировой литературы. Л. Никитина отмечает, что появление сумароковского «Гамлета» было частью литературной трансплантации, происходившей в русской литературе XVIII века и являющейся сложным явлением, которое выходило далеко за рамки простой механической транспортировки (или перевода) определенных групп текстов [24]. Автором еще одного переложения трагедии (пьесы Ж.-Ф. Дюси, ставшей переделкой более раннего французского перевода пьесы), опубликованного в 1810 г., стал С.И. Висковатов. Уже в названии указывается, что перевод является подражанием Шекспиру. Исследуя историю переводов в России, Ю.Д. Левин отмечал, что на рубеже XVIII–XIX вв. шекспировские тексты (и, соответственно, «Гамлет») были представлены на русской сцене «в виде вольных переделок по французским и немецким образцам» [25. С. 10]. На звание первого дословного перевода пьесы претендует работа М.П. Вронченко 1828 года. В XIX веке появились версии Н.А. Полевого (1837), А.И. Кронеберга (1844), М.А. Загуляева (1861), Н.Х. Кетчера (1873), (А.М.) Г.П. Данилевского (с немецкого перевода, 1878), Н.В. Маклакова (около 1880 года), А.Л. Соколовского (прозаический перевод-объяснение, 1883), А. Месковского (1889), П.П. Гнедича (1891 — сокращенный перевод; 1892), П.А. Каншина (1893), Д.В. Аверкиева (1895) и К.Р. (члена Российского Императорского дома К.К. Романова, 1899). В плане соответствия оригинал Шекспира и русские переводы характеризуются различным типом организации художественной речи во вторичных текстах (поэтическим, прозаическим или иногда их комбинацией), степенью точности и полноты передачи

информации оригинала, изменениями сюжетной линии и композиции. В отношении работы переводчика, в роли которого мог выступать профессиональный литератор и переводчик или любитель, представлены прямые и опосредованные версии, а также варианты, созданные на основе версий шекспировского текста. Переводы получили различную оценку читателей и критиков. Несмотря на появление новых версий в последующие столетия некоторые из переводов XIX в. продолжают переиздаваться. Например, версия А.И. Кронеберга 1844 г. выдержала более двух десятков изданий. В 2014 г. вместе с версиями П.П. Гнедича и Б.Л. Пастернака она вошла в сборник «Великие трагедии в русских переводах. «Тамлет»», что стало убедительным свидетельством того, что перевод не устарел и входит в «золотой фонд» переводческой школы России. В 2018 г. версия Кронеберга была издана в серии «Библиотека мировой литературы».

История создания переводов «Гамлета» на русский язык продолжилась в XX–XXI вв. и включает ряд выдающихся переводческих работ. И, прежде всего, версии М.Л. Лозинского (1933) и Б.Л. Пастернака (1939–1941), которые не утратили актуальности в XXI веке. Данные переводы, ставшие классикой русского художественного перевода, при их огромном культурном значении и эстетической ценности, традиционно рассматриваются в оппозиции «буквализм vs вольность». Примечательно, что «вольность» перевода Пастернака отразилась в появлении более 12 версий, созданных поэтом и сведенных в единый текст в издании пьесы 2002 г. «„Гамлет“ Бориса Пастернака. Версии и варианты перевода шекспировской трагедии». Последним из известных русских переводов пьесы стала опубликованная в 2020 г. версия Н.Н. Самойлова. Известны и переводы отдельных фрагментов шекспировской трагедии (чаще всего монолога Гамлета) на русский язык, авторами которых стали: М.И. Плещеев, И.И. Шувалов, Н.А. Толстой, Н.П. Карабчевский, И.А. Аксенов, В.В. Набоков, А.И. Дейч и др. Среди русских переводов представлены версии, которые: (1) отражают ратлендианскую версию происхождения произведений (С.А. Степанов, 2008); (2) созданы на основе первых изданий оригинала, которые не считаются «каноническими» (А.Н. Баранов, 1985; А.А. Корчевский, 2015); (3) трансформировали трагедию в комедию (А.В. Застырец, 1998); (4) являются переводами-комментариями или разъяснениями (А.Л. Соколовский, 1883).

Ценный опыт межъязыковых переводов текстов Шекспира, мировой шекспировский переводческий дискурс, эксплицирующий требование сценичности к переводу творческого наследия драматурга, имеют большое значение для современного переводоведения. Е.Ю. Куницына отмечает, что сценичность как понятие, обозначающее качество, необходимое для драматического произведения, предназначенного для сценического представления, и обуславливающее его успех у публики, из дискурса театрального закономерно пришло в переводческий дискурс [26]. В соответствии с понятием сценичности среди многообразия переводов драм Шекспира представлены переводы для чтения и для

театра. Именно сценичность перевода драматического текста предполагает наличие определенных качеств у вторичных иноязычных текстов, что позволяет тексту драмы стать театральным текстом на языке перевода. Перевод для театра предназначен как для зрителей, так и для актеров. Требование сценичности перевода нашло отражение и в «судьбе» переводов «Гамлета». Например, среди переводов для русской сцены исходно предназначались версии Полевого, Загуляева, Гнедича, Пастернака, Месковского, Радловой.

Межсемиотический перевод как путь к «сверхтексту»

В силу драматургической природы оригинала Шекспира исследователи вторичных текстов обращаются к переводам на «языки» театра и кино, т.е. к межсемиотическому переводу. Так как оригинал предназначен для театральной сцены, то можно утверждать, что каждый его постановщик интерпретировал и адаптировал («переводил») шекспировский шедевр.

В ряде принимающих культур текст трагедии подвергся значительной доместикации. В 1994 г. в Китае «Гамлет» был адаптирован для оперной сцены и демонстрировался под названием «Мечь принца», обретя все характеристики китайской драмы: китайские имена, декорации, сценические костюмы [27]. Сценическая трансформация «чужого» культурного и исторического фона пьесы для китайской сцены и значительные изменения шекспировского повествования не отразились на значении творчества Шекспира для развития культурных контактов стран, а появление новых переводов «Гамлета» способствует развитию китайского переводоведения.

«Гамлет» является одним из самых экранизируемых произведений в мире. Известно около 150 киноадаптаций пьесы. Вероятно, что Сара Бернар первой воплотила на киноэкране образ датского принца в 1900 г. Французская актриса была не единственной женщиной, исполнившей роль Гамлета: в 2020 г. на телеэкраны вышла работа Й. Саймонса — последнее известное киновоплощение «Гамлета», где роль исполнила немецкая актриса С. Хюллер.

Используя понятие «сильного» текста, можно говорить, что и среди киноадаптаций представлены «сильные» кинотексты, одним из которых стала экранизация Г.М. Козинцева, вышедшая на экраны к 400-летию со дня рождения Шекспира в 1964 г. Главную роль исполнил И.М. Смоктуновский, автором музыки стал Д.Д. Шостакович. Для сценария был использован перевод Пастернака, но Козинцев в создании фильма обратился к нескольким пастернаковским версиям. Причем работа режиссера с текстом началась значительно раньше (постановка пьесы в 1954 г. в Ленинградском театре драмы им. А.С. Пушкина). Адаптация Козинцева получила высокую оценку не только в СССР, но и за рубежом, став объектом внимания зрителей, кинокритиков и исследователей [28]. Фильм неоднократно номинирован на отечественные и зарубежные премии; в 1964 г. награжден премией Венецианского кинофестиваля. «Сильным» кинотекстам стали и другие известные киноадаптации

(хотя и неоднозначно принятые зрителями и критиками): британские фильмы 1948 г. (режиссер Л. Оливье, премии «Оскар», «Золотой лев» и т.д.), 1969 г. (Т. Ричардсон, номинации и премии ряда киноконкурсов) и 1996 г. (К. Брана, несколько номинаций и призов) и американско-итальянский фильм Ф. Дзеффирелли 1990 г. (национальная кинопремия Италии).

Многочисленными иносемиотическими версиями «Гамлета» стали балеты, фильмы-балеты, оперы, мюзиклы, пастиши (например, постановка трагикомедии Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы»), мультфильмы («Король Лев» 1994 г.), компьютерные игры, комиксы и т.д.

Сорок лет назад была опубликована статья Р.М. Истмана, к которой в дальнейшем неоднократно обращались исследователи наследия Шекспира [29]. Названием статьи стал вопрос «Is it Time to Translate Shakespeare? / Настало ли время для перевода Шекспира?». Несомненно, что многовековая история создания вторичных версий шекспировских текстов и, в частности, текста «Гамлета», бесспорно, являющегося «сильным» текстов литературы и культуры, еще далека от завершения. Каждая эпоха и каждая принимающая культура, а также каждая область искусства требуют появления все новых переводов (в широком понимании), что продолжит формирование информационного пространства «Гамлета» как «сверхтекста».

Интересен и взгляд «от обратного» на выполненные переводы трагедии: итальянский режиссер К. Бене считает, что каждое исполнение «Гамлета» уменьшает на одну единицу количество его возможных исполнений, что становится шагом в удалении текста, в его деконструкции и было воплощено Бене в фильме 1973 г. «One Hamlet Less / Одним Гамлетом меньше» [30]. Тем не менее, можно утверждать, что «сверхтекст» является формой существования «сильного» художественного текста, что обеспечивает его сохранение во временных и пространственных координатах культуры.

Заключение

Для дальнейшего рассмотрения явления переводной множественности предлагается гипотеза: в пространстве центра переводной аттракции «сильного» текста функционирует синкретический «сверхтекст», обладающий гетерогенной природой, сложной организацией и являющийся уникальным семиотическим объектом, который можно образно определить как «сверхтекст». С появлением новых вторичных версий такой «сверхтекст» обретает полилингвальные, поликодовые и мультимодальные параметры и становится полиавторским. Существование «сверхтекста» способствует увеличению переводимости и переведенности примарного текста. В границах «сверхтекста» возможны случаи сдвигов онтологических категорий первичности и вторичности, в результате которых ряд вторичных версий (невербальной или не только вербальной природы) получают большую известность, чем текст

вербального оригинала. Ярким примером служит фильм Козинцева, познакомивший многих зрителей с шекспировской трагедией.

Полученные результаты носят предварительный характер и являются пролегоменами к рассмотрению центра переводной аттракции «сильного» художественного текста как «сверхтекста». Еще предстоит найти ответы на вопросы о природе отношений между иноязычными версиями «сильного» вербального оригинала в синхронии и диахронии, а также о семиотических закономерностях создания его иносемиотических версий.

Библиографический список

1. Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд. Омского госуниверситета, 2009.
2. Эттингер Э.Г. Поэзия и перевод. М.-Л.: Советский писатель, 1963.
3. Bassnett S., Lefevere A. *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation*. Topics in Translation 11. Clevedon: Multilingual Matters, 1998.
4. Монастырский А. Словарь терминов московской концептуальной школы. М.: Ad Marginem, 1999.
5. Лотман Ю.М. К типологии культуры // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 56–57.
6. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов «Пантеры» Р.М. Рильке на 15 языков. Магадан: Кордис, 2001.
7. Филиппова И.Н. О некоторых факторах переводной множественности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 2. С. 241–248.
8. Razumovskaya V.A. A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives // *Mundo Eslavo*. 2019. № 18. P. 202–215.
9. Ливергант А.Я. Остен Дж. Гордость и предубеждение. Фрагменты романа. Перевод и вступление Александра Ливерганта // *Иностранная литература*. 2021. № 1. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/inostran/2021/1/gordost-i-predubezhdenie.html> (дата обращения 20.05.2022).
10. Berman A. *L'épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique*. Paris: Gallimard, 1984.
11. Berman A. La retraduction comme espace de la traduction // *Palimpsestes*. 1990. № 4. P. 1–8.
12. Шерстнева Е.С. Переводная множественность в контексте эволюции переводческой рецепции оригинала: культурологический и этический аспекты // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2020. Т. 42. № 3. С. 96–102.
13. Lewis R. *Hamlet and the Vision of Darkness*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2017.
14. Zak W.F. *Hamlet's Problematic Revenge: Forging a Royal Mandate*. Lanham—Boulder—New York—London: Lexington Books, 2015.
15. Луков В.А., Захаров Н.В., Гайдин Б.Н. Гамлет как вечный образ русской и мировой культуры. М.: Изд. Московского гуманитарного университета, 2010.
16. Anand M.K. *An Overview of Hamlet Studies*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019.
17. Werstine P. The Textual Mystery of Hamlet // *Shakespeare Quarterly*. 1988. № 1(39). P. 1–26.
18. Аникст А.А. Творчество Шекспира. М.: Художественная литература, 1963.
19. Index Translationum. Режим доступа: <https://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx?crit1L=5&nTyp=min&topN=50> (дата обращения: 27.07.2022).
20. Roig-Sanz D., Fólca L. Big Translation History // *Translation Spaces*. 2021. № 10(2). P. 231–259.

21. Cioni F. Hamlet in Italy (1700–1945). Режим доступа: <http://triggs.djvu.org/global-language.com/ENFOLDED/index.php?page=texts.php?sects=globalh/> (дата обращения: 25.07.2022).
22. Li R. Hamlet in China: Translation, Interpretation and Performance // MIT Global Shakespeares: Video and Performance Archives: Essays and Written Interviews. Режим доступа: <https://globalshakespeares.mit.edu/extra/hamlet-in-china-translation-interpretation-and-performance/> (дата обращения: 27.07.2022).
23. Bilge F.Z. History of Hamlet Translations in Turkey // *Litera* 2020. Vol. 30 (2). P. 603–620. <https://doi.org/10.26650/LITERA2020-0099>
24. Nikitina L. The First Translation of Shakespeare into Russian: A Metamorphosis of Hamlet on Russian Soil // *Philologie im Netz* 2008. № 43. P. 17–27.
25. Левин Ю.Д. Русские переводы В. Шекспира // *Мастерство перевода*. Сб. 9. М.: Наука, 1973. С. 5–25.
26. Куницына Е.Ю. Драма Шекспира: сценичность перевода и переводческий дискурс // *Вестник ИГЛУ*. 2009. № 4(8). С. 48–56.
27. Yang G. “Hamlet”’s Influence in China and Chinese Translation Studies // 2019 International Conference on Education, Management, Social Science and Humanities Research (EMSSHR 2019). Режим доступа: <https://clausiuspress.com/conference/article/artId/2057.html> (дата обращения: 25.07.2022).
28. Assay M. ‘The rumble of continuing life’: Kozintsev’s Hamlet and its distorted reception // *Cahiers Élisabéthains: A Journal of English Renaissance Studies*. 2021. № 104(1). P. 3–22.
29. Eastman R.M. Is It Time to Translate Shakespeare? // *The English Journal*. Vol. 71. (3). 1982. P. 41–46.
30. Cioni F. Italian Alternative Shakespeare. Carmelo Bene’s Appropriation of Hamlet // *SKENÈ Journal of Theatre and Drama Studies*. 2018. № 4(1). P. 163–181.

References

1. Kuz'mina, N.A. (2009). *Intertext: Theme with Variations. Phenomena of Culture and Language in Intertextual Interpretation*. Omsk: Omsk State University Publ. (In Russ.).
2. Etkind, E.G. (1963). *Poetry and Translation*. Moscow—Leningrad: Soviet Writer. (In Russ.).
3. Bassnett, S. & Lefevere, A. (1998). *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Topics in Translation 11*. Clevedon: Multilingual Matters.
4. Monastyrsky, A. (1999). *Dictionary of the Moscow Conceptual School Terms*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.).
5. Lotman, Yu.M. (2002). To the typology of culture. In: *History and Typology of Russian Culture*. St. Petersburg: Iskustvo-SPb. pp. 56–57. (In Russ.).
6. Tchaikovsky, R.R. & Lysenkova, E.L. (2001). *Inexhaustibility of the Original. 100 Translations of R.M. Rilke’s “Panther” into 15 languages*. Magadan: Kordis. (In Russ.).
7. Filippova, I.N. (2017). On Some Factors of Translational Multiplicity. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(2), 241–248. (In Russ.).
8. Razumovskaya, V.A. (2019). A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives. *Mundo Eslavo*, 18, 202–215.
9. Livergant, A. Ya. (2021). Austen J. *Pride and prejudice*. Fragments of the novel. Translation and introduction by Alexander Livergant. *Foreign literature*, 1. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2021/1/gordost-i-predubezhdenie.html> (accessed: 20.05.2022). (In Russ.).
10. Berman, A. (1984). *L'épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique*. Paris: Gallimard. (In French).
11. Berman, A. (1990). La retraduction comme espace de la traduction. *Palimpsestes*, 4, 1–8. (In French).
12. Sherstneva, E.S. (2020). Translational multiplicity in the context of the evolution of the translation reception of the original: culturological and ethical aspects. *Scientific Notes of Petrozavodsk State University*, 42(3), 96–102. (In Russ.).
13. Lewis, R. (2017). *Hamlet and the Vision of Darkness*. Princeton (NJ): Princeton University Press.

14. Zak, W.F. (2015). *Hamlet's Problematic Revenge: Forging a Royal Mandate*. Lanham—Boulder—New York—London: Lexington Books.
15. Lukov, V.A., Zakharov, N.V. & Gaidin, B.N. (2010). *Hamlet as an Eternal Image of Russian and World Culture*. Moscow: University of the Humanities publ. (In Russ.).
16. Anand, M.K. (2019). *An Overview of Hamlet Studies*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publ.
17. Werstine, P. (1988). The Textual Mystery of Hamlet. *Shakespeare Quarterly*, 1(39), 1–26.
18. Anikst, A.A. (1963). *Shakespeare's Creative Work*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.).
19. Index Translationum. URL: <https://www.unesco.org/xtrans/bsstatep.aspx?crit1L=5&nTyp=min&topN=50> (accessed: 27.07.2022).
20. Roig-Sanz, D. & Fóllica, L. (2021). Big Translation History. *Translation Spaces*, 10(2), 231–259.
21. Cioni, F. (2010). *Hamlet in Italy (1700–1945)*. URL: <http://triggs.djvu.org/global-language.com/ENFOLDED/index.php?page=texts.php?sects=globalh/> (accessed: 25.07.2022).
22. Li, R. (2010). Hamlet in China: Translation, Interpretation and Performance. *MIT Global Shakespeares: Video and Performance Archives: Essays and Written Interviews*. URL: <https://globalshakespeares.mit.edu/extra/hamlet-in-china-translation-interpretation-and-performance/> (accessed: 27.07.2022).
23. Bilge, F.Z. (2020). History of Hamlet Translations in Turkey. *Litera*, 30(2), 603–620. <https://doi.org/10.26650/LITERA2020-0099>
24. Nikitina, L. (2008). The First Translation of Shakespeare into Russian: A Metamorphosis of Hamlet on Russian Soil. *Philologie im Netz*, 43, 17–27.
25. Levin, Yu.D. (1973). Russian translations of W. Shakespeare. In: *Mastery of Translation. Collection 9*. Moscow: Nauka. pp. 5–25. (In Russ.).
26. Kunitsyna, E.Yu. (2009). Shakespeare's Drama: Translation Performability and translation Discourse. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 4(8), 48–56. (In Russ.).
27. Yang, G. (2019). “Hamlet”'s Influence in China and Chinese Translation Studies. In: *2019 International Conference on Education, Management, Social Science and Humanities Research (EMSSHR 2019)*. URL: <https://clausiuspress.com/conference/article/artId/2057.html>. (accessed: 25.07.2022).
28. Assay, M. (2021). ‘The rumble of continuing life’: Kozintsev's Hamlet and its distorted reception. *Cahiers Élisabéthains: A Journal of English Renaissance Studies*, 104(1), 3–22.
29. Eastman, R.M. (1982). Is It Time to Translate Shakespeare? *The English Journal*, 41–46.
30. Cioni, F. (2018). Italian Alternative Shakespeare. Carmelo Bene's Appropriation of Hamlet. *SKENÉ Journal of Theatre and Drama Studies*, 4(1), 163–181.

Сведения об авторе:

Разумовская Вероника Адольфовна, кандидат филологических наук, профессор Института экономики, государственного управления и финансов, Сибирский федеральный университет (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, 79/10); *сфера научных интересов*: теория языка, переводоведение, этнолингвистика и этнопереводоведение, языки народов Сибири; *e-mail*: veronica_raz@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-0751-7964; Scopus ID: 57188839995. SPIN-код: 8263-8539, AuthorID: 574559.

Information about the author:

Veronica A. Razumovskaya, PhD in Philology, Professor, School of Economics, Public Administration and Finance, Siberian Federal University (79/10, Svobodny pr., Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041); *Research interests*: language theory, translation studies, ethnolinguistics and ethnic translation studies, languages of the peoples of Siberia; *e-mail*: veronica_raz@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-0751-7964; Scopus ID: 57188839995. SPIN-code: 8263-8539, AuthorID: 574559.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-276-291

EDN: DYMLXM

УДК 811.411.21'373.611

Научная статья / Research article

Морфологические способы образования дериватов отыменного происхождения при вторичном корнеобразовании в современном арабском литературном языке

Т.А. Вавичкина , К.Н. Степанян , Ю.Е. Власова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 vavichkina-ta@rudn.ru

Аннотация. Рассмотрена актуальная и мало представленная в научной литературе тема арабских нарицательных дериватов, образованных от кратонимов (названий государств), названий организаций и их аббревиатур и т.п. Авторами была поставлена цель проанализировать и обобщить особенности и способы вторичного корнеобразования в современном арабском литературном языке на материале лексического корпуса дериватов, объединенных семантическим и словообразовательным тождеством. Источником материала послужили тексты современных традиционных и электронных арабоязычных СМИ. Методом сплошной выборки было отобрано 66 лексем-неологизмов с общей семантикой процесса или состояния и образованных по моделям масдара черырехбуквенной основы. Отобранные лексемы рассматривались в синхронном аспекте и подвергались лексико-морфологическому анализу, принятому в традиционной арабистике. В результате проведенного исследования был сделан вывод, что все исследуемые неологизмы с морфологической точки зрения являются производными основами, причем производящая основа может быть как исконно арабской, так и заимствованной. С точки зрения способов образования ведущим является способ лексической деривации, который может протекать по-разному: при участии словообразовательных формантов, фонетических расширителей, геминации корневого элемента, а при достаточном количестве согласных в производящей основе — безаффиксально. При этом все лексические дериваты, являясь новообразованиями для арабского литературного языка, сформировались по традиционному пути, известному и описанному исследователями арабского языка. Исследуемый процесс оказался полностью аналогичным принятой в арабистике гипотезе формирования трехбуквенных основ на базе двух корневых (исконно арабских) согласных. Это позволило авторам высказать предположение, что в результате описанных процессов из существующих трехбуквенных корней появляются новые четырехбуквенные основы, которые со временем могут потенциально стать базой четырехбуквенных корней, что, в свою очередь, приведет к расширению арабского корнеслова и образованию новых словообразовательных гнезд.

Ключевые слова: арабский язык, неологизмы, вторичная деривация, аффиксация, словообразовательные форманты, четырехбуквенные основы, корень, модели масдаров

© Вавичкина Т.А., Степанян К.Н., Власова Ю.Е., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 15.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Вавичкина Т.А., Степанян К.Н., Власова Ю.Е. Морфологические способы образования дериватов отыменного происхождения при вторичном корнеобразовании в современном арабском литературном языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 276–291. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-276-291>

Morphological Methods of Noun-Origin Derivatives Creation in Secondary Root Formation in the Modern Standard Arabic Language

Tatiana A. Vavichkina , Karen N. Stepanyan , Yulia E. Vlasova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 vavichkina-ta@rudn.ru

Abstract. The study is devoted to the topic of Arabic generic derivatives formed from nouns according to Masdar models of four-letter bases from names of states, organizations, their abbreviations, which is little represented in the academic literature. The authors set a goal to analyze and generalize the features and methods of secondary root formation in the Arabic on the material of the lexical corpus of derivatives grouped by semantic and word-formation identity. The data source was the texts of modern Arabic-language media. Sixty-six lexemes-neologisms with the general semantics of the process or state and formed according to the Masdar models of the four-letter basis were selected by the continuous sampling method. The selected lexemes were examined in asynchronous aspect and were subjected to lexico-morphological analysis. It was concluded that all the studied neologisms were formed on a morphological basis. The leading method is lexical derivation, which can proceed with the participation of word-forming formants, phonetic expanders, gemination of the root element, and without suffixation. All lexical derivatives were formed along the traditional path known and described by historians of the Arabic. The process examined in the article turned out to be analogous to the hypothesis of the formation of three-letter bases based on two root consonants accepted in Arabic studies. This allowed the authors suggest that new four-letter bases appear from existing three-letter roots, which over time can potentially become the base of four-letter roots, which will lead to the expansion of Arabic roots and the formation of new word-formation nests.

Keywords: Modern Standard Arabic, neologisms, secondary derivation, affixation, word-forming formants, four-letter bases, root, Masdar models

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Vavichkina, T.A., Stepanyan, K.N. & Vlasova, Yu.E. (2024). Morphological Methods of Noun-Origin Derivatives Creation in Secondary Root Formation in the Modern Standard Arabic Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 276–291. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-276-291>

Введение

В последние десятилетия отмечается активный процесс цифровизации и виртуализации различных отраслей и сфер жизнедеятельности человека. Современные технологии, новейшие виды коммуникации, Интернет стремительно распространяются по всему миру, охватывая все новые и новые страны. Арабский мир, всегда характеризовавшийся консерватизмом и верностью традициям, не избежал этой участи. Арабские страны в разные сроки и в различных объемах и масштабах присоединились к единому технологическому и информационному пространству. Эти изменения общественной, профессиональной и персональной деятельности не могли не отразиться в языке. Новая языковая ситуация, сложившаяся в современном арабском мире, характеризуется не только диглоссией [1. С. 52], но и тематическим расширением и количественным увеличением сфер функционирования арабского литературного языка [2. С. 354].

Исследователи языка СМИ отмечают его значимую роль в формировании речевого портрета современного поколения: живо реагируя на новации, которые способствуют прогрессу общества, СМИ вводят в широкий оборот новые явления, понятия, названия и пр., тем самым обогащая словарный запас языка [3. С. 95]. С другой стороны, лингвисты-арабисты отмечают начало нового интенсивного этапа формирования лексического пласта, характерными чертами которого является создание морфологических новообразований на основе уже существующих корней [4. С. 34; 5. С. 179]. Таким образом, в настоящий момент в современном арабском литературном языке (далее САЛЯ) благодаря СМИ стала появляться новая лексика, заслуживающая пристального внимания и изучения.

Цель настоящего исследования — проанализировать и обобщить особенности вторичного корнеобразования в САЛЯ на материале лексического корпуса дериватов, имеющих семантическое и словообразовательное тождество. *Объектом* исследования являются появившиеся в последние десятилетия нарицательные дериваты отыменного происхождения, а именно неологизмы, образованные по моделям масдара четырехбуквенных основ от кратонимов (названий государств), названий организаций и их аббревиатур и т.п. *Предметом* исследования являются морфологические способы образования указанных дериватов. Основным языковым источником послужили материалы современных традиционных и электронных арабоязычных СМИ.

Теоретическая база исследования и обзор литературы

Особый интерес в отечественных, арабских и европейских языковедческих исследованиях сконцентрирован вокруг специфической категории слов, именуемых в традиционной арабской грамматике *масдар* (в переводе с арабского ‘источник’). У данного класса имен до сих пор нет однозначного определения. Причина кроется в двойственном характере природы масдара:

с семантической точки зрения он соотносим с глаголом, а с функциональной — с именем [6. С. 4]. Не маловажными в данном вопросе представляются существующие различия между арабской и европейской лингвистическими традициями в классификации частей речи [7. С. 10]. Кроме того, остается нерешенным вопрос о генетических отношениях масдара и глагола. Представители басрийской грамматической школы (ас-Сакафи, аль-Фарахиди, Сибавейхи), а позднее и багдадской, считали, что масдар является первичным по отношению к глаголу. Противоположное мнение высказывали представители куфийской грамматической школы (ар-Руаси, аль-Кисаи), считая глагольную форму первичной по отношению к масдарной [6. С. 10; 8]. Надо сказать, что арабская лингвистическая традиция до сих пор выступает в качестве авторитета для арабских лингвистов при обосновании современных языковых норм [9. С. 154].

В интересы данного исследования вопрос о первичности масдара или глагола не входит. В силу сложности и неоднозначности генетические связи этих двух частей речи должны рассматриваться в отдельном исследовании с обязательным учетом того факта, что корни в арабском языке могут быть как глагольные, так и именные, а, следовательно, нельзя исключать возможность образования масдара от корня с гипотетически возможным глаголом [10–14]. Ключом к разгадке также может послужить идея А.В. Смирнова о господстве в сознании носителей арабского языка процессуальной логико-смысловой картины мира (в отличие от субстанциального видения мира носителями русского языка [15. С. 120]). Арабская речь устроена как раз в соответствии с процессуальным видением мира, что выражается прежде всего в том, что «околомасдарная», «процессуальная» лексика занимает неизмеримо большую долю арабского текста, нежели ее аналоги в русском [15. С. 136].

Таким образом, в данной работе под *масдаром* мы будем понимать имя действия или состояния, т.е. именное слово, находящееся на стыке двух частей речи и обладающее как глагольными, так и именными признаками.

Актуальность исследования определяется новизной постановки вопроса. В современной научной литературе работ, посвященных вопросам арабского масдара, не много. Активно изучаются морфологические, синтаксические особенности арабского масдара в сравнительно-сопоставительном аспекте с разноструктурными языками [16–19]. Ряд работ посвящен описанию масдара, особенностям его образования и функционирования [20; 21]. Косвенно интересующие нас лексемы затрагиваются в современных исследованиях по словообразованию неологизмов [5] и терминов [22] в современном арабском языке. Наиболее полно рассматриваются способы образования новых словоформ в рамках первичной номинации в современном арабском литературном языке в статье Ю.С. Айвазяна: автор раскрывает функциональные особенности новых словоформ, предлагает анализ качественно новых способов словообразования с семантической и морфологической точки зрения [23]. В работах Г.Ш. Шарбатова и М.А. Ивановой рассматриваются

интересующие нас новые четырехбуквенные образования, но на материале современных арабских обиходно-разговорных языков и диалектов [24; 25]. Таким образом, тема нарицательных дериватов отыменного происхождения, а именно неологизмов, образованных по моделям масдара четырехбуквенных основ от кратонимов (названий государств), названий организаций и их аббревиатур и т.п., представляется актуальной и в доступной научной литературе мало изученной.

Методология исследования

В результате анализа текстов арабоязычных СМИ (традиционные печатные издания и все чаще заменяющие их электронные версии) методом сплошной выборки было отобрано 66 лексем с одинаковыми словообразовательными моделями, аналогичными моделям масдара от четырехбуквенной основы. Все отобранные лексеммы обладали общей семантикой процесса или состояния, что позволило исследователям отнести их к морфологической категории масдара. Принятое определение неологизмов¹ и применение критериев отграничения неологизмов от других инноваций языка [26. С. 76; 27. С. 14–16] — номинативность (необходимость обозначать новые предметы или понятия), новизна формы и содержания, появление в последние десятилетия, употребление в определенном языковом пространстве, ограниченном сферой и жанром, позволило авторам идентифицировать исследуемые новообразования САЛЯ как неологизмы. Отобранные лексеммы рассматривались в синхроническом аспекте и подвергались лексико-морфологическому анализу, принятому в традиционной арабистике.

Результаты исследования и обсуждения

Проведенный анализ показал, что отобранные масдарные лексеммы в САЛЯ образуются в основном от именных основ, которые в свою очередь могут относиться:

К классу аппелятивов (имен нарицательных)

جَحْشَةٌ	ребячество, дурачество	от جَحْشٌ 'ослик'
عَقْلَانِيَّةٌ	рационализация	от عَقْلَانِيَّةٌ 'рационализм; рациональность'
عَصْرَانِيَّةٌ	модернизация	от عَصْرٌ 'век, эпоха'

К классу онимов (имен личных), которые представлены классом кратонимов (названия политических единиц и государств)

¹ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 331.

أَمْرَكَةٌ	американизация	от أَمْرِيكَا 'Америка'
نَرْوَجَةٌ	норвегизация	от النُّرْوَيْجِ 'Норвегия'
فَرَنْسَةٌ	фарансизация; офранцуживание	от فَرَنْسَا 'Франция'
طَهْرَانَةٌ	тегеранизация, отегеранивание	от طَهْرَانَ 'Тегеран'

Численно масдарные образования от кратонимов преобладают. В исследуемом корпусе из 66 единиц 40 масдарных новообразований сформировались на основе кратонимов. Здесь следует уточнить, что данный процесс затрагивает не только арабские слова. Производящая основа может быть как исконно арабской, так и заимствованной. Единственным необходимым условием является наличие четко обозначенного консонантного скелета и адаптация данного слова к морфологической структуре арабского языка, что подразумевает возможность переразложения основы заимствованного слова по аналогии с исконными основами. Как правило, такие слова уже прочно внедрились в арабский язык, а их согласные звуки воспринимаются как коренные. Такова, например, судьба уже давно вошедших в обиход и ставших общеупотребительными глаголов *falsafa* 'философствовать' (был образован от заимствованного из греческого языка существительного *faylasu:f (un)* 'философ' [11. С. 52]) и *talfana* 'говорить, звонить по телефону' (был образован от заимствованного из французского языка существительного *tilifu:n (un)* 'телефон' [10. С. 119]).

С морфологической точки зрения все исследуемые неологизмы представляют собой производные основы, образованные по действующим в арабском языке моделям масдара от четырехбуквенных корней. Способы образования исследуемых масдарных лексем могут быть классифицированы следующим образом: 1) семантическая деривация, когда новые слова были образованы путем переосмысления и аналогии, то есть неологизмы возникли в результате присвоения новых значений уже известным словам; 2) лексическая деривация, когда новые слова были созданы по продуктивным моделям, действующим в языке.

Способом семантической деривации образованы только два элемента *أَقْلَمَةٌ* и *فَرَصْنَةٌ*. Оба слова присутствуют в Большом арабско-русском словаре Х.К. Баранова, переизданном в 2006 г.: *فَرَصْنَةٌ* в значении 'пиратство, морской разбой' [28. С. 632], а *أَقْلَمَةٌ* в значении «акклиматизация (как приспособление к определенным условиям жизни в конкретном месте, районе, регионе — авт.)» [28. С. 38]. Те же значения зафиксированы в электронном толковом словаре арабского языка [29] *المعاني*. Однако в последние годы в интернет-изданиях данные слова стали встречаться в иных значениях. Слово *فَرَصْنَةٌ*, как и в большинстве языков, стало обозначать «распространение

результатов интеллектуального труда без ведома правообладателя; хакерство». Произошел функциональный перенос: незаконный захват чужой собственности, как материальной, так и интеллектуальной. Данная лексическая единица приобрела новое значение в результате изменения предметно-понятийного содержания. Произошло расширение семантики существующего слова под влиянием произошедших исторических, социальных, экономических и др. преобразований, поскольку в результате этого возникла необходимость наименования нового явления. В случае с أَقْلَمَةً можно предположить, что это слово восходит к арабскому слову إِقْلِيمٌ, образованному от греческого слова κλίμα — наклон солнечных лучей к поверхности земли. Традиционно, как и в европейских языках, этим словом стали обозначать ‘климат’ как определенную характеристику конкретной местности в силу ее географического положения и собственно конкретную местность ‘район, область, страна’. Таким образом, образованный ранее и зафиксированный в словарях четырехбуквенный глагол и его масдар стали переводиться как «акклиматизировать» и «акклиматизация» соответственно, подразумевая адаптацию к конкретному региону, району с его географическими, климатическими и пр. особенностями. Сейчас наблюдается употребление масдара أَقْلَمَةً в значении ‘локализация, регионализация’.

Подавляющее большинство исследуемых лексем (64) образовано способом лексической деривации. При этом словообразовательный процесс может протекать по-разному. Если производящая основа многосложная и при этом уже содержит достаточное количество согласных, то образование лексического деривата происходит без дополнительных формальных средств, то есть безаффиксальным способом. В данном случае возможны следующие варианты:

- Согласные производящей основы = согласные производной основы

فَدْرَلَةٌ	федерализация	от فِدْرَالِيَّة = فِيدْرَالِيَّة = فِيدْرَالِيَّة ‘федерация, федерализм’
بَلْرَسَةٌ	белорусизация	от بِلَارُوسِيَا ‘Белоруссия’
كَاثَلِيَّة	окатоличивание	от الْكَاثُولِيكِيَّة ‘католицизм’
أَرْدَنَةٌ	иорданизация	от الْأَرْدُنْ ‘Иордания’
لُبْنَانَةٌ	ливанизация	от لُبْنَانَ ‘Ливан’

При этом длинные гласные производящих основ редуцируются, поскольку количества согласных вполне достаточно для образования новой производной основы;

- Согласные производящей основы и долгие гласные = согласные производной основы

صَوْمَلَةٌ	сомализация	от الصُّومَالِ 'Сомали'
رُومَنَةٌ	романизация	от رُومَانٍ 'римляне'
هَلِينِيَّةٌ	эллинизация, грекоизация	от هِيلِينِيَّةٍ 'эллинизм'
سُودَنَةٌ	суданизация	от السُّودَانَ 'Судан'
تُونِسَةٌ	тунисизация	от تُونِسٍ 'Тунис'

Как видно из данных примеров, какие-то долгие гласные редуцируются, а какие-то меняют свой статус и становятся неслоговыми гласными = слабыми согласными. Если в производящей основе только три согласных, то образование новой основы происходит посредством аффиксации с возможным переходом долгого гласного в статус неслогового гласного = слабого согласного. По характеру аффиксов исследуемые лексемы могут образовываться:

Постфиксацией — присоединением сонорного согласного -n- в постпозиции к согласным производящей основы:

عِرْقَانَةٌ	иракизация	от العِرَاقِ 'Ирак'
رُوسِنَةٌ	русификация	от رُوسِيَا 'Россия'
مِصْرَانَةٌ	египтизация	от مِصْرٍ 'Египет'
سُورِنَةٌ	сириизация	от سُورِيَا 'Сирия'
شَخْصَانَةٌ	персонализация, кастомизация	от شَخْصٍ 'персона'

Инфиксацией — включением инфикса -w- в позиции после первого корневого согласного производящей основы:

حَوَكْمَةٌ	управление, менеджмент	от حُكْمٍ 'правление'
حَوَسْبَةٌ	компьютеризация	от حَاسُوبٍ 'компьютер'
قَوَالِبَةٌ	шаблонизация, стандартизация	от قَالِبٍ 'шаблон'

В ряде случаев можно отметить переход элементов аффикса в статус потенциального корневого харфа. Это возможно в тех случаях, когда в состав производящих основ входят не только собственно корневые согласные, но и разного рода аффиксы (префиксы, суффиксы и т.д.). При образовании лексического деривата статус этих морфем меняется — они занимают позицию потенциально возможного четвертого корневого согласного, сохраняя при этом свою позицию относительно других согласных основы:

أَمْرَاتٌ	эмиратизация	от الْإِمَارَاتِ 'Эмираты'	Четвертый согласный производной основы t образовался из суффикса множественного числа имен -a:t- производящей основы
مَأَسَسَةٌ	институционализация	от مُؤَسَّسَةٌ 'ведомство, организация, заведение'	Первый согласный производной основы m образовался из префикса причастия mi- производящей основы
مَغْرِبَةٌ	магрибизация	от الْمَغْرِبِ 'Магриб'	Первый согласный производной основы m образовался из префикса «имени места» ma- производящей основы
أَسْلَمَةٌ	исламизация	от إِسْلَامٍ 'ислам'	Первый согласный производной основы «хамза» образовался из префикса четвертой породы трехбуквенного глагола أَسْلَمَ

Возможно, данное явление по характеру схоже с явлением опрощения, когда затемняется первоначальная семантическая структура слова вследствие стирания морфологических границ между его компонентами². Аналогичный процесс можно наблюдать при образовании следующих лексических дериватов, когда суффикс -a:n- теряет долгий гласный, а входящий в его состав согласный достраивает основу до четырехбуквенной:

حَيْوَةٌ	глупость	от حَيَوَانٍ 'животное'
أَخَوَةٌ	ихванизация	от إِخْوَانٍ 'братство'

Сюда же можно отнести еще более сложные образования:

عَقْلَانَةٌ	рационализация	от عَقْلَانِيَّةٍ 'рационализм'
عَلْمَانَةٌ	секуляризация	от عَلْمَانِيَّةٍ 'секуляризм'

² Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 349.

где производящая основа помимо корневых согласных включает в себя сложный аффиксальный комплекс -a:niyuat (un), который, по аналогии с tahta:niyu (un) ‘нижний’, barra:niyu (un) ‘внешний’, с одной стороны, и madaniyuat (un) ‘культура’, huṣu:ṣiyuat (un) ‘особенность’, с другой стороны, может восходить к комбинации суффиксов прилагательного -a:n- и -iyu- с добавлением окончания/суффикса женского рода -at [11. С. 96]. В таких сложных основах морфемные границы постепенно смещаются и появляются новые форманты (ср.: в ряде работ указывается единый суффикс образования абстрактных имен существительных -iyuat- без разложения на суффикс -iyu- и окончание/суффикс женского рода -at [5. С. 175; 23. С. 221; 30. С. 48]). Можно предположить, что при образовании интересующих нас лексических дериватов происходит так называемое переразложение³, в результате чего составные элементы сложного аффиксального комплекса -a:niyuat (un) опрощаются и превращаются в суффиксальный элемент -nat (un). Входящий в его состав согласный n с учетом морфологической модели, по которой построены производные основы, занимает место потенциального корневого харфа.

Не менее интересны выявленные случаи новообразований от названий палестинских движений ФАТХ и ХАМАС, по сути своей являющихся аббревиатурами. ФАТХ представляет собой обратную аббревиатуру от названия одной из ведущих партий Палестинской автономии — Движения за национальное освобождение Палестины (harakat at-tahrir al-filasti:niyy). Прямой акроним НАТФ совпадает по написанию с арабским словом «смерть», в то время как обратный ФАТН совпадает графически с арабским словом, обозначающим «победа», «завоевание». ХАМАС, в свою очередь, является аббревиатурой от названия одной из ведущих партий Палестинской национальной администрации — Исламского движения сопротивления (harakat al-muqawama al-islamiyya). Данная аббревиатура графически схожа с арабским словом «воодушевление, энтузиазм». В отличие от русских аббревиатур приведенные примеры в силу специфики арабского языка изначально писались и читались как самостоятельные слова, что облегчило процесс их перехода в статус самостоятельных существительных с традиционным словоизменением и словообразованием (ср.: переход от написания ВУЗ к форме вуз в русском языке). Все это способствовало процессу образования от них новых слов, в том числе по модели масдаров четырехбуквенных глаголов с наращением основы посредством постфикса -n-:

فَتْحَةٌ	фатхаизация	حَرَكََةُ التَّخْرِيرِ الْفِلَسْطِينِيَّةِ	из فَتْحٍ
حَمَسَةٌ	хамасизация	حَرَكََةُ الْمُقَاوَمَةِ الْإِسْلَامِيَّةِ	из حَمَاسٍ

³ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 370.

В тех случаях, когда последним согласным производящей основы является согласный -n-, наращение производной основы происходит только посредством присоединения -n-:

صَيَّنَةٌ	китаизация	от الْحَيِّنِ 'Китай'
عَمَّنَةٌ	оманизация	от عُمَانَ 'Оман'
يَبْنَةٌ	японизация	от الْيَابَانَ 'Япония'
زَمَنَةٌ	секуляризация	от زَمْنِي 'мирской, светский'

Эти примеры схожи с приведенными ранее в данной статье случаями постфиксации, когда к последнему согласному основы присоединяется постфикс -n-: عَرَفَنَةٌ، مَصْرَنَةٌ، شَخَصَنَةٌ и др. Но наращение основы за счет такого же харфа, как и последний корневой, позволяет нам интерпретировать эти случаи не как постфиксацию, а как геминацию. По утверждению Б.М. Гранде, такой способ образования четырехбуквенных основ от трехбуквенных довольно часто встречается в истории арабского языка [11. С. 56].

Обращает на себя внимание тот факт, что все согласные, участвующие в образовании производных четырехбуквенных основ исследуемого корпуса, относятся к так называемым служебным буквам, которые, могут встречаться как в корнях, так и в аффиксах. К ним принадлежат ا، ب، ت، س، ف، م، ل، ك، ن، و، هـ [10. С. 120]. Традиционно они воспринимаются арабскими грамматистами как словообразовательные форманты, вносящие дополнительное значение в производное слово и расширяющие его морфемный состав.

В исследуемых примерах при образовании производных основ из этого списка активно используются буквы ا، م، ن، ت، و. Первые три в производящей основе являются морфологическими формантами и используются для образования конкретных словообразовательных форм: ا входит в префикс глагольных форм и имен IV породы, م участвует в префиксе многих имен и причастий, ت может быть частью как префикса, так и суффикса (в исследуемых примерах это суффикс/окончание женского рода). В производных основах исследуемого корпуса эти служебные форманты остаются на тех же позициях, что и в производящей основе, но уже без своего морфологического содержания. Подобные случаи развития четырехсогласных основ из трехсогласных путем сращения со служебной морфемой описаны Н.В. Юшмановым [14. С. 165].

Неслоговой гласный/слабый согласный و занимает традиционную позицию инфикса после первого коренного согласного (хотя с точки зрения исторического развития арабского языка возможно его включение и после второго, и после последнего согласного [11. С. 55]).

Согласный ن в ряде исследуемых примеров выступает в качестве морфологического форманта производящей основы и, соответственно, включается

как элемент наращения в производную основу. Особенно интересны примеры, когда $\dot{C}$ не представлен в производящей основе, а лишь служит наращением при образовании производной основы. Во всех исследуемых новообразованиях он встречается в постпозиции к согласным производящей основы. Б.М. Гранде, описывая аналогичные способы образования четырехбуквенных основ, указывал, что включение данного согласного возможно после первого или второго корневого элемента [11. С. 56].

Гибкий статус этих элементов, возможно, со временем позволит им стать корневыми согласными в составе исследуемых новообразований. Основанием для такой гипотезы служат труды по истории развития арабского языка отечественных и зарубежных арабистов, где описан путь формирования трехбуквенного арабского корнеслова на базе двух корневых согласных за счет удвоения корневого элемента, переразложения морфологического форманта, присоединения фонетического расширителя [10–11; 14]. Исследуемый в данной статье процесс образования масдарных дериватов полностью аналогичен. Из приведенных выше примеров видно, что формирование четырехбуквенной основы на базе производящей основы с тремя корневыми харфами происходит за счет 1) сращения согласных производящей основы с морфологическими формантами, главным образом префиксальными и суффиксальными, 2) наращения основы фонетическими расширителями, не имеющими какого-либо лексико-грамматического значения, 3) удвоения корневого элемента. С другой стороны, описанному процессу образования в литературном арабском языке четырехсогласных основ предшествовал активный процесс формирования аналогичных форм в арабских диалектах [10. С. 128–129; 24. С. 317; 25. С. 7].

Кроме того, активность и продуктивность исследуемого процесса подтверждается появлением на базе упомянутых масдарных дериватов производных слов, образованных по традиционным моделям арабского формо- и словообразования. Отмечены случаи образования причастий от новообразованных четырехбуквенных основ по моделям, существующим в современном литературном арабском языке: *غزة المحمسة*, *الضفة المفتحة*; *كل شيء عندنا ممصرنا*, *قناة بي أوت كيو المقرصنة* и т.д.

Выводы

Таким образом, на материале лексем, отобранных из текстов традиционных и электронных арабоязычных СМИ, был сформирован лексический корпус дериватов САЛЯ на основе семантического и словообразовательного тождества. В фокус исследования попали появившиеся в последние десятилетия нарицательные дериваты отыменного происхождения, образованные по традиционным моделям масдара четырехбуквенных основ. С морфологической точки зрения все исследуемые неологизмы являются производными основами, причем производящая основа может быть как

исконно арабской, так и заимствованной. Анализ способов образования показал, что ведущим является способ лексической деривации, хотя и семантическая деривация имеет место. Сам процесс деривации может протекать по-разному: при участии словообразовательных формантов, фонетических расширителей, геминации корневого элемента, а при достаточном количестве согласных в производящей основе — безаффиксально. В любом случае описанные в статье лексические дериваты, являясь новообразованиями для арабского литературного языка, сформировались по традиционному пути, известному и описанному историками арабского языка. Исследуемый в статье процесс оказался полностью аналогичным принятой в арабистике гипотезе формирования трехбуквенных основ на базе двух корневых (исконно арабских) согласных. Это дает основание предположить, что в результате описанных процессов из существующих трехбуквенных корней появляются новые четырехбуквенные основы, которые со временем могут потенциально стать базой четырехбуквенных корней, что, в свою очередь, приведет к расширению арабского корнеслова и образованию новых словообразовательных гнезд.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что на нынешнем этапе развития арабского вокабуляра отмечается активный и продуктивный процесс именованья новых понятий, сопровождающийся образованием новых четырехбуквенных основ по традиционным словообразовательным моделям арабского языка. Единственным условием для этого является соответствие потенциальной производной основы действующим фонетическим, просодическим и морфологическим законам арабского литературного языка. Правомерность такого вывода подтверждается описанным ранее в научной литературе живым процессом формирования аналогичных форм в арабских обиходно-разговорных языках и диалектах. Однако корпус исследуемых новообразований в силу новизны и временной ограниченности представляется недостаточным. Кроме того, на данном этапе нельзя сделать однозначный вывод относительно перспектив исследуемых дериватов: только время покажет, станут они общеупотребительными словами или останутся окказионализмами, которые постепенно покинут языковую систему, перейдя в статус историзмов современности.

Библиографический список

1. Тулеубаева С.А. О современной языковой ситуации в арабских странах // *Арабистика Евразии*. 2019. № 8. С. 45–56.
2. Шарбатова А.Г. Арабский литературный язык и новая среда функционирования: интернет, новейшие технологии и новые отрасли // *Арабская филология*. Вып. 3. М.: Ключ-С, 2008. С. 353–376.
3. Давыдова С.В. Язык средств массовой информации // *Lingua mobilis*. 2011. № 2(28). С. 93–96.

References

1. Tuleubaeva, S.A. (2019). On the modern language situation in Arabic countries. *Eurasian Arabic Studies*, 8, 45–56. (In Russ.).
2. Sharbatova, A.G. (2008). Arabic Literary Language and New Environment of Functioning: Internet, Latest Technologies and New Industries. In: *Arabic Philology*. Iss. 3. Moscow: Kluch-S. pp. 353–376. (In Russ.).
3. Davydova, S.V. (2011). Language of Mass Media, *Lingua mobilis*, 2(28), 93–96. (In Russ.).
4. Aivazyan, Y.S. (2011). The theoretical aspects of nominative processes in Modern Literary Arabic, *Russian Journal of Linguistics*, 1, 33–40. (In Russ.).
5. Tyureva, L.S. (2021). Means of formation of neologisms in modern Arabic Literary Language. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(852), 163–181. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_10_852_163 (In Russ.).
6. Melyancev, A.N. (1990). *Masdar in the theory and structure of the Arabic language*. Moscow: MSU Press. (In Russ.).
7. Gamal, L. (1975). *Fundamentals of word classification in Arabic and Russian grammar traditions* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
8. Zvegintsev, V.A. (2007). *History of Arabic Linguistics. Brief essay*. Moscow: Combook. (In Russ.).
9. Khairutdinov, A.G. (2009). *History of the Arabic language*. Moscow: VKN-press. (In Russ.).
10. Omarov, A.A. (2008). *Morphological and syntactic features of the Masdar of the Dargin and Arabic languages* [dissertation]. Makhachkala. (In Russ.).
11. Belova, A.G. (1999). *Essays on the history of the Arabic language*. Moscow, Eastern literature. (In Russ.).
12. Grande, B.M. (1998). *The course of Arabic grammar in comparative historical coverage*. Moscow: Eastern literature. (In Russ.).
13. Meisel, S.S. (1983). *Ways of development of the root fund of the Semitic languages*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Starinin, V.P. (1963). *The structure of Semitic words*. Moscow. (In Russ.).
15. Jushmanov, N.V. (1998). *Selected works: Works on General phonetics, Semitology and classical Arabic morphology*. Moscow. (In Russ.).
16. Smirnov, A.V. (2015). *Consciousness. Logics. Language. Culture. Meaning*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
17. Usmanov, T.I. (2020). *Nakh masdar in comparison with action names in languages with different structures*. [dissertation]. Grozny. (In Russ.).
18. Mingazova, N.G., Safin, M.F. & Zafirov, R.R. (2019). *Comparative grammar of English and Arabic languages*. P. 2. Kazan: KFU Publ. (In Russ.).
19. Abdulzhalilov, I.G., Khalunov, A.N. & Magomedova (Gasanova), Z.A. (2017). The comparative analysis of the Arabic Masdar (Verbal Noun) and the English Gerund for Methodological Purposes. *Philology. Theory & Practice*, 5 (201–1), 47–49. (In Russ.).
20. Zamalieva, G.H. (2016). Functioning of Masdar in Arabic Language. *Minbar. Islamic Studies*, 9(1), 62–65. (In Russ.).
21. Ryding, K.C. (2005). *A reference grammar of modern standard Arabic*. Cambridge, UK: Cambridge university press.
22. Abdullina, L.B. & Abdullina, G.R. (2019). *Comparative study of the terminological field and professional discourse in languages with different structures*. Ufa: RIC of BashSU. (In Russ.).
23. Ayvazyan, Y.S. (2012). Morphological Derivation in Primary Nominative Units in Modern Arabic. *MGIMO Review of International Relations*, 2(23), 220–222. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-2-23-220-222> (In Russ.).
24. Sharbatov, G.Sh. (2003). The role of secondary root formation in the development of the vocabulary of everyday Arabic languages. In: *Eastern Linguistics*. Moscow: Eastern literature. pp. 315–322. (In Russ.).

25. Ivanova, M.A. (2003). *Active Root Formation Processes in Modern Arabic Common-Spoken Languages and Dialects (Comparative Analysis)* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
26. Shalina, L.V. (2007). On the question of the essence of neologism in modern linguistics. *Proceedings of PSU im. V.G. Belinsky*, 8, 73–77. (In Russ.).
27. Alatortseva, S.I. (1999). *Problems of Neology and Russian Neography* [dissertation]. St. Petersburg. (In Russ.).
28. Baranov, H.K. (2006). *Large Arabic-Russian Dictionary*. In 2 vols. Moscow: Living language. (In Russ.).
29. Multilingual dictionary and glossary of meanings and fields URL: <https://www.almaany.com/> (accessed: 26.08.2023). (In Arabic).
30. Alimdzhanova, Z.N. (2010). *Arabic lexicology*. Tashkent. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Вавичкина Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *научные интересы*: типология, морфология арабского языка; *e-mail*: vavichkina-ta@rudn.ru ORCID: 0000-0003-3474-5820; eLibrary SPIN-код: 3701-8589; AuthorID: 284202.

Степанын Карен Норикович, старший педагог дополнительного образования кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *научные интересы*: морфология арабского языка, семантика; *e-mail*: stepanyan-kn@rudn.ru ORCID: 0000-0001-9223-9833; SPIN-код: 3700-3485, AuthorID: 613656.

Власова Юлия Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *научные интересы*: морфология арабского языка, семантика; *e-mail*: vlasova-yue@rudn.ru ORCID: 0000-0003-4311-3403; eLibrary SPIN-код 9634–3567; AuthorID: 289384.

Information about the authors:

Tatiana A. Vavichkina, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: interests: Typology, Arabic language morphology; *e-mail*: vavichkina-ta@rudn.ru ORCID: 0000-0003-3474-5820; SPIN-code: 3701-8589, AuthorID: 284202.

Karen N. Stepanyan, Senior teacher of additional education of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: interests: Arabic language morphology, semantics; *e-mail*: stepanyan-kn@rudn.ru ORCID: 0000-0001-9223-9833; SPIN-code: 3700-3485, AuthorID: 613656.

Yulia E. Vlasova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: Arabic language morphology, semantics; *e-mail*: vlasova-yue@rudn.ru ORCID: 0000-0003-4311-3403; eLibrary SPIN-code 9634–3567; AuthorID: 289384.

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-292-304

EDN: GICOFN

УДК 81'37:003:82-343:124.42

Научная статья / Research article

Семантика мифа о рождении как культурный код

Е.С. Степанова

Самарский государственный медицинский университет, Самара, Российская Федерация

✉ pretty.step@bk.ru

Аннотация. Анализируется миф о рождении с символической точки зрения как способ обозначения начала любого существования, реального или вымышленного: рождения Вселенной и человека, в котором излагается первичное понимание человека и мира, времени и пространства. Цель исследования — изучение семантики мифа о рождении, которая отражает архаические представления человека о рождении, что позволило представить типологию мифа о рождении как культурного кода. Методологическую базу исследования составили труды зарубежных и отечественных ученых в области изучения понятия «код культуры» как семиотической системы в лингвокультурологии и этнолингвистике. Материалом для исследования послужили научно-популярные работы Барбары С. Спраул «Первобытные мифы. Мифы о сотворении со всего света» и Эдварда Дольника «Семена жизни: от Аристотеля до да Винчи, от акулиных зубов до лягушачьих штанов, долгий и странный поиск, откуда берутся дети», которые содержат большую коллекцию историй сотворения Вселенной и человека, относящихся к самым разным эпохам и культурам, включая древне-египетскую и индуистскую. Как показал анализ, мифы о рождении содержат ценностные установки для представителей определенного лингвокультурного общества, что проявляется в космогонических, ритуальных, античных и библейских мифах. Проанализированы средства репрезентации мифа о рождении как культурного кода. Данные языковые средства позволяют описать процесс рождения более ярко и эмоционально. Делается вывод о том, что миф о рождении репрезентирует фрагмент языковой картины мира посредством мифологического текста, с помощью которого происходило приобщение к сакральным ценностям, недоступным пониманию человека, а также миф о рождении персонифицирует явления природы, наделяя их антропоцентрическими свойствами.

Ключевые слова: миф о рождении, культурный код, мифологическая информация, символ, сакральные ценности, репрезентация мифа, архетип

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Степанова Е.С. Семантика мифа о рождении как культурный код // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 292–304. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-292-304>

© Степанова Е.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Semantics of the Birth Myth as a Cultural Code

Elena S. Stepanova

Samara State Medical University, *Samara, Russian Federation*

✉ pretty.step@bk.ru

Abstract. The study analyzes the birth myth from the symbolic point of view as a way to indicate the beginning of any existence, real or fictional: the birth of the Universe and a man, which sets out the primary understanding of the world and a man, time and space. The purpose of the analysis is to study the semantics of the birth myth, which reflects the archaic ideas of a person about birth, which made it possible to present the typology of the birth myth as a cultural code. The methodology of the study is based on the works by foreign and domestic scientists in the field of studying the notion “cultural code” as a semiotic system in linguoculturology and ethnolinguistics. The popular science works by Barbara S. Sproul “Primitive Myths. Creation Myths from Around the World” and “The Seeds of Life: From Aristotle to Da Vinci, From Sharks’ Teeth to Frogs’ Pants, the Long and Strange Quest Where Babies Come From” by Edward Dolnik, which contain a large collection of creation stories of the universe and a man, relating to the most different eras and cultures, including the ancient Egyptian and Hindu served as the material for the research. It shows that birth myths contain value orientations for representatives of a certain linguocultural society, which is manifested in cosmogonic, ritual, ancient and Bible myths. It analyses the means of representation of the birth myth as a cultural code. The given language means make possible to describe the process of birth more vividly and emotionally. It concludes that the birth myth represents a fragment of the linguistic view of the world through a mythological text, which helps introduce a man to sacred values that are inaccessible to human understanding, and besides the birth myth personifies natural phenomena, endowing them with anthropocentric properties.

Keywords: birth myth, cultural code, mythological information, symbol, sacred values, myth representation, archetype

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Stepanova, E.S. (2023). Semantics of the Birth Myth as a Cultural Code. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 292–304. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-292-304>

Введение

Во многих культурах мифы о сотворении Вселенной, человека являются частью мифологической традиции, рассказывающей о социальных и культурных, а также о природных основах настоящей реальности. В нашей работе под *мифом о рождении* в символическом смысле обозначается начало любого существования, реального или вымышленного: рождение Вселенной и человека, в котором излагается первичное понимание человека и мира, времени и пространства. В каком-то смысле мифы о рождении человека — это самореализующиеся пророчества: они создают факты из проповедуемых ими ценностей.

Мифы о рождении человека передаются на бытовом уровне, и люди, часто не осознанно разделяют мифологические представления о происхождении

человека, становятся узниками собственных традиций. Люди часто смешивают отношение к реальности (провозглашение ценности) с самой реальностью (констатацией факта). Они не понимают, что истина всех мифов экзистенциальна и не обязательно теоретична. Если в одной культуре в мифах о рождении человек может быть сотворен из хаоса или глины, а в другой — из крови (сущности, жизненной силы) убитых богов (великой концентрации власти), служить в качестве помощников бога или быть созданным по божественному подобию, разделяя божественные ценности, то типология мифа о рождении позволила бы упорядочить символические представления о происхождении человека, которые содержатся в этих мифах. Данное утверждение обуславливает *актуальность* нашего исследования.

Предмет исследования — миф о рождении, который символизирует связь человека с природными и социальными реалиями, от которых зависела жизнь, и мотивировалась образно представленными в его мировоззрении элементами культуры. Осознание данных реалий являлось наиболее ранней формой упорядочения мира. Теоретическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты вносят вклад в изучение специфики мифа о рождении как культурного кода, содержащего божественную мистическую информацию, которая отражается в мифологическом сознании человека с целью объяснения явлений окружающего мира.

Практическая значимость исследования определяется тем, что предложенная типология мифа о рождении может быть использована для описания семантики данного мифа как культурного кода. При этом «всё происходившее в мифическом времени приобретает значение парадигмы, рассматривается как прецедент, служащий образцом для воспроизведения уже в силу того, что данный прецедент имел место в “первоначальные времена”»¹.

Цель исследования — изучение семантики мифа о рождении как культурного кода. Поставленная цель определяет *задачи* исследования: 1) описать типологию мифа о рождении как культурного кода, которая отражает архаические представления о рождении человека; 2) проанализировать языковые репрезентации мифа о рождении как культурного кода в английском языке, с помощью которых актуализируются сакральные ценности как феномен культуры.

Обзор литературы

Существуют различные трактовки понятия «код культуры» в лингвокультурологии и этнолингвистике. Изучению понятия «культурный код» посвящены работы таких лингвистов, как В.Н. Телия [1], Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова [2], Т.В. Маркелова и М.Л. Новикова [3]. Культурный код рассматривается с точки зрения семиотики как «ядро», «интеллектуально-эмоциональный блок», «стереотип», «исходная знаковая структура, своего рода

¹ Мифы народов мира: энциклопедия: 2 томах. Том 1. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 1.

матрица, содержащая как бы в еще не проявленном виде все компоненты культурной парадигмы народа и его поведения» [4. С. 10].

Как отмечают вышеуказанные исследователи, код культуры представляет собой совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода, получившую вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры. Данная знаковая система обладает интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме и сохраняет коммуникативный потенциал в определенном лингвокультурном обществе [1; 2].

Д.Б. Гудков под кодами культуры подразумевает вторичные семиотические системы: «Окружающие нас природные объекты и артефакты, помимо выполнения своих прямых функций, несут в себе и функцию знаковую, то есть создают добавочные значения» [5. С. 39]. Отсюда следует, что культурный код как совокупность ценностей включает константы культуры с аксиологической направленностью, которые в процессе референции позволяют перейти от значения к смыслу, к выражению субъективного значения в доступной восприятию форме. Культурный код как вторичная семиотическая система репрезентирует ментальность любой этнокультуры, транслирует ценности.

С.М. Толстая подразделяет коды культуры на субстанциональные и концептуальные. Субстанциональные коды «определяются на основании общности плана выражения — материальной, субстанциональной природы знаков, составляющих код; концептуальные коды представляют собой пространство, концентрирующее в себе элементы смысловой общности, которые могут соотноситься с разными материальными воплощениями (растительный код, зоологический, кулинарный и т. п.)» [6. С. 109–110]. Исходя из этого миф о рождении является концептуальным кодом.

В.А. Маслова и М.В. Пименова трактуют культурный код как таксономию «элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внутреннего и внешнего миров (физические и психические) явления» [7. С. 16], «набор способов социальной памяти, свод ценностей и правил игры коллективного сосуществования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев» [7. С. 3].

Миф о рождении как культурный код выполняет регулятивную, семиотическую и ретрансляционную функции. Миф о рождении как культурный код реализуется с помощью «многочисленных, взаимопересекающихся, пронизывающих текст, порой трудноуловимых, но реально существующих, словесно выраженных тем, мотивов, которые, обладая прецедентностью, выполняют знаковую (символическую) функцию в процессе интерпретации» [8. С. 72] и актуализируется с помощью вербальных средств через активизацию прецедентной ситуации или мотива, которые ретранслируют ценности лингвокультурного общества на определенном этапе исторического развития.

Методология и материалы исследования

Материалом для исследования послужили научно-популярные работы Барбары С. Спраул (Barbara C. Sproul) «Первобытные мифы. Мифы о сотворении со всего света» [9] и Эдварда Дольника (Edward Dolnick) «Семена жизни: от Аристотеля до да Винчи, от акульих зубов до лягушачьих штанов, долгий и странный поиск, откуда берутся дети» [10], которые содержат большую коллекцию историй сотворения Вселенной и человека, относящихся к самым разным эпохам и культурам, включая древнеегипетскую и индустскую. В данных научно-популярных работах изложены мифы в англоязычной интерпретации, и для нас как иностранных реципиентов представляет интерес их лингвистическая составляющая. Для анализа языковых репрезентаций мифа о рождении методом сплошной выборки были отобраны восемь примеров. Единичность этих примеров свидетельствует об их уникальности в своем роде.

В работе применялись следующие *методы исследования*: структурно-логический метод с использованием систематизации, в ходе которой предлагается типология мифов о рождении согласно распространению в них определенной модели; семантический анализ, включающий содержательную интерпретацию мифов о рождении; метод сплошной выборки для детекции языковых репрезентаций мифов о рождении.

Методологической основой нашего исследования является работа В.Н. Телии [1], посвященная фразеологическому составу языка в контексте культуры, в которой утверждается, что коды культуры реализуются, как правило, в сакральных текстах (ритуалах и мифах), поговорках и метафорах, так как именно они обладают повышенной степенью символичности. Очевидно, что миф как код культуры представляет собой своеобразный «таксономический субстрат, который представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума, входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерениях» [1. С. 20–21].

Проецируя данное положение на наше исследование, необходимо сделать вывод о том, что *миф о рождении* может быть представлен как *культурный код*. *Миф о рождении* как код культуры соотносится с древнейшими архетипическими представлениями человека о могуществе богов, которые, согласно мировоззрению на ранних этапах развития человечества, принимали участие во всех ритуалах, касающихся жизнедеятельности людей, в том числе и рождения. Мифы о рождении как коды культуры универсальны, но их проявления, значимость в каждой отдельной культуре, метафоры и другие языковые средства, с помощью которых они реализуются, национально определены и обусловлены данной культурой (в нашем случае англоязычной культурой) [11. С. 388].

Методика исследования состоит из: 1) отбора прецедентных ситуаций, мотивов, которые ассоциируются с мифами о рождении, методом сплошной выборки; 2) описания языковых репрезентаций мифов о рождении; 3) создания типологии мифов о рождении.

Результаты и дискуссии

Анализ показал, что миф о рождении реализуется с помощью прецедентной ситуации или мотива, которые благодаря набору определенных коннотаций входят в когнитивную базу представителей лингвокультурного сообщества. Отсылки к мифологическим ситуациям и мотивам происходят тогда, когда авторы ищут способ нетривиальной оценки современных природных и общественных явлений в виде устойчивых ценностных образов или используют их инструмент для моделирования действительности.

Миф о рождении реализуется во множестве вариантов в различных типах дискурса и искусства, оказывая влияние на всю мировую культуру. Миф о рождении представляет собой уникальное образование, способное к бесконечному варьированию, и может быть определен как динамический конструкт, используемый для репрезентации ценностей, формирующих мировоззрение представителей определенного лингвокультурного сообщества.

Типология мифа о рождении

В результате исследования нами предлагается типология мифа о рождении. Новизна данной типологии заключается в том, что нами были упорядочены различные подходы к классификации мифа. Достоинство вышеупомянутой типологии заключается в том, что в ней подчеркивается универсальность восприятия данных мифов народами.

Будучи универсальными, мифы о рождении выражаются широкой палитрой изобразительных средств (различными видами повторов, антропоморфными метафорами и фразеологизмами) в английском языке, что позволяет приобщиться к таинственному процессу рождения и дать объяснение сверхъестественному.

Предлагаемая нами типология мифа о рождении представлена следующим образом: 1) космогонический миф; 2) ритуальный миф; 3) античный миф.

Космогонический миф

Мировое яйцо — универсальный мифопоэтический символ, который встречается в мифах о рождении многих народов. Из *мирового яйца* рождается мир (либо верховное божество, либо бог-прародитель). В большинстве мифов яйцо, нередко золотое (символ Солнца), плавает в водах мирового океана. В индийской мифологии из Хираньягарбхи — «золотого

плода», созревающего в сердцевине плавающего на водах Мирового яйца (Брахманды), — рождается Праджапати, божество, связанное с деторождением:

In the beginning the Golden Embryo stirred and evolved:	Вначале он (Праджапати) возник как золотой зародыш.
Once born he was the one Lord of every being;	Родившись, он стал единственным господином творения.
The heaven and earth did he sustain ...	Он поддержал землю и это небо.
What god shall we revere with the oblation?	Какого бога мы почтим жертвенным возлиянием?
Giver of life, giver of strength,	Кто дает жизнь, дает силу, чей приказ
Whose behest all must obey,	Все признают, чей приказ признают боги,
Whose behests the gods obey,	Какого бога мы почтим жертвенным
What god shall we revere with the oblation? ²	возлиянием? ³

В данном примере используются *анафорические повторы* „*What god shall we revere with the oblation?*“ ‘Какого бога мы почтим жертвенным возлиянием?’ и „*Giver of life, giver of strength*“ ‘Кто дает жизнь, дает силу’ для того, чтобы подчеркнуть роль Праджапати в создании Вселенной, который также предопределил и поддержал силы природы и богов.

Творение из хаоса

В китайской мифологии вначале существовал только хаос. Из него появились свет, небо и земля, которым были присущи Ян и Инь, которые смешиваются, чтобы произвести пять элементов (дерево, огонь, землю, металл и воду) и, в конечном итоге, божественного человека. Когда божественный человек был сотворен, Золотой Луч научил его тому, как сделать одежду из травы, чтобы покрыть обнаженное тело. Он дал ему имя «Хуан-лао» ‘Желтый старик’ и показал, как питаться корнями растений:

Huang-lao asked about the beginning of all things, about the form of heaven and earth. The Gold Shining Ray answered: “In the beginning out of heaven and earth was produced that which is equivalent to blood which flows through the arteries of man. The earth bore fire which produces breath in man. In this way everything corresponds to the great in the small and the small in the great” ⁴	‘Хуан-лао спрашивал о начале всех вещей, о форме неба и земли. Сияющий Золотой Луч ответил: «В начале из неба и земли было произведено то, что эквивалентно крови, текущей по артериям человека. Земля сотворила огонь, который производит дыхание человека. Таким образом, все соответствует великому в малом и малому в великом’ (здесь и далее перевод наш — E.C.)

² Zaehner R.C. *Hindu Scriptures*. London: J.M. Dent, 1966. P. 10–11.

³ Атхарваведа (Шаунака): в 3 т. Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2005. Т. 1: Кн. I—VII. С. 173.

⁴ Long Ch. Alpha: *Myths of Creation*. New York: George Braziller, 1963. P. 126—128.

В данном примере реализуется такое стилистическое средство, как *хиазм* “*In this way everything corresponds to the great in the small and the small in the great*” (‘Таким образом, все соответствует великому в малом и малому в великом’) для того, чтобы подчеркнуть фундаментальные принципы мироздания — индивидуум имеет в себе те же силы и элементы, что и Вселенная’.

Ритуальный миф

Энки (Enki), бог мудрости и морских глубин в шумеро-аккадской мифологии, на которого возложили задачу «создать богам слуг» — как говорится в древнем тексте, выполнить «работу мудрую», — дал *Нинту (Nintu)*, богине земли, указание «намешать глины». Нинту, создает первого человека, *Луллу (Lullu)*, из глины и оживляет его кровью убитого бога. Именно отсюда пошло название *лулу* ‘дикарь’. Данный миф изначально был частью ритуала о рождении:

The burden of creation man shall bear!
The goddess they called, the mother,
The most helpful of the gods, the wise Mami:
«Thou art the mother-womb,
The one who creates mankind.
Create, then Lullu and let him bear the yoke!
The yoke he shall bear;
The burden of creation man shall bear!»⁵

‘Бремя творения человек понесет!
Богиня, которую они называли матерью,
Самая отзывчивая из богов, мудрая Мами:
«Ты мать-матка,
Тот, кто создает человечество.
Создай, затем Луллу пусть несет бремя!
Бремя он понесет;
Бремя творения человек понесет!»

В вышеприведенном примере реализуются такие стилистические средства, как анафора *The burden of creation man shall bear! u анадиплозис let him bear the yoke! The yoke he shall bear* для того, чтобы отметить, что дикарь *lullu* будет сам нести бремя рождаемости, а не богиня Нинту, — видимо, для того, чтобы дикарь *lullu* эволюционировал до просвещенного и богобоязненного существа.

У тробрианских племен, жизнь которых изучал Б. Малиновский, *баломы*, дух умершего члена рода, играет ключевую роль в идеологиях зачатия, а также объясняет и поддерживает систему материнского происхождения, заменяя роль мужской спермы («отцов») ролью духа. Согласно мифу, когда мужчины и женщины умирают, их душа или дух, *баломы*, отправляется на остров под названием Тума. На этом острове духи селятся с *баломы* своих родственников и продолжают свою загробную жизнь.

⁵ Speiser E.A. Akkadian Myths and Epics. In James B. Pritchard (Ed.). Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1950. P. 99–100.

Они едят, спят, стареют, влюбляются. Состарившись, балома спускается на пляж и оплодотворяет женщин во время купания в море, увековечивая матрилинейность внутри поколения:

Then the baloma goes down to the beach, wriggles out of its ancient skin, and transforms into a tiny embryo. These embryos, which the Trobrianders call “spirit children”, are the key. At some point a young woman bathing in the sea will feel something touch her. “A fish has bitten me”, she may exclaim, but in truth she is now carrying a spirit child⁶

‘Затем балома спускается на пляж, сбрасывает с себя старую кожу и превращается в крошечного эмбриона. Эти эмбрионы, которых тробрианцы называют «духовными детьми», являются ключом. В какой-то момент молодая женщина, купающаяся в море, почувствует, что к ней что-то прикасается. «Меня укусила рыба», — может воскликнуть она, но на самом деле теперь она носит духовного ребенка’

В данном примере используется такое стилистическое средство, как *антропоморфная метафора* *baloma goes down to the beach, wriggles out of its ancient skin, and transforms into a tiny embryo* ‘балома спускается на пляж, сбрасывает с себя старую кожу и превращается в крошечного эмбриона’, которая акцентирует народные верования в наделении человеческими свойствами духа умершего, который становится причиной беременности, внедряясь в тело женщины. Данный миф отражает веру в реинкарнацию (перерождение) и отсутствие представлений о физиологических причинах беременности.

Античный миф

В Древнем Египте сотворение новой жизни — по сути, сотворение всей вселенной — было исключительно прерогативой мужчин. Женщины играли вспомогательную роль или (в случае с богами) не играли никакой роли. Древние египтяне почитали Ра как бога, который создал всё. Ра появился из изначального хаоса. Его дети — Шу (воздух) и Тефнут (влажность) — были его творениями, которых он создал из своих уст:

When I had come into being, being (itself) came into being, and all beings came into being after I came into being. Many were the beings which came forth from my mouth, before heaven came into being, before earth came into being, before the ground and creeping things had been created in this place. ... and I made (In concept) every form when I was alone, before I had spat out what was Shu, before I had sputtered out what was Tefnut, and before (any) other had come into being who could act with me⁷

‘Когда я возник, бытие (само) возникло, и все существа возникли после того, как я появился. Много было существ, которые вышли из моих уст, прежде чем возникло небо, прежде чем возникла земля, прежде чем земля и пресмыкающиеся были сотворены в этом месте...и я создал (в концепции) каждую форму, когда я был один, до того, как я выплюнул то, что было Шу, прежде, чем я выплюнул то, что было Тефнут, и до того, как появился (любой) другой, кто мог действовать со мной’

⁶ Wilson J.A. *Egyptian Mortuary Texts, Myths and Tales*. In James B. Pritchard (Ed.). *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1950. P. 6–7.

⁷ Ibid.

В данном примере реализуется такое стилистическое средство, как *анадиплозис* *When I had come into being, being (itself) came into being, and all beings came into being after I came into being* ‘Когда я возник, бытие (само) возникло, и все существа возникли после того, как я появился’ для того, чтобы подчеркнуть, что бог Ра является творцом мира и что боги сошли из его уст, то есть были сотворены его Словом.

Птах — древнеегипетский демиург, также с помощью силы мысли и языка (слов) сотворил жизнь. Согласно мифу Птах создал восемь богов (или своих ипостасей); мир в целом и всё в нем существующее: животных, растения. Затем, умиротворившись, Птах создал города и святилища, куда поместил богов. Приказы бога были согласованы с сердцем и выражены словом — именно такая «формула» стала основой творения Вселенной. Птах отличался от прочих божеств-творцов египтян невероятными способностями. Если другим требовалось использовать некие элементы (хотя бы хаос, первозданный океан или пустоты), то Птаху достаточно было лишь представить то, что необходимо получить:

Ptah desired (himself) [gods, in order... (and) to cause light to exist and there came into existence the Eight] He [gave] four of them a snake's head. [four of them the head of a frog, and he gave them names: Nun and Naunet, Heh and] Hehet, Kek and Keket, Niu and Nit”⁸

‘Птах пожелал [чтобы на свет появилось восемь богов]. Он [дал] четверем из них по змеиной голове. [У четырех из них голова лягушки, и он дал им имена: Нун и Наунет, Хех и] Хехет, Кек и Кекет, Ниу и Нит’

В данном примере используется обычный повтор *He gave four of them a snake's head, four of them the head of a frog* ‘Он дал четверем из них голову змеи, четверем голову лягушки’ для описания четырех пар богов (богини изображались с головами змеи, а боги — с головами лягушки), обозначающих первичные качества творения. Само же употребление пары имен, мужского и женского — символическое указание на способность рождать жизнь.

Библейский миф

В Библии подробно описаны детали первоначального творения — Бог сотворил растения и деревья на третий день, птиц и рыб — на пятый, а людей и наземных животных — на шестой. Кроме того, он повелел земным созданиям: «Плодитесь и размножайтесь, наполняйте землю и обладайте ею; владейте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всякими животными и пресмыкающимися»:

⁸ Brandon S.G.F. Creation Legends of the Ancient Near East. London: Hodder and Stoughton, 1963. P. 54–55.

Let us make man in our image, after our likeness; and let them have dominion over the fish of the sea, and over the birds of the air, and over the cattle, and over all the earth, and over every creeping thing that creeps upon the earth". So God created man in his own image, in the image of God he created him; male and female he created them (Genesis 1:26)⁹

‘Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле». Итак, Бог сотворил человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его’

В данном примере используется такое стилистическое средство, как хиазм *God created man in his own image, in the image of God he created him* ‘Бог сотворил человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его’ для того, чтобы подчеркнуть, что человек создан по образу Бога, т.е. обладает теми же качествами, что и он — справедливостью и мудростью.

В следующем библейском мифе в фокусе находится не сотворение вселенной в целом, а сотворение человека. В тот день, когда Бог сотворил небо и землю, он создал человека, Адама, из грязи и вдохнул в него жизнь. Наконец, Бог создал женщину для Адама из его собственного ребра. И Бог посадил сад в Эдеме (шумерское слово «равнина» или «степь») на Востоке, где четыре реки Фисон, Гихон, Тигр и Евфрат сливаются — предположительно, у истока Персидского залива, области известной своей плодородной, богатой илом, почвой. И поместил дерево жизни и дерево познания добра и зла посреди сада:

*So the Lord God caused a deep sleep to fall upon the man, and while he slept took one of his ribs and closed up its place with flesh; and the rib which the Lord God had taken from the man he made into a woman and brought her to the man. Then the man said, This at last is bone of my bones and flesh of my flesh; she shall be called Woman, because she was taken out of Man (Genesis 2:21)*¹⁰

‘Итак, Господь Бог наваял на человека крепкий сон, и во сне взял одно из его ребер и это место закрыл плотью; и ребро, которое Господь Бог взял у мужчины, он превратил в женщину и привел ее к мужчине. Тогда мужчина сказал: «Это, наконец, кость из моих костей и плоть от плоти моей; она будет называться Женщиной, потому что она была взята из Мужчины’

В данном примере используется такое стилистическое средство, как эпифора *the Lord God caused a deep sleep to fall upon the man, and the rib which the Lord God had taken from the man he made into a woman and brought her to the man* ‘Господь Бог наваял на человека крепкий сон; и ребро, которое Господь Бог взял у мужчины, он превратил в женщину и привел ее к мужчине’, а также фразеологизмы *bone of my bones* ‘кость из моих костей’ и *flesh of my flesh* ‘плоть от моей плоти’ для того, чтобы отметить, что в человеке заложено божественное и природное начало.

⁹ Holy Bible. Revised Standard Version. London: Thomas Nelson and Sons Ltd., 1952.

¹⁰ Ibid.

Заключение

Миф о рождении как первоначальная форма духовной культуры человечества в символической форме выражает и обобщает верования, касающиеся происхождения Вселенной и человека, с помощью эмоциональных образов, созданных народной мудростью. Миф о рождении репрезентирует фрагмент языковой картины мира посредством мифологического текста, с помощью которого происходило приобщение к сакральным ценностям, недоступным пониманию человека, а также персонифицирует явления природы, наделяя их антропоцентрическими свойствами. Миф о рождении, представляя собой сакральную культурную реалию, сопровождается различными мифологическими стереотипами обыденного языкового сознания.

В нашем исследовании рассматривалась проблема репрезентации семантики мифа о рождении как культурного кода, который зафиксирован в сознании носителей языка и представляет собой прецедентную ситуацию или мотив, которые помогают человеку ориентироваться в ментальном и вербальном пространстве. Анализ показал, что миф о рождении в английском языке как культурный код представляет собой совокупность культурных представлений о картине мира данного социума, входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях. Данные мифы содержат ценностные установки для представителей англоязычного лингвокультурного сообщества, что нашло отражение в космогонических, ритуальных, античных и библейских мифах, актуализирующихся различными видами повторов, антропоморфными метафорами и фразеологизмами, которые позволяют описать процесс рождения более ярко и эмоционально.

Библиографический список

1. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
2. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры. М.: Гнозис, 2007.
3. Маркелова Т.В., Новикова М.Л. «Здоровье — болезнь»: культурный код // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 848–874. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874>
4. Зубко Г.В. Миф как составная часть общечеловеческого культурного фонда // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2001. № 3. С. 3–16.
5. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация. 2004. № 2. С. 39–50.
6. Толстая С.М. Коды культуры и культурные концепты // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 109–114.
7. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта, 2016.
8. Савицкий В.М. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в процессе общения // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. Т. 1. № 4. С. 68–77.
9. Sproul B.C. Primal Myths. Creation Myths around the World. Sydney: Harper Collins, 2013.

10. Dolnick E. *The Seeds of Life: From Aristotle to da Vinci, from Sharks' Teeth to Frogs' Pants, the Long and Strange Quest to Discover Where Babies Come From*. New York: Basic Books, 2017.
11. Степанова Е.С. Миф о лекарственных травах как культурный код: семиотические и концептуальные аспекты // *Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: Сб. Международной научно-практической конференции*. М., 2022. С. 386–393.

References

1. Teliya, V.N. (1999). Primary tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of the language in the context of culture. In: *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Languages of Russian culture. pp. 13–24. (In Russ.).
2. Gudkov, D.B. & Kovshova, M.L. (2007). *The body code of Russian culture*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
3. Markelova, T.V. & Novikova, M.L. (2021). «Health — Disease» Conceptual Sphere: Cultural Code. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 848–874. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874> (In Russ.).
4. Zubko, G.V. (2001). Myth as an integral part of the universal cultural fund. *Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental Studies Moscow*, 3, 3–16. (In Russ.).
5. Gudkov, D.B. (2004). Units of culture codes: problems of semantics. *Language, consciousness, communication*, 26, 39–50. (In Russ.).
6. Tolstaya, S.M. (2013). Codes of culture and cultural concepts. In: *Slavic ethnolinguistics: questions of theory*. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. pp. 109–114. (In Russ.).
7. Maslova, V.A. & Pimenova, M.V. (2016). *Linguistic culture codes*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
8. Savitsky, V.M. (2019). Cultural codes: essence, composition and functioning in the process of communication. *Discourse of professional communication*, 1(4), 68–77. (In Russ.).
9. Sproul, B.C. (2013). *Primal Myths. Creation Myths around the World*. Sydney: Harper Collins.
10. Dolnick, E. (2017). *The Seeds of Life: From Aristotle to da Vinci, from Sharks' Teeth to Frogs' Pants, the Long and Strange Quest to Discover Where Babies Come From*. New York: Basic Books.
11. Stepanova, E.S. (2022). Myth about medicinal herbs as a cultural code: semiotic and conceptual aspects. In: *Language as art: functional semantics and poetics*. Proceeding of the International scientific-practical conference. Moscow. pp. 386–393. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Степанова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и латинского языков Самарского государственного медицинского университета; *научные интересы*: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, семантика; *e-mail*: pretty.step@bk.ru
ORCID: 0000-0002-2707-7222. SPIN-код: 6992-0076, AuthorID: 732441; Scopus Author ID: 57222422219.

Information about the author:

Elena S. Stepanova, PhD of Philology, Department of Foreign and Latin Languages, Samara State Medical University; *Research Interests*: Cognitive linguistics, Cultural linguistics, Semantics; *e-mail*: pretty.step@bk.ru
ORCID: 0000-0002-2707-7222. SPIN-code: 6992-0076, AuthorID: 732441; Scopus Author ID: 57222422219.